ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ

Дэвид Брин

Номинант премии «ЛОКУС»

ПОГРУЖЕНИЕ В СОЛНЦЕ

Погружение в Солнце
Дэвид Брин

Аннотация
Дэвид Брин. Погружение в Солнце
Часть I
1. Из китовых сновидений
2. «Рубахи» и «шкуры»
3. Гештальт
Часть II
4. Мнимый образ
5. Преломление
6. Фазовый сдвиг и дифракция
Часть III
7. Интерференция
8. Отражение
9. Вспоминая бескрылую гагарку
Часть IV
10. Теплота
11. Турбулентность
12. Гравитация
13. Под Солнцем
Часть V
14. Самый глубокий океан
15. О жизни и смерти…

16. И о наваждениях
Часть VI
17. Тень
18. Фокус
19. В гостиной
20. Современный препарат
Часть VII
21. Déjà pensé
22. Делегация
Часть VIII
23. Состояние возбуждения
24. Спонтанный выброс
25. Тупиковая ситуация
Часть IX
26. Туннельный эффект
27. Возбуждение
28. Вынужденное излучение
29. Поглощение
Часть X
30. Непрозрачность
31. Распространение

Аннотация

Каждый вид во Вселенной обрел сознание, пройдя Возвышение, получив разум от своих инопланетных наставников, своей расы патронов. Каждый, кроме людей. Люди устремились к звездам самостоятельно, пройдя собственную эволюцию. Или же некая таинственная цивилизация все же начала процесс Возвышения на Земле многие тысячелетия назад? И если так, то почему покинула человечество?

Оказавшись в положении изгоев, люди пытаются обрести свое место в галактической иерархии, но все меняется, когда в Солнечной системе находят еще одну аномалию: непонятных «призраков» на Солнце, возможно, самую невероятную форму жизни из всех, известных в исследованном космосе. Для изучения этого феномена отправлена экспедиция, которой предстоит спуститься в кипящую солнечную преисподнюю. Но кто-то или что-то не хочет успеха землян, а обитатели Солнца оказываются гораздо страшнее и таинственнее, чем думали ученые.

Дэвид Брин
Погружение в Солнце

David Brin SUNDIVER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

© 1980 by David Brin
© Ирина Епифанова, перевод, 2017
© Борис Аджиев, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Моим братьям Дэну и Стэну, Забияке IV и… кое-кому еще

Часть I

...есть основания надеяться, что в не столь отдаленном будущем мы станем достаточно компетентны, чтобы разобраться в таком простом явлении, как звезда.

А. С. Эддингтон, [1] ***1926***

[1] notes: 1

Артур Стэнли Эддингтон (1882–1944) — британский астрофизик.

1
Из китовых сновидений

— Макакаи, ты готова?

Джейкоб не обращал внимания на слабое жужжание двигателей и клапанов его металлического кокона. Он не шевелился. Вода ласково плескала в похожую на луковицу носовую часть его механического кита, а он все ждал ответа.

Он снова сверился с крошечными индикаторами на экране шлема. Да, рация работала нормально. Обитательница второго управляемого кита, наполовину погруженного в воду в нескольких метрах от него, слышала каждое слово.

Вода сегодня была необычайно прозрачна. Поглядев вниз, Джейкоб различил лениво проплывавшую мимо мелкую зебровую акулу, нечастую гостью на глубоководном участке прибрежной зоны.

— Готова, Макакаи?

Он прилагал все силы, чтобы скрыть нетерпение и ничем не выдать ощущение напряжения в затылке, все усиливавшееся с каждой минутой

ожидания. Прикрыв глаза, Джейкоб велел непослушным мышцам расслабиться, одна за другой. При этом он продолжал ждать, что же скажет ученица.

— Слушаюсссь… приссступаем! — наконец то ли просвистело, то ли проскрипело в ответ. Слова прозвучали глухо, словно по принуждению, можно было подумать, будто говорящей не дают перевести дух.

Довольно длинная тирада по меркам Макакаи. Он разглядывал тренажер для юных дельфинов, отражение которого подрагивало в обрамлявших смотровой экран зеркалах. Серый металлический хвост слегка вздымался и опускался под влиянием прилива. Вялые и лишенные должной мощи искусственные плавники машины лениво двигались под поверхностью воды, идущей волнами ряби.

Она наконец-то готова приступить, подумал Джейкоб. Если есть шансы при помощи техники выманить дельфина из китовых сновидений, то сейчас мы в этом убедимся.

Движением подбородка он снова врубил микрофон.

— Ладно, Макакаи, ты в курсе, как устроен манипулятор. Он улавливает каждое твое дви-

жение, но, если захочешь запустить ракетный двигатель, придется отдать команду вслух. Между прочим, мне, чтобы ускориться, и вовсе требуется свистнуть в троичной системе отсчета.

— Слушаюсссь! — прошипела дельфиниха. Серые плавники ее манипулятора снова с шумом всколыхнулись и опустились, разбрызгивая соленую воду.

Вполголоса пробормотав молитву Сновидцу, он нажал на кнопку, включающую усилители обоих манипуляторов, и Макакаи и его собственного, а потом осторожно развел руки, приводя плавники в движение. Он согнул ноги, массивные хвостовые плавники отозвались резким толчком, и машина мгновенно перевернулась и ушла на глубину.

Джейкоб попытался скорректировать ее маневр, но переусердствовал, и манипулятор перекосило еще больше. От взмахов плавников вокруг машины тут же образовался бурлящий и пузырящийся водоворот, но мало-помалу, методом проб и ошибок, ему в конце концов удалось выровнять аппарат.

Он снова оттолкнулся, на сей раз аккуратно, только чтобы слегка продвинуться вперед, а потом выгнул спину и оттолкнулся ногами.

Манипулятор отозвался, совершив роскошный прыжок и плеснув хвостом.

От дельфинихи его отделяло не меньше километра. Находясь в верхней точке своего прыжка, Джейкоб разглядел, как она изящно летит с высоты десятка метров и плавно, словно нож в масло, погружается в пучину.

Он развернул визор шлема к воде, и море надвинулось на него, будто зеленая стена. От удара шлем загудел, аппарат рассек слои водорослей и, спугнув стайку золотистых гарибальдий, устремился на глубину.

Спуск получился слишком крутой. Выругавшись, Джейкоб дважды лягнулся, чтобы выправить траекторию. Мощные металлические плавники машины лупили по воде, повинуясь ритмичным толчкам его ног, и от каждого удара вдоль позвоночника пробегала дрожь, придавливая тело к жесткой подкладке гидрокостюма. Как только настал подходящий момент, Джейкоб изогнулся и снова оттолкнулся ногами. Машина вспорола водную гладь.

В левом иллюминаторе, словно зарево от взрыва, вспыхнул солнечный свет, перекрывая тусклое мерцание крохотной панели управления. Заставив встроенный в шлем компьютер при-

глушенно крякнуть, он заложил вираж визором вниз, опять врезаясь в сверкающую поверхность моря.

Заметив порскнувшую в разные стороны стайку серебристых анчоусов, Джейкоб в радостном возбуждении громко заухал.

Ладони скользнули вдоль ряда рычагов к верньерам ракетных двигателей, и в верхней точке следующего прыжка он просвистел троичный код. Взревели моторы, и вдоль боков из экзоскелета выступили аэродинамические крылья. Затем, немилосердно сотрясая корпус, заработали вспомогательные двигатели, от внезапного разгона шлем с мягкой обивкой дернуло вверх, приплющив затылок. Волны плескались где-то внизу, под днищем рассекающего воздух корпуса.

Взметнув тучу брызг, Джейкоб плюхнулся рядом с Макакаи. Она поприветствовала его пронзительным троичным свистом. Джейкоб позволил ракетным двигателям автоматически отключиться и дальше поплыл вровень со спутницей на чистой механике.

Какое-то время они двигались синхронно. С каждым взмахом плавников Макакаи вела себя все более дерзко, выписывая в долгие секунды перед соприкосновением с водой разнообразные

кульбиты и пируэты. В очередной раз зависнув в воздухе, она выпалила по-дельфиньи скабрезный лимерик, довольно топорный, но Джейкоб все равно надеялся, что они там, на судне слежения, записывают их разговоры. Погружаясь в волны, он из-за плеска не расслышал последнюю строчку.

Остальные члены учебной группы следовали за ними в катере на воздушной подушке. При каждом прыжке Джейкоб ловил боковым зрением внушительных размеров судно, с увеличением дистанции постепенно становившееся все меньше и меньше, пока новый удар о поверхность не отсекал все ощущения, кроме плеска волн, попискивания сонара Макакаи и фосфоресцирующей голубовато-зеленой толщи вод в иллюминаторах.

Судовой хронометр Джейкоба показывал, что прошло десять минут. Он сможет держаться наравне с Макакаи не больше получаса, сколько усилий ни прилагай. Человеческая мускулатура и нервная система не рассчитаны на такую череду скачков и погружений.

— Макакаи, пора опробовать ракетные двигатели. Просигналь, если готова, и мы врубим их при следующем прыжке.

Они одновременно погрузились в море, и Джейкоб замолотил плавниками по пенистой воде, изготавливаясь к очередному рывку. Они снова взметнулись ввысь.

— Макакаи, я серьезно говорю. Ты готова?

Они вместе плыли в вышине. За пластиком иллюминатора он успел разглядеть ее крохотный глаз, а потом ее машина-манипулятор, изогнувшись, вошла в воду. Спустя мгновение Джейкоб последовал ее примеру.

— Ну ладно, Макакаи, раз ты мне не отвечаешь, придется прервать занятие.

Он плыл бок о бок со своей ученицей сквозь голубую толщу воды и облачка пузырьков.

Макакаи развернулась, но вместо нового прыжка, наоборот, устремилась на глубину. И прощебетала что-то на троичном коде, да так быстро, что Джейкоб едва успел разобрать: мол, не обламывай весь кайф.

Джейкоб позволил своему аппарату медленно всплыть на поверхность.

— Ну давай, дорогуша, перейди на его величество английский язык. Без него не обойтись, если хочешь, чтобы твои дети однажды отправились в космос. К тому же он весьма выразителен! Давай же! Скажи Джейкобу все, что ты о нем думаешь.

Воцарилась недолгая тишина. А потом он различил под днищем своей машины какое-то молниеносное движение. Загадочная фигура устремилась вверх и уже почти достигла поверхности, когда до Джейкоба донесся пронзительный и насмешливый голос Макакаи:

— Осссаль меня, прососстофиля! Я взлетаю!

Едва дельфиниха это произнесла, ее механические плавники совершили мощный толчок и она вылетела из воды в столбе пламени.

Джейкоб со смехом нырнул, набирая скорость, а потом взмыл в воздух следом за своей ученицей.

Когда он прикончил вторую чашку кофе, Глория протянула ему ленту самописца. Джейкоб попытался сфокусироваться на извилистых линиях, но те плясали перед глазами, как океанские волны. Он вернул ленту.

— Данные изучу потом. А пока можешь просто изложить суть в двух словах? И если позволишь, я бы не отказался от бутерброда.

Глория подтолкнула к нему кусок ржаного хлеба с тунцом и уселась на кухонный стол, из-за ощутимой качки вцепившись пальцами в край столешницы. Как обычно, ее наряд стремился к нулю. Симпатичную черноволосую девушку-биолога с аппетитными формами минимализм в

одежде только украшал.

— Похоже, мы зафиксировали искомые мозговые импульсы, Джейкоб. Не знаю, как ты этого добился, но, когда Макакаи говорила по-английски, концентрация внимания у нее была вдвое выше, чем обычно. Манфред считает, что обнаружил столько пучков синаптических связей, что на очередном этапе экспериментальных мутаций нас ждет прорыв. Он собирается расширить у потомства Макакаи пару нервных центров в левом полушарии мозга. А моей группе хватает и уже достигнутого. Та легкость, с какой Макакаи освоила управление искусственным китом, доказывает, что уже нынешнее поколение способно использовать машины.

Джейкоб вздохнул.

— Если ты надеешься, что эти результаты убедят Конфедерацию отказаться от мутаций в следующем поколении, то можешь забыть об этом. Ажиотаж слишком велик. Они не желают вечно полагаться на поэзию и музыку, доказывая, что дельфины умны. Им нужна раса с аналитическими способностями, умение запускать двигатель при помощи кодовых слов не считается. Шансы, что операции Манфреда одобрят, — двадцать к одному.

Глория залилась краской.

— Им бы только резать! Дельфины — такие же люди, люди, мечтающие о прекрасном. Перекраивая их в инженеров, мы уничтожим расу поэтов!

Джейкоб отложил оставшуюся от бутерброда корку и стряхнул с груди крошки. Он уже жалел, что ввязался в этот разговор.

— Знаю, знаю. Я бы тоже предпочел, чтобы процесс шел помедленнее. Но взгляни на проблему под другим углом. Может, однажды финны сумеют облечь китовые сны в слова. И нам не придется больше прибегать к троичному коду, чтобы поболтать о погоде или вести философские диспуты на пальцах. Они смогут составить компанию шимпанзе и, образно выражаясь, высунуть нос за пределы Галактики, а мы тем временем будем изображать остепенившихся предков.

— Но…

Джейкоб вскинул руки, заставляя ее умолкнуть.

— Давай продолжим дискуссию как-нибудь потом? Я бы с удовольствием вздремнул часок-другой, а потом навестил бы нашу девочку.

Глория на секунду нахмурилась, а потом искренне улыбнулась.

— Прости, Джейкоб. Ты, наверное, здорово

вымотался. Зато, по крайней мере, сегодня все сработало.

Джейкоб позволил себе улыбнуться в ответ. Улыбка во весь рот прочертила на его широком лице морщинки в уголках губ и глаз.

— Да, — согласился он, вставая из-за стола. — Сегодня все сработало.

— Кстати, пока ты занимался с Макакаи, тебе звонили. Какой-то Иник. Джонни так разволновался, что чуть не забыл оставить тебе записку. Кажется, она где-то тут.

Глория отодвинула грязные тарелки и, выдернув из-под них полоску бумаги, протянула ее Джейкобу.

Тот поглядел на записку, и его кустистые брови сошлись к переносице. Кожа у него была гладкая и смуглая — отчасти из-за наследственности, отчасти от длительного контакта с солнцем и морской водой. Джейкоб сосредоточенно прищурился, и его карие глаза превратились в две узенькие щелочки. Пытаясь разобрать почерк радиста, он потрогал мозолистыми пальцами свой крючковатый, как у индейца, нос.

— Мы все знали, что ты работал с Иниками, — щебетала Глория. — Но чего я уж точно не ожидала, так это что кто-нибудь из них будет

сюда названивать! Особенно если этот кто-то похож на гигантскую брокколи и важничает, как глава дипломатической миссии!

Джейкоб вскинулся:

— Это был кантен? Он представился?

— Там должно быть записано. Значит, вот это кто? Кантен? Боюсь, я не слишком разбираюсь в инопланетянах. Цинтианина или тимбрими я бы, скорее всего, узнала, но такого, как этот, раньше не видела.

— Хм… Мне нужно кое-кому позвонить. Посуду помою чуть позже, так что не вздумай к ней прикасаться! Передай Манфреду и Джонни, что я скоро спущусь посмотреть, как там Макакаи. И еще раз спасибо. — Джейкоб снова улыбнулся и легонько дотронулся до ее плеча, но стоило ему только отвернуться, как лицо девушки опять приобрело озабоченное выражение.

Сжимая в кулаке записку, он направился к носовому люку. Глория посмотрела ему вслед. Потом собрала со стола ленты самописца, жалея, что не знает ни одного способа привлечь внимание такого мужчины хотя бы на час, а лучше на целую ночь.

Каюта Джейкоба по размерам не сильно превосходила стенной шкаф, а из мебели в ней была

лишь узкая складная койка, зато здесь можно было уединиться. Он вытащил из стоявшего у двери шкафчика планшет и поставил его на койку.

Не было причин предполагать, что Фэйгин звонил с какой-то иной целью, кроме как просто пообщаться. В конце концов, его всерьез интересовала работа с дельфинами.

Впрочем, бывали случаи, когда звонки этого инопланетянина не приносили ничего, кроме бед. Возможно, перезванивать не стоило.

После недолгих колебаний Джейкоб набрал код на экране и устроился поудобнее. Он не мог отказать себе в удовольствии побеседовать с представителем внеземной цивилизации, где бы и когда бы ни представилась такая возможность.

На экране вспыхнул двоичный код, указывающий местоположение портативного устройства, с которого поступил звонок. Резервация для ПВЦ[2], Баха. «Логично, — подумал Джейкоб. — Ведь там Библиотека». Затем выскочило стандартное предупреждение: «Поднадзорным контактировать с инопланетянами не следует». Джейкоб с отвращением отвернулся. Воздух над кроватью и перед экраном наполнился яркими искрами

---

[2] notes: 2
Представитель внеземной цивилизации.

статического электричества, и вдруг всего в нескольких дюймах возникла голографическая копия Фэйгина.

Этот ПВЦ и в самом деле напоминал гигантское соцветие брокколи. Округлые сине-зеленые побеги образовывали симметричные шарообразные наросты на шишковатом, изрезанном бороздками стебле. Некоторые ветви заканчивались кристаллическими чешуйками, образуя ближе к верхушке целые заросли, прикрывавшие незаметное дыхательное отверстие.

Ботва раскачивалась, а кристаллики в районе верхушки позвякивали от потоков выдыхаемого существом воздуха.

— Здравствуй, Джейкоб, — раздался непонятно откуда отдающий металлом голос Фэйгина. — Приветствую тебя с радостью, приязнью и аскетическим минимумом формальностей, чего ты столь часто и упорно требуешь.

Джейкоб с трудом сдержал смех. Благодаря свистящему акценту и затейливой манере изъясняться даже с самыми близкими друзьями-землянами Фэйгин напоминал ему китайского мандарина.

— Приветствую тебя, дружище Фэйгин, и со всем возможным уважением желаю тебе вся-

ческих благ. А теперь, когда с расшаркиванием покончено, прежде чем ты успеешь произнести хоть слово, отвечаю: нет.

Кристаллики-колокольчики нежно зазвенели.

— Джейкоб! Ты столь юн и при этом столь прозорлив! Восхищен твоей интуицией и умением предугадывать цель моих звонков!

Джейкоб покачал головой.

— Не нужно ни лести, ни тщательно замаскированного сарказма, Фэйгин. И настаиваю, чтобы наши с тобой беседы велись исключительно на разговорном, общеупотребительном английском — только в этом случае у меня есть шанс не дать себя облапошить. И ты прекрасно знаешь, что я имею в виду!

Инопланетянин затрясся, это выглядело как пародия на пожатие плечами.

— Ах, Джейкоб, я вынужден подчиниться твоей воле и прибегнуть к столь высоко ценимой представителями вашего вида честности, коей вам и впрямь следует гордиться. Речь действительно идет о небольшой услуге, о которой я имел дерзновенное намерение тебя просить. Но поскольку ты уже дал ответ… несомненно, основываясь на опыте некоторых прошлых досадных инцидентов, большая часть коих тем не

менее в конце концов обернулась к лучшему… я вынужден просто сменить тему. Позволено ли будет осведомиться, как продвигается работа с вашими клиентами, принадлежащими к достопочтенному роду дельфинов?

— А, да, работа продвигается успешно. Сегодня мы совершили прорыв.

— Превосходно! Уверен, тут не обошлось без твоего участия. Я слышал о внесенном тобой вкладе в общее дело, который оказался поистине незаменим!

Джейкоб встряхнул головой, стараясь прочистить мозги. Фэйгин каким-то образом ухитрился снова перехватить инициативу.

— Что ж, я действительно оказался полезен на ранних этапах, когда мы столкнулись с проблемой водяного сфинкса, но с тех пор моя роль была весьма скромной. Черт побери, да с моими обязанностями справился бы кто угодно!

— О, это утверждение мне крайне затруднительно принять на веру!

Джейкоб нахмурился. К сожалению, он не лукавил. А в дальнейшем его работа в Центре Возвышения обещала стать еще скучнее.

Сотни специалистов, в том числе и более сведущих в дельфиньей психике, чем он, выстроились

в очередь, рассчитывая занять его место. Из Центра его, вероятнее всего, не выгонят, во многом из уважения к былым заслугам, но хочет ли остаться он сам? Как бы сильно Джейкоб ни любил дельфинов и море, в последнее время на душе у него становилось все тревожнее.

— Фэйгин, прости, что я с самого начала повел себя так грубо. Мне все-таки хотелось бы узнать, с какой целью ты мне позвонил… при условии, что ты отдаешь себе отчет: мой ответ, возможно, так и останется отрицательным.

Фэйгин зашелестел ботвой.

— Я намеревался пригласить тебя на скромную дружескую встречу с несколькими достойными представителями разнообразных биологических видов с целью обсудить важную проблему сугубо интеллектуального свойства. Встреча состоится в ближайший четверг в Центре помощи туристам в Энсенаде, начало в одиннадцать часов. Участие ни к чему тебя не обязывает.

Джейкоб повертел в голове предложение так и эдак.

— ПВЦ, говоришь? А кто они такие? И какая тема на повестке дня?

— Увы, Джейкоб, я не вправе разглашать информацию, во всяком случае, не по дистанционной

связи. Подробностей придется подождать до четверга, если, конечно, ты приедешь.

Джейкоб сразу преисполнился подозрений.

— Скажи-ка, а эта «проблема» случайно не связана с политикой? Уж больно туманно ты выражаешься.

Изображение инопланетянина замерло. Лишь изредка по зеленеющей поросли пробегала рябь, словно свидетельствуя о глубоких раздумьях.

— Чего я никогда не мог понять, Джейкоб, — наконец снова зазвучал присвистывающий голос, — так это почему человек с такими данными, как у тебя, столь мало интересуется сплетением эмоций и чаяний, которое вы называете политикой. Если бы ко мне была применима такая метафора, я бы сказал, что политика у меня в крови. А уж в твоей крови она есть вне всяких сомнений!

— Не впутывай сюда мою родню! Я просто хочу понять: почему, чтобы выяснить, о чем пойдет речь, обязательно нужно ждать до четверга?

Кантен снова заколебался.

— У предмета обсуждения есть… аспекты, которые лучше не затрагивать в эфире. Отдельные безнравственные личности, принадлежащие к противоборствующим течениям в вашей куль-

туре, перехватив ценные сведения, способны употребить их во зло. Тем не менее позволь мне заверить тебя: твоя роль будет чисто технической. Нам хотелось бы получить доступ к некоторым твоим знаниям и навыкам, которыми ты пользуешься, работая в Центре.

«Чушь! — подумал Джейкоб. — Вам нужно от меня куда больше, чем ты утверждаешь!»

Он был знаком с Фэйгином не первый день. Если он явится на встречу, кантен обязательно попытается подцепить его на крючок и вовлечь в какую-нибудь необычайно запутанную и опасную историю. Инопланетянин уже проделывал с ним этот трюк трижды.

В первые два раза Джейкоб не особенно возражал. Но в те времена он был совсем другим человеком и испытывал тягу к подобным авантюрам.

А потом настал черед Шпиля. После полученной в Эквадоре травмы его жизнь изменилась целиком и полностью. И он не стремился снова взяться за старое.

Однако при всем при том Джейкобу было мучительно тяжело обижать старика кантена. По большому счету, Фэйгин никогда ему не врал и к тому же был единственным из известных Джей-

кобу инопланетян, кто безудержно восторгался человеческой культурой и историей. Физически будучи самым чуждым (с точки зрения человека) инопланетным существом, Фэйгин одновременно больше, чем какие-либо другие ПВЦ, старался понять землян.

«Если я просто расскажу Фэйгину правду, мне ничего не грозит, — подумал Джейкоб. — А если он попытается надавить, я поставлю его в известность о состоянии своей психики — об экспериментах с самогипнозом и их странных результатах. Если воззвать к его чувству справедливости, он упорствовать не станет».

— Хорошо, — вздохнул он. — Твоя взяла, Фэйгин. Я приеду. Только не надо ждать, что я стану звездой вечеринки.

В свистящем смехе Фэйгина слышался отзвук деревянных духовых.

— На этот счет можешь не волноваться, дружище Джейкоб! Вечеринка будет такого сорта, что никто не спутает тебя со звездой!

Солнце еще не успело скользнуть за горизонт, когда он вышел на верхнюю палубу и направился к Макакаи. Тускло-оранжевое, оно неясно прорисовывалось на западе среди жидких облаков — благосклонное невыразительное светило.

Джейкоб ненадолго задержался у поручня, наслаждаясь красками заката и запахом моря.

Прикрыв глаза, он подставил лицо под согревающие лучи, проникавшие под кожу с ласковой, вызывающей загар настойчивостью. В конце концов Джейкоб перекинул ноги через поручень и спрыгнул на нижнюю палубу. Переполнявшее его ощущение упругой энергии почти вытеснило накопившееся за день утомление. Он замычал себе под нос отрывок из песни — разумеется, фальшивя.

При появлении Джейкоба усталая дельфиниха подплыла к краю бассейна. Макакаи поприветствовала его троичным стихотворением, слишком коротким, чтобы разобрать смысл, но звучало оно по-дружески непристойно. Что-то насчет его половых успехов. Дельфины начали похабно подшучивать над людьми еще за несколько тысяч лет до того, как люди занялись их племенным разведением ради мозгов и речи и научились их понимать. «Может, Макакаи и многократно превосходит своих предков в плане интеллекта, — подумал Джейкоб, — но чувство юмора у нее осталось сугубо дельфинье».

— Угадай-ка, у кого из нас день выдался тяжелее? — спросил он.

Она плеснула в него водой, причем более вяло, чем обычно, и произнесла нечто, сильно смахивавшее на «да пошшшел ты!»

Но когда Джейкоб присел на корточки и, опустив в воду ладонь, сказал «привет», Макакаи подплыла поближе.

2
«Рубахи» и «шкуры»

Много лет тому назад старое правительство Северной Америки расчистило участок земли под контрольную полосу, чтобы следить за перемещениями в Мексику и обратно. Там, где прежде соприкасались два города, пролегла пустыня.

После Переворота и свержения бюрократического гнета прежних, связанных круговой порукой правительств шишки из Конфедерации отдали этот кусок земли под парковые насаждения. Приграничная зона между Сан-Диего и Тихуаной стала крупнейшим лесистым участком к югу от парка Пендлтон.

Однако все рано или поздно меняется. Направляясь на взятой напрокат машине по эстакаде к югу, Джейкоб заметил, что полосе постепенно возвращают прежние функции. По обеим сторонам дороги трудились бригады, валившие деревья и устанавливавшие с востока и с запада через каждые сто ярдов тонкие, леденцово-полосатые столбы. Зрелище поневоле вызывало жгучий стыд. Он отвернулся.

В точке, где линия столбов пересекала шоссе, висел большой бело-зеленый указатель.

Новая граница: резервация для представителей внеземных цивилизаций Баха.

Жители Тихуаны, не имеющие статуса граждан, могут обратиться в городскую администрацию для получения щедрых подъемных на расходы по переселению.

Джейкоб покачал головой и проворчал: «Oderint dum metuant». Пусть ненавидят, лишь бы боялись. Мало ли, что кто-то прожил в этом городке всю жизнь. Если у него нет права голоса, то пусть выметается и не стоит на пути у прогресса. Из-за возобновившегося расширения резерваций для ПВЦ им вскоре предстояло поглотить Тихуану, Гонолулу, Осло и еще штук пять других городов. Пятьдесят или шестьдесят тысяч поднадзорных, на которых распространялся временный или постоянный испытательный срок, обязаны были покинуть свои дома, чтобы города могли считаться «безопасными» для какой-нибудь тысячи инопланетян. Конечно, в действительности неудобства не так уж значительны. Бóльшая часть Земли по-прежнему закрыта для ПВЦ, а людям, не имеющим статуса горожан, все еще

есть где жить. К тому же правительство обещало немалые компенсации.

Тем не менее на Земле снова появились беженцы.

Граница города внезапно вернулась на прежнее место, к южному краю контрольной полосы. Многие постройки были решены в испанском колониальном или неоколониальном стиле, но в целом город демонстрировал типичную для современных мексиканских поселений архитектурную эклектику. Среди домов преобладали выкрашенные в бело-голубые тона. Из-за плотного движения машин в обоих направлениях воздух был наполнен слабым электрическим гудением.

По всему городу были развешаны бело-зеленые указатели, возвещавшие о надвигающихся переменах, — наподобие того, что встречал вас при въезде. Один из указателей, тот, что неподалеку от шоссе, был замалеван черной краской из баллончика. Прежде чем щит скрылся из виду, Джейкоб успел различить небрежно выведенные слова «Оккупация» и «Вторжение».

Дело рук кого-то из оказавшихся на пожизненном испытательном сроке, подумалось ему. Гражданин, в чьем распоряжении уйма вполне законных способов выразить свое мнение, вряд

ли решится на столь эксцентричный поступок. А временному поднадзорному, получившему испытательный срок за совершенное преступление, не резон продлевать свое наказание. Временный осознавал бы, что неминуемо попадется.

Несомненно, это какой-то бедняга из пожизненных, столкнувшись с угрозой выселения, дал волю чувствам, не заботясь о последствиях. Джейкоб всей душой сопереживал ему. Возможно, сейчас бедолага уже томился за решеткой.

Политика никогда не входила в сферу интересов Джейкоба, хотя происходил он из семьи потомственных политиков. Оба его деда прославились во времена Переворота, когда горстке технократов удалось свергнуть Бюрократию. А вот к Законам об испытательном сроке в семье относились резко негативно.

В последние годы Джейкоб обзавелся привычкой избегать воспоминаний. Однако сейчас перед глазами помимо воли замелькали картинки из прошлого.

Летняя школа клана Альваресов располагалась среди холмов в окрестностях Каракаса, в том самом доме, где тридцатью годами ранее разрабатывали свои планы Джозеф Альварес и его соратники. Дядя Джереми читал лекцию, а

Джейкоб и его многочисленные двоюродные братья и сестры, родные и приемные, слушали. На их лицах застыли почтительные маски, а внутри бурлила летняя жажда приключений. Джейкоб ерзал в дальнем углу, мечтая поскорее вернуться в свою комнату, где его ждало «секретное оборудование» — плод их совместных со сводной сестрой Элис стараний.

Обходительный и уверенный в себе, Джереми лишь недавно вступил в ту пору жизни, которую называют средним возрастом, и уже обзавелся каким-никаким весом в Ассамблее Конфедерации. Вскоре он займет место главы клана Альваресов, оттерев в сторонку своего старшего брата Джеймса.

Дядя Джереми рассказывал о том, как прежние бюрократические власти постановили провести поголовное тестирование на «склонность к насилию», а проваливших тест поместить под постоянное наблюдение — надзор.

Джейкоб мог дословно воспроизвести, что говорил дядя в тот момент, когда в библиотеку тайком прошмыгнула Эллис. Мордашка этой двенадцатилетней оторвы лучилась таким безудержным энтузиазмом, что казалось, девочка вот-вот лопнет.

— Им пришлось приложить немалые усилия, чтобы убедить население, — вещал дядя Джереми рокочущим басом, — в том, что новые законы снизят уровень преступности. И они действительно возымели такой эффект. Граждане с вживленным в пятую точку радиопередатчиком предпочитали сто раз подумать, прежде чем затевать ссору с соседями.

В те времена, как и сейчас, большинство горожан всецело одобряло Закон об испытательном сроке и надзоре. Они с легкостью позабыли, что этот закон идет вразрез со всеми традиционными конституционными правами гражданина. К тому же во многих странах о такой роскоши, как конституционные права, все равно не слыхивали.

А когда лазейка в законах позволила Джозефу Альваресу и его соратникам согнать со своих постов и самих бюрократов… парадоксально, но вера ликующих граждан в необходимость поголовной проверки и надзора только окрепла. Организаторы переворота осознали, что на тот момент поднимать этот вопрос было бесполезно. К тому же им и без того хватало забот, ведь они только что создали Конфедерацию…

Джейкобу нестерпимо хотелось заорать. Пока скучный старый дядя Джереми распинался

обо всей этой давно устаревшей лабуде, Элис, счастливица Элис, рискуя навлечь на себя гнев предков, заступила на свой пост: они с Джейкобом по очереди подслушивали трансляции из глубокого космоса при помощи жучка, размещенного ими в корпусе родительского радиоприемника, — и Элис услышала такое, что ушам своим не поверила!

Это наверняка был космический корабль! Всего лишь третий из великого множества огромных тихоходных судов, которым повезло вернуться на Землю! А как иначе можно было объяснить последовавший за принятым сигналом звонок на базу космических войск и переполох в восточном крыле дома, где у взрослых размещались всякие лаборатории и кабинеты?

Джереми продолжал разглагольствовать о вечной нехватке сострадания в обществе, но Джейкоб уже не видел и не слышал его. Он сидел с каменным лицом, а Элис, подавшись к нему, возбужденно шептала, а точнее, взахлеб тараторила ему в самое ухо.

— Пришельцы, Джейкоб! Они везут с собой инопланетян! Прямо на своих кораблях! Прикинь, Джейк, «Везарий» доставит на Землю Иников!

Именно тогда Джейкоб впервые услышал это

слово. Он часто гадал, принадлежало ли авторство Элис. А тогда, в возрасте десяти лет, как он потом вспоминал, слово «Иник» ужасно его забавляло, он все думал, не связано ли оно с «фиником».

И сейчас, когда он катил по улицам Тихуаны, до него вдруг дошло, что мучивший его вопрос так и остался без ответа.

На нескольких важных перекрестках угловые здания были снесены, а на их местах установили переливавшиеся всеми цветами радуги кабинки общественных туалетов для ПВЦ. Джейкоб заметил на улицах несколько новых автобусов без крыши и с низкой посадкой, специально оборудованных для перевозки не только людей, но и пришельцев, передвигавшихся ползком, и трехметровых великанов.

Проезжая мимо муниципалитета, он увидел с десяток митингующих «шкур». По крайней мере они были похожи на «шкур» — в меховых одеяниях и с игрушечными пластиковыми копьями.

Кому, кроме них, могло прийти в голову нацепить на себя нечто подобное в такую погоду?

Он сделал звук в магнитоле погромче и включил режим голосового поиска.

— Местные новости, — запросил он. — Ключе-

вые слова: шкуры, муниципалитет, митинг.

После секундной заминки из панели инструментов раздался механический голос, монотонный и слегка надтреснутый, зачитывавший подборку новостей, которую сгенерировал компьютер. Джеймсу стало любопытно: бывало ли хоть раз, чтобы производители подобрали приятный тембр.

— Сводка новостей, — с оксфордским акцентом сообщил голос. — Коротко о главном: сегодня 12 января 2246 года, сейчас девять часов сорок одна минута, желаем вам доброго утра. Тридцать семь человек устроили легальный митинг неподалеку от муниципалитета Тихуаны. Официальной причиной их недовольства стало, если вычленить самую суть, расширение резерваций для представителей внеземных цивилизаций. Пожалуйста, приостановите трансляцию, если хотите ознакомиться с распечаткой или устным изложением их манифеста.

Компьютер сделал паузу. Джейкоб ничего не сказал, засомневавшись, стоит ли слушать продолжение сводки. Он и без того неплохо представлял себе доводы «шкур», протестовавших против скрытого в самом факте существования резерваций намека: дескать, не все люди пригод-

ны для контактов с инопланетянами.

— Двадцать шесть из тридцати семи участников акции протеста являются поднадзорными носителями испытательных передатчиков, — говорилось дальше в обзоре. — Остальные, разумеется, обладают статусом граждан. Для сравнения: в целом по городу Тихуана соотношение таково: на одного поднадзорного приходится сто двадцать четыре гражданина. Исходя из манеры поведения и нарядов митингующих, можно предположительно причислить их к поборникам так называемой неолитической этики, обиходное название — «шкуры». Поскольку никто из граждан не пожелал воспользоваться правом на тайну личной информации, мы можем с уверенностью заявить, что тридцать из тридцати семи участников постоянно проживают в Тихуане, остальные — приезжие…

Джейкоб ударил по выключателю, и голос оборвался на середине фразы. Сцена перед зданием муниципалитета давно уже скрылась из виду, что теперь толку об этом думать.

Впрочем, бурные дискуссии по поводу расширения резерваций для ПВЦ напомнили ему, что он уже почти два месяца не навещал дядю Джеймса, обитавшего в Санта-Барбаре. Старый хвастун

наверняка сейчас до кончиков своих оттопыренных ушей погружен в судебные разбирательства, представляя интересы доброй половины поднадзорных Тихуаны. И тем не менее вряд ли от него укрылось бы, если бы Джейкоб отбыл в длительную поездку, не попрощавшись ни с ним, ни с остальными дядьями, тетушками и кузенами, из которых состоял рассеявшийся по стране непокорный клан Альваресов.

«В длительную поездку? В какую еще поездку? — спохватился Джейкоб. — Я ведь никуда не уезжаю!»

Но специально заточенный под подобные дела уголок сознания уже учуял что-то манящее во встрече, на которую его пригласил Фэйгин. Джейкоб поймал себя на том, что уже предвкушает этот день и одновременно стремится подавить это предвкушение в зародыше. Ощущение было бы интригующим, если бы не было так хорошо ему знакомо.

Какое-то время он ехал в тишине. Вскоре город уступил место сельским просторам, а мощный поток машин сократился до тонкой струйки. Следующие двадцать километров Джейкоб преодолел пригреваемый солнцем и одолеваемый сомнениями, затеявшими игру в салочки в его

мозгу.

Несмотря на беспокойство, не покидавшее его в последние дни, он не был готов признать, что Центр Возвышения пора покинуть. Работа с дельфинами и шимпанзе была увлекательной и куда более размеренной (за исключением первых недель, пришедшихся на эпизод с водяным сфинксом), чем его прежние обязанности следователя, раскрывающего преступления в научной сфере. Персонал Центра был предан своему делу и, в отличие от большинства других земных научных учреждений, придерживался законов этики. Все они выполняли бесспорно значимую работу, и даже введение в строй филиала Библиотеки в Ла-Пасе вряд ли повлияло бы на их труд и в одночасье лишило бы его смысла.

Но что еще важнее, в Центре он обзавелся друзьями, и те оказывали ему неоценимую поддержку в последний год, когда он принялся мало-помалу собирать в единое целое разрозненные осколки своего сознания.

«Особенно Глория. Если я останусь, с ней надо что-то делать, — подумал Джейкоб. — Что-то помимо дружеского флирта. Ее чувства слишком бросаются в глаза».

До той катастрофы в Эквадоре, которая при-

вела его в Центр, где он надеялся заполучить работу и душевное спокойствие, он знал бы, как поступить, и обладал достаточной для этого храбростью. Теперь же он пребывал в раздрае и не был уверен, что когда-нибудь сможет отважиться на что-то большее, чем ни к чему не обязывающая интрижка.

После Таниной смерти минули два долгих года. И временами ему все еще становилось одиноко, несмотря на работу, друзей и все более увлекательные фокусы, которые он проделывал со своим мозгом.

Пейзаж постепенно становился более холмистым и бурым. Провожая взглядом проплывавшие за окном кактусы, Джейкоб поудобнее откинулся на спинку сиденья, наслаждаясь неторопливым ритмом езды. Даже теперь ему продолжала мерещиться легкая качка, словно он все еще был в море.

За холмами поблескивала океанская синева. Чем ближе извилистая дорога подходила к месту встречи, тем больше ему хотелось снова оказаться на борту судна и стать свидетелем ежегодной миграции китов: различить в воде первые горбатые спины и всплески хвостовых плавников, услышать голос вожака стаи.

Обогнув холм, он обнаружил парковку по обе стороны дороги, до отказа забитую небольшими электромобилями вроде его собственного. Впереди, на гребнях холмов, толпились люди. Перестроившись в крайний правый ряд, где движение регулировалось автоматически, он сбросил скорость и оторвал взгляд от шоссе. Что же там происходит? Из машины, припаркованной у левой обочины, выгрузились двое взрослых и несколько детишек с корзинами для пикника и биноклями. Все они пребывали в заметном возбуждении и выглядели бы как типичное семейство на воскресной прогулке, если бы не серебристые одеяния и золотые амулеты. Большинство людей, собравшихся на вершине холма, были облачены точно так же. У многих оказались при себе телескопы, нацеленные вдаль. Разглядеть, куда именно, мешал возвышавшийся справа холм.

Публика, топтавшаяся на его вершине, нарядилась в выпендрежные одежды пещерных людей. Этакие обогнавшие свою эпоху кроманьонцы: не доверяя топорам и копьям с кремневыми наконечниками, они вооружились телескопами, наручными часами, рациями и мегафонами.

Ничего удивительного, что эти две группы рас-

положились на разных холмах. Единственное, что было у «рубах» и «шкур» общего, так это карантин, ограничивавший доступ к ПВЦ.

Над шоссе между двумя холмами красовался гигантский указатель.

РЕЗЕРВАЦИЯ ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВНЕЗЕМНЫХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ, БАХА, КАЛИФОРНИЯ

Поднадзорным, не имеющим особого разрешения, въезд запрещен.

Посетителям, прибывшим впервые, просьба обратиться в информационный центр.

С амулетами и в первобытных одеяниях не входить.

«Шкурам» необходимо пройти регистрацию в информационном центре.

Джейкоб невольно улыбнулся. СМИ в свое время вдоволь порезвились по поводу последнего из распоряжений. По всем каналам крутили мультики, в которых с посетителей резерваций при входе сдирали кожу, а парочка похожих на змей пришельцев придирчиво ее разглядывали.

Припаркованные машины теснились вдоль дороги до самой вершины холма. Когда Джейкоб достиг верхней точки, его взору наконец открыл-

ся тот самый барьер.

На обширной пустоши, протянувшейся с востока на запад, высилась череда все тех же полосатых столбов. Краска успела потускнеть от времени. Круглые фонари, венчавшие вершины столбов, покрылись слоем пыли.

Раскиданные повсюду детекторы поднадзорных работали как сито, беспрепятственно пропуская зарегистрированных граждан на территорию резервации и обратно и при этом удерживая людей с испытательным сроком снаружи, а пришельцев внутри. Это было грубое напоминание об обстоятельстве, которое многие старательно игнорировали: существенная часть человечества носила вживленные передатчики, поскольку другая, еще большая, часть им не доверяла. Большинство не желало контактов между инопланетянами и теми, кого психологические тесты объявили «склонными к насилию».

Судя по всему, барьер успешно справлялся со своей задачей. По мере приближения к нему толпы, спускавшиеся с холмов по обе стороны от шоссе, становились все гуще, а их наряды — все вычурнее, однако все эти люди сбивались в кучу, так и не достигнув линии столбов. Не исключено, что среди «рубах» и «шкур» присутствовали

и граждане, но они оставались по эту сторону барьера, со своими товарищами — то ли из солидарности, то ли в знак протеста.

Максимальной плотности толпа достигала у самого барьера. И «шкуры», и «рубахи» потрясали транспарантами вслед пролетающим мимо на полной скорости автомобилистам.

Джейкоб продолжал двигаться по полосе с автоматически регулируемым движением и смотрел по сторонам, прикрывая рукой глаза от яркого солнца и наслаждаясь зрелищем.

Стоявший слева юноша, с головы до ног обернутый в серебристый шелк, держал над головой плакат, гласивший: «Человечество тоже движется по пути прогресса: выпустите наших инопланетных братьев из резерваций!»

По другую сторону дороги, прямо напротив него, стояла женщина с транспарантом, закрепленным на древке копья: «Мы и сами неплохо справляемся! Иники, убирайтесь с Земли!»

Вот оно, яркое олицетворение разногласий. Весь мир жаждет узнать, кто же прав: приверженцы теории Дарвина или последователи фон

Дэникена[3]. «Шкуры» и «рубахи» были всего лишь наиболее фанатичными и радикальными течениями, находившимися на двух полюсах расколовшегося на два философских лагеря человечества. А камнем преткновения стал вопрос происхождения Homo Sapiens как разумного вида.

А может, «рубах» и «шкур» ничто, кроме этого, и не разделяло?

Первые в своей любви к пришельцам впали в почти религиозное исступление. Что это, истерическая ксенофилия?

А неолитики с их тягой к нарядам и преданиям пещерных людей: что если их призывы к независимости от внеземного влияния имели под собой довольно простую причину — страх перед таинственными, но могущественными пришельцами? Это ли не ксенофобия?

Как бы там ни было, в одном Джейкоб не сомневался: и «рубах», и «шкур» объединяло недовольство. Недовольство осторожной, полной компромиссных шагов политикой Конфедерации

---

[3] notes: 3

Эрих фон Дэникен (р. 1935) — швейцарский писатель и режиссер, сторонник гипотезы о том, что важнейшую роль в истории человечества сыграли пришельцы, якобы посетившие Землю в глубокой древности.

по отношению к ПВЦ. Недовольство Законами об испытательном сроке, благодаря которым многие их собратья превратились в изгоев. Недовольство миром, где никто больше не был уверен в своем происхождении.

Джейкобу на глаза попался небритый пожилой мужчина. Тот присел на корточки у края дороги и, подпрыгивая, тыкал пальцем в землю у себя между ног и что-то вопил в облаке пыли, поднятой сотнями собравшихся. Подъезжая к нему, Джейкоб сбросил скорость.

Из одежды на старике были меховая куртка и кустарно сшитые кожаные штаны. По мере приближения Джейкоба мужчина, словно бесноватый, закричал и запрыгал с удвоенным остервенением.

— О-о! — выкрикнул он так, будто это было страшное ругательство. На губах выступила пена, а он все тыкал и тыкал пальцем в землю.

Заинтригованный, Джейкоб снизил скорость почти до нуля. Вдруг слева что-то вылетело, промелькнуло перед глазами и ударилось в стекло со стороны пассажирского сиденья. Потом что-то брякнулось на крышу, а через пару секунд на машину обрушился град мелких камешков, их дробный перестук эхом запульсировал в ушах.

Джейкоб поднял боковое стекло до упора, свернул с автоматически регулируемой полосы и дал по газам. При попадании каждого нового снаряда хлипкий металл и пластик его автомобильчика покрывался вмятинами и царапинами. Внезапно за боковыми стеклами появились ухмыляющиеся рожи — рожи малолетних хулиганов с чахлыми усиками. Юнцы бежали рядом с медленно набиравшей скорость машиной, молотя по крыше кулаками и что-то выкрикивая.

Когда до барьера оставалось всего несколько метров, Джейкоб вдруг рассмеялся. Ему стало любопытно, чего они от него хотят. Слегка отпустив педаль газа, он повернулся к бежавшему рядом типу — недорослю, одетому как персонаж научно-фантастического романа, написанного в XX веке. Толпа, сгрудившаяся вдоль дороги, пестрела причудливыми нарядами и транспарантами.

Не успел Джейкоб заговорить, как машину ощутимо встряхнуло. В ветровом стекле образовалась дыра, а скромный по размерам салон наполнился запахом гари.

Джейкоб направил машину к барьеру. Мимо со свистом промелькнули полосатые столбы, и внезапно он оказался в полном одиночестве. В зеркале заднего вида маячили преследователи.

Юнцы что-то орали ему вслед и потрясали кулаками, торчавшими из рукавов футуристических одеяний. Джейкоб ухмыльнулся, опустил стекло и помахал им на прощание.

«Как теперь оправдываться перед фирмой, где я брал машину напрокат? — подумал он. — Сказать, что ли, что на меня напали войска империи Мин? Если скажу правду, все равно ведь не поверят».

О том, чтобы вызвать полицию, и речи не было. Местные копы и шагу не ступят без детектора, выявляющего поднадзорных. А парочке ребят с передатчиками ничего не стоит затеряться в толпе себе подобных. К тому же Фэйгин просил не привлекать к себе лишнего внимания.

Джейкоб открыл окна, чтобы запах дыма поскорее выветрился. Потом кончиком мизинца поковырял пулевое отверстие в стекле и ошарашенно улыбнулся.

«Тебе ведь это понравилось, разве нет?» — подумал он.

Одно дело — получить адреналиновую встряску, и совсем другое — смеяться в лицо опасности. Ощущение эйфории, возникшее в ходе потасовки у барьера, встревожило Джейкоба куда больше, чем необъяснимая агрессия толпы. Это был зво-

ночек, привет из прошлого.

Минуту или две спустя на приборной доске что-то пискнуло.

Джейкоб встрепенулся. Автостопщик? Здесь? Впереди, за полкилометра или чуть меньше, у обочины стоял человек, держа свои наручные часы так, чтобы они попали в зону действия поискового луча. У его ног лежали две дорожные сумки.

Джейкоб помедлил в нерешительности. Тут, на территории резервации, разрешено было находиться только гражданам. Он проехал мимо автостопщика и через несколько метров притормозил у обочины.

Что-то в этом типе показалось ему знакомым. Это был краснолицый коротышка в темно-сером деловом костюме; пока он подтаскивал к машине Джейкоба свою тяжелую поклажу, его внушительное брюхо ходило ходуном. Толстяк наклонился к окну и заглянул в машину, лицо его заливал пот.

— Боже, ну и жара! — простонал он. Коротышка говорил на стандартном английском, но с заметным акцентом. — Неудивительно, что никто не пользуется автоматической полосой, — продолжал он, утирая лоб платком. — Все несутся сломя

голову, чтобы в окошко задувал свежий ветерок! Однако ваше лицо мне знакомо, должно быть, мы где-то уже сталкивались. Я Питер Ларок… или Пьер, если вам угодно. Я из «Монд».

Джейкоб вздрогнул.

— О, конечно, Ларок. Мы действительно уже встречались. Меня зовут Джейкоб Демва. Садитесь, я еду только до информационного центра, но там вы сможете сесть на автобус.

Он надеялся, что выражение лица не выдает его чувств. Жаль, что он не узнал этого субчика, прежде чем затормозить. Если бы узнал, вряд ли остановился.

Не сказать чтобы этот человек успел ему чем-то досадить… если не считать его непомерного самомнения и неистощимого запаса суждений по любому поводу, которые он готов был обрушить на кого придется при первой же возможности. В каком-то смысле это был, пожалуй, даже выдающийся человек. У него, несомненно, имелись свои поклонники среди любителей продэникенски настроенной прессы. Джейкоб читал кое-какие статьи Ларока и неизменно наслаждался если не содержанием, то как минимум стилем изложения.

Но Ларок принадлежал к той когорте писак,

которые неделями не давали ему прохода после того, как он разгадал загадку водяного сфинкса. Причем успел доконать его чуть ли не больше остальных. Да, заключительный материал, опубликованный «Монд», был благожелательным, да и написан был великолепно. Однако он не окупал причиненных неудобств.

Джейкоб был рад, что пресса не добралась до него раньше, после несчастья в Эквадоре, той истории с Ванильным Шпилем. Еще и Ларока, в довершение ко всем бедам, он бы тогда точно не перенес.

Теперь же его просто раздражал очевидно фальшивый «национальный» акцент Ларока. Со времен их последней встречи этот акцент даже усилился, если такое возможно.

— Демва? А, конечно! — воскликнул толстяк. Затолкав сумки за пассажирское сиденье, он наконец уселся. — Мастер афоризмов! Ценитель непознанного! Должно быть, вы прибыли сюда, чтобы разгадать головоломку-другую для наших достопочтенных инопланетных гостей? Или, может быть, вам нужно свериться с источниками в великой Библиотеке в Ла-Пасе?

Джейкоб вернулся на полосу автоматического управления, жалея, что лично не знаком с тем,

кто ввел моду на «национальный» акцент. Этого гада стоило бы придушить.

— Я здесь в качестве консультанта, и среди моих работодателей есть и представители внеземных цивилизаций, если вы об этом. Но подробности разглашать не имею права.

— Ах да, все очень секретно! — Ларок игриво покачал толстым пальцем. — Но нельзя же так дразнить журналиста! То, над чем сегодня трудитесь вы, завтра вполне может стать темой моей работы! Однако вы наверняка гадаете, что привело лучшего репортера «Монд» в эту глушь, так ведь?

— Вообще-то, — возразил Джейкоб, — меня скорее интересует, как вы оказались голосующим на дороге посреди этой глуши.

Ларок вздохнул.

— В самом деле настоящая дыра! Как печально, что посетившие нас достопочтенные инопланетяне вынуждены прозябать здесь или в других столь же унылых уголках вроде вашей Аляски!

— Есть еще Гавайи, Каракас, Шри-Ланка, Капитолий Конфедерации, — напомнил Джейкоб. — Однако вернемся к цели…

— К цели моего визита сюда? Да, конечно, Демва! Но может быть, развлечемся немного, и вы

блеснете своими знаменитыми дедуктивными способностями? Вдруг вам удастся угадать?

Джейкоб с трудом сдержал стон. Подавшись вперед, он свернул с управляемой полосы и что было мочи дал по газам.

— У меня есть идея получше, Ларок. Раз уж вы не хотите рассказывать, как оказались на дороге в таком безлюдном месте, может быть, тогда проясните для меня кое-что?

И Джейкоб описал сцену у барьера. Концовку с нападением он опустил, надеясь, что журналист не заметил дырку в ветровом стекле, зато подробно изложил, как вел себя сидевший на корточках старик.

— Ну конечно! — воскликнул Ларок. — Нет ничего проще! Вспомните, как в народе сократили упомянутый вами термин «пожизненный поднадзорный». Это ужасное клеймо, которое лишает человека каких-либо прав: права на отцовство, права голоса…

— Слушайте, не надо лекций, я заранее согласен со всеми вашими доводами. — Джейкоб ненадолго задумался. — Что же это за сокращение? А, кажется, понимаю.

— Да, бедняк всего лишь хотел отплатить вам! Вы, горожане, называете ему подобных «пи-пи»…

так разве не справедливо, что он в ответ обвиняет вас в том, что вы «оболванены и одомашнены»? Следовательно, получаем «о-о»!

Джейкоб невольно расхохотался. Дорога начала петлять.

— Интересно, зачем эта толпа вообще собралась у барьера? Они как будто ждали кого-то.

— У барьера? — переспросил Ларок. — Ах да. Я слышал, такое происходит каждый четверг. Иники из центра поднимаются на холм поглазеть на не-горожан, а те, в свою очередь, приходят пялиться на Иников. Весело, да? Как в обезьяннике, только непонятно, кто кому должен кидать бананы!

Дорога вывернула из-за холма, и впереди показалась конечная точка поездки.

Информационный центр в нескольких километрах к северу от Энсенады представлял собой широко раскинувшееся поселение, состоявшее из заселенных ПВЦ кварталов, музеев и спрятанных подальше от посторонних глаз казарм для приграничного патруля. За просторной автостоянкой возвышался главный корпус, где посетителям, оказавшимся здесь впервые, читали лекции по галактическому протоколу.

Здание располагалось на небольшом плато

между шоссе и океаном, из окон открывались отличные виды и на то и на другое. Джейкоб припарковал машину у главного входа. Ларок еще гуще покраснел, явно пребывая в глубокой задумчивости. Потом вдруг поднял взгляд.

— Знаете, я ведь пошутил, ну недавно, когда ляпнул про бананы. Это была всего лишь шутка.

Джейкоб кивнул, недоумевая, что это на него нашло. Странно.

3
Гештальт

Джейкоб помог Лароку донести сумки до автобусной остановки, а потом обошел вокруг главного здания в поисках удобного местечка, где можно было бы посидеть и подождать. До начала встречи оставалось десять минут.

С той стороны, где постройка возвышалась над небольшой бухтой, обнаружился внутренний дворик с раскидистыми деревьями и столиками для пикников. Облюбовав один из столиков, Джейкоб уселся на него, а ноги положил на скамейку. Керамическая плитка оказалась холодной на ощупь, а налетевший с океана бриз мигом забрался под одежду, остудив раскрасневшуюся кожу и высушив пропитавший рубашку пот.

Несколько минут Джейкоб провел в тишине, пока затвердевшие мышцы плеч и поясницы расслаблялись одна за другой, сбрасывая накопившееся за поездку напряжение. Он сфокусировал взгляд на небольшой яхте с гротом и стакселем такого насыщенного зеленого цвета, что парусам удалось затмить зелень океана, а

затем прикрыл глаза и погрузился в транс.

Плавание в пустоте. Джейкоб по очереди прислушался ко всем органам чувств, а потом отключил их. Сосредоточиваясь то на одном, то на другом мускуле, он отсекал напряжение и вообще какие бы то ни было ощущения. Вскоре конечности онемели и стали казаться чужими.

Только бедро продолжало чесаться, но руки безмятежно покоились на коленях, пока зуд не утих сам собой. Соленый запах моря был приятным, но он отвлекал. Джейкоб заставил его исчезнуть. Затем отключил стук сердца, прислушиваясь к нему с безраздельным вниманием, пока не привык настолько, что перестал замечать.

Как повелось в последние два года, Джейкоб довел транс до фазы очищения, когда перед глазами с поразительной скоростью появляются и исчезают разные образы, избавляя от боли, а два полушария, разлученные друг с другом, пытаются снова слиться в единое целое. Этот процесс никогда не доставлял ему удовольствия.

Он был один, почти совсем один. Оставался только фоновый шум голосов, приглушенное бормотание, еле различимые обрывки фраз. На миг Джейкобу показалось, будто он уловил, как Глория и Джонни спорят насчет Макакаи, а по-

том голос самой Макакаи, щебетавшей что-то фривольное на своем языке, примитивно преобразованном в троичный код.

Он бережно отгонял от себя все звуки, ожидая одного, который всегда появлялся с предсказуемой внезапностью: голос Тани, что-то кричавшей ему (он так и не смог разобрать, что именно) и падавшей в бездну, пролетавшей мимо его протянутых навстречу рук. Он слышал ее голос, пока продолжалось падение, все двадцать миль, ее силуэт постепенно превратился в крохотное пятнышко, а потом и вовсе исчез, а Джейкоб по-прежнему слышал, как она зовет его.

В конце концов умолк и этот тихий голос, оставив после себя непривычную тревогу.

В мозгу вспыхнула картинка: жестокая, гротескная версия недавнего инцидента в приграничной зоне. Он вдруг снова перенесся туда, но на сей раз оказался в толпе поднадзорных. Бородатый мужчина, одетый как жрец пиктов, протянул ему бинокль и кивком велел воспользоваться им.

Джейкоб поднес бинокль к глазам и посмотрел туда, куда указывал мужчина. Изображение плавилось из-за исходящих от асфальта волн жара, по ту сторону протянувшейся от края до края горизонта линии леденцово-полосатых столбов,

достававших до самого солнца, подъехал к остановке автобус.

Затем картинка исчезла. С выработанным за годы тренировок безразличием Джейкоб поборол искушение обдумать увиденное, и его сознание заполнила пустота.

Тьма и тишина.

Он оставался в глубоком трансе, рассчитывая, что внутренние часы непременно подадут сигнал, когда придет пора очнуться. Джейкоб медленно продвигался мимо неясных контуров, лишенных символики и давно знакомых смыслов, ускользающих от попыток описать или запомнить их. Он терпеливо искал ключ, который наверняка был где-то рядом и который когда-нибудь обязательно найдется.

Наконец исчезло даже время, затерявшись среди других вещей в глубине переходов.

Безмолвную тьму вдруг прорезала острая боль, выведя мозг из оцепенения. Потребовалось какое-то мгновение, вечность, длившаяся, скорее всего, не больше сотой доли секунды, чтобы установить ее источник. Боль оказалась пронзительно-голубым светом, который проник сквозь сомкнутые веки и ударил по глазам, обретавшим под гипнозом необычайную чувствительность. В

следующий миг, еще до того, как Джейкоб успел среагировать, боль исчезла.

Еще несколько секунд ушло на то, чтобы побороть растерянность. Пока он пытался сосредоточиться исключительно на возвращении в сознательное состояние, в мозгу, как вспышки, мелькали сотни порожденных паникой вопросов.

Что за фокус подсознания скрывался за этим пронзительно-голубым светом? «Загнанный в угол невроз, который столь яростно защищается, может сулить серьезные проблемы! Какой потаенный страх я случайно разбередил?»

По мере выхода из транса стал восстанавливаться слух.

До Джейкоба донесся звук приближающихся шагов. Он вычленил его из шума ветра и волн, но под действием транса казалось, что такие звуки могли бы издавать мягкие страусиные лапы, обутые в мокасины.

Через несколько секунд после той умозрительной яркой вспышки он вынырнул из глубокого транса. И открыл глаза. В нескольких метрах от него стоял высокий пришелец. Первое впечатление: высокого роста, сам весь белый и с огромными красными глазами.

Джейкобу на миг показалось, что мир вокруг него перевернулся.

Вцепившись в края столешницы и уронив голову на грудь, он попытался успокоиться. Зажмурил глаза.

«Ну и дела! — подумал Джейкоб. — Голова так гудит, будто я только что расколол об нее земной шар!»

Он протер глаза ладонью и снова осторожно попытался их открыть.

Инопланетянин никуда не делся. Значит, это не галлюцинация. Перед ним был гуманоид ростом никак не меньше двух метров. Большую часть его хрупкого удлиненного тела скрадывало длинное одеяние серебристого цвета. Руки, сложенные на груди в знак почтительного ожидания, были длинные, белые и лоснились.

Тонкую шейку венчала крупная круглая голова. Лишенные век, красные стебельчатые глаза были огромны, как, впрочем, и губы. Они, бесспорно, доминировали на лице, где располагалось еще несколько мелких органов неизвестного назначения. Джейкоб впервые встречал представителя этого вида.

В глазах существа явно читался ум.

Джейкоб прочистил горло. Ему все еще при-

ходилось бороться с накатывающим волнами головокружением.

— Простите… Нас не представили друг другу, и я… не знаю, как к вам следует обращаться, но, полагаю, вы прибыли сюда, чтобы встретиться со мной?

Большая белая голова кивнула, подтверждая его догадку.

— Вы один из тех, с кем я должен встретиться по просьбе кантена Фэйгина?

Инопланетянин снова кивнул.

«Видимо, это означает „да“, — подумал Джейкоб. — Интересно, он вообще говорить умеет? И что за речевой аппарат может скрываться за такими губищами?»

Кстати, почему это существо стоит столбом? Есть в его позе что-то такое, что наводит на мысль о…

— Позвольте предположить: вы представитель расы клиентов и ждете разрешения заговорить?

«Губы» слегка раздвинулись, и между ними мелькнуло что-то белое и блестящее. Пришелец еще раз кивнул.

— Тогда прошу вас, говорите! Мы, люди, как известно, предпочитаем минимум церемоний. Как ваше имя?

Прозвучавший в ответ голос оказался на удивление низким. Он исторгался из расширившегося рта с отчетливым пришепетыванием.

— Меня жовут Кулла, шэр. Шпашибо. Меня пошлали ужнать, не жаблудилишь ли вы. Шледуйте жа мной, оштальные уже в жборе. Или, ешли вам угодно, можете продолжать медитировать до ушловленного времени начала вштречи.

— Нет-нет, пойдемте, ради всего святого!

Джейкоб, пошатываясь, встал. На секунду прикрыл глаза, очищая разум от последствий транса. Рано или поздно ему предстоит выяснить, что случилось, пока он был под гипнозом, но это дело вполне может подождать.

— Что ж, ведите.

Кулла повернулся и медленной скользящей походкой направился к одной из боковых дверей Центра.

Пришелец явно был представителем расы клиентов — одной из тех, чье двустороннее соглашение с расой патронов все еще было в силе. Подобные расы низко котировались в негласной галактической иерархии. Джейкобу, которого вся эта хитрая и запутанная галактическая дипломатия по-прежнему ставила в тупик, оставалось только радоваться, что человечество по счаст-

ливой случайности занимало более высокую, хотя и шаткую позицию на этой иерархической лестнице.

Кулла привел его на второй этаж, к массивной дубовой двери. Без стука распахнув ее, пришелец первым вошел в зал, где проходила встреча.

Джейкоб заметил двух человек и еще двух инопланетян, не считая Куллы: один был небольшого роста и покрыт шерстью, а другой еще мельче и смахивал на ящерицу. Они расположились на подушках между какими-то раскидистыми комнатными растениями и окном во всю стену, из которого открывался вид на бухту.

Джейкоб попытался проанализировать произведенное инопланетянами впечатление, пока не попал в поле их зрения, но не прошло и секунды, как кто-то окликнул его по имени.

— Джейкоб, друг мой! Как это любезно с твоей стороны — приехать и уделить нам свое драгоценное время! — свистящий голос, несомненно, принадлежал Фэйгину. Джейкоб торопливо огляделся.

— Фэйгин, но где…

— Я здесь.

Он снова поглядел на компанию у окна. Люди и мохнатый ПВЦ поднялись со своих мест, один

только пришелец-ящер не сдвинулся с подушки.

Джейкоб проследил взглядом дальше и вдруг опознал Фэйгина в одном из «комнатных растений». Увенчанная серебристыми чешуйками ботва старого кантена нежно зазвенела от легкого бриза.

Джейкоб улыбнулся. Всякий раз при встрече с Фэйгином он сталкивался с одной и той же проблемой. Когда общаешься с гуманоидами, обычно стараешься отыскать лицо или некую часть тела, выполняющую те же функции. И в большинстве случаев найти в странных инопланетных чертах место, на котором можно сфокусировать взгляд, удается быстро и без труда.

Почти у каждого имеется какая-нибудь анатомическая деталь, к которой невольно начинаешь обращаться, подразумевая, что этот орган отвечает за восприятие. У людей, а зачастую и у инопланетян такой деталью служат глаза.

У кантена глаз не было. Джейкоб подозревал, что яркие серебристые наросты, звеневшие, как колокольчики, играли в организме Фэйгина роль световых рецепторов. Если так, то от этого знания все равно мало толку. В результате приходилось смотреть на всего Фэйгина целиком, а не довольствоваться какой-то одной точкой,

олицетворявшей его «я». Это заставляло Джейкоба гадать, какая из двух версий менее вероятна: что он все-таки сумел привязаться к пришельцу, невзирая на эту помеху, или что он, несмотря на многолетнюю дружбу, все еще ощущает в присутствии Фэйгина неловкость.

Темное, покрытое листвой туловище Фэйгина отделилось от окна и устремилось навстречу другу, то и дело выгибаясь и поочередно выбрасывая вперед узловатые корни. Джейкоб удостоил его полусерьезным-полушутливым поклоном и стал ждать дальнейшего развития событий.

— Джейкоб Альварес Демва, а-Человек, уль-Дельфин-уль-Шимпанзе, приветствуем тебя. Для столь ничтожного создания, как я, огромная радость ощущать тебя сегодня, в очередной раз, — речь Фэйгина была четкой, однако он неосознанно произносил фразы как бы нараспев, из-за чего его акцент напоминал помесь шведского и кантонского. Язык дельфинов и троичный код давались ему куда легче.

— Фэйгин, а-Кантен, аб-Линтен-аб-Сикул-уль-Ниш, Миорки Кифу, рад снова видеть тебя! — Джейкоб поклонился.

— Эти досточтимые создания явились сюда, чтобы обменяться с тобой мудростью, дружище

Джейкоб, — сообщил Фэйгин. — Надеюсь, ты готов к церемонии знакомства.

Джейкоб настроился, стараясь зафиксировать в памяти витиеватые имена пришельцев и уделяя им не меньше внимания, чем их наружности. Имена патронов и цепочка имен клиентов способны немало поведать о статусе каждого из присутствующих. Он кивком попросил Фэйгина приступить к представлению.

— Позволь официально представить тебя Буббакубу, а-Пил, аб-Киса-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер-уль-Гелло-уль-Прингу, из Института при Библиотеке.

Один из ПВЦ сделал шаг вперед. В первые секунды знакомства у Джейкоба возник образ-гештальт: серый плюшевый медвежонок ростом в четыре фута. Однако широкая морда и густые ресницы не совсем укладывались в этот портрет.

Так вот он какой, этот Буббакуб, директор филиала Библиотеки! Филиал Библиотеки в Ла-Пасе практически свел на нет тот чахлый торговый баланс, которого Земля сумела достичь за годы после контакта. Но даже при таких раскладах колоссальный труд по приспособлению крошечного заштатного филиала к нуждам людей осуществлялся силами Института при Библиоте-

ке безвозмездно, как акт благотворительности, с целью помочь «слаборазвитой» человеческой расе догнать остальную галактику. Как руководитель филиала Буббакуб считался одним из самых высокопоставленных инопланетян на Земле. Его многочисленные родовые имена также указывали на высокий статус — даже выше, чем у Фэйгина.

Четырехкратное повторение частицы «аб» означало, что родичей Буббакуба приобщила к духовности другая разумная раса, а ту, в свою очередь, третья, и так далее, вплоть до овеянной мифами изначальной расы, произошедшей от Прародителей, а также что эти четыре «родительские» расы по-прежнему живут где-то на просторах Галактики. Столь длинная цепочка свидетельствует о высоком положении в разветвленной галактической культуре, где каждая раса, освоившая космические путешествия (пожалуй, за одним-единственным исключением — человечество), была выведена из состояния полуразумных дикарей и взращена какой-то предшествующей покорившей космос расой.

Удвоенная частица «уль» говорила о том, что и сами пилы стали воспитателями-патронами для двух новых культур. И это тоже упрочило их

авторитет.

Единственным обстоятельством, не дававшим всей галактике окончательно задрать нос по отношению к «сиротской» человеческой расе, стал довод, что человеку и самому посчастливилось дважды опекать новые разумные расы, и случилось это еще до того, как «Везарий», вступивший в контакт с ПВЦ, вернулся домой.

Пришелец отвесил некое подобие поклона.

— Меня зовут Буббакуб.

Голос звучал как-то искусственно и доносился из диска, висевшего у пила на шее.

Это же водор! Значит, пилам для общения на английском языке требуется аппарат-помощник. Исходя из простоты устройства, намного уступавшего в размерах приборам, которыми пользовались инопланетные гости, чья родная речь напоминала чириканье или скрип, Джейкоб предположил, что Буббакуб на самом деле способен воспроизводить английские слова, но на частоте ниже той, какую улавливает человеческое ухо. Решив принять на веру, что его-то собеседник расслышит, он кивнул и сказал:

— Меня зовут Джейкоб. Добро пожаловать на Землю!

Рот Буббакуба несколько раз беззвучно рас-

крылся и закрылся.

— Спасибо, — зажужжал водор, выплевывая короткие рубленые слова. — Рад здесь находиться.

— Всегда к вашим услугам как коренной житель принимающей вас планеты. — Джейкоб поклонился на самую малость ниже, чем кланялся Буббакуб. Пришелец, по-видимому вполне удовлетворенный, вернулся на свое место.

Фэйгин продолжил церемонию знакомства.

— Эти досточтимые создания — той же расы, что и вы. — Ветка с пучком лепестков неопределенно махнула в сторону двух человеческих особей, седовласого господина в твидовом костюме и высокой темнокожей дамы средних лет, довольно привлекательной. — Я представлю им тебя, — продолжал Фэйгин, — в неофициальной манере, как и предпочитают земляне: Джейкоб Демва, познакомься с доктором Дуэйном Кеплером, руководителем экспедиции «Погружение в Солнце», и доктором Милдред Мартин с факультета парапсихологии Университета в Ла-Пасе.

Из всего облика Кеплера первым делом бросались в глаза внушительные, подкрученные кверху усы. Он расплылся в улыбке, но Джейкоб был настолько изумлен, что на все его расшаркивания отвечал односложно.

Экспедиция «Погружение в Солнце»! Исследования на Меркурии и в солнечной хромосфере в последнее время стали в Ассамблее Конфедерации предметом политических махинаций. Фракция «Приспособиться и выжить» заявила, что бессмысленно тратить такие суммы на то, что можно запросто узнать в Библиотеке, и что на те же средства можно было нанять в несколько раз больше безработных ученых здесь, на Земле, в рамках программы искусственного создания рабочих мест. В то время как фракция «Самодостаточность» продолжала гнуть свою линию, несмотря на нападки со стороны продэникеновски настроенных СМИ.

Джейкобу же сама идея направить космический корабль с людьми внутрь звезды казалась первостатейным бредом.

— Кантен Фэйгин отзывался о вас с большим энтузиазмом, — сообщил Кеплер. Глава экспедиции улыбался, но глаза у него были красные, а набрякшие мешки под ними свидетельствовали о том, что его что-то тревожило. Он сжал ладонь Джейкоба обеими руками и быстро встряхнул ее, не прерывая разговора. Голос у него был звучный, но иногда дрожал, что не укрылось от Джейкоба. — Мы вернулись на Землю совсем ненадолго.

Невероятная удача, что Фэйгину удалось уговорить вас встретиться с нами. Мы искренне надеемся, что вы согласитесь отправиться с нами на Меркурий, ваш опыт в области межвидовых контактов для нас поистине бесценен.

Джейкоб вздрогнул. Ну уж нет, на сей раз ничего у тебя не выйдет, чудище с листьями! Его так и подмывало найти Фэйгина и испепелить его взглядом, но, хоть церемония представления и была неофициальной, элементарные межчеловеческие правила приличия требовали, чтобы он уделил собеседникам время и поддержал светскую беседу. Меркурий, уму непостижимо!

Лицо доктора Мартин с готовностью осветилось милой улыбкой, но, когда Джейкоб обменивался с ней рукопожатиями, ему показалось, что вид у нее слегка скучающий.

Джейкоб подумал, уместно ли спросить: какое отношение парапсихология имеет к физике Солнца, да так, чтобы они не усмотрели в этом признак заинтересованности, однако осуществить задуманное помешал Фэйгин.

— Позволю себе вклиниться в разговор — обычно при неформальном общении человеческих существ это считается приемлемым, если в разговоре возникла пауза. Еще одно досточтимое

существо ждет своей очереди быть представленным.

«М-да, — подумал Джейкоб. — Надеюсь, этот Иник не слишком мнительный и не оскорбится из-за долгого ожидания». Он повернулся вправо, к разноцветной мозаичной стене, где расположилось существо, похожее на ящерицу. Пришелец поднялся с подушки и, перебирая шестью ногами, направился к нему. Длина его составляла чуть меньше метра, а рост не превышал двадцати сантиметров. Пройдя мимо и даже не взглянув в его сторону, существо принялось тереться о ноги Буббакуба.

— Кхм, — подал голос Фэйгин. — Это всего лишь домашняя зверушка. А создание, с которым я хотел тебя познакомить, это тот самый уважаемый клиент, который был твоим проводником по пути сюда.

— О, прошу прощения, — усмехнулся Джейкоб и усилием воли придал лицу серьезное выражение.

— Джейкоб Демва, а-Человек, уль-Дельфин-уль-Шимпанзе, будь добр, познакомься с Куллой, а-Принг, аб-Пил-аб-Киса-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер, помощником Буббакуба и представителем Библиотеки в проекте «Погружение в Солнце».

Как Джейкоб и ожидал, вся цепочка состояла только из имен патронов. У прингов пока не было собственных клиентов. Впрочем, они принадлежали к линии Пубер/Соро. В один прекрасный день они тоже обретут высокий статус как члены старинной и могущественной цепочки. Он обратил внимание, что раса Буббакуба также принадлежала к ветви Пубер/Соро, и пожалел, что не запомнил, не приходятся ли случаем пилы и прингы друг другу патронами и клиентами.

Пришелец шагнул навстречу, но руку для пожатия не протянул. Руки у него были длинные и тонкие, на каждой ладони по шесть длинных, похожих на щупальца пальцев. На вид всё очень хрупкое. От Куллы исходил слабый аромат, чем-то напоминавший запах свежескошенного сена и ничуть не противный.

Когда Кулла поклонился в знак состоявшегося знакомства, его стебельчатые глаза сверкнули. «Губы» ПВЦ раздвинулись, обнажив пару белых, сверкающих, похожих на жернова пластин: одна сверху, а другая снизу. Гибкие, частично приспособленные для хватания губы привели в движение челюсти, и те сомкнулись с громким клацаньем, напоминающим звук бьющегося фарфора.

На его родине такое клацанье вряд ли выражает дружелюбие, поежился Джейкоб. Возможно, пришелец обнажил свои гигантские жвалы, имитируя человеческую улыбку. Зрелище получилось устрашающее и в то же время интригующее. Интересно, для чего предназначены такие жевательные пластины? А еще Джейкоб надеялся, что впредь Кулла не станет без необходимости разевать рот.

Едва заметно кивнув, он произнес:

— Меня зовут Джейкоб.

— Меня жовут Кулла, шэр, — отозвался пришелец. — Ваша Жемля ошень приятное мешто.

Его огромные красные глаза потухли. Кулла, пятясь, отошел. Буббакуб пригласил собравшихся вернуться к окну и подушкам. Маленький пил устроился полулежа, его симметричные четырехугольные руки свисали по обе стороны от подушки. Домашняя зверушка подошла и свернулась клубочком рядом с хозяином.

Кеплер подался вперед и, запинаясь, проговорил:

— Простите, что оторвали вас от важной работы, мистер Демва. Я знаю, вы очень занятой человек. Я надеюсь только, что нам удастся убедить вас в том, что наша маленькая… проблема

стоит вашего времени и достойна ваших способностей.

Доктор Кеплер положил руки на колени и сплел пальцы.

Доктор Мартин слушала излияния Кеплера с терпеливой и чуть насмешливой улыбкой. В общей картине оставалось несколько деталей, не дававших Джейкобу покоя.

— Видите ли, доктор Кеплер, Фэйгин должен был предупредить вас, что после гибели жены я отошел от дел и больше не стремлюсь разгадать все тайны бытия. К тому же в настоящее время я весьма загружен, возможно слишком загружен, чтобы отправиться в длительное межпланетное путешествие…

Доктор Кеплер расстроился. На его лице отобразилось такое отчаяние, что Джейкоб не смог остаться равнодушным.

— Тем не менее, поскольку кантен Фэйгин зарекомендовал себя как личность проницательная, я охотно выслушаю всякого, кого он ко мне направит, а стоит ли игра свеч — это уж мне решать.

— О, этот случай непременно вас заинтересует! Я всегда говорил, что нам необходим свежий взгляд. И, конечно, теперь, после того как кураторы согласились привлечь консультантов…

— Постойте, Дуэйн, — прервала его доктор Мартин. — Вы не до конца честны в изложении картины. Я пришла к вам как консультант полгода назад, а Кулла обеспечил вам доступ к библиотечным фондам еще раньше. Теперь же мистер Буббакуб любезно согласился усилить поддержку со стороны Библиотеки, кроме того, он лично отправится с нами на Меркурий. Думаю, кураторы были к нам более чем щедры.

Джейкоб вздохнул.

— Может быть, кто-нибудь все-таки объяснит мне суть происходящего? Например, вы, доктор Мартин, не могли бы поведать, в чем состоит ваша работа… на Меркурии? — Почему-то ему оказалось трудно произнести словосочетание «Погружение в Солнце».

— Я консультант, мистер Демва. Меня наняли для проведения психологических и парапсихологических тестов с членами команды и окружающей средой на Меркурии.

— Надо полагать, все это как-то связано с упомянутой доктором Кеплером проблемой?

— Поначалу все думали, что наблюдаемый феномен — результат какого-то розыгрыша или что-то вроде массового психоза. Я исключила оба варианта. Теперь очевидно, что отмеченные

процессы реальны и действительно протекают в солнечной хромосфере. Вот уже несколько месяцев я разрабатываю идеи парапсихологических экспериментов, которые будут проводиться при погружениях в Солнце. Ну и кроме того, я как психотерапевт помогаю некоторым членам экипажа «Погружения в Солнце». Напряжение, возникающее во время подобных исследований, не может не сказываться на психике.

Мартин казалась компетентной, но было в ее подходе и что-то настораживающее. Может быть, легкомыслие? Джейкоб гадал, какого рода отношения связывают ее и доктора Кеплера. Проводила ли она и с ним сеансы психотерапии?

«И если уж на то пошло, зачем здесь я? Что если только ради исполнения болезненных капризов великого ученого, которого нужно поддерживать, пока проект не будет завершен? Такие мысли не очень-то радуют. Как и перспектива быть втянутым в политические интриги.

А Буббакуб, глава целого филиала Библиотеки на Земле, — каким образом он-то ввязался в мутный проект землян? Маленький пил — в некотором роде самый влиятельный ПВЦ на нашей планете, за исключением посла Тимбрими. Возглавляемый им Институт при Библиотеке

— крупнейшая и мощнейшая из галактических организаций, на фоне которой фэйгиновский Институт Прогресса выглядит как оркестр, состоящий из одних только бубнов да барабанов. И такая важная персона, по словам Мартин, летит на Меркурий?»

Буббакуб таращился в потолок, не принимая участия в беседе. Его губы шевелились, словно он пел на недоступной человеческому уху частоте.

Сверкающие глаза Куллы были прикованы к маленькому директору Библиотеки. Может, он слышал его песню, или его тоже утомили бесконечные разговоры.

«Кеплер, Мартин, Буббакуб, Кулла… Думал ли я, что когда-нибудь окажусь в компании, где Фэйгин будет казаться наименее странным!»

Под боком вдруг зашелестела ботва. Фэйгин явно был полон энтузиазма. Джейкоб недоумевал, что же такое творилось в ходе этой экспедиции, что могло настолько воодушевить кантена.

— Доктор Кеплер, есть шансы, что мне удастся выкроить время и помочь вам… Пока только шансы. — Джейкоб пожал плечами. — Но для начала не мешало бы узнать, из-за чего весь сыр-бор?

Кеплер просиял.

— Ох, неужели я вам не сказал? Ну и ну! Видно,

дело в том, что я в последние дни гнал от себя дурные мысли… Как говорится, закрывал глаза на проблему.

Он выпрямился и набрал в грудь побольше воздуха.

— Мистер Демва, такое ощущение, что Солнце обитаемо.

Часть II

В доисторические времена и в самом начале летоисчисления на Земле побывали гости из космоса. Эти неизвестные существа при помощи целенаправленных генетических мутаций сделали человека разумным. Представители внеземной цивилизации облагородили гоминидов, сформировав их «по своему образу и подобию». Вот почему мы похожи на них, а не они на нас.

Эрих фон Дэникен. Колесницы богов

Высшая психическая деятельность, например вера, альтруизм и нравственность, – все это возникло эволюционным путем и имеет под собой материальную основу.

Эдвард О. Уилсон[4]. О человеческой природе

---

[4] notes: 4

Эдвард Осборн Уилсон (р. 1929) — американский биолог, эколог, писатель, дважды лауреат Пулитцеровской премии.

4
Мнимый образ

«Брэдбери» был кораблем нового поколения. В нем применялись куда более передовые технологии, чем у его предшественников, осуществлявших коммерческие перевозки: корабль стартовал с уровня моря и использовал собственные двигатели, а не доставлялся к станциям на вершинах экваториальных шпилей, болтаясь под брюхом громадного воздушного шара. Он представлял собой огромную сферу и по прежним меркам казался исполином.

Джейкобу впервые довелось очутиться на борту детища галактического прогресса, за которым стояли миллиарды лет научных изысканий. Расположившись в холле первого класса, он наблюдал, как Баха превратилась сначала в коричневую стену между двумя морями, а потом в едва заметную полоску, протянувшуюся вдоль мексиканского побережья. Зрелище сногсшибательное, но при этом вызывающее легкое разочарование. В реве и ускорении реактивного самолета или в медленном величественном

скольжении прогулочного дирижабля романтики было куда больше. К тому же, когда ему раньше доводилось покидать Землю, отбывая или возвращаясь на воздушном шаре, у него всегда получалось поглазеть на другие корабли, сверкающие и важные, подплывавшие к силовой станции или спускавшиеся к герметичным внутренним помещениям шпилей.

Ни один из колоссальных шпилей никогда не казался ему скучным. Тонкие керамические стены, удерживавшие при нормальном атмосферном давлении башни высотой в 20 миль, были покрыты внушительными росписями — громадными пикирующими птицами и стилизованными сценами космических битв, скопированными из фантастических журналов XX столетия. Там никогда не возникало ощущения клаустрофобии.

И все-таки Джейкоб рад был оказаться на борту «Брэдбери». Возможно, когда-нибудь, одолеваемый ностальгией, он наведается на Шоколадный шпиль, что на вершине горы Кения. Но что касается его собрата, расположенного в Эквадоре… Джейкоб не хотел бы увидеть Ванильный шпиль еще хоть раз.

И пускай из Каракаса до гигантского сооруже-

ния рукой подать. Пускай, если ему вздумается снова там побывать, его примут с распростертыми объятиями, как того самого героя, который спас чудо земной инженерной мысли, вызывавшее восхищение всей Галактики.

Спасая шпиль, Джейкоб Демва лишился жены и частично — рассудка. Цена оказалась непомерно высока.

Когда Земля съежилась до размеров небольшого диска, Джейкоб отправился на поиски судового бара. Его внезапно потянуло к людям. Всходя на борт, он ничего похожего еще не испытывал. Отпроситься в Центре, придумав для Глории и остальных коллег убедительные отговорки, оказалось не так-то легко. Макакаи на прощание закатила сцену. К тому же многие из заказанных им исследований по физике Солнца не успели доставить до его отъезда, и их обещали прислать прямо на Меркурий. И в довершение всех бед он сам ел себя поедом, недоумевая, за каким чертом ввязался в эту авантюру.

И вот теперь он плелся по главному коридору, опоясывавшему корабль по экватору, пока не наткнулся на забитый народом тускло освещенный зал. Оказавшись внутри, он протолкался сквозь толпу галдящих и выпивающих пассажиров к

барной стойке.

В небольшое помещение набилось уже человек сорок, по большей части квалифицированные рабочие, летевшие на Меркурий по контракту. Некоторые, успев как следует принять на грудь, пререкались друг с другом на повышенных тонах или осоловело пялились в пространство. Разлука с Землей не всем давалась легко.

В специально отведенном уголке восседала на подушках горстка пришельцев. Напротив цинтианина, щеголявшего ухоженным блестящим мехом и солнечными очками с толстенными стеклами, расположился Кулла. Беззвучно кивая огромной головой, тот сжимал губищами соломинку и изящно потягивал какую-то жидкость из бутылки, сильно смахивавшей на водочную.

Возле инопланетян переминалась горстка людей, по виду типичных ксенофилов, жадно ловивших каждое слово подслушанной внеземной беседы и с нетерпением ожидавших случая вклиниться с вопросом.

Джейкоб прикинул, не просочиться ли в занятый пришельцами угол. Цинтианин издали напоминал одного его приятеля. Но в той части зала было слишком людно. Джейкоб решил разжиться выпивкой и послушать: вдруг кто-нибудь

начнет травить байки.

Вскоре он присоединился к группе посетителей, обступившей горного инженера, который, лихо привирая, повествовал о смертоносных обвалах в глубоких меркурианских рудниках и о чудом спасшихся счастливчиках. Хотя, чтобы разобрать слова рассказчика, ему приходилось напрягать слух, Джейкоб не сдавался: байки помогали хотя бы на время отвлечься от нараставшей головной боли… Вдруг кто-то ткнул его пальцем в бок, да так чувствительно, что Джейкоб чуть не подскочил от неожиданности.

— Демва! Какими судьбами?! — вскричал Пьер Ларок. — Вот уж повезло так повезло! Будем держаться вместе, теперь можно не опасаться, что не с кем будет словом перемолвиться!

Облаченный в просторную поблескивавшую рубаху, Ларок усердно пыхтел трубкой, выдыхая синеватый отфильтрованный дым.

Джейкоб заставил себя улыбнуться, но в этот самый миг кто-то наступил ему на пятку, поэтому улыбка скорее напоминала гримасу.

— Приветствую, Ларок. А зачем вас-то понесло на Меркурий? Мне казалось, ваших читателей больше интересуют заметки о раскопках в Перу…

— Или другие неопровержимые доказательства того, что наших первобытных предков взрастили и воспитали древние визитеры с других планет? — перебил его Ларок. — Да, Демва, вскоре нас ждут настолько ошеломляющие открытия, что даже самые упертые «шкуры» и самые замшелые скептики, заседающие в Совете Конфедерации, поймут, сколь глубоко они ошибались!

— Сами-то вы, если судить по наряду, заодно с «рубахами». — Джейкоб указал на серебристую тунику собеседника.

— В день вылета я предпочел надеть униформу общества фон Дэникена, в память о тех, кто когда-то дал нам силы шагнуть в космос. — Сжимая в одной руке и выпивку, и трубку, другой рукой он поправил на груди цепочку с болтавшимся на ней золотым медальоном.

Поведение собеседника показалось Джейкобу наигранным. Длинное одеяние, похожее на женское платье, и украшение резко контрастировали с грубоватыми манерами француза. Зато приходилось отдать ему должное: вычурный наряд как нельзя лучше гармонировал с утрированным, эпатажным акцентом.

— Да ладно вам, Ларок, — рассмеялся Джейкоб. — Даже вы вынуждены признать, что космос

мы покорили сами, без чьей-либо помощи. И это мы обнаружили там представителей иных цивилизаций, а не они нас.

— Не желаю я ничего признавать! — запальчиво ответил Ларок. — Как только мы докажем, что достойны своих патронов, в далеком прошлом одаривших нас разумом, как только они сами признают нас, вот тогда-то наконец люди увидят, что все эти годы они негласно оказывали нам неоценимую помощь!

Джейкоб пожал плечами. Все то же извечное противостояние «рубах» и «шкур», ничего нового. Одни настаивали на том, что человечество должно гордиться своим уникальным статусом самостоятельно эволюционирующей расы, которую наделила разумом сама природа, и случилось это где-то в саваннах и на восточном побережье Африки. Другие же твердили, что homo sapiens (как и любая другая раса софонтов) — всего лишь одно из звеньев цепочки генетического и культурного усовершенствования, тянущейся в глубину к мифическому периоду зарождения галактики, к эпохе Прародителей.

Многие, подобно Джейкобу, намеренно придерживались в этом мировоззренческом конфликте нейтралитета, но все человечество и его кли-

ентские расы с интересом ждали исхода спора. После Контакта чуть ли не самыми популярными увлечениями вдруг стали археология и палеонтология.

Однако доводы Ларока так давно утратили новизну и свежесть, что хоть кидай их в суп вместо сухариков. А голова разболелась еще сильнее.

— Все это весьма интересно, Ларок, — сказал Джейкоб, намереваясь ускользнуть. — Но давайте продолжим дискуссию как-нибудь в другой раз…

Однако Ларок не унимался.

— Космос прямо-таки пропитан неандертальскими настроениями. Люди на земных кораблях предпочитают, нацепив на себя звериные шкуры, рычать и ухать, как обезьяны! Они отвергают наших старших братьев и воротят нос от здравомыслящей части человечества, проповедующей смирение!

Словно в подтверждение своих слов, Ларок махнул в сторону Джейкоба черенком трубки. Джейкоб отпрянул, стараясь держать себя в руках и сохранять вежливый тон, однако это оказалось не так-то просто.

— Мне кажется, вы перегибаете палку, Ларок. Вы ведь говорите не о какой-нибудь швали, а о космонавтах! При их отборе в первую оче-

редь руководствуются такими критериями, как эмоциональная устойчивость и политический нейтралитет…

— Да вы даже понятия не имеете, о чем толкуете. Может, это шутка? А вот мне как раз кое-что известно об этой хваленой «эмоциональной устойчивости и нейтралитете» космонавтов! Как-нибудь порасскажу вам об этом много интересного, — продолжал журналист. — Настанет день, и правда выплывет наружу: все узнают, что Конфедерация планировала изолировать существенную часть человечества от старших рас и их наследия, ожидающего нас среди звезд! Несчастные поднадзорные! Но тогда пытаться остановить утечку будет уже поздно!

Ларок затянулся и выпустил Джейкобу в лицо облачко голубого дыма. У Джейкоба закружилась голова.

— Ладно, Ларок, не стану спорить. Оставим подробности до следующего раза. — И он попятился.

Журналист на миг помрачнел, а потом улыбнулся и похлопал устремившегося к выходу Джейкоба по спине.

— Конечно, в следующий раз обязательно все вам дорасскажу. А пока вам лучше прилечь. Ви-

док у вас не особенно цветущий. До скорого! — На прощание еще раз огрев Джейкоба по спине, Ларок снова прошмыгнул в переполненный посетителями бар.

Джейкоб подошел к первому попавшемуся иллюминатору и прижался лбом к стеклу. Поверхность была прохладной, и пульсирующая боль в голове немного утихла. Когда он открыл глаза и выглянул наружу, Земли уже не было видно… Осталась лишь бесконечная россыпь звезд, которые, не мигая, сияли в кромешной тьме. Самые яркие звезды окружал ореол дифракционных лучей; если прищуриться, начинало казаться, что лучи то удлиняются, то делаются короче. Все выглядело точно так же, как звездное небо в пустыне, только свет ярче. Звезды не мерцали, но это были те же самые звезды.

Джейкоб подумал, что ощущения должны быть другими, более мощными. Увиденные из космоса звезды должны казаться более таинственными, более… философскими, что ли. Одним из самых ярких воспоминаний подростковой поры было ошеломляющее буйство звездных ночей. Оно не имело ничего общего с ощущением неизмеримого простора, которое теперь возникало у него под гипнозом. Скорее, оно походило на смутные сны

из прошлой жизни.

Доктора Кеплера, Буббакуба и Фэйгина он обнаружил в центральном холле. Кеплер подозвал его взмахом руки. Компания расположилась на горке подушек возле иллюминаторов. Буббакуб держал в лапах чашку с каким-то ядовитым, судя по виду (да и по запаху), пойлом. Фэйгин медленно прогуливался взад-вперед, переваливаясь на корнях-отростках.

Ряд иллюминаторов, тянувшихся вдоль изогнутого борта корабля, в холле прерывался огромным диском, похожим на гигантское круглое окно от пола до потолка. Поверхность диска выступала из стены примерно на фут. Все, что находилось по другую сторону, скрывала плотно прилегающая обшивка.

— Мы рады вашему решению, — пролаял Буббакуб, прибегнув к помощи водора. Он вальяжно раскинулся на подушке и, договорив, сунул морду в чашку, после чего перестал обращать на Джейкоба и остальную компанию какое бы то ни было внимание. Напрашивался вопрос: маленький пил нарочно старается казаться дружелюбным, или так на людей действует его природное обаяние?

Джейкоб про себя всегда называл Буббакуба

«он», но на деле не имел ни малейшего понятия о половой принадлежности существа. Хотя никакой одежды, если не считать водора и маленького мешочка, на инопланетянине не было, внешние особенности его анатомии ясности не вносили. К примеру, Джейкоб выяснил, что пилы — яйцекладущие, а не млекопитающие. Тем не менее от горла до промежности существа, словно пуговицы на рубашке, вытянулись в ряд наросты, явственно напоминающие соски. Джейкоб терялся в догадках относительно их предназначения. В сетевой базе данных о них не упоминалось. Джейкоб затребовал из Библиотеки более детальное описание.

Фэйгин и Кеплер беседовали об истории солнечных кораблей. Голос Фэйгина звучал приглушенно — верхушка его кроны и дыхательное отверстие почти упирались в звукопоглощающую обшивку потолка. (Джейкоб надеялся, что кантен не склонен к клаустрофобии. Хотя, с другой стороны, чего бояться говорящему овощу? Разве что случайно быть покусанным. Кроме того, его живо интересовали сексуальные привычки этой странной расы, которой для полового акта требовалось участие посредников — специальной породы одомашненных шмелей.)

— Так значит, этот блистательный экспромт, — говорил Фэйгин, — без всякой помощи извне позволил вам доставить контейнеры с оборудованием прямо в фотосферу! Я впечатлен! Странно, что за все время пребывания здесь я ни разу не слышал о столь значимом эпизоде вашей доконтактной истории.

Кеплер сиял от гордости.

— Надо отдавать себе отчет, что проект с батисферой был только… первым шагом, все это произошло задолго до меня. С изобретением лазерных двигателей, которыми стали оснащать доконтактные межзвездные корабли, появилась возможность запускать автоматизированные суда, способные зависать над поверхностью, а благодаря термодинамике высокотемпературных лазеров удавалось сбрасывать излишнее тепло и охлаждать внутреннее пространство зондов.

— Выходит, от запуска пилотируемых аппаратов вас отделял всего один шаг!

Кеплер печально улыбнулся.

— Что ж, возможно. Планы уже разрабатывались. Но отправка на Солнце живых существ и их возвращение были сопряжены с множеством факторов, среди которых не только высокие тем-

пературы и гравитация. Главным препятствием стала турбулентность! Здорово было бы выяснить, могли ли мы решить эту проблему своими силами. — В глазах Кеплера на миг вспыхнула искра азарта. — Планы-то уже были.

— Но тут «Везарий» наткнулся в созвездии Лебедя на корабли Тимбрими, — вступил в разговор Джейкоб.

— Да. И теперь мы уже не узнаем, что случилось бы, сложись все иначе. Когда велись те разработки, я был совсем ребенком. Теперь они безнадежно устарели. Но, может быть, это и к лучшему. Если бы мы попытались отправить экспедицию без промедления, это неизбежно повлекло бы за собой потери или даже смерти… В «Погружении в Солнце» ключевая роль отведена как раз контролю за временным потоком, и на результаты жаловаться не приходится. — Лицо ученого вдруг омрачилось. — То есть не приходилось до недавнего времени.

Кеплер умолк, сверля взглядом ковер. Джейкоб покосился на него и откашлялся, прикрыв рот рукой.

— Раз уж мы затронули эту тему, я не нашел ни одного упоминания о Солнечных Призраках ни в сетевой базе данных, ни даже по специаль-

ному запросу в Библиотеке, а ведь у меня допуск 1-АВ. Может, снабдите меня каким-нибудь внутренним отчетом по этому вопросу, чтобы я мог ознакомиться с деталями за время полета?

Кеплер отвел взгляд, явно нервничая.

— Мы пока не готовы к тому, чтобы информация вышла за пределы Меркурия, мистер Демва. У нашего открытия есть… политический аспект, так что с введением вас в курс дела придется подождать до прибытия на базу. Уверен, там вы найдете ответы на все ваши вопросы.

Смущение ученого выглядело настолько искренним, что Джейкоб решил не напирать. Однако это был тревожный звоночек.

— Осмелюсь добавить к картине еще один штрих, — сказал Фэйгин. — С момента нашей встречи, Джейкоб, было произведено еще одно погружение. И во время этого погружения, как нам сообщили, были замечены соляриане лишь первой, наименее примечательной разновидности, а не представители того, второго, вида, который вызывает у доктора Кеплера такую озабоченность.

После скомканного и торопливого рассказа Кеплера Джейкоб так толком и не разобрался, чем два обнаруженных на данный момент типа

обитателей Солнца отличаются друг от друга.

— Первая разновидность — это, надо полагать, ваши травоядные?

— Не травоядные! — возразил Кеплер. — А магнитоядные. Они питаются энергией магнитного поля. Этот тип мы уже успели неплохо изучить, в отличие от…

— Вынужден вас прервать! Питая горячую надежду, что мне простится это невольное вмешательство, я призываю вас проявить осторожность. Сюда направляется чужак. — Верхние ветки Фэйгина тревожно заскребли по потолку.

Джейкоб обернулся к дверям. Его потрясло, что Фэйгин осмелился прервать говорящего на полуслове — раньше за ним ничего подобного не наблюдалось. Охваченный дурными предчувствиями, Джейкоб усмотрел в этом очередное доказательство того, что он вступает в опасную, связанную с политикой игру, правила которой ему по-прежнему неизвестны.

«Странно, не слышу никаких шагов», — только и успел подумать он. И тут в дверях показался Ларок: в руке бокал, и без того румяное лицо еще больше раскраснелось. При виде Фэйгина и Буббакуба журналист так и расплылся в улыбке. Войдя в зал и жизнерадостно хлопнув Джейкоба

по спине, он потребовал, чтобы его немедленно представили присутствующим.

Джейкоб подавил искушение послать его куда подальше.

Вместо этого он неторопливо приступил к процедуре представления. Ларок был впечатлен и поклонился Буббакубу едва ли не до земли.

— Аб-Киса-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер! И две клиентские расы, как их там, а, Демва? Одна — гели, а вторая? Для меня большая честь лично познакомиться с софонтом, происходящим из линии соро! Когда-то я изучал язык ваших предков, которые, как вдруг выяснится в один прекрасный день, вполне могут оказаться и нашими! Язык соро очень похож и на прасемитский, и на прабанту!

Густые ресницы Буббакуба встопорщились. Из водора полилась сложная, изобилующая согласными и совершенно неразборчивая речь. Потом пришелец несколько раз резко щелкнул челюстями и издал высокое урчание, вдобавок усиленное водором.

Фэйгин, стоявший у Джейкоба за спиной, заговорил на том же клацающе-рычащем языке. Буббакуб, сверкая черными глазищами, развернулся к нему и ответил гортанным рыком, ткнув коротенькой лапкой в сторону Ларока. Кантен

откликнулся такой пронзительной трелью, что у Джейкоба по спине побежали мурашки.

Буббакуб резко развернулся и покинул зал, не удостоив людей ни единым словом.

Огорошенный репортер на мгновение замер, а потом растерянно поглядел на Джейкоба:

— Да в чем я провинился-то?

Джейкоб вздохнул.

— Быть может, ему не понравилось, что вы с ходу набиваетесь к нему в родственники?

Он обернулся к Кеплеру, намереваясь сменить тему. Ученый не сводил взгляда с двери, за которой скрылся Буббакуб.

— Доктор Кеплер, если у вас нет при себе свежих сводок, то, может, хотя бы одолжите мне какие-нибудь несложные работы по физике Солнца и истории проекта «Погружение в Солнце»?

— С превеликим удовольствием, мистер Демва, — кивнул Кеплер. — Я пришлю вам подборку материалов ближе к ужину.

Казалось, мысли его витают где-то далеко.

— И мне тоже! — воскликнул Ларок. — Я аккредитованный журналист, и мне необходимо знать всю подноготную ваших позорных дерзких посягательств, господин начальник!

После секундного замешательства Джейкоб

пожал плечами. Надо отдать Лароку должное: нахальство легко принять за стойкость и способность не сгибаться под ударами судьбы.

Кеплер улыбнулся, словно не расслышал.

— Что, простите?

— Невероятная гордыня! На этот ваш проект «Погружение в Солнце» тратятся астрономические суммы, которые можно было пустить на освоение земных пустынь или на создание более крупного филиала Библиотеки! Подумать только, на что толкает людей тщеславие: на изучение вещей, которые были прекрасно известны нашим благодетелям еще до того, как мы эволюционировали до приматов!

— А теперь послушайте меня, сэр. — Кеплер покраснел от возмущения. — Конфедерация финансирует наши изыскания…

— Изыскания! Вы бы постыдились бросаться такими словами! Вы ищете то, что уже давно можно найти в любой галактической Библиотеке, и позорите всех нас, выставляя человечество форменными кретинами!

— Ларок, — вклинился было Джейкоб, но коротышка не унимался.

— И ваша Конфедерация тоже хороша! Загоняют наших старших братьев в резервации,

как когда-то индейцев! Отобрали у народа возможность пользоваться филиалом Библиотеки! Поддерживают эту абсурдную теорию, из-за которой над нами смеется вся Галактика: дескать, разумная жизнь зародилась на Земле самопроизвольно!

Кеплер не выдержал яростной атаки. Краска сошла с его лица, он залепетал, запинаясь:

— Я… Я не думаю…

— Ларок! Ну хватит, перестаньте!

Джейкоб схватил журналиста за плечо и, развернув к себе, быстро зашептал на ухо:

— Довольно, приятель, вы же не хотите дискредитировать человечество в глазах достопочтенного кантена Фэйгина?

Ларок вытаращил глаза. Где-то за спиной Джейкоба возбужденно шелестел кроной Фэйгин. Наконец журналист сдался и опустил глаза.

Вторая неловкая ситуация за столь короткий срок — даже для такого беспардонного журналюги — это перебор. Сбивчиво извинившись перед пришельцем и сверкнув на прощание глазами в сторону Кеплера, Ларок поспешил откланяться.

— Спасибо за спецэффекты, Фэйгин, — сказал Джейкоб, как только журналист ретировался.

Ответом ему послужил свист, короткий, на

низких частотах.

5
Преломление

С расстояния в 40 миллионов километров Солнце казалось приструненным и посаженным на цепь адом. Оно бурлило в черноте космоса — отныне уже не просто сверкающая точка, которую уроженцы Земли воспринимали как нечто само собой разумеющееся и от которой предпочитали бездумно отводить взгляд. Оно манило к себе сквозь миллионы миль. Порой хотелось украдкой взглянуть на него, но это желание таило в себе опасность.

С борта «Брэдбери» светило казалось размером с пятицентовик, висящий всего в каком-то футе от смотрящего. Свечение было настолько ярким, что без фильтров вынести его было невозможно. Если по земной привычке взглянуть на пылающую сферу одним глазком, можно было ослепнуть. Капитан приказал задраить иллюминаторы и включить защитные поляризационные экраны.

Впрочем, в холле оставалось еще окно с филь-

тром Лио[5], через которое пассажиры могли любоваться дарующей жизнь звездой безо всякого риска для здоровья.

Спалось в тесной каюте неважно, и, в очередной раз проснувшись посреди ночи и пустившись в паломничество к кофейному автомату, Джейкоб задержался возле круглого окна. Какое-то время он с отсутствующим видом пялился в пространство, все еще не до конца стряхнув с себя остатки сна, но зазвучавшая совсем рядом шепелявая речь мигом привела его в чувство.

— Вот так ваше Шолнце выглядит ш афелия[6] Меркурия, Джейкоб.

За одним из карточных столиков, раскиданных по тускло освещенному холлу, сидел Кулла. Светящиеся цифры настенных часов, висевших за спиной у пришельца, прямо над автоматами по продаже всякой всячины, извещали, что сейчас половина пятого.

Голос у Джейкоба спросонья звучал хрипло:

— Разве… э-э… мы уже так близко?

---

[5] notes: 5

Интерференционно-поляризационный фильтр, названный в честь его изобретателя, французского астронома Бернара Лио.

[6] notes: 6

Афелий (апогелий) — наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты или иного небесного тела.

Кулла кивнул:

— Да.

Сейчас устрашающих жвал не было видно. Всякий раз, как пришелец силился произнести звук «с», его огромные складчатые губы поджимались и исторгали свист. Глаза горели в полумраке, отражая полыхавшее за окном красноватое светило.

— До прибытия ошталошь вшего два дня, — сообщил Кулла.

Руки его покоились на столе, сложенные крест-накрест. Свободное серебристое одеяние скрадывало большую часть фигуры.

Джейкоб, слегка пошатнувшись, снова повернулся к окну. Перед глазами закачался сияющий шар.

— Ш вами вше в порядке? — встревожился принг, приподнявшись со стула.

— Нет, пожалуйста, не вставайте. — Джейкоб остановил пришельца жестом. — Просто слегка повело. С недосыпа. Не помешает выпить кофе.

Он поплелся к автоматам, но на полдороге вдруг замер, обернулся и снова уставился на раскаленное Солнце.

— Оно красное! — изумленно просипел Джейкоб.

— Ешли жахотите, я могу рашшкажать вам почему, пока вы наливаете шебе кофе, — предложил Кулла.

— Да, пожалуйста. — Джейкоб направился к темному ряду автоматов с едой и напитками, ища взглядом кофемашину.

— Фильтр Лио пропушкает только монохроматичешкие шветовые волны, — сказал Кулла. — Он шоштоит из множештва круглых плаштин: одни шлужат полярижаторами, другие преломляют швет. По-ражному поворачивая их по отношению друг к другу, можно ш точностью наштроить длину пропушкаемых фильтром волн. Это очень ишкушшное и хитроумное пришпошобление, хоть и шлегка уштаревшее по галактичешким меркам… вроде швейцаршких чашов — некоторые люди вше еше продолжают ношить их, хотя уже давно наштупила эра электроники. Когда ваши шобратья как шледует ошвоят Библиотеку, вше эти… машины Руба Голдберга[7], я правильно шкажал?.. отойдут в прошлое.

Джейкоб наклонился, пытаясь получше раз-

---

[7] notes: 7

Рубен Люциус Голдберг (1883–1970) — американский карикатурист, инженер и изобретатель. Кулла имеет в виду названный в честь этого человека конкурс машин, участники которого обязаны придумать сложный механизм для решения какой-нибудь простой задачи.

глядеть ближайший автомат. Вроде кофейный. За прозрачной дверцей скрывалась небольшая площадка с металлической решеткой для стока жидкости. Осталось только найти нужную кнопку, и тогда на площадку выскочит одноразовый стаканчик, а потом из механической артерии хлынет струя желанного горьковатого темного напитка.

В ушах все еще жужжал голос Куллы. Делая вид, что слушает, Джейкоб время от времени вставлял вежливые замечания: «А-а… вот оно как… да, понятно».

Одна из кнопок с левого края автомата слабо светилась зеленым. Он машинально надавил на нее.

И обвел автомат мутным взглядом. Ага! Раздалось жужжание и щелчок! Вот и стаканчик! Так… что за чертовщина?

В стаканчик плюхнулась большая желто-зеленая таблетка.

Джейкоб приоткрыл дверцу и забрал стаканчик. В следующий миг на опустевшую площадку, где только что стоял стаканчик, полилась горячая жидкость.

Джейкоб поглядел на таблетку с недоверием. Что бы это ни было, а на кофе не похоже. Он про-

тер левым запястьем сначала один глаз, потом другой. Затем с осуждением покосился на нажатую кнопку.

Под кнопкой имелась подпись, он только сейчас это разглядел. Она гласила: «Комплекс питательных веществ для ПВЦ». Прямо под ней располагался кардридер, из которого торчала карта памяти. «Для прингов: диетическая добавка — кумариново-белковый комплекс» — значилось на карте.

Джейкоб украдкой покосился на Куллу. Пришелец продолжал читать лекцию, отвернувшись к окну с фильтром Лио. Обозначая, что достиг в своих рассуждениях важного пункта, он простер длань к полыхающему, словно Дантов ад, Солнцу.

— Это крашное альфа-ижлучение обешпечивает водород, — вещал Кулла. — Очень полежная чашть шпектра. Вмешто того чтобы жапутатьшя в огромном количештве шлучайных шветовых волн шо вшей поверхношти Шолнца, мы можем шошредоточитьшя только на тех облаштях, где водород поглощаетшя или ображуетшя шверх нормы…

Пришелец указал на пеструю поверхность светила. Она была усеяна темно-красными пятнами

и перистыми дугами.

Джейкоб читал про них. Перистые дуги — это плазменные волокна. Если взглянуть на солнечный диск из космоса, то они выглядели как протуберанцы — люди наблюдали их с тех самых пор, как впервые догадались взглянуть на затмение сквозь телескоп. Кулла же сейчас объяснял, как эти объекты выглядят вблизи.

Джейкоб погрузился в размышления. На протяжении всего полета Кулла избегал принимать пищу в обществе других пассажиров, разве что иногда потягивал водку или пиво через соломинку. Не зная истинных мотивов, Джейкоб мог лишь догадываться, что традиции прингов включали в себя табу на принятие пищи на глазах у чужаков.

Если вдуматься, то существо, вместо зубов наделенное жерновами, во время еды должно выглядеть не слишком опрятно. Судя по всему, вломившись сюда, я помешал его завтраку, а он слишком вежлив, чтобы указать мне на это.

Он снова поглядел на злополучный стаканчик с таблеткой. Потом сунул таблетку в карман куртки, а стаканчик смял и выбросил в ближайшую мусорную корзину.

Вдруг его взгляд наткнулся на кнопку с подпи-

сью «черный кофе». Джейкоб не без сожаления улыбнулся. Может, лучше обойтись без кофе, а то еще чего доброго Кулла обидится. Хотя пришелец не высказал ни слова в осуждение, он так и стоял, отвернувшись, все то время, пока Джейкоб исследовал автоматы с едой и напитками.

Заслышав приближающиеся шаги, Кулла наконец обернулся. Рот его слегка приоткрылся, на миг ослепив Джейкоба белизной фарфора.

— Ну как, теперь меньше шатает? — участливо поинтересовался пришелец.

— Да, шпашибо, то есть спасибо… за познавательный рассказ. Мне всегда казалось, что поверхность Солнца довольно однородна… если не считать солнечных пятен и протуберанцев. Но, полагаю, на самом деле все устроено гораздо сложнее.

Кулла кивнул.

— Ешли вам нужен наштоящий шпециалишт в этом вопроше, то это доктор Кеплер. Он намного лучше шможет вше объяшнить, когда вы шовершите ш нами погружение.

Джейкоб вежливо кивнул. Черта с два разберешь этих галактических посланцев с их выучкой! Когда Кулла кивнул, вкладывал ли он в этот жест что-то личное? Или его просто выдрес-

сировали, чтобы, оказавшись в обществе людей, он не забывал время от времени кивать?

Совершите с нами погружение?!

Джейкоб решил не переспрашивать. Не стоит лишний раз искушать судьбу.

Он разомкнул было губы в зевке, но вовремя спохватился и прикрыл рот ладонью. Мало ли, что подобный жест может означать на родине прингов!

— Что ж, Кулла, думаю, мне стоит вернуться к себе в каюту и попытаться еще немножко вздремнуть. Спасибо за содержательную беседу!

— Вшегда рад окажатьшя полежным, Джейкоб. Шпокойной ночи.

Он прошаркал по коридору и уснул, едва только его голова коснулась подушки.

6
Фазовый сдвиг и дифракция

Нежный жемчужный свет лился сквозь иллюминаторы на лица зрителей, наблюдавших, как меркурианский пейзаж скользит под днищем снижающегося корабля.

Почти все, у кого не было срочных служебных обязанностей, собрались в холле, прикованные к ряду иллюминаторов жутковатой красотой планеты. Разговаривали вполголоса и только маленькими группками, собравшимися у каждого из иллюминаторов. В основном же царила тишина, нарушаемая лишь негромким потрескиванием, источник которого Джейкоб никак не мог вычислить.

Поверхность планеты была изрыта кратерами и длинными каньонами. Тени от гор казались неправдоподобно черными, контрастируя с остальными, ярко-серебристыми и бурыми, красками ландшафта. Местность во многом напоминала Луну.

Но были и отличия. В одном месте отсутствовал немалый по площади участок поверхности,

уничтоженный каким-то давним катаклизмом. От этого шрама по обращенной к Солнцу стороне рядами тянулись глубокие борозды. Четко вдоль вмятины пролегал терминатор[8], резко разграничивающий день и ночь.

На те области, куда не простиралась тень, ливнем обрушивалось излучение семи различных типов. Протоны и рентгеновские лучи, побочные продукты деятельности магнитосферы, и поистине ослепительный солнечный свет вкупе с некоторыми другими смертоносными штуками делали поверхность Меркурия настолько непохожей на Луну, насколько это вообще возможно.

Планета напоминала обиталище неупокоенных душ. Чистилище.

Джейкобу пришли на ум строки из старинного японского стихотворения, созданного еще до эпохи хокку, которое он прочитал всего месяц назад:

Лишь только наступает вечер,

Растет и множится в душе моей тоска,

И кажется, что ты, с кем раньше я

---

[8] notes: 8

Терминатор — в астрономии линия светораздела, отделяющая освещенную часть небесного тела от неосвещенной.

встречалась,
Мне шепчешь нежные слова
И все стоишь передо мною!..[9]

— Вы что-то сказали?

Джейкоб очнулся от легкого транса и увидел перед собой Дуэйна Кеплера.

— Нет, не обращайте внимания. Вот ваш пиджак. — Джейкоб передал ученому аккуратно сложенную одежду. Тот улыбнулся.

— Прошу прощения, но природа берет свое, причем порой в самые неромантичные моменты. Даже космическим скитальцам приходится иногда наведываться в душ или туалет. А Буббакуб, видимо, питает к велюру необъяснимую слабость. Стоит мне только по какой-то причине ненадолго снять пиджак, как на нем тут же умудряется прикорнуть наш маленький пил. Надо будет купить ему точно такой же, когда вернемся на Землю. Так о чем мы с вами говорили до моего ухода?

Джейкоб указал на простиравшуюся внизу меркурианскую поверхность.

— Я просто подумал… Теперь я понимаю, по-

---

[9] notes: 9

Стихотворение приписывают японской поэтессе, известной как девица из Каса, пер. А. Е. Глускина.

чему космонавты сравнивают спутник Земли с песочницей. Здесь-то, в отличие от Луны, нужно принимать повышенные меры предосторожности.

Кеплер кивнул.

— Да, но это все равно в сто раз лучше, чем сидеть дома и участвовать в каком-нибудь дурацком проекте по искусственному созданию рабочих мест! — Ученый выдержал паузу, как будто обдумывал какое-то язвительное замечание. Но запал иссяк раньше, чем он успел продолжить. Кеплер повернулся к иллюминатору и обвел рукой простиравшийся внизу пейзаж. — Первые исследователи, Антониоди и Скьяпарелли, назвали этот район Обителью Муз. А вон тот огромный древний кратер окрестили в честь Гете. — Он указал на нагромождение темных горных пород, выделявшееся на фоне серебристой равнины. — Отсюда рукой подать до Северного полюса, а под ним пролегает целая система пещер, благодаря которым и удалось создать базу «Гермес».

Кеплер всем своим видом напоминал теперь степенного ученого мужа — кроме разве что тех моментов, когда то один, то другой кончик его длинных, песочного цвета усов оказывался у него во рту. По мере приближения к Меркурию

владевшая им нервозность постепенно ослабевала — должно быть, сказывалось, что они в двух шагах от базы проекта «Погружение в Солнце», где он единовластный начальник.

Однако во время полета, особенно когда разговор касался Возвышения или Библиотеки, лицо Кеплера приобретало странное выражение — как у человека, которому есть что порассказать, но обстоятельства заставляют держать язык за зубами. Он нервничал и пребывал в замешательстве, словно боялся выразить свою точку зрения и получить нагоняй.

Поразмыслив на досуге, Джейкоб пришел к выводу, что одна из причин такого поведения ему известна. Хотя шеф «Погружения» не сказал напрямую ничего, что могло бы его разоблачить, однако Джейкоб не сомневался: Дуэйн Кеплер — человек верующий.

Вражда «рубах» и «шкур» на фоне контакта с внеземными цивилизациями привела к тому, что официальная религия треснула по швам.

Последователи фон Дэникена уверовали в некую великую (но не всемогущую) расу, которая однажды уже вмешалась в ход развития человечества и может сделать это снова. Сторонники неолитической этики молились «душе человече-

ской» как первоисточнику всех событий.

Само существование тысяч бороздящих космические просторы рас, из которых лишь очень немногие исповедовали нечто подобное догматам земных религий, нанесло непоправимый удар по представлениям о всемогущем антропоморфном Боге.

Большинство бывших прихожан либо примкнули к одной из противоборствующих сторон в споре «рубах» и «шкур», либо перешли в деизм[10]. Армии верующих в основном переметнулись под другие знамена, а те немногие, кто не отказался от прежних убеждений, затаились, пережидая суматоху.

Джейкоб порой задавался вопросом, не ждут ли они какого-то знамения.

Если Кеплер и впрямь принадлежал к числу верующих, это объясняло его осторожность. В ученых кругах и так слишком многие в последнее время лишились работы. Кеплер не стал бы рисковать, он не хотел пополнить их ряды, заработав репутацию фанатика.

Джейкобу было стыдно за общество, заставлявшее человека бояться. Он охотно послушал бы,

---

[10] notes: 10

Религиозно-философское мировоззрение, рассматривающее Бога лишь как первопричину всего сущего.

что думает на этот счет сам ученый. Но вопросов не задавал, уважая явное нежелание Кеплера впускать кого бы то ни было в свою личную жизнь.

Кое-что вызывало у Джейкоба и чисто профессиональный интерес: например, как стремление держаться особняком повлияло на состояние психики Кеплера. У ученого в мозгу засело занозой нечто большее, чем просто философская дилемма, и это нечто временами подтачивало его способность к руководству и уверенность в собственной профпригодности.

Доктор Мартин, психолог, не обделяла Кеплера своим вниманием, напоминая ему о регулярном приеме лекарств — разноцветных таблеток из многочисленных пузырьков, которые были распиханы по карманам ученого.

Джейкоб почувствовал, как к нему возвращаются прежние привычки, не растраченные за спокойные месяцы, проведенные в Центре Возвышения. Он сгорал от любопытства, что это были за таблетки; не менее интересно было бы выяснить, в чем заключались истинные функции Милдред Мартин как члена экспедиции.

Мартин по-прежнему оставалась для Джейкоба тайной за семью печатями. Сколько бы

они ни беседовали во время полета, ему так и не удалось заглянуть под ее проклятую маску отстраненного дружелюбия. Та снисходительная насмешливость, с которой она с ним обращалась, так же бросалась в глаза, как и неоправданная вера в него со стороны доктора Кеплера. Что же на самом деле было на уме у этой загадочной женщины, неведомо.

Кого меркурианский пейзаж оставил равнодушными, так это Мартин и Ларока. Мартин с энтузиазмом рассказывала о своих исследованиях, посвященных влиянию цвета и яркости освещения на поведение душевнобольных. Джейкоб уже слышал об этом на встрече в Энсенаде. Присоединившись к проекту, Мартин первым делом постаралась свести к минимуму психогенное воздействие окружающей среды — на случай, если наблюдаемый «феномен» окажется галлюцинацией на фоне стресса.

За время путешествия эта парочка на удивление спелась: психолог, развесив уши, слушала зачастую противоречившие друг другу россказни о погибших цивилизациях и пришельцах, посетивших Землю в доисторические времена. Ларок, стараясь не ударить лицом в грязь, призвал на помощь все свое знаменитое красноречие. Бы-

вало, что, уединившись для беседы в холле, они обрастали толпами зевак. Джейкоб и сам пару раз заходил послушать. Ларок умел, когда хотел, всколыхнуть в душе собеседника целую бурю чувств.

И все же в обществе толстяка Джейкоб по-прежнему испытывал куда больший дискомфорт, чем наедине с любым другим пассажиром. Он предпочитал компанию более открытых существ. Таких, как Кулла. Пришелец вызывал у него симпатию. Невзирая на огромные, хитроумно устроенные глаза и внушающие ужас челюсти, принг обладал вкусами и пристрастиями, которые во многом совпадали с его собственными.

Кулла сыпал тоннами простодушных вопросов о Земле и ее обитателях, в особенности же его интересовало то, как люди обращаются с расами своих клиентов. Узнав, что Джейкоб принимал участие в проектах по развитию шимпанзе, дельфинов, а в последнее время еще собак и горилл, он стал относиться к своему земному другу с подчеркнутым уважением.

Кулла ни разу не отозвался о земных технологиях, как об архаичных, хотя по примитивности и нелепости им не было равных во всей Галактике. В конце концов, ни одной другой расе за

всю историю вселенной не приходилось добиваться всего исключительно своими силами, с нуля. Библиотеке это было доподлинно известно. Кулла с воодушевлением рассуждал, какую неизмеримую пользу принесет Библиотека его друзьям-людям и шимпанзе.

Однажды Кулла увязался за Джейкобом в корабельный спортзал и, выпучив огромные красные глазищи, наблюдал за одной из многих за время полета его тренировок, помогающих поддерживать марафонскую форму. В перерывах на отдых Джейкоб выяснил, что принг уже постиг искусство шутить ниже пояса. Видимо, сексуальные нравы прингов не слишком отличались от тех, которых придерживалось современное человечество, во всяком случае, концовку известного анекдота: «Ну, кто ты, мы уже разобрались, осталось договориться о цене», — оба понимали одинаково.

Именно шутки, а не что-либо иное заставили Джейкоба осознать, как далеко от дома занесло этого костлявого посланца прингской цивилизации. Страдал ли Кулла от столь же острых приступов тоски и одиночества, какие непременно случались бы у него самого, окажись он в схожей ситуации?

А в завязавшемся однажды споре о том, какое пиво лучше: «Туборг» или «L-5», Джейкоб до того разошелся, что насилу вспомнил, что перед ним инопланетянин, а не шепелявый и чрезмерно предупредительный уроженец Земли. Но все встало на свои места, когда в ходе одной из бесед они вдруг оказались по разные стороны глубокой, непреодолимой пропасти.

Джейкоб рассказывал о прошлом, об охватившей Землю когда-то классовой борьбе, суть которой Кулле никак не удавалось постичь. Он попытался проиллюстрировать главную мысль китайской пословицей: «Если крестьянин решит повеситься, он придет к дверям своего хозяина».

Глаза пришельца внезапно полыхнули огнем, а из пасти впервые со дня их знакомства донесся возбужденный скрежет. Джейкоб в изумлении уставился на собеседника и поспешил сменить тему.

И все же, взвесив все факторы, приходилось признать, что чувство юмора у Куллы куда ближе к человеческому, чем у любого другого из известных ему пришельцев. Не считая Фэйгина, разумеется.

И вот теперь, когда корабль заходил на посадку, принг безмолвно вытянулся рядом со своим

патроном; лица у обоих были совершенно непроницаемые.

Кеплер легонько похлопал Джейкоба по руке, привлекая его внимание, и указал на иллюминатор.

— Вскоре капитан сдвинет замедляющие экраны, и скорость, с которой к нам поступает пространственно-временной поток, начнет падать. Вас наверняка не оставят равнодушным возникающие при этом побочные эффекты.

— А я думал, корабль как бы дает ткани космоса проскользнуть мимо. Что-то вроде того, как если въехать на доске для серфинга прямо на пляж.

Кеплер улыбнулся.

— Нет, мистер Демва, это распространенное заблуждение. Космический серфинг — это всего лишь метафора из арсенала авторов научно-популярных книг. К тому же, говоря о пространственно-временном потоке, я не использую слово «ткань». Космос — это не материя. Входя в зону гравитационной сингулярности — то есть пространственного искривления, создаваемого планетой, — мы должны смириться с постоянно меняющейся системой мер, иными словами, с набором параметров, с помощью которых мы изменяем пространство и время. Представьте, что

по мере приближения к массивному телу природа требует от нас, чтобы мы постепенно меняли длину своих линеек и скорость хода часов.

— Насколько я понимаю, капитан контролирует процесс посадки так, чтобы эти изменения происходили медленно и плавно?

— Совершенно верно! Конечно, были времена, когда перестройка проходила жестче. К иной системе измерения подстраивались, либо постоянно тормозя при помощи реактивных двигателей, пока корабль не коснется поверхности, либо попросту врезаясь в планету. Теперь же при замедлении мы просто сворачиваем излишки пространства и времени, словно ткань в рулон. Ох! Снова эти аналогии с материей!

Кеплер улыбнулся во весь рот.

— При этом образуется один весьма полезный продукт — нейтроний, причем выработка происходит в промышленных масштабах. Но основная цель все-таки — обеспечить нам безопасное приземление.

— А когда лишнее пространство наконец начнут запихивать в мешок, мы хоть что-нибудь заметим?

Кеплер указал на иллюминатор.

— Можете полюбоваться, уже началось.

Снаружи стали гаснуть звезды. Неисчислимые россыпи ярких точек, чей свет проникал даже сквозь затемненные экраны, тускнели прямо на глазах. Вскоре от них осталась лишь жалкая горстка: блеклые и желтоватые, они едва мерцали в бескрайней тьме.

Планета под нами тоже изменилась.

Свет, отраженный поверхностью Меркурия, утратил резкость. Жар пошел на убыль. Поверхность заметно потемнела, а исходящий от нее свет окрасился оранжевым.

Кроме того, планета приближалась. Линия горизонта медленно, но ощутимо выпрямлялась. По мере того как «Брэдбери» снижался, те или иные объекты на поверхности Меркурия, прежде едва различимые, приобретали четкие очертания.

Внутри крупных кратеров скрывались кратеры поменьше. Когда корабль проплыл мимо зазубренной кромки одного из самых мелких экземпляров, Джейкоб успел разглядеть, что и она, в свою очередь, усеяна мелкими углублениями, и каждое из них по форме повторяет старших собратьев.

Потом горизонт маленькой планеты скрылся за горной грядой, и Джейкоб лишился точки отсчета, позволявшей оценивать расстояние.

Минуты текли, а пейзаж внизу не менялся. Как определить, далеко ли еще до поверхности? Что это там под нами: гора или валун? А может, мы коснемся тверди уже через пару секунд, и это всего лишь камешек?

Он чувствовал, что осталось совсем немного. Серые тени и оранжевые скальные породы были так близко, что казалось, протяни руку — и дотронешься.

Джейкоб ожидал, что посадка может произойти в любой момент. Но тут, к его вящему изумлению, поверхность под ними вдруг разверзлась и поглотила корабль.

Пока пассажиры готовились к высадке, Джейкоб испытал потрясение, вспомнив, чем он занимался недавно, когда, сжимая в руках пиджак Кеплера, соскользнул в легкий транс.

Тайком, проявив немалую сноровку, он обшарил карманы Кеплера, взяв образцы всех таблеток и ухитрившись вынуть крохотные пробочки и вернуть их на место, не оставив отпечатков пальцев. Теперь таблетки аккуратной кучкой покоились в боковом кармане его куртки, занимая совсем немного места и не выпирая.

«Так, началось, — простонал Джейкоб и стиснул зубы. — На этот раз я справлюсь сам! Без

всякой помощи своего второго „я“. Хватит с меня этих расщеплений на части и воссоединений!»

И он ударил себя кулаком по бедру, чтобы унять зуд удовлетворения, возникший в кончиках пальцев.

Часть III

Переходная область между короной и фотосферой (поверхностью Солнца, если взглянуть на него при дневном свете) при затмении выглядит как ярко-красное кольцо вокруг Солнца и потому называется хромосферой. При более внимательном изучении видно, что она представляет собой не однородный слой, а стремительно меняющуюся волокнистую структуру. Для ее описания использовался термин «горящие прерии». На ней постоянно происходят кратковременные выбросы, именуемые «спикулами», достигающие в высоту нескольких тысяч километров. Красный цвет обусловлен преобладанием в спектре излучения альфа-линии водорода. Нам еще только предстоит разобраться, что происходит в этой столь сложной области…

***Харольд Цирин*[11]**

---

[11] notes: 11

Харольд Цирин (1929–2012) — американский астроном, посвятивший себя изучению Солнца.

7
Интерференция

Покинув свою комнату и направившись в отсек с микроклиматом для ПВЦ по коммуникационным коридорам, доктор Мартин внушала себе, что это не уловка, а всего лишь предосторожность. Вдоль грубых, лишенных какой бы то ни было отделки стен тянулись кое-где пришпиленные к шершавой поверхности вентиляционные трубы и кабели связи. На меркурианском камне поблескивали капельки конденсата, в воздухе пахло сыростью. Эхо шагов Милдред неслось по лабиринту коридоров, намного опережая ее саму.

Вскоре женщина очутилась перед герметизированной дверью, над которой светился зеленый огонек, черным ходом в жилище одного из инопланетян. Стоило ей прижать сенсорную карту, как дверь тут же отворилась.

Изнутри хлынул пронзительный зеленоватый свет — имитация естественного света звезды, находившейся за много парсеков отсюда. Прикрывая глаза ладонью, доктор Мартин запустила

пальцы в набедренную сумочку, извлекла оттуда солнцезащитные очки и, надев их, заглянула в помещение.

Стены были увешаны гобеленами ручной работы, изображавшими висячие сады и инопланетное поселение, притулившееся на краю скалы. Домики лепились к выщербленному горному склону, мерцая, как будто ты смотришь на них сквозь струи водопада. Милдред показалось, что она почти уловила тоненькую мелодию, звучавшую всего на несколько тонов выше воспринимаемого человеческим ухом диапазона. Не потому ли ей вдруг стало нечем дышать, не потому ли ее охватила паника?

Буббакуб поднялся с заваленного подушками ложа, чтобы поприветствовать ее. Он заковылял навстречу гостье, переваливаясь на несуразно коротких лапках. Серый мех шелковисто поблескивал. В этом ядовитом освещении при увеличенной в полтора раза по сравнению с земной силе тяжести Буббакуб разом утратил мнимое очарование и уже не казался милым медвежонком. Кривоногая фигурка пила излучала уверенность и силу.

Губы пришельца зашевелились, исторгая короткие щелчки. Голос, лившийся из водора,

звучал мягко и раскатисто, хотя фразы были оборванные.

— Хорошо. Рад, что пришли.

Доктор Мартин почувствовала облегчение. Уполномоченный Библиотеки выглядел мирным и расслабленным. Она отвесила легкий поклон.

— Приветствую вас, пил Буббакуб. Я зашла спросить, нет ли вестей из филиала Библиотеки.

Буббакуб ощерился, демонстрируя полный рот острых, как иглы, зубов.

— Входите, присаживайтесь. Да, хорошо, что спросили. Новость есть. Заходите же. Сперва перекусите, выпейте чего-нибудь.

Преодолев пролегавшую у порога границу гравитационных полей, Милдред невольно поморщилась. Ощущение, как всегда, не из приятных. Нагрузка на организм такая, будто она весила килограммов семьдесят.

— Нет, благодарю. Я только что поела. Пожалуй, присяду.

Доктор Мартин приметила стул, сконструированный в расчете на человеческую анатомию, и осторожно опустилась на него. Все-таки семьдесят кило — это уже перебор!

Пил разлегся на подушках напротив нее, похожая на медвежью голова находилась примерно

на том же уровне, что и ноги. Черные глазки-бусинки буравили гостью.

— Со мной связались из Ла-Паса, по мазеру[12]. Они говорят, что по Солнечным Призракам ничего нет. Ни одного ис-точ-ни-ка. Возможно, выбран неверный термин. А может, филиал слишком мал. Он и правда мал, очень мал, я всегда это говорил. Но кое-кто из земных чи-нов-ни-ков может придать отсутствию данных слишком большое зна-че-ни-е.

Милдред пожала плечами.

— Об этом я бы тревожилась в последнюю очередь. Этот факт лишь доказывает, что библиотечному проекту не придают должного значения. Более крупный филиал, за который уже давно ратует моя группа, наверняка справился бы с задачей.

— Я запросил данные с планеты пилов по вну-три-вре-мен-ной связи. Уж в главном от-де-ле-ни-и накладок возникнуть не должно!

— Вот и славно, — кивнула доктор Мартин. — Меня беспокоит только одно: чем будет заниматься Дуэйн, пока мы ждем информации. Он фонтанирует полудурочными идеями, все дума-

---

[12] notes: 12

Мазер — квантовый генератор, излучающий микроволны.

ет, как бы выйти с Призраками на связь. Боюсь, что, блуждая в потемках, он умудрится нанести пси-существам какое-нибудь жуткое оскорбление, и тогда даже вся библиотечная премудрость нас не спасет. Для Земли жизненно необходимо сохранять с ближайшими соседями дружеские отношения!

Буббакуб оторвал голову от подушки и подпер щеку коротенькой лапкой.

— При-ла-га-е-те ли вы усилия, чтобы из-лечить доктора Кеплера?

— Разумеется, — сухо ответила Мартин. — Честно говоря, меня очень беспокоит то, с каким упорством он все это время уклоняется от проверки. У Дуэйна в голове творится черт знает что, но я полагаю, что показатель агрессии у него в пределах нормы. Он успешно прошел тест с кляксами, пока жил на Земле. Похоже, сейчас мне удалось стабилизировать его состояние. Но я так и не раскопала, в чем корень его проблем, и это страшно выбешивает. Его скачки от маниакального состояния к депрессивному напоминают ослепительное безумие конца XX — начала XXI веков, когда человечество чуть не погибло из-за разрушительного воздействия на психику шумового загрязнения окружающей среды. Повальное

безумие, достигнув пика, едва не уничтожило промышленную культуру и в итоге привело к периоду упадка, который сейчас, смягчая краски, именуют Бюрократией.

— Да, я читал о том, как ваша раса пыталась свести счеты с жизнью. Мне показалось, что по-сле-до-вав-ша-я за этим эпоха, о которой вы только что упомянули, была счастливым временем мира и порядка. Впрочем, не мне судить. Вам повезло, что у вас не хватило мозгов даже на са-мо-у-бий-ство. Но не будем отклоняться от темы. Так что там с Кеплером?

Монотонный голос пила был лишен вопросительных интонаций, зато выражение его морды, то, как он кривил складки кожи, заменявшие ему губы, недвусмысленно указывало, что он ждет, нет, требует ответа. У доктора Мартин по спине пробежал холодок.

«Ну и заносчивый тип! — подумала она. — И всем вокруг, похоже, кажется, что это всего лишь милая черта характера. Неужели они не замечают, какой огромной властью он обладает и чем нам всем грозит его пребывание на Земле?

Из-за культурного шока они видят в нем лишь человекоподобного медвежонка. Сплошное умиление! Неужто только мой босс и его друзья из

Совета Конфедерации с первого взгляда распознали в нем демона из космических глубин?

И почему-то именно на мою долю выпало выяснить, чем можно задобрить этого демона, и, заставив Дуэйна держать язык за зубами, попытаться найти вменяемый способ вступить в контакт с Солнечными Призраками! Ифни, дай своей дочери сил!

Буббакуб все еще ожидал ответа.

— Н-ну, мне известно, что Дуэйн полон решимости раскрыть тайну Солнечных Призраков, не прибегая к помощи пришельцев. Кое для кого из членов его команды это принципиальный момент. Не рискну утверждать, что среди них есть «шкуры», но люди они упертые.

— Нельзя ли заставить его не пороть горячку? — спросил пришелец. — Его не-пред-ска-зу-е-мость смешала нам все карты.

— Вы имеете в виду приглашенного им Фэйгина и его друга Демву? От них вряд ли стоит ждать подвоха. Благодаря опыту работы с дельфинами Демва даже может оказаться полезен, хотя и не сразу. А Фэйгин с его талантами найдет ключик к любой инопланетной расе. Тут важнее другое: у Дуэйна наконец появились благодарные слушатели, которых можно пичкать своими

параноидальными фантазиями. Я поговорю с Демвой и попрошу его отнестись к начальственным излияниям снисходительно.

Буббакуб одним резким движением сел, устроился поудобнее и посмотрел доктору Мартин прямо в глаза.

— Да плевать мне на них. Фэйгин — никчемный романтик, а Демва производит впечатление кретина. Как и все друзья Фэйгина. Меня больше беспокоят двое других, которые мутят воду на базе. Поднимаясь на борт, я понятия не имел, что среди членов команды есть шимпанзе. Мартышка и жур-на-лист — как две занозы. Жур-на-лист вечно что-то вынюхивает у экипажа базы и создает слишком много шума. А шимпанзе ходит по пятам за Куллой, мечтает его «ос-во-бо-дить», так что…

— Разве Кулла проявляет неповиновение? Мне казалось, заключенное им двустороннее соглашение обязывает…

Буббакуб вскочил с подушки и зашипел, оскалив острые зубы.

— Не сметь перебивать меня, человек!

Доктор Мартин впервые услышала настоящий голос пришельца — перекрывавший рычание водора пронзительный писк, от которого закла-

дывало уши.

Ошеломленная, она замерла, не в силах пошевелиться.

Напрягшиеся было мышцы Буббакуба постепенно расслабились. Не прошло и минуты, как вставшая дыбом шерсть почти обрела прежнюю гладкость.

— Приношу из-ви-не-ни-я, человек Мартин. Напрасно я вспылил из-за столь незначительного промаха, допущенного представителем не-разви-той расы.

Милдред перевела дух, стараясь ничем не выдать потрясения.

Буббакуб снова опустился на подушку.

— Что касается вашего вопроса, то нет, Кул-ла не совершил ничего не-до-зво-лен-но-го. Ему известно, что его раса по правилам опеки еще долго будет в под-чи-не-ни-и у моей. Тем не менее зря этот ваш доктор Джефф-ри раз-гла-голь-ству-ет о мифических правах без каких-либо обязанностей. Вам, людям, следовало бы обуздать своих пи-том-цев, ведь им присвоили статус софонтов только по ми-ло-сти моих собратьев из старших рас. А если не считать их софонтами, то кто тогда вы, а, че-ло-век?

Зубы директора филиала на мгновение сверк-

нули, а потом Буббакуб захлопнул пасть, клацнув челюстями.

У Мартин в горле пересохло. Она заговорила, тщательно подбирая слова:

— Прошу прощения, если я и мои соплеменники чем-то обидели вас, пил Буббакуб. Я попрошу Дуэйна, может, ему удастся приструнить Джеффри.

— А как насчет жур-на-лис-та?

— Да, с Пьером я тоже переговорю. Уверена, у него не было на уме ничего дурного. Больше он не доставит вам проблем.

— Хорошо бы, — мягко прожурчала коробочка-переводчик. Коренастая фигурка снова обмякла на подушке. — У нас с вами общие цели, притом весьма важные. Надеюсь, мы сможем действовать слаженно. Однако помните: при всем сходстве целей средства их достижения могут оказаться совершенно разными. Прошу вас приложить максимум усилий, иначе я буду вынужден, как у вас говорят, убить одним выстрелом сразу двух зайцев.

Доктор Мартин ответила еще одним вялым кивком.

8
Отражение

Ларок, как обычно, витийствовал, Джейкоб давно перестал вслушиваться в его речи. Коротышке все равно было не до него, на сей раз он старался произвести впечатление на Фэйгина. Демва размышлял, не грешит ли он излишним очеловечиванием инопланетян, сочувствуя ПВЦ, вынужденному слушать очередные бредни репортера.

Маленький вагончик, в котором находилась троица, катился по извилистому туннелю, изобиловавшему резкими подъемами и спусками. Фэйгин двумя корнями-отростками вцепился в поручень, тянувшийся в паре сантиметров от пола. Люди держались за другой, опоясывавший салон вагона чуть выше.

Джейкоб рассеянно прислушался. Ларок развивал тему, затронутую еще на борту «Брэдбери»: дескать, пропавшие патроны землян, те самые мифические существа, которые якобы взялись несколько тысяч лет назад окультуривать человечество, да так и бросили свою затею на полдороге,

должны быть так или иначе связаны с Солнцем. Ларок полагал, что Солнечные Призраки могут оказаться как раз той самой расой.

— И потом, ведь в земных религиях есть многочисленные отсылки. Почти во всех религиях Солнце священно! Эта идея — одна из тех общих черт, что объединяют все цивилизации!

Ларок широко раскинул руки, словно подчеркивая размах своих мыслей.

— Выглядит весьма правдоподобно, — продолжал он, — а заодно объясняет, почему Библиотеке так сложно отследить нашу «родословную». Разумеется, о расах солярного типа известно уже давно, так что нынешнее «исследование» — переливание из пустого в порожнее. Однако встречаются они, бесспорно, редко, и до сих пор никто не догадался внести в Библиотеку данные о такой взаимосвязи, хотя это позволило бы решить две проблемы разом!

Что самое неприятное, эту гипотезу было чертовски сложно опровергнуть. Джейкоб тихо вздохнул. Неудивительно, что многие примитивные земные цивилизации когда-то поклонялись Солнцу. Ведь совершенно очевидно, что Солнце — источник тепла, света и самой жизни, обладающий чудодейственной силой! Видимо,

поклонение животворной звезде было общим этапом в развитии первобытных людей.

Именно в этом и крылся корень проблем. В Галактике имелось не так много «примитивных народностей», чей опыт можно было бы сопоставить с историей человечества; большинство составляли либо животные, стоящие на пороге разумности охотники и собиратели (или сходные с ними типы), либо высокоразвитые расы софонтов. «Промежуточные» варианты вроде человечества, по-видимому покинутые своими патронами и так и не обученные пользоваться новообретенным разумом, попадались крайне редко.

И эти редкие образчики свежеокрепшего разума, как правило, стремительно вырывались из своей экологической ниши. Они порождали странные пародии на науку — смесь причудливых причинно-следственных связей, суеверий и мифов. Без руководящей роли патронов век подобных рас-подкидышей обычно был короток. Нынешняя боязливость инопланетян по отношению к человечеству отчасти объяснялась тем, что людям, как ни странно, удалось выжить.

Отсутствие других цивилизаций с похожей историей порождало уйму разнообразных кон-

цепций, которые легко было создать и трудно опровергнуть. Поскольку в маленьком филиале в Ла-Пасе не содержалось данных о каких-либо иных случаях солнцепоклонничества, широко распространенного внутри одной расы, Ларок мог невозбранно утверждать, будто эти традиции являют собой отголоски так и не завершенного когда-то Возвышения.

Ненадолго прислушавшись к разговору на случай, если Ларок выдаст что-нибудь новенькое, и не дождавшись этого, Джейкоб снова отвлекся.

С момента посадки минуло два долгих дня. За это время Джейкобу пришлось приспособиться к перемещениям между отсеками базы с искусственной гравитацией и помещениями, где ты чувствовал себя перышком из-за меркурианской пониженной силы тяжести. Его познакомили с весьма многочисленным штатом базы, однако большинство имен в памяти не задержалось. Затем Кеплер велел одному из сотрудников проводить гостя к его каюте.

Главврач базы «Гермес», как выяснилось, был зациклен на проекте развития дельфинов. Он охотно согласился изучить назначенные директору препараты, попутно выразив недоумение из-за их количества. По его настоянию немедлен-

но была устроена вечеринка, где каждый первый медик норовил засыпать Джейкоба вопросами про Макакаи. В промежутках между тостами, разумеется. Так что в итоге вопросов было задано не слишком много.

Мысли в голове копошились довольно вяло, а вагончик тем временем остановился, двери разъехались в стороны, и взору открылась огромная пещера, где держали и ремонтировали солнечные корабли. На краткий миг Джейкобу показалось, что пространство исказилось и, что самое ужасное, все присутствующие вдруг раздвоились!

Противоположная стена ангара, прямо напротив него, словно выпучилась, почти дотянувшись до округлого светильника, от которого Джейкоба отделяло всего несколько метров. Ближе всего к стене находился высоченный, ростом в два с половиной метра, кантен, а рядом с ним — краснолицый коротышка и рослый плотный смуглый мужчина, который пялился на него с самым что ни на есть дебильным выражением лица.

До Джейкоба внезапно дошло, что он смотрится в обшивку солнечного корабля, самое совершенное зеркало в Солнечной системе. А изумленный мужчина напротив, с явными признаками по-

хмелья, не кто иной, как он сам.

Сферический корабль диаметром двадцать метров обладал столь мощной отражающей способностью, что разглядеть его собственные контуры было непросто. Лишь обратив внимание на прерывистый абрис и на то, как изгибаются отражения предметов, Джейкоб смог сфокусировать взгляд на самой громадине.

— Очень миленько, — неохотно констатировал Ларок. — Старая добрая оптическая иллюзия.

Вооружившись крохотной камерой, он провел объективом вдоль борта судна.

— Впечатляющее зрелище, — добавил Фэйгин.

«Да уж, — подумал Джейкоб. — И размеры внушительные, примерно с дом».

Но как бы ни был велик корабль, в масштабах ангара он казался песчинкой. Грубый каменный свод дугой изгибался высоко над головой, теряясь в дымке испарений. В том месте, где они стояли, пещера была довольно узкой, однако тянулась вправо как минимум на километр и там уже заворачивала, скрываясь из вида.

Они стояли на платформе на уровне середины корабля, рабочая площадка ангара осталась далеко внизу. Горстка топтавшихся там людей на фоне серебристой сферы выглядела труппой

карликов.

Левее, метрах в двухстах, высились массивные герметичные двери шириной никак не менее ста пятидесяти метров. Джейкоб предположил, что это часть шлюза, за которым начинался туннель, выводящий к неприветливой поверхности Меркурия, где в огромных естественных кратерах отдыхали исполинские межпланетные суда вроде «Брэдбери».

С платформы к полу ангара спускался пандус. Там, внизу, стоял Кеплер, беседовавший с троицей в форменных комбинезонах. Невдалеке можно было различить силуэт Куллы в компании щегольски одетого шимпанзе с моноклем. Чтобы видеть глаза собеседника, обезьяне пришлось взобраться на стул.

Яростно молотя по висевшему на груди прибору, шимпанзе скакал вприсядку, отчего стул ходил ходуном. Посланник прингов взирал на него с выражением, которое Джейкоб привык интерпретировать как уважительно-дружелюбное. Но кое-что в облике Куллы его удивило: в присутствии шимпанзе тот держался свободно, это была совсем не та церемонная поза, какую Джейкоб наблюдал у ПВЦ, когда тот беседовал с кантеном, цинтианином и в особенности с пилом.

Первым делом поприветствовав Фэйгина, Кеплер повернулся к Джейкобу.

— Рад, что вы решили осмотреться, мистер Демва. — Рукопожатие Кеплера оказалось неожиданно крепким. Директор окликнул шимпанзе. — Знакомьтесь, это доктор Джеффри, первый из представителей своего биологического вида, кому удалось стать полноправным членом команды исследователей космоса. Кстати, чертовски прекрасный работник. Корабль, который мы сейчас будем осматривать, находится в его ведении.

Физиономия Джеффри расплылась в кривой, скособоченной улыбке, отличавшей всех супершимпанзе. Два века генной инженерии изменили у представителей этого вида форму черепа и тазовых костей, все эти модификации были произведены по человеческому образу и подобию, человеческий костяк было проще всего скопировать. Поэтому доктор Джеффри напоминал сильно заросшего низкорослого смуглого мужчину с длинными руками и торчащими, как у кролика, передними зубами.

Еще одна победа генной инженерии обнаружилась, когда Джейкоб пожал доктору руку. Полностью противопоставленный палец шимпанзе с

силой давил на его ладонь, словно напоминая, мол, вот она, визитная карточка настоящего человека.

Там, где Буббакуб носил водор, у Джеффри висело устройство с черными горизонтальными клавишами по бокам, в центре же располагался пустой экран примерно двадцать на пятнадцать сантиметров.

Супершимпанзе нагнулся, и его пальцы заплясали по клавишам. На экране появились светящиеся буквы.

«РАД ЗНАКОМСТВУ. ДОКТОР КЕПЛЕР ГОВОРИТ, ВЫ ИЗ ХОРОШИХ ПАРНЕЙ».

Джейкоб рассмеялся.

— Что ж, весьма благодарен, Джефф. Я стараюсь, хотя мне до сих пор невдомек, что от меня потребуется в ходе экспедиции.

Джеффри разразился привычным визгливым обезьяньим смехом. А потом впервые с момента их встречи произнес по-человечески:

— Сскоро узнаете!

Эта речь больше напоминала карканье вороны, тем не менее Джейкоб был поражен. Попытки разговаривать по-прежнему вызывали у нынешнего поколения супершимпанзе нестерпимо болезненные ощущения, однако Джефф произно-

сил слова очень четко.

— Как только мы завершим ознакомительную экскурсию, доктор Джеффри на этом же корабле, одном из наших самых современных, погрузится в Солнце, — сообщил Кеплер. — Вот только дождется возвращения командира де Сильвы из разведки. Жаль, что командир не встречала нас, когда «Брэдбери» коснулся поверхности Меркурия. Да и Джефф, скорее всего, стартует, пока мы будем совещаться. Первый его отчет мы получим завтра днем, сразу, как закончим. Пожалуй, есть в этом что-то драматичное.

Кеплер развернулся лицом к кораблю.

— Никого не забыл представить? Джефф, знаю, что вы с кантеном Фэйгином уже встречались. Пил Буббакуб, судя по всему, отверг наше приглашение. А с мистером Лароком вы знакомы?

Шимпанзе брезгливо поджал губы, коротко всхрапнул и отвернулся, уставившись на собственное отражение в обшивке корабля.

Ларок сверкнул глазами и побагровел от стыда и замешательства.

Джейкоб едва сдержал смех. Неудивительно, что многие считают шимпанзе грубиянами! Наконец нашелся тот, кто по части бестактности перещеголял самого Ларока! Вчера вечером эти

двое сцепились в столовой, и их стычка уже успела обрасти легендами. Джейкоб очень жалел, что пропустил такое зрелище.

На плечо Джеффри опустилась тонкая шестипалая ладонь Куллы.

— Пойдемте, друг Джеффри. Покажем миштеру Демве и его друзьям ваш корабль.

Шимпанзе исподлобья покосился на Ларока, потом снова обернулся к Кулле и Джейкобу и расплылся в широкой улыбке. Схватив Джейкоба и Куллу за руки, он потащил их ко входу в корабль.

Поднявшись по трапу, компания ступила на коротенький мостик, перекинутый над пустотой и ведущий внутрь зеркальной сферы. Понадобилось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к полумраку, после чего Джейкоб различил ровную палубу, тянувшуюся из конца в конец корабля.

Она будто бы парила на уровне экватора корабельного корпуса — круглый диск из темного упругого материала. Идеальную плоскость поверхности нарушали лишь шесть или семь пассажирских кресел, расставленных по периметру. Часть из них была снабжена простенькими приборными панелями. Довершал картину купол метров семи в диаметре, расположенный точно

по центру.

Кеплер присел на корточки возле панели управления и передвинул рычажок. Стенка корабля сделалась полупрозрачной. Интерьер залило тусклым светом из пещеры, хлынувшим со всех сторон. Кеплер пояснил, что освещение корабля сведено к минимуму, чтобы внутренняя поверхность шарообразного корпуса не отбрасывала бликов, которые мешали бы экипажу и влияли на работу приборов.

Изнутри, под почти идеально гладкой обшивкой, солнечный корабль напоминал трехмерную модель Сатурна. Просторная палуба заменяла собой «кольцо». Сверху и снизу от «кольца» располагались два полушария «планеты». В верхнем полушарии (а именно его сейчас разглядывал Джейкоб) имелось несколько люков и отсеков. Он читал, что в центральной сфере, ядре, находится все оборудование, обеспечивающее бесперебойную работу систем корабля, в том числе регулятор временного потока, генератор гравитационного поля и охлаждающая лазерная установка.

Джейкоб приблизился к краю палубы. Она парила в силовом поле, на четыре или пять футов не доходя до округлых стенок корпуса, переходящих высоко над головой в свод, на котором не

было видно ни теней, ни более светлых участков, и смотрелось это довольно любопытно.

Джейкоба окликнули по имени, и он обернулся. Остальные «экскурсанты» стояли у дверцы в куполе. Кеплер помахал ему рукой, приглашая присоединиться.

— Мы собираемся наведаться в нижнее полушарие с приборным отсеком, тут его принято называть «изнанкой». Смотрите под ноги, там гравитационная дуга, так что не пугайтесь.

В дверях Джейкоб посторонился, пропуская Фэйгина, однако ПВЦ дал понять, что предпочел бы остаться в верхнем полушарии. Кантен с его ростом в семь футов вряд ли сможет с комфортом разместиться в семифутовой же камере. Сам же Джейкоб последовал за Кеплером.

И тут же отпрянул! За какие-то секунды Кеплер успел оказаться прямо над ним, взбираясь по почти вертикальной поверхности, напоминавшей горный склон, ограниченный переборками. Судя по наклону туловища, он в любой момент мог упасть. Джейкоб не понимал, каким образом ученому удается сохранять равновесие.

Но Кеплер продолжал уверенно карабкаться по эллиптической поверхности и вскоре скрылся из вида. Джейкоб уперся обеими руками в перебор-

ки и нерешительно шагнул вперед.

Как ни странно, равновесие сохранить удалось. Он шагнул другой ногой. И снова даже не покачнулся. Еще шаг. Он обернулся.

Дверной проем словно накренился в его сторону. Судя по всему, внутри петли действовало гравитационное поле такой мощности, что радиус его составлял всего несколько ярдов. При этом поле действовало настолько мягко и искусно, что способно было обмануть вестибулярный аппарат. В люке возникла ухмыляющаяся физиономия одного из техников.

Джейкоб стиснул зубы и зашагал дальше, отгоняя от себя мысли о том, что мало-помалу переворачивается вверх тормашками. По дороге он разглядывал символы на панелях обшивки стен и пол. Где-то на полпути ему попался люк с надписью: «ДОСТУП К СИСТЕМЕ СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ».

Склон становился все более пологим. Добравшись до двери, Джейкоб уже успел освоиться и знал, что ждет его впереди, и все-таки застонал.

— Только не это! — Он невольно прикрыл глаза руками.

В нескольких метрах над головой во все стороны простирался пол ангара. Люди сновали вокруг корабельных ферм, будто ползающие по

потолку мухи.

Безропотно вздохнув, Джейкоб нагнал наконец Кеплера. Ученый стоял на краю палубы и всматривался во внутренности сложного механизма. Потом поднял взгляд и улыбнулся.

— Пользуюсь привилегиями начальника и всюду сую свой нос. Конечно, корабль прошел доскональную проверку, но мне нравится самому держать руку на пульсе. — Он нежно похлопал по борту устройства.

Ученый подвел Джейкоба к краю палубы, где ощущение, что ты стоишь вверх ногами, только усиливалось. Окутанный туманом потолок пещеры виднелся далеко «внизу».

— Вот одна из мультиполяризационных камер, которые были установлены сразу после того, как мы впервые зафиксировали Призраков когерентного излучения. — Кеплер указал на один из многочисленных одинаковых аппаратов, расставленных вдоль кромки палубы. — Нам удалось вычленить Призраков из смешанного излучения хромосферы, потому что, как бы ни перемещалась плоскость поляризации, мы могли ее отследить и доказать, что излучение когерентно и стабильно.

— А почему все камеры сосредоточены здесь?

Наверху я не видел ни одной.

— Мы заметили, что живые наблюдатели и техника только мешают друг другу, если находятся в одной плоскости. Поэтому и по совокупности иных причин все приборы расположены здесь, вдоль края палубы, а наш курятник — на другой половине. Можно удовлетворить и тех и других, если сориентировать корабль таким образом, чтобы край палубы был направлен на наблюдаемый феномен. Как оказалось, это превосходный компромисс: поскольку проблем с силой тяжести нет, мы можем наклонять корабль как угодно, чтобы углы обзора одушевленных и механических наблюдателей совпадали и их показания можно было сличить.

Джейкоб попытался представить себе корабль, скособоченный под немыслимым углом, который швыряют из стороны в сторону бушующие в солнечной атмосфере бури, а пассажиры и команда тем временем безмятежно смотрят в иллюминаторы.

— С некоторых пор в оборудовании возникли неполадки, — продолжал Кеплер. — Тот новый корабль, поменьше, на котором полетит Джефф, был усовершенствован, так что мы надеемся вскоре… А вот и наши друзья!

В дверях показались Кулла и Джеффри. Наполовину обезьянье, наполовину человеческое лицо супершимпанзе скривилось в презрительной гримасе.

Он забарабанил по клавишам висевшего на груди прибора.

«ЛАРОКУ ПЛОХО. ТОШНИТ ОТ ПОДЪЕМА ПО КРУТОМУ СКЛОНУ. „РУБАХА“ СРАНАЯ».

Кулла вполголоса обратился к шимпанзе, Джейкобу еле удалось разобрать:

— Штоит проявлять побольше уважения, друг Джефф. Ведь миштер Ларок — тшеловек.

Негодующий Джеффри торопливо и с большим количеством ошибок напечатал, что уважает людей не меньше, чем любой из его собратьев, однако не намерен унижаться перед каким-то отдельным человеком, особенно если тот не принимал участия в развитии его расы.

«НЕУЖЕЛИ ВЫ ПРАВДА ДОЛЖНЫ ПОДТЕРАТЬ ЗА БУБАКУБОМ ДИРЬМО ТОЛЬКО ЗА ТО ШТО ЕГО ПРЕДКИ ПОЛМИЛИОНА ЛЕТ НАЗАД АКАЗАЛИ УСЛУГУ ВАШИМ?»

Глаза принга полыхнули огнем, а меж толстых губ блеснуло что-то белое.

— Прошу, не надо, друг Джефф. Я жнаю, што намерения у ваш благие, но Буббакуб — мой на-

штавник. Люди даровали вашей раше швободу, а моя обяжана пришлуживать. Так уж уштроен мир.

— Это мы еще посмотрим, — прокаркал Джеффри с ухмылкой.

Кеплер отвел Джеффа в сторонку, попросив Куллу продолжить экскурсию и показать Джейкобу устройство корабля. Кулла повел Джейкоба в другую часть полушария, желая продемонстрировать ему прибор, позволявший кораблю, подобно батискафу, плавать в полужидкой плазме солнечной атмосферы. Сняв несколько панелей, он показал ячейки голографической памяти.

Стазис-генератор контролировал пространственно-временные потоки на борту корабля: даже если судно яростно швыряли хромосферные бури, изнутри это воспринималось как легкая качка. Земные ученые еще не до конца постигли физические законы, лежавшие в основе генератора, однако правительство требовало, чтобы устройство было собрано руками людей.

Глаза Куллы сияли, а в шепелявой речи чувствовалась гордость за новые технологии, которые подарила землянам Библиотека.

Логические схемы, управлявшие работой генератора, походили на путаницу стеклянистых

нитей. Кулла пояснил, что эти стержни и волокна дают возможность хранить оптическую информацию в максимально компактном виде, существенно превосходя любые прежние земные технологии, и обладают повышенным быстродействием. По ближайшему стержню то вверх, то вниз пробегали интерференционные узоры — мерцающие блоки данных. Джейкобу показалось, что машина чем-то напоминает живой организм. Стоило Кулле прикоснуться к лазерному считывающему устройству, как оно отъехало в сторону, и спутники уставились на пульсирующую информацию в ее чистейшем виде, заменявшую машине кровь.

Хотя Кулла наверняка заглядывал во внутренности компьютера уже раз сто, он, казалось, был заворожен зрелищем ничуть не меньше Джейкоба и, словно погрузившись в медитацию, не сводил с машины сверкающих немигающих глаз.

Когда Кулла наконец вернул панель на место, Джейкоб обратил внимание, что вид у ПВЦ усталый. «Наверное, слишком много работы», — решил он. Перебросившись в лучшем случае парой фраз, они медленно обогнули купольный свод и присоединились к Джеффри и Кеплеру.

Джейкоб с интересом, но почти ничего не понимая, прислушался к их спору насчет какой-то незначительной калибровки одной из камер.

Потом Джеффри откланялся, сославшись на дела в ангаре, а вскоре за ним последовал и Кулла. Задержавшись еще на несколько минут, Джейкоб с Кеплером побеседовали об оборудовании, затем Кеплер жестом пропустил Джейкоба вперед, и они двинулись вниз по петле.

Не успел Джейкоб преодолеть и половину расстояния, как вдруг наверху поднялась какая-то возня. Раздались чьи-то гневные крики. Пытаясь не обращать внимания на крутой изгиб гравитационной петли, он ускорил шаг. Однако для беготни эта дорога не годилась. На Джейкоба впервые за время экскурсии навалилась целая гамма противоречивых ощущений: на него одновременно воздействовали разные участки неоднородного силового поля.

В верхней точке дуги он споткнулся о незакрепленную панель, та вместе с парой болтов заскользила по изогнутой палубе. Джейкоб постарался было сохранить равновесие, но при виде уходящего за горизонт остатка дороги пал духом и пошатнулся. Когда он наконец благополучно добрался до люка в верхней палубе, его догнал

Кеплер.

Крики доносились снаружи.

У подножия трапа взволнованно качал ветвями Фэйгин. Персонал базы спешил к сцепившимся в драке Ларoку и Джеффри.

Побагровевший от натуги Ларок, пыхтя, силился отодрать руки соперника от своей головы. Попытка достать Джеффри ударом кулака успехом не увенчалась. Пронзительно вереща и скаля зубы, шимпанзе старался ухватиться половчее и пригнуть голову Ларока, чтобы та оказалась на уровне его собственной. Оба не обращали ни малейшего внимания на собравшуюся вокруг толпу и попытки их разнять.

Торопливо спускаясь, Джейкоб увидел, как Ларок высвободил руку и потянулся к висевшей на поясе камере.

Пробившись сквозь кольцо зевак и не медля ни секунды, Джейкоб одной рукой вышиб у Ларока футляр с камерой, а другой ухватил шимпанзе за шиворот. Рванув его на себя что было силы, он оторвал Джеффа от противника и швырнул в объятия Кеплера и Куллы.

Джеффри вырывался. Длинные и ловкие обезьяньи лапы тщились ослабить хватку державших его друзей. Он запрокинул голову и разразился

пронзительным визгом.

Почувствовав за спиной какое-то движение, Джейкоб рывком развернулся и, выставив перед собой ладонь, остановил рвущегося в бой Ларока. Журналист потерял равновесие и с громким «Ох!» осел на пол.

Оба одновременно потянулись к камере, свисавшей с пояса Ларока на шнурке. Шнурок звонко лопнул. Ларок отбивался и пытался встать, а подоспевшие члены экспедиции его удерживали.

Джейкоб вскинул руки вверх и потребовал:

— А ну, прекратите!

Он встал между Лароком и Джеффри так, чтобы отгородить их друг от друга. Ларок потирал ушибленную руку и злобно сверкал глазами, не обращая внимания на сдерживавших его людей.

Джеффри продолжал извиваться, стараясь высвободиться. Кулла и Кеплер крепко вцепились в него, не позволяя ему этого сделать. На заднем плане сокрушенно посвистывал Фэйгин.

Джейкоб обхватил голову шимпанзе ладонями и заглянул ему в лицо. Джеффри глухо зарычал.

— Шимпанзе Джеффри, послушай-ка меня! Я Джейкоб Демва. Я человек и один из руководителей проекта «Возвышение». Вынужден сообщить тебе, что твое поведение абсолютно неприемле-

мо… ты ведешь себя как животное!

Голова Джеффри дернулась, как от пощечины. На миг он ошеломленно уставился на Джейкоба, рычание так и не успело сорваться с его губ, а потом взгляд темно-карих глаз расфокусировался. Шимпанзе мешком обвис в руках державших его Куллы и Кеплера.

Продолжая одной рукой поддерживать голову шимпанзе, Джейкоб другой рукой пригладил вставшую дыбом шерсть. Джеффри вздрогнул.

— А теперь просто расслабься, — ласково велел Джейкоб. — И попытайся взять себя в руки. Мы все охотно выслушаем тебя, как только ты будешь готов спокойно рассказать, что произошло.

Весь дрожа, Джеффри потянулся к своему переговорному экрану. Ему потребовалось некоторое время, чтобы совладать с собой и медленно напечатать: «ПРОСТИТЕ». Он поглядел Джейкобу в глаза, и на лице его действительно было написано раскаяние.

— Отлично, — похвалил его Джейкоб. — Способность вовремя принести извинения — признак настоящего человека.

Джеффри выпрямился и нарочито спокойно кивнул Кеплеру и Кулле. Те отпустили его, а Джейкоб отошел, освобождая ему путь.

Несмотря на успехи в налаживании контакта с дельфинами и шимпанзе при реализации проекта «Возвышение», сейчас Джейкоб ощущал некоторую неловкость из-за того, что обращался к Джеффри свысока. Сыграв на чувствах клиента по отношению к патрону, Джейкоб применил рискованный прием и не ошибся. Исходя из сказанного ученым-шимпанзе ранее, Джейкоб предположил, что тот питает к патронам глубокое почтение, однако оно распространяется далеко не на всех представителей рода человеческого. Джейкоб был рад, что сумел надавить на этот рычаг, но гордиться тут было нечем.

Убедившись, что Джеффри утихомирился, Кеплер решил взять ситуацию под контроль.

— Что, к чертям собачьим, у вас тут происходит?! — вскричал он, испепелив Ларока взглядом.

— Это животное набросилось на меня! — заверещал журналист. — Едва я сумел побороть свои страхи и выбраться из того ужасного места, едва завязал беседу с достопочтенным Фэйгином, как эта зверюга с тигриным проворством кинулась на меня, и я вынужден был сражаться, чтобы спасти свою жизнь!

«ВРЕТ. ОН ЗАМЫШЛЯЛ ДИВЕРСИЮ. Я

ОБНАРУЖИЛ, ЧТО КРЫШКА ПАНЕЛИ СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ ОТВИНЧЕНА. А ФЭЙГИН СКАЗАЛ, ЧТО ЭТА ПАСКУДА ВЫСКОЧИЛА ИЗ МОЕГО КОРАБЛЯ, КАК ТОЛЬКО ЗАСЛЫШАЛА НАШИ ШАГИ».

— Прошу прощения, однако я вынужден возразить! — просвистел Фэйгин. — Я не употреблял бранного слова «паскуда». Я всего лишь ответил на заданный вопрос…

— Он торчал там целый чассс! — вклинился Джеффри вслух, гримасничая от напряжения.

«Бедный Фэйгин», — подумал Джейкоб.

— Я же говорил, — не унимался Ларок, — это жуткое место привело меня в ужас! Да я полчаса от пола отлипнуть не мог! Слышь, ты, мартышка, отвали от меня со своим поклепом! Лучше прибереги клевету для своих приятелей, которые еще с деревьев не слезли!

Шимпанзе оскорбленно взвизгнул, и Кулла с Кеплером снова ринулись разнимать спорщиков. Джейкоб направился к Фэйгину, раздумывая, что сказать.

Заглушая гвалт, кантен заговорил первым.

— Похоже, ваши патроны, друг Джейкоб, — мягко произнес он, — кем бы они ни были, обладали поистине исключительными личностными качествами.

Джейкоб кивнул, так и не найдя нужных слов.

9
Вспоминая бескрылую гагарку[13]

Джейкоб разглядывал горстку собравшихся у трапа. Кулла и Джеффри, каждый в своей характерной манере, пытались что-то втолковать Фэйгину. Неподалеку топтались несколько членов команды… наверное, хотели избежать назойливых расспросов Ларока.

После потасовки репортер взял манеру ошиваться в пещере, бомбардируя вопросами всех, кто был занят делом, и плачась в жилетку всем, кто не был. Лишившись камеры, он поначалу бушевал, однако мало-помалу градус накала страстей снизился, дойдя до отметки, которую Джейкоб назвал бы «еще чуть-чуть, и его хватит кондрашка».

— Сам не знаю, зачем я ее отобрал, — признался он Кеплеру, вытаскивая прибор из кармана. Корпус миниатюрной черной видеокамеры являл собой скопище кнопок и сменных насадок. Устройство выглядело как идеальный помощник для репортера: компактный, многофункциональ-

---

[13] notes: 13
Крупная нелетающая птица, вымершая в середине XIX века.

ный и явно очень дорогой.

Он протянул камеру Кеплеру.

— Наверное, мне показалось, что он достает оружие.

Устройство перекочевало в карман Кеплера.

— Мы ее проверим, просто так, на всякий случай. А пока я хотел бы поблагодарить вас. Ловко вы все уладили.

Джейкоб пожал плечами.

— Да ну, пустяки. Простите, что раскомандовался и посягнул на ваши полномочия.

Кеплер рассмеялся.

— Наоборот, я этому чертовски рад! Я бы наверняка растерялся и не знал, что предпринять!

Джейкоб улыбнулся, однако на сердце по-прежнему было тревожно.

— И каковы же ваши дальнейшие планы? — поинтересовался он.

— Ну, первым делом надо проверить систему сжатия времени на корабле Джеффа, просто чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Хотя не думаю, что она пострадала. Даже если Ларок успел покопаться в машине, что он мог испортить? Для работы с электроникой нужны специальные инструменты, а у него их не было.

— Но когда мы пересекли гравитационную ду-

гу, панель действительно оказалась отвинчена.

— Да, но Лароком могло двигать обычное любопытство. Вообще-то я не удивлюсь, если выяснится, что Джефф сам ослабил крепеж, — ему нужен был повод для драки!

Ученый рассмеялся.

— Да не смотрите вы на меня с таким изумлением. Мальчишки всегда остаются мальчишками. Вам ведь известно, что даже самых развитых шимпанзе постоянно кидает из крайнего самодовольства в детские шалости.

Джейкоб был в курсе, что так и есть. И все же недоумевал, почему Кеплер так снисходителен к Лароку, которого, без сомнения, презирает. Неужели руководителя экспедиции настолько волнует благожелательное освещение в прессе?

Кеплер еще раз поблагодарил его и направился к люку корабля, по пути прихватив с собой Куллу и Джеффри. Джейкоб отыскал укромный уголок, где он точно никому не помешает, и уселся на кстати подвернувшийся ящик.

Потом достал из внутреннего кармана куртки пачку бумаг.

Утром многие пассажиры «Брэдбери» получили мазерограммы с Земли. Джейкобу стоило большого труда не рассмеяться, когда он заметил,

как Буббакуб и Милли Мартин заговорщически переглянулись, после чего пил пошел забирать свое закодированное послание.

За завтраком доктор сидела между Буббакубом и Лароком, старательно играя роль посредницы между нездоровой ксенофилией землянина и отчужденной подозрительностью директора Библиотеки. Казалось, ей действительно хотелось навести между ними мосты. Но как только доставили почту, Ларок остался в гордом одиночестве, а доктор и Буббакуб поспешили наверх.

Такой демарш вряд ли привел и без того закипавшего журналиста в приподнятое расположение духа.

Управившись со своей порцией, Джейкоб прикинул, не заглянуть ли в медицинскую лабораторию, но вместо этого тоже зашел в рубку за корреспонденцией. Из скопившихся в его комнате библиотечных материалов уже выросла целая гора в фут высотой, которую он перетащил на письменный стол, собираясь погрузиться в информационный транс.

Информационным трансом именовалась специальная техника, позволявшая усвоить большой объем данных в сжатые сроки. Ему уже не раз доводилось прибегать к этому полезному

навыку, единственный минус которого состоял в том, что человек переставал мыслить критически. Информация откладывалась в голове, но, чтобы как следует осмыслить ее, надо было перечитать все материалы еще раз, уже обычным способом.

Вернувшись в свою комнату, Джейкоб обнаружил, что все бумаги сложены стопкой и сдвинуты на левый край стола. Он был уверен, что уже перечитал всю эту кипу. Усвоенные данные хранились где-то на задворках сознания. Разрозненные кусочки новых знаний время от времени самопроизвольно всплывали в мозгу, но не складывались в единую картину. Потребуется не меньше недели, чтобы с ощущением дежавю заново перелопатить сведения, почерпнутые в трансе. И чтобы не блуждать в потемках неизвестности, лучше приступить к нормальному чтению как можно скорее.

И вот, взгромоздившись на пластиковый ящик в пещере, Джейкоб наугад вытащил одну из прихваченных с собой бумаг. Обрывки информации словно дразнили, казалось, что читаешь что-то уже давно знакомое.

«Раса киса, чей двусторонний договор с „родительской“ расой соро как раз недавно истек,

открыла планету Пила вскоре после того, как галактическая культура распространилась и на этот сектор. Некоторые признаки недвусмысленно указывали на то, что около двух миллионов лет назад ее населяла другая, ныне исчезнувшая раса. Таким образом, Пила была зарегистрирована в архивах как планета, служившая в течение шестисот тысяч лет местом обитания вида мелли́н (см. статью „Меллин: вымерший вид“).

Планета Пила, пребывавшая в статусе необитаемой намного дольше положенного срока, была исследована и зарегистрирована в установленном порядке как колония киса класса С (временное владение; срок — не более трех миллионов лет; допускается минимальное воздействие на существующую биосферу).

На Пиле расой киса был обнаружен дософонтный биологический вид, названный в честь родной планеты…»

Джейкоб попытался вообразить, что представляла собой раса пилов до того момента, как на планете высадились киса и принялись их окультуривать. Вне всяких сомнений, охотники и собиратели. Оставались бы они на том же уровне и поныне, спустя полмиллиона лет, не прилети тогда киса? Или эволюционировали бы (некото-

рые земные антропологи по-прежнему уверяют, что такая эволюция возможна) в совершенно иную разумную культуру, так и не подвергнувшись влиянию расы патронов?

Загадочное упоминание вымершей расы меллин наглядно демонстрировало масштаб временной шкалы, на которой отсчитывалась история древней галактической цивилизации, и их невероятной Библиотеки. Двести миллионов лет! Именно столько лет назад планету Пила колонизировала раса покорителей космоса, обосновавшаяся там на шесть тысяч веков, в то время как предки Буббакуба были жалкими мелкими зверьками и жили в норах.

Меллины предположительно уплатили взнос и основали свой собственный филиал Библиотеки. Они с должным уважением (хотя наверняка скорее на словах, нежели на деле) относились к расе своих патронов, сделавшей их разумными задолго до того, как они заселили Пилу, и, возможно, сами, в свою очередь, занялись воспитанием какого-нибудь перспективного вида, обнаруженного по прибытии… этаких биологических двоюродных братьев племени Буббакуба… которые, вероятно, тоже уже успели вымереть.

Внезапно до Джейкоба дошел смысл галакти-

ческих Законов о местопребывании и миграции, ранее казавшихся странными. Они призывали каждый вид разумных существ рассматривать свою планету как временное пристанище, которое нужно сохранить в надлежащем виде для будущих рас — тех, кто на текущий момент может пребывать в зачаточном и неразумном состоянии. Так стоит ли удивляться, что в Галактике многие неодобрительно косятся на человечество и историю его пребывания на Земле. Лишь заступничество влиятельных тимбрими и других дружественных рас позволило землянам выторговать три своих колонии в созвездии Лебедя у несговорчивого и помешанного на охране окружающей среды Института миграции. Землянам здорово повезло, что вернувшийся экипаж «Везария» предупредил человечество и посоветовал скрыть следы особенно неприглядных деяний! Джейкоб принадлежал к незначительному проценту (таких, как он, осталось менее ста тысяч) населения Земли, еще помнившему, что когда-то на одной планете с нами существовали такие виды, как морская корова, гигантский ленивец или орангутан.

Джейкоб, как никто другой, осознавал, что все эти жертвы человеческой безответственности

имели шансы тоже когда-нибудь обрести разум, и искренне скорбел о них. Он вспомнил о Макакаи и о китах, которые тоже в свое время находились на волосок от гибели.

Снова взявшись за бумаги, он продолжил беглый просмотр. И ему тут же попался еще один отрывок, вызвавший иллюзию узнавания. На сей раз речь шла о соплеменниках Куллы.

«…колонизирована экспедицией с Пилы. (Пилы, пригрозив своим патронам киса, что объявят расе соро джихад, вынудили их расторгнуть двустороннее соглашение об опеке.) Получив лицензию на распоряжение планетой Принг, пилы приступили к ее освоению и отнеслись к оговоренным в контракте условиям о минимальном вмешательстве более чем небрежно. После прибытия на Принг пилов комиссия из Института миграции отметила, что пилы принимают усиленные меры по сохранению именно тех примитивных видов, чьи прогнозы на развитие до дософонтного уровня выглядят наиболее реалистичными. Остальные же виды из-за роста колонии оказались на грани вымирания, в том числе и генетические прародители расы прингов, также названной в честь родной планеты…»

Джейкоб сделал мысленную пометку, что хорошо бы выяснить побольше об объявленных пилами джихадах. Когда дело касалось внешней политики, пилы действовали как агрессивные консерваторы. А джихады, или «священные войны», считались крайней мерой, позволявшей силой насаждать традиции среди галактических рас. Разнообразные институты на словах тоже провозглашали приверженность традициям, однако вопрос их соблюдения обычно зависел от мнения большинства или от того, кто сильнее.

Джейкоб не сомневался, что в библиотечных анналах отыщется море описаний справедливых и оправданных священных войн и лишь несколько «досадных» примеров использования традиций для отвода глаз, тогда как истинной причиной была борьба за власть или межнациональная рознь.

История обычно пишется победителями.

Интересно, на что жаловались пилы, требуя независимости от киса? И как выглядели эти киса?

Громкий колокольный звон, наполнивший пещеру гулкими отголосками, заставил Джейкоба вздрогнуть. Раздались еще три удара, эхом отразившиеся среди каменных стен. Джейкоб

встал со своего ящика.

Все техники, находившиеся в поле зрения, побросали инструменты и уставились на исполинские двери, за которыми располагался шлюз, а за ним — туннель, ведущий к поверхности планеты.

Глухо загромыхав, створки дверей стали расходиться. Сначала в расширяющемся проеме была видна только чернота. Потом показалось что-то крупное, сверкающее, и оно принялось подталкивать створки с той стороны, как щенок, который нетерпеливо тычется в дверь носом, чтобы та побыстрее отворилась и он очутился внутри.

Это был еще один сияющий зеркальный пузырь вроде того, что они недавно осматривали, только больше. Он парил над полом туннеля, будто бесплотный фантом. Корабль слегка покачивался в воздухе, а потом, как только путь оказался свободен, вплыл во вместительный ангар, словно его задуло внутрь порывом ветра. В его сияющих боках отражались каменные стены, оборудование и люди.

По мере приближения корабля послышалось издаваемое им слабое гудение и потрескивание. Обслуживающий персонал сгрудился у ближайших причальных ферм.

Мимо Джейкоба промчались Кулла и Джеффри, шимпанзе улыбнулся, сверкнув зубами, и жестом предложил составить им компанию. Джейкоб тоже заулыбался в ответ и последовал за ними, на ходу сворачивая бумаги и засовывая их в карман. Он огляделся в поисках Кеплера. Должно быть, руководитель проекта задержался на борту корабля Джеффри, чтобы проверить все досконально — во всяком случае, в ангаре его не оказалось. С шипением и пощелкиванием корабль развернулся над своей колыбелью, а потом стал плавно опускаться. Зеркальная поверхность сияла так ослепительно — трудно было поверить, что судно не светится изнутри. Джейкоб встал рядом с Фэйгином, решив не продираться сквозь толпу. Они вместе следили за посадкой корабля.

— Судя по всему, ты погружен в глубокие раздумья, — прошелестел Фэйгин. — Прошу простить меня за то, что вторгаюсь в ход твоих мыслей, однако я счел, что будет уместно неофициально поинтересоваться их природой.

Джейкоб стоял достаточно близко, чтобы уловить исходящий от Фэйгина тонкий аромат, что-то наподобие орегано. Крона пришельца подернулась легкой рябью.

— Предположим, я думал о том, откуда вернул-

ся этот корабль, — ответил Джейкоб. — Я пытался вообразить, каково это — побывать там, внизу. Но… у меня попросту ничего не вышло.

— Не падай духом, Джейкоб. Я испытываю точно такой же почтительный трепет и точно так же не могу до конца постичь величие совершенного вами, землянами, подвига. Со смирением и надеждой ожидаю своего первого спуска.

«И снова ты меня уел, зеленый ублюдок, — подумал Джейкоб. — Я по-прежнему ломаю голову, как бы отвертеться от этих клятых погружений. А ты трындишь, до чего же тебе не терпится туда отправиться!»

— Не хотелось бы выставлять тебя лжецом, Фэйгин, но, по-моему, превознося этот проект и восторгаясь им, ты перегибаешь палку по части дипломатии. По галактическим меркам это технологии каменного века. И не станешь же ты утверждать, что никто доселе не погружался внутрь звезды! Софонты бороздят космос вот уже почти миллиард лет. Придумай любой значительный шаг, и выяснится, что его уже проделывали никак не меньше триллиона раз!

В его словах звучала едва уловимая горечь. Джейкоб и сам был поражен силой овладевших им эмоций.

— Все, без сомнения, обстоит именно так, друг Джейкоб. Не стану утверждать, что проект «Погружение в Солнце» уникален в рамках Галактики. Но исходя из моего личного опыта, он, бесспорно, уникален. Мыслящие расы, с которыми мне доводилось контактировать, довольствовались тем, что изучали свои солнца на расстоянии и сравнивали результаты с найденными в Библиотеке стандартами. А здесь я имею дело с приключениями в самом исконном смысле этого слова.

От борта солнечного корабля отделился прямоугольный фрагмент и заскользил вниз, превращаясь в трап.

Джейкоб нахмурился.

— Не может такого быть, чтобы до нас никто не совершал пилотируемых погружений! Ведь очевидно, что, доказав теоретическую возможность спуска внутрь звезды, кто-нибудь рано или поздно решит опробовать свою идею на практике! Ни за что не поверю, что мы оказались первопроходцами!

— Это, конечно, и впрямь маловероятно, — медленно промолвил Фэйгин. — Даже если никто другой на этот шаг не отважился, то уж Прародители-то точно на него пошли. Недаром говорят, что, прежде чем исчезнуть, они успели сделать

абсолютно все. Однако в мире совершалось такое множество вещей и совершало их такое множество людей, что уже ни в чем нельзя быть уверенным на все сто.

Джейкоб не ответил, так и эдак крутя в голове слова собеседника.

Когда трап солнечного корабля коснулся платформы, откуда ни возьмись возник доктор Кеплер и с улыбкой зашагал к Джейкобу и Фэйгину.

— А, вот вы где! Потрясающее зрелище, не так ли? Здесь собрался весь персонал базы! Так встречают каждого, кто возвращается из солнечных недр, даже если это было короткое разведывательное погружение, как сейчас!

— Да, — согласился Джейкоб, — весьма впечатляет. М-м, кстати, хотел вас кое о чем спросить, доктор Кеплер, если у вас найдется свободная минутка. Я все гадаю, отправляли ли вы запрос о ваших Солнечных Призраках в филиал Библиотеки в Ла-Пасе? Наверняка кто-нибудь когда-нибудь уже сталкивался с подобными явлениями, и уверен, стало бы большим подспорьем, если…

И осекся, заметив, что улыбка Кеплера увяла.

— Именно из-за этого к нам и откомандировали Куллу, мистер Демва. Предполагалось, что это будет экспериментальный проект, который по-

кажет, насколько успешно мы сможем сочетать независимые исследования с ограниченной помощью со стороны Библиотеки. Пока мы строили корабли, все было отлично. Скажу как на духу: все эти галактические технологии — изумительная штука. Но с тех пор толку от Библиотеки было немного. На самом деле положение весьма сложное. Я собирался затронуть эту тему завтра, после совещания, но, видите ли…

Отовсюду раздались приветственные крики, толпа хлынула вперед. Кеплер беспомощно улыбнулся и крикнул:

— Позже!

На причальной платформе стояли трое мужчин и две женщины. Все пятеро махали ликующей толпе. Одна из женщин, высокая и стройная блондинка с короткой стрижкой, встретилась взглядом с Кеплером и заулыбалась. Она подошла к трапу и стала спускаться, и вся команда последовала ее примеру.

Судя по всему, это и была командир базы «Гермес», о которой Джейкоб столько слышал за последние два дня. На вчерашней вечеринке один врач назвал ее лучшим комендантом меркурианского аванпоста Конфедерации за всю историю. Старожила тут же перебил коллега по-

моложе, сообщив, что она к тому же «вся такая из себя лисичка». Джейкоб поначалу предположил, что медицинский техник имел в виду хитрость. Но теперь, глядя, как эта женщина (хотя по возрасту ее скорее впору было назвать девушкой) упруго и грациозно шагает вниз по крутому трапу, он сообразил, что та ремарка запросто могла иметь совсем другой смысл и подчеркивать ее привлекательность.

Толпа расступилась, женщина подошла к руководителю экспедиции и протянула руку для пожатия.

— Они там, как мы и рассчитывали! — выпалила она. — Мы спустились на уровень тау-два на первом активном участке, а они тут как тут! От одного нас отделяло всего метров восемьсот. У Джеффа не будет никаких проблем. Это самое большое стадо магнитоядных из всех, что я видела!

Ее голос показался Джейкобу довольно низким и мелодичным. И еще полным уверенности. А вот идентифицировать ее акцент с ходу не удалось. Она произносила слова причудливо, на старомодный манер.

— Чудесно! Чудесно! — закивал Кеплер. — Там, где есть овцы, должны быть и пастухи, а?

Он взял ее под руку и развернулся, собираясь представить командира Фэйгину и Джейкобу.

— Уважаемые софонты, это Хелен де Сильва, комендант Конфедерации на Меркурии и моя правая рука. Не знаю, что бы мы без нее делали. Хелен, познакомьтесь, это мистер Джейкоб Альварес Демба, тот самый джентльмен, о котором я писал вам по мазеру. И, конечно, кантен Фэйгин, вы уже встречались на Земле несколько месяцев тому назад. Как я понял, с тех пор вы успели обменяться не одной мазерограммой.

Кеплер дотронулся до плеча девушки.

— А сейчас мне пора, Хелен. Нужно разобраться с поступившими с Земли сообщениями. Я и так слишком долго их откладывал, чтобы встретить вас, так что мне лучше поторопиться. Вы уверены, что все прошло гладко и экипаж не слишком измотан?

— Разумеется, доктор Кеплер, все прекрасно. Мы выспались на обратном пути. Буду ждать вас на этом самом месте, чтобы проводить Джеффа.

Руководитель проекта сердечно попрощался с Джейкобом и Фэйгином и коротко кивнул Лароку, стоявшему достаточно близко, чтобы подслушивать, но не настолько, чтобы его можно было в чем-то обвинить, после чего направился

к лифтам.

Хелен де Сильва в знак уважения слегка поклонилась Фэйгину, и в этом жесте было больше теплоты, чем в иных объятиях. Она так и светилась от радости, встретившись с инопланетным другом, и на всякий случай сообщила о своих чувствах и вслух, хотя все было очевидно и без слов.

— А вы, значит, и есть мистер Демва, — произнесла она, обменявшись с Джейкобом рукопожатиями. — Кант Фэйгин мне о вас рассказывал. Вы тот самый бесстрашный молодой человек, который спрыгнул с эквадорского шпиля, чтобы спасти небоскреб и всех, кто в нем находился. Такие истории непременно нужно слышать из первых уст!

Джейкоб внутренне содрогнулся, как всегда случалось, стоило кому-то упомянуть шпиль. Но не выдал себя, тут же рассмеявшись:

— Поверьте, я прыгал не нарочно! На самом деле я бы с большей охотой поджарил себе пятки, отправившись в одну из этих ваших милых увеселительных поездок в солнечные глубины, чем еще раз повторил бы тот трюк!

Женщина тоже расхохоталась, но при этом окинула его странным взглядом, словно оценивая. Джейкобу этот взгляд скорее понравился, хотя

его и охватило смущение. Почему-то никак не удавалось подобрать нужные слова.

— Э-э… к тому же довольно странно слышать характеристику «молодой человек» из уст столь юной особы. Должно быть, вы очень ценный специалист, раз получили столь ответственный пост прежде, чем заботы и тревоги отпечатались на вашем лице первыми морщинами.

Де Сильва снова рассмеялась.

— Как вы галантны! Все это очень любезно с вашей стороны, сэр, но на самом деле у меня за плечами шестьдесят пять лет, которые оставили по себе невидимые морщины. Я была младшим офицером на «Калипсо». Если помните, мы вернулись в Солнечную систему всего пару лет назад. Так что по документам мне за девяносто!

— Ого!

Экипажи межзвездных кораблей состоят из людей особой породы. Каков бы ни был их субъективный возраст, по возвращении домой они могут выбрать для себя любую работу… если, конечно, им все еще хочется работать.

— Что ж, в таком случае мне следует обращаться к вам с сообразным вашим летам почтением, бабушка.

Де Сильва отступила на шаг и, задорно вскинув

голову, прищурилась.

— Смотрите не перегните палку с вашими шуточками! Я приложила слишком много труда, чтобы стать женщиной, офицером и просто порядочным человеком, и совершенно не хотела бы перескочить из смазливых сосок-малолеток сразу в пенсионерки. Если первый встреченный мною за долгие месяцы симпатичный мужчина, не служащий под моим началом, с порога зачисляет меня в ряды дам, не пригодных для близких отношений, мне наверняка захочется в ответ заковать его в кандалы!

Половина ее лексикона безнадежно устарела (какая к черту «соска-малолетка», что это вообще значит?), но общий смысл тем не менее был ясен. Джейкоб ухмыльнулся и поднял руки в знак капитуляции — причем вполне добровольной. Хелен де Сильва почему-то здорово напоминала ему Таню. Сходство было смутным. Было в ней что-то знакомое, отчего его бросало в дрожь, тоже смутную и не поддающуюся определению. Но это ощущение, несомненно, стоило того, чтобы разобраться в нем как следует.

Джейкоб отогнал от себя навязчивые образы. Философско-эмоциональное дерьмо. Раньше, когда он не умел обуздать свои чувства, он толь-

ко и делал, что распускал нюни и хандрил. Но теперь с этим покончено. Однако факт налицо: комендант базы оказалась адски соблазнительной дамочкой.

— Да будет так, — провозгласил он. — И пусть будет проклят тот, кто первый скажет: «Стоп, довольно!»

Де Сильва рассмеялась и, мягко ухватив его под локоть, обернулась к Фэйгину.

— Пойдемте, я хочу познакомить вас с экипажем. А потом надо будет проводить в путь Джеффри. Он прямо зациклен на прощаниях. Даже перед коротким погружением, вот как сейчас, непременно всплакнет и перетискает всех остающихся, как будто они уже никогда не увидятся!

Часть IV

Только солнечный зонд позволяет получить данные о распределении массы и угловом моменте внутри Солнца… сделать снимки в высоком разрешении… зарегистрировать нейтроны, которые высвобождаются при ядерных реакциях на или недалеко от поверхности Солнца… (или) выяснить, как возникает солнечный ветер.

Наконец, благодаря каналам связи, приборам слежения и, возможно, бортовому водородному мазеру… солнечный зонд станет наилучшим средством для обнаружения низкочастотных гравитационных волн, создаваемых космическими источниками.

Выдержки из доклада NASA на предварительномзаседании, посвященном солнечному зонду

10
Теплота

Похожие на леденцы из жженого сахара или на пушистые боа, в розовой дымке зависли красновато-желтые силуэты, словно закрепленные на невидимых нитях. Ряд призрачных темных арок, каждая из которых напоминала канат, распушившийся газообразными завитками, уходил вдаль: каждая следующая арка была меньше предыдущей, и так продолжалось, пока последняя не таяла в бурлящей красной массе.

Джейкоб обнаружил, что ему трудно сфокусироваться на какой-то конкретной детали голографической записи. Темные протуберанцы и полосы, образующие воспринимаемую глазом топографию средней части хромосферы, были обманчивы и по форме, и по текстуре.

Ближайший протуберанец заполнял собой почти весь нижний левый угол экрана. Клочковатые темные потоки газа спирально закручивались в невидимом магнитном поле, изогнувшемся дугой над участком солнечной поверхности, которая простиралась почти на тысячу километров

ниже.

Зависнув непосредственно над участком, где большая часть генерируемой Солнцем энергии утекала в пространство в форме света, наблюдатель мог детально рассмотреть процесс на десятки и даже тысячи миль. И тем не менее примириться с мыслью, что магнитная арка перед ними не уступала по размерам территории Норвегии, было нелегко. А ведь это всего лишь махонькое звено в цепочке дуг, протянувшихся на 200 тысяч километров над группой солнечных пятен.

Но и это было мелочью по сравнению с увиденным ранее.

Один образованный арками туннель от края до края раскинулся на четверть миллиона километров. Картинка была зафиксирована приборами несколько месяцев тому назад над активным районом, ныне давно исчезнувшим, а корабль, с которого производились съемки, предпочитал держаться на расстоянии. Почему он это делал, стало ясно, как только верхушка гигантской выгнутой призрачной арки взорвалась, вызвав одно из самых впечатляющих явлений на Солнце — солнечную вспышку.

Вспышка одновременно внушала благого-

вейный трепет и ужасала: бурливый, кипящий водоворот сияния, этакое короткое замыкание невероятного размаха. Ни один солнечный корабль не выдержал бы выплеска высокоактивных нейтронов, образовавшихся из-за спровоцированных вспышкой ядерных реакций. Эти частицы, не чувствительные к электромагнитному полю корабля, возникали в таком избытке, что справиться с ними не удавалось даже за счет сжатия времени. По этой самой причине руководитель проекта «Погружение в Солнце» неустанно твердил, что вспышки, как правило, можно предсказать, а следовательно, избежать их.

Джейкоб счел бы эти заверения более убедительными, не будь в них пресловутой оговорки «как правило».

В остальном же совещание протекало в установленном порядке. Кеплер прочитал собравшимся краткую лекцию по физике Солнца. Большая часть материала была Джейкобу уже хорошо известна — на борту «Брэдбери» он не тратил времени зря и успел как следует подготовиться, однако стоило признать, что изображения реальных погружений в хромосферу оказались превосходным наглядным пособием. А если он

сталкивался со сложностями при попытке оценить масштаб наблюдаемых объектов, то пенять оставалось только на себя.

Кеплер вкратце затронул основные процессы, протекающие внутри Солнца, имея в виду саму звезду, а не хромосферу, служившую ей лишь тонкой оболочкой.

Сосредоточенная в сердцевине невероятная масса приводит в действие ядерные реакции, в результате которых выделяется тепло и происходит сжатие, что не дает гигантскому шару из плазмы съежиться под действием собственной силы тяжести. Давление изнутри поддерживает звезду «накачанной», как воздушный шарик.

Энергия, образуемая происходящими в ядре процессами, медленно просачивается наружу либо в виде излучения, либо в ходе конвекции, когда горячие нижние слои перемешиваются с более холодным веществом, находящимся снаружи. Так, посредством излучения, затем конвекции и снова излучения энергия достигает слоя толщиной в несколько километров, именуемого *фотосферой*, то есть «сферой света», где она наконец высвобождается и навсегда покидает родные пенаты, устремляясь в космос.

Плотность вещества внутри звезды настолько

высока, что внезапный катаклизм во внутренних слоях выразится в изменении количества излучаемого поверхностью света лишь миллион лет спустя.

Впрочем, Солнце не заканчивается фотосферой; на расстоянии плотность вещества постепенно снижается. И если учесть ионы и электроны, постоянно попадающие в космос с потоком солнечного ветра, вызывающие полярные сияния на Земле и образующие плазменные хвосты комет, то можно сказать, что Солнце не имеет границ. Оно в прямом смысле простирается к другим звездам и соприкасается с ними.

Во время солнечных затмений ореол короны окружает сиянием ободок Луны. Протуберанцы, которые на фотопластинах выглядят так мягко и нежно, на деле состоят из электронов, чья температура достигает нескольких миллионов градусов, однако электроны эти рассеяны в пространстве, слой их столь же разрежен (и безвреден для космических судов), как и солнечный ветер.

Между короной и фотосферой пролегает *хромосфера*, то есть «сфера цвета», область, где старина Сол вносит в свое световое шоу последние штрихи, ставит свой спектральный росчерк

на солнечном сиянии, каким его воспринимают жители Земли.

Здесь температура внезапно падает до минимума, «всего» каких-то несколько тысяч градусов. Пульсация так называемых гранул фотосферы вызывает гравитационную рябь, струны пространства-времени едва заметно вибрируют на протяжении многих миллионов километров, а заряженные частицы на гребне альфвеновских[14] волн вырываются наружу мощным порывом ветра.

Именно в эту область и погружались солнечные корабли. В хромосфере солнечные магнитные поля играют с гостями в кошки-мышки, а простейшие химические соединения чрезвычайно неустойчивы. Если выбрать верный диапазон, можно разглядеть, что происходит на фантастическом расстоянии. А посмотреть там есть на что.

Кеплер чувствовал себя в своей стихии. В полутьме, оживляемой лишь мерцанием экрана, его шевелюра и усы отливали красным. Голос руководителя экспедиции звучал уверенно, он

[14] notes: 14

Поперечные волны, которые распространяются вдоль силовых линий магнитного поля.

размахивал тонкой указкой, демонстрируя аудитории отличительные признаки хромосферы.

Кеплер вещал о цикле солнечных пятен, колеблющемся ритме высокой и низкой магнитной активности, который каждые одиннадцать лет меняет свое направление. Магнитные поля вдруг как бы выстреливают из солнечной поверхности, образуя в хромосфере затейливые петли, которые иногда можно отследить, если посмотреть на траекторию движения темных волокон в водородном спектре.

Эти волокна обвивались вокруг силовых линий и светились из-за возникавшего в них под действием среды электрического тока. При ближайшем рассмотрении они выглядели вовсе не такими перистыми, как Джейкобу померещилось сначала. Сверкающие светлые и более темные красные полоски сплетались друг с другом по всей длине дуги, порой складываясь в замысловатые узоры, пока не затягивались в особенно тугой узел и не разлетались яркими каплями, словно жир с раскаленной сковороды.

Зрелище было ошеломляюще прекрасным, хотя от однородной красной гаммы у Джейкоба возникла резь в глазах. Он отвел взгляд от экрана и, давая глазам отдохнуть, уставился на стену

актового зала.

С того момента, как Джеффри помахал коллегам на прощание и направил свой корабль к Солнцу, минуло два дня. За это время Джейкоб успел пережить массу радостей и разочарований, так что дни, несомненно, выдались насыщенные.

Вчера он осматривал меркурианские шахты. В огромных выдолбленных пещерах к северу от базы взору Джейкоба предстали внушительные слоистые напластования, покрытые гладкой переливчатой коркой, поразившие его своей красотой. Он с благоговейным трепетом наблюдал, как похожие на букашек машины и рабочие со всех сторон вгрызаются в творение природы. Пережитое изумление, вероятно, уже никогда не изгладится из его памяти… а изумляли тут сразу две вещи: великолепие бескрайнего поля застывшей лавы и дерзость крохотных людишек, посмевших потревожить вековой покой горных пород ради скрываемых ими сокровищ.

Не меньше удовольствия доставил ему и вечер в компании Хелен де Сильвы. Парочка расположилась у нее в гостиной, комендант откупорила бутылку инопланетного бренди, стоимость которого Джейкоб даже не отважился себе представить, и предложила выпить.

Прошло всего несколько часов, а Хелен уже покорила его своим остроумием, широтой интересов и очаровательно старомодным кокетством. Они обменялись кое-какими историями не первостепенной важности, по негласному уговору приберегая самое главное на потом. Джейкоб поведал Хелен, к ее вящему удовольствию, о своей работе с Макакаи, объяснил, как ему удалось — гипнозом, подкупом (позволив ей вдоволь тешиться с китами-манипуляторами и тому подобными «игрушками») и лаской — убедить юную дельфиниху сосредоточиться на абстрактном мышлении, присущем людям, вместо распространенного среди китообразных Сновидения (или в дополнение к нему).

Он описал и то, как люди, в свою очередь, малопомалу начали раскрывать механизмы китовых Сновидений. На помощь пришла философия индейцев хопи и австралийских аборигенов, позволившая перевести абсолютно чуждый способ мировосприятия дельфинов в систему понятий, хоть сколько-нибудь доступную для человеческого мозга.

Хелен де Сильва оказалась идеальной слушательницей: в ее обществе не приходилось подбирать слова, они сами лились рекой. Когда

рассказ Джейкоба подошел к концу, по лицу собеседницы было заметно, что она осталась довольна. В качестве ответного жеста комендант поведала ему историю о темной звезде, от которой волосы у него едва не встали дыбом.

О «Калипсо» она отзывалась с такой теплотой, будто корабль заменил ей сразу и мать, и ребенка, и возлюбленного. Корабль был ее домом, а экипаж — семьей всего каких-то три года, если считать в субъективном времени, но по возвращении на Землю они стали для нее ниточкой, связывающей ее с прошлым. Из тех, кто оставался на Земле, когда Хелен отправилась в свое первое космическое путешествие, до возвращения «Калипсо» дожили лишь самые юные. И все они теперь были глубокими стариками.

Когда Хелен предложили временную работу над проектом «Погружение в Солнце», она охотно ухватилась за эту возможность. Научная значимость экспедиции к Солнцу плюс шанс приобрести опыт руководителя сами по себе уже выглядели достаточно вескими причинами согласиться, тем не менее Джейкобу показалось, что за ее выбором стояло что-то еще.

Хотя Хелен и старалась это не афишировать, она явно не одобряла обе крайности в поведе-

нии, которыми славились возвратившиеся на Землю космолетчики: и добровольное затворничество, и неудержимый гедонизм. Под личиной здравомыслия и компетентности скрывалась веселая, кокетливая девушка, но и это было лишь маской, из-под которой проглядывала истинная сущность, и сущность эту можно было емко охарактеризовать одним словом — «застенчивая». Джейкоб рассчитывал за время пребывания на Меркурии узнать о ней как можно больше.

Ужинали в тот день позже обычного. Доктор Кеплер устроил официальный банкет, и, как всегда и бывает на таких мероприятиях, Джейкобу не удалось выкроить ни минутки, чтобы побыть наедине с собой и подумать, а все кругом из кожи вон лезли, стараясь казаться вежливыми и учтивыми.

Но главное разочарование последних дней было связано с самим проектом «Погружение в Солнце».

Джейкоб пробовал расспрашивать и де Сильву, и Куллу, и примерно с десяток трудившихся на базе инженеров, но неизменно напарывался на одну и ту же реакцию:

— Конечно, мистер Демва, только не лучше ли вернуться к этому вопросу после доклада доктора

Кеплера? Тогда вам многое станет понятнее…

Ситуация выглядела все более подозрительной.

В его каюте по-прежнему высилась стопка документов из Библиотеки. Он уделял чтению не более часа кряду, и всегда в полном сознании. Перелопачивая стопку, он то и дело натыкался на разрозненные фрагменты уже знакомой информации, мгновенно всплывавшие в памяти.

«Неясно также, почему принги обладают бинокулярным зрением, в то время как у всех остальных резидентных видов, населяющих планету, не более одного глаза. Принято считать, что это и другие отличия являются результатом генетических экспериментов колонистов с Пилы. Хотя пилы не склонны отвечать на вопросы, исходящие от кого-либо, кроме чиновников из Институтов, они тем не менее признают, что превратили прингов из обитающих на деревьях и скачущих по ветвям животных в софонтов, способных ходить на двух ногах и обслуживать фермы и поселения пилов.

Необычная конструкция челюстей унаследована прингами от предков, древесных жителей. Она выработалась в ходе эволюции для обдирания бо-

гатой питательными веществами коры местных деревьев; у многих растений на Принге кора заменяет плоды и служит органом, ответственным за оплодотворение и распространение спор…»

Так вот почему рот Куллы так странно устроен! Если знать, для чего предназначены эти жвалы, они уже не вызывают прежнего омерзения. Как ни крути, а тот факт, что они использовались для перемалывания сугубо растительной пищи, заставлял приободриться.

Перечитывая статью, Джейкоб с интересом отметил, что филиал Библиотеки потрудился на совесть. Оригинал, судя по всему, был написан за десятки, а то и за сотни световых лет от Земли и задолго до Контакта. Семантические устройства в филиале в Ла-Пасе, очевидно, поднаторели в искусстве преобразования инопланетных слов и значений в осмысленные английские фразы, хотя, естественно, полностью избежать потерь и искажений при переводе было нереально.

Тот факт, что после первых попыток запрограммировать подобные устройства, предпринятых вскоре после Контакта и обернувшихся сокрушительным провалом, Институт при Библиотеке вынужден был обратиться за помощью к человечеству, хоть немного, а грел душу. Привыкнув

переводить для рас, языки которых восходили к одной и той же единой традиции, ПВЦ поначалу шарахались от «причудливой и нестабильной» структуры всех земных языков.

Пришельцы стонали (а также чирикали, звенели или хлопали) от отчаяния из-за того, до какой степени английский, в частности, язык склонен к образцовому, контекстно обусловленному беспорядку. Предпочтение отдавалось латыни, а еще лучше индоевропейскому языку эпохи позднего неолита, обладавшему четкой системой склонений и падежей. Упрямое человечество отказалось сменить свою *lingua franca*[15] ради удобства Библиотеки (хотя и «шкуры», и «рубахи» принялись осваивать индоевропейский просто по приколу — и те и другие по своим, только им известным причинам) и вместо этого отрядило своих лучших сынков и дочурок для помощи зашедшим в тупик благодетелям.

«Прингы прислуживают в городах и на фермах почти на всех планетах, населенных пилами, за исключением их родной планеты, Пилы. Солнце Пилы, карлик класса F3, оказалось для нынешнего поколения разумных прингов чересчур ярким

---

[15] notes: 15
Единый язык, язык-посредник.

(солнце прингов относится к классу F7). Именно по этой причине пилы продолжают генетические эксперименты, направленные на совершенствование органов зрения прингов, несмотря на то, что срок их лицензии на Возвышение давно истек…

…позволили прингам колонизировать только планеты класса А, лишенные жизни и требующие терраформирования, зато не подпадающие под ограничения со стороны Институтов традиции и миграции. Возглавившие в свое время несколько джихадов, пилы, судя по всему, не хотели, чтобы у их клиентов появилась возможность поставить их в неловкое положение, неразумно поступив с более старым, обжитым миром…»

Сведения, касающиеся соплеменников Куллы, красноречиво свидетельствовали и о галактической цивилизации в целом. Захватывающе, но от рассказа о практикуемых пришельцами манипуляциях Джейкобу стало не по себе. Ему по необъяснимым причинам казалось, что он лично в ответе за описанные события.

От перечитывания документов его оторвало долгожданное приглашение побеседовать с доктором Кеплером.

И теперь он сидел в актовом зале и ожидал,

когда же ученый перейдет к делу. Кто такие магнитоядные? И что имели в виду сотрудники базы, упоминая «вторую разновидность» соляриан, которые играли с солнечными кораблями в салочки и, приняв антропоморфный облик, демонстрировали угрожающие жесты?

Джейкоб снова посмотрел на голографический экран.

Указанное Кеплером волокно выросло до размеров целого экрана и продолжало увеличиваться до тех пор, пока зритель не почувствует, что его затягивает в эту перистую огненную массу. Четче прорисовались детали — перекрученные комки, означавшие натяжение линий магнитного поля; струйки дыма, которые то появлялись, то исчезали, когда потоки горячего газа попадали в фиксируемый камерой диапазон; и россыпи сверкающих точек, танцующих вдали.

Кеплер продолжал нескончаемый монолог, иногда излишне углубляясь в технические подробности, но в конце концов неизменно возвращаясь к простым метафорам. В голосе доктора ощущалась твердость и уверенность, он явно наслаждался своей лекцией.

Кеплер указал на один из ближайших плазменных шлейфов: толстую перекрученную

темно-красную прядь, завивающуюся вокруг горстки ярких до боли в глазах точек.

— Сначала их приняли за обычные компрессионные выбросы энергии, — сказал доктор. — Но потом мы пригляделись повнимательнее и обнаружили, что спектр совсем иной.

Кеплер прибег к пульту управления в основании указки, и сердцевину недоволокна показали крупным планом.

Сверкающие точки подросли. Из-за увеличения масштаба стали видны точечки помельче.

— Как вы помните, — сказал Кеплер, — все виденные нами до сих пор выбросы энергии казались красными, иногда даже чрезмерно красными. А все из-за корабельных фильтров — на момент съемки этих кадров фильтры были настроены так, чтобы пропускать лишь очень узкий спектральный диапазон с центром в альфа-линии водорода. Но даже и теперь вы можете заметить деталь, вызвавшую у нас любопытство.

И впрямь могу, подумал Джейкоб.

Светящиеся точки сверкали зеленым!

Они мигали, как сигнальные прожекторы, а цветом напоминали изумруды.

— В зеленой и голубой областях есть пара диапазонов, которые отсекаются фильтром менее

эффективно, чем остальные. Но обычно альфа-линия полностью забивает все эти частоты. Кстати, этот зеленый огонек не входит ни в один из пресловутых диапазонов! Вы, конечно, представляете себе, как мы испугались. Ни один тепловой источник не в состоянии испускать свет, который преодолел бы фильтры. Чтобы пройти сквозь них, свет от такого источника должен быть не только невероятно ярким, но и полностью монохромным, с яркостной температурой в несколько миллионов градусов!

Джейкоб, на протяжении всего разговора сидевший в расслабленной позе, вдруг выпрямился, наконец проявив интерес.

— Иными словами, — продолжал Кеплер, — это должны быть лазеры.

— Естественное лазерное излучение может возникнуть в звезде несколькими путями, — сообщил ученый. — Но за нашим Солнцем никто до сих пор ничего подобного не замечал, поэтому мы занялись исследованиями. И в результате обнаружили самую невероятную форму жизни, какую только можно вообразить!

Доктор Кеплер нажал кнопку на указке, и картинка сменилась.

Откуда-то с первых рядов послышался мело-

дичный перезвон. Джейкоб увидел, как Хелен де Сильва поднесла к уху телефон и вполголоса ответила на звонок.

Кеплер был поглощен своим докладом. Яркие точки на экране стали увеличиваться, пока не превратились в крошечные светящиеся кольца, по-прежнему слишком мелкие, чтобы их можно было рассмотреть как следует.

До Джейкоба внезапно донеслось приглушенное бормотание Хелен — комендант все еще говорила по телефону.

На сей раз даже Кеплер прервал свой рассказ и терпеливо ждал, пока она шепотом забрасывала невидимого собеседника вопросами.

Наконец девушка опустила трубку, на ее лице застыло выражение абсолютного самоконтроля. Джейкоб наблюдал, как она поднялась и подошла к Кеплеру, стоявшему поодаль и нервно крутившему в руках указку. Слегка нагнувшись, Хелен что-то прошептала ученому на ухо, и директор проекта зажмурился. А когда снова открыл глаза, его лицо ничего не выражало.

Все присутствующие вдруг загалдели. Кулла, сидевший в первом ряду, встал со своего стула и присоединился к де Сильве. Джейкоб ощутил движение воздуха — по проходу, спеша к шефу,

промчалась доктор Мартин.

Вслед за остальными Джейкоб поднялся со своего места и отыскал взглядом Фэйгина, возвышавшегося в соседнем проходе.

— Пойду выясню, что стряслось. А ты жди здесь.

— В этом нет никакой необходимости, — философски просвистел кантен.

— О чем это ты?

— Я расслышал, о чем сказали по телефону командиру-человеку Хелен де Сильве, друг Джейкоб. Плохие новости.

Джейкоб начал закипать. «И ежу понятно, что плохие, зато у тебя, чертов ты баклажан-переросток, морда, как всегда, кирпичом!»

— Так какого дьявола там произошло? — потребовал ответа он.

— Приношу самые что ни на есть искренние соболезнования, друг Джейкоб. Похоже, солнечный корабль с ученым шимпанзе Джеффри на борту разрушился в хромосфере вашего Солнца.

11
Турбулентность

Окутанная желто-красным свечением голографического экрана, Милдред Мартин стояла рядом с Кеплером и пыталась привести того в чувство, раз за разом окликая доктора по имени и махая рукой перед его уставившимися в пустоту глазами. Остальная публика бестолково топталась на сцене и без умолку трещала. И только пришелец Кулла держался в стороне от толчеи и наблюдал за Кеплером — его огромная круглая голова легонько покачивалась над костлявыми плечами.

Джейкоб обратился к нему:

— Кулла… — Однако принг, казалось, не слышал ни слова. Здоровенные глазищи подернулись мутной пеленой. Джейкоб различил негромкий звук: это стучали упрятанные за толстыми губами жвала.

Экран заливало мрачное багровое сияние, Джейкоб раздраженно нахмурился. Он подошел к так и не очнувшемуся от глубокого шока Кеплеру и аккуратно отобрал у него пульт-указку. Доктор Мартин не удостоила его вниманием — она

не оставляла тщетных попыток растормошить ученого.

Пару раз ткнув не те кнопки, Джейкоб наконец разобрался в устройстве указки, вырубил экран и включил верхнее освещение. Так-то лучше. Остальные, видимо, почувствовали нечто подобное, потому что гвалт постепенно стих.

Де Сильва наконец оторвала взгляд от телефона, заметила Джейкоба с указкой и благодарно улыбнулась ему. Потом она вернулась к телефонному разговору и продолжила сухо и отрывисто расспрашивать человека на другом конце провода.

В зале возникли запыхавшиеся санитары с носилками. Следуя указаниям доктора Мартин, они уложили Кеплера на обтянутый тканью каркас и бережно понесли, миновав запрудивших дверной проем зевак.

Джейкоб опять отыскал взглядом Куллу. Фэйгин успел подтащить к полномочному представителю Библиотеки стул и теперь пытался усадить его. С приближением Джейкоба суетливый скрип ветвей и пронзительное посвистывание разом стихли.

— Я надеюсь, с ним все в порядке, — пропел кантен. — Кулла — создание, наделенное необы-

чайно развитой способностью к сопереживанию, боюсь, как бы чрезмерная боль утраты не сломила его. Младшие расы часто реагируют так на смерть существа, с которым успели сблизиться.

— Мы можем ему чем-нибудь помочь? Он нас слышит?

Взгляд у пришельца был отсутствующий. С другой стороны, Джейкобу и раньше нечасто удавалось прочесть что-либо в глазах Куллы. Изо рта принга доносился все тот же характерный перестук.

— Надеюсь, что слышит, — ответил Фэйгин.

Джейкоб взял Куллу за руку. Конечность была очень тонкой и мягкой на ощупь. Такое впечатление, что внутри не было ни единой косточки.

— Ну-ка, Кулла, — сказал он, — прямо у вас за спиной стоит стул. Нам всем станет намного легче, если вы присядете.

Пришелец попытался что-то ответить. Огромные губы раздвинулись, и стук внезапно стал слышен очень отчетливо. Глаза Куллы приобрели немного другой оттенок, а губы снова сомкнулись. Он неуверенно кивнул и позволил проводить себя к стулу. Круглая голова медленно опустилась, уткнувшись в тонкие ладони.

В сопереживании все дело или нет, но было

что-то внушающее суеверный ужас в этой силе эмоций, захлестнувших пришельца из-за смерти человека — точнее шимпанзе, — который чужд ему абсолютно во всем, вплоть до химического состава тела; существа, чьи далекие, похожие на рыб предки плавали в совершенно иных морях, а потом выбрались на сушу и впервые вдохнули полной грудью воздух при свете совсем иной звезды.

— Прошу минуточку вашего внимания! — взошла на кафедру Хелен де Сильва. — Для тех, кто еще не слышал: по предварительной информации, мы, скорее всего, потеряли корабль доктора Джеффри в активной области J-12, неподалеку от солнечного пятна Джейн. Пока это лишь непроверенные сведения, окончательного подтверждения придется подождать — нужно изучить телеметрические данные, полученные с места аварии.

На другом конце зала, пытаясь привлечь внимание командира, замахал руками проныра Ларок. В руке журналист сжимал миниатюрную камеру, аппарат был не той модели, которой коротышка лишился в судовом ангаре. Странно, что Кеплер до сих пор не вернул вещицу законному владельцу.

— Мисс де Сильва, — вклинился Ларок, — допускается ли при расшифровке данных присутствие прессы? Ведь вся информация касательно инцидента должна стать достоянием общественности.

Из-за волнения репортер совершенно позабыл про свой акцент, без которого устаревшее обращение «мисс де Сильва» звучало не слишком уместно.

Хелен помолчала, старательно отводя от Ларока взгляд. Закон о свидетельстве четко запрещал доступ к архивным данным о тех или иных событиях без резолюции Агентства по регистрации секретов. Но даже ребята из АРС, декларирующие, что честность превыше закона, относились к этому нововведению скептически. Ларок явно загнал ее в угол, однако не упорствовал и не давил. Пока не давил.

— Хорошо. Смотровая галерея над центром управления будет открыта практически для всех желающих… кроме, — она зыркнула в сторону кучки членов экипажа, подпиравших дверь, — тех, кто должен быть занят на работе, — закончила она, вскинув бровь. Многие тут же поспешили к выходу, и в дверях возникла давка.

— Собираемся через двадцать минут, — добави-

ла командир и сошла с кафедры.

Штатные сотрудники меркурианской базы колонистов разошлись по делам почти сразу. А люди в обычной земной одежде, новички и гости, никуда не торопились.

Ларок уже испарился: наверняка мчится в узел связи, чтобы поскорее отослать свою писанину на Землю.

Недоставало и Буббакуба. До начала совещания он беседовал с доктором Мартин, но в актовом зале приземистый и похожий на медвежонка пришелец так и не появился. Джейкоб дорого бы дал, чтобы узнать, чем занимался директор филиала, пока все заседали.

К ним с Фэйгином подошла Хелен де Сильва.

— Бедняга Кулла, — шепнула она Джейкобу. — Он всегда шутил, что они с Джеффри так легко нашли общий язык, потому что оба стоят на нижней ступеньке иерархической лестницы и оба совсем недавно слезли с деревьев. — Она с сочувствием покосилась на Куллу и положила ладонь ему на макушку.

«Я бы на его месте мигом приободрился», — подумал Джейкоб.

— Грусть — главная привилегия юности. — Крона Фэйгина зашелестела, как связка высушенных

морских ежей на ветру.

Де Сильва скользнула ладонью по черепу ПВЦ, а потом опустила руку.

— Джейкоб, доктор Кеплер оставил письменные распоряжения, где велел, если с ним что-то случится, обратиться за консультацией к тебе и канту Фэйгину.

— Неужели?

— Так точно, сэр. Естественно, распоряжение не обладает почти никакой юридической силой. Все, к чему сводятся мои задачи, это пускать вас на совещания для персонала базы. Но любые ваши советы могут принести немалую пользу. И, надеюсь, ни один из вас не пропустит расшифровку телеметрии.

Джейкоб без труда вошел в ее положение. Какое бы решение ни было сегодня принято, она как комендант базы будет нести за него ответственность. И это при том, что из нынешних гостей Меркурия, обладавших хотя бы минимальным весом в обществе, один (Ларок) был настроен по отношению к ней враждебно, другая (доктор Мартин) не скрывала прохладного отношения к проекту, а чего добивался Буббакуб — и вовсе тайна, покрытая мраком. Если на Земле решат ознакомиться с разными точками зрения на

существующую проблему, то ей не мешало бы заручиться поддержкой друзей.

— Разумеется, — просвистел Фэйгин. — Почтем за честь оказать содействие вашей команде.

Снова обернувшись к Кулле, де Сильва участливо спросила, легче ли ему. После недолгой паузы тот убрал руки от лица и медленно кивнул. Зубы больше не стучали, но взгляд оставался безжизненным, а глаза — тусклыми, лишь изредка вспыхивали по краям яркие искорки. Пришелец выглядел изможденным и несчастным.

Не успела Хелен откланяться, чтобы подготовить все необходимое для расшифровки данных, как в зал с важным видом ввалился Буббакуб. Лоснящаяся шерсть на короткой жирной шее топорщилась, напоминая воротник. Когда пил заговорил, его губы пришли в движение, извергая потоки резких щелчков, а из висевшего на груди водора, преобразующего инопланетную речь в доступные человеческому уху звуковые волны, полился сочный низкий голос.

— Я услышал новость. При-сут-ство-вать при рас-шиф-ров-ке обязаны все, это жизненно важно. Я буду вас со-про-вож-дать.

Обогнув Джейкоба и заглянув ему за спину, директор филиала обнаружил Куллу, потерянно

сгорбившегося на хлипком складном стульчике.

— Кулла! — рявкнул он. Принг поднял глаза на своего патрона, ненадолго замешкался, а потом сделал рукой жест, однозначно истолковать который Джейкоб не смог. В нем содержались одновременно и мольба, и отказ подчиняться.

Буббакуб ощетинился и с пулеметной скоростью защелкал ртом, то и дело перемежая стрекот пронзительным писком. Кулла молниеносно вскочил. Буббакуб тут же развернулся к собравшимся спиной и чинно засеменил прочь.

Джейкоб и Фэйгин зашагали следом, прихватив с собой Куллу. Откуда-то из верхушки кроны кантена полилась странная мелодия.

12
Гравитация

Благодаря полной автоматизации телеметрическая лаборатория была весьма компактна. Всего с десяток приборных панелей, в два ряда располагавшихся под большим экраном. Приглашенные на расшифровку стояли на помосте за ограждением и наблюдали, как операторы тщательно перепроверяют записи. Периодически кто-то из присутствовавших, то мужчина, то женщина, подавшись вперед, приглядывался к какой-нибудь детали на экране в тщетной надежде обнаружить свидетельство того, что солнечный корабль избежал гибели.

Хелен де Сильва стояла возле ближайших к помосту приборных панелей. Именно оттуда последние записи из бортового журнала Джеффри транслировались на экран.

Перед зрителями возникали строки, набранные на клавиатуре несколько часов назад за сорок миллионов километров отсюда.

«БЛАГОДАРЯ АВТОМАТИКЕ ПОЛЕТА ДВИГАЮСЬ ПЛАВНО. ИЗ-ЗА ТУРБУЛЕНТНОСТИ ПРИШЛОСЬ

СНИЗИТЬ ВРЕМЕННОЙ КОЭФФИЦИЕНТ В ДЕСЯТЬ РАЗ… ТОЛЬКО ЧТО ПООБЕДАЛ ВСЕГО ЗА КАКИХ-ТО ДВАДЦАТЬ СЕКУНД, ХА-ХА…»

Джейкоб улыбнулся. Маленький шимпанзе в любой ситуации умел находить свои плюсы.

«МИНОВАЛ УРОВЕНЬ ТАУ-ОДИН, СПУСКАЮСЬ ГЛУБЖЕ… ВПЕРЕДИ ТОЧКА, ГДЕ СХОДЯТСЯ СИЛОВЫЕ ЛИНИИ. ПРИБОРЫ УКАЗЫВАЮТ, ЧТО ТАМ ЦЕЛОЕ СТАДО, КАК И ГОВОРИЛА ХЕЛЕН… ОКОЛО СОТНИ… ПОДБИРАЮСЬ ПОБЛИЖЕ…»

Затем из динамиков полилась резкая, отрывистая обезьянья речь.

«Мои скачущие по деревьям соплеменнички рехнутся от радости! Первый одиночный спуск в солнечные глубины! Тарзан сдох бы от зависти!» — один из датчиков зафиксировал смех, который вскоре оборвался. Последнее, что они услышали, скорее напоминало всхлип.

Джейкоб вздрогнул.

— Вы хотите сказать, что он отправился туда совсем один?

— Я думала, вы в курсе! — удивилась де Сильва. — Теперь при погружениях всем заправляет автоматика. Только компьютер способен среагировать достаточно оперативно и отрегулировать силовое поле, пока турбулентность не раздавила

пассажира в лепешку. У Джеффа было целых два стазис-генератора: один на борту, и один, снабженный квантовым усилителем, встроен в систему здесь, на Меркурии. А от людей на борту все равно никакого толку, разве что подправить что-то по мелочи.

— Тогда зачем вообще было рисковать чьей-то жизнью?

— Идея принадлежит доктору Кеплеру, — ответила она, слегка ощетинившись. — Он хотел проверить, что заставляет Призраков удирать и провоцирует на угрожающие жесты: только мозговое излучение человека или и других рас тоже?

— На совещании нам об этом не рассказывали.

Она отбросила назад белокурую прядь.

— Да. В общем, в первые несколько раз, когда мы сталкивались с магнитоядными, ни одного пастуха при них не было замечено. Как только мы их наконец обнаружили, то решили понаблюдать издалека, чтобы выяснить, каковы их взаимоотношения с остальными существами. Когда же мы попытались приблизиться, пастухи поначалу просто сбегали. Но потом их поведение кардинальным образом изменилось. Пока большая часть стада удирала, один или двое пастухов

изгибались дугой над поверхностью корабля, вне той зоны, которую регистрирует приборная панель, и подбирались к кораблю вплотную!

Джейкоб покачал головой.

— Я не совсем понимаю…

Де Сильва взглянула на ближайшую панель, но там ничего не изменилось. Единственными данными, поступившими с корабля Джеффа, были стандартные отчеты о ситуации на Солнце.

— Видите ли, Джейкоб, корабль — это плоская палуба, заключенная в почти идеально отражающую оболочку. В центре палубы находится еще одна сфера, поменьше, где сосредоточены генераторы гравитации и силового поля, а также стазис-генераторы. Регистрирующая аппаратура расположена по периметру палубы с «нижней» стороны, тогда как люди занимают «верхнюю», соответственно, и те и другие могут беспрепятственно наблюдать за любыми объектами, находящимися в поле зрения. Однако мы не рассчитывали, что кто-то намеренно станет избегать зоны, фиксируемой нашими камерами!

— Но если Призраки скрываются от вашего оборудования, зависнув сверху, почему бы вам просто не развернуть корабль? Вы же можете управлять гравитацией.

— Мы пытались. Они попросту испарялись! Или, хуже того, оставались над нами, как бы быстро мы ни разворачивались. Они зависали над головой! Именно тогда кое-кто из членов команды и начал замечать антропоморфные фигуры!

Внезапно в динамиках снова возник хриплый голос Джеффри:

— Ого, да тут целая свора овчарок разгоняет тороиды! Пойду-ка потреплю их по загривку! Милые песики!

Хелен пожала плечами.

— Джефф всегда был скептиком. Он ни разу не видел сквозь купол никаких призрачных фигур и вечно называл пастухов «овчарками», не замечая в их поведении ничего, что указывало бы на разумность.

Джейкоб усмехнулся. Высокомерное отношение супершимпанзе к собачьему племени — одно из самых комичных проявлений их навязчивой идеи «мы тоже как люди». Не исключено, что подобным способом они пытались побороть ревность к собакам: как-никак те стали лучшими друзьями человека задолго до обезьян. Многие шимпанзе держали собак в качестве домашних животных.

— Он назвал магнитоядных тороидами?

— Да, они похожи на огромные пончики. Вы бы и сами смогли на них полюбоваться на совещании… если бы нас не прервали. — Она с грустью покачала головой и опустила взгляд.

Джейкоб потоптался на месте.

— Наверняка это произошло мгновенно, и никто все равно не смог бы ничего поделать… — Он осекся, понимая, что утешения звучат глупо. Де Сильва коротко кивнула и снова обернулась к приборам, погрузившись в изучение показаний или только делая вид.

Слева, возле ограждения, разлегся на подушке Буббакуб. Держа в лапах электронную книгу, он сосредоточенно вчитывался в инопланетные письмена, столбцами мерцавшие на экране. При звуках голоса Джеффри пил оторвался от книги, прислушался и бросил загадочный взгляд на Пьера Ларока.

Глаза Ларока горели от воодушевления: не каждый день ему доводилось присутствовать при «историческом моменте». Время от времени он что-то взволнованно шептал в микрофон одолженной камеры.

— Осталось еще три минуты, — глухо сказала Хелен.

Примерно с минуту ничего не происходило.

Затем на экране снова возникли крупные буквы:

«КАЖЕТСЯ, РЕБЯТА НАПРАВЛЯЮТСЯ КО МНЕ! ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ДВОЕ. ПЕРЕКЛЮЧАЮ КАМЕРЫ НА КРУПНЫЙ ПЛАН… ЭЙ! КОРАБЛЬ НАКРЕНИЛСЯ! СБОЙ В СИСТЕМЕ СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ!!!»

— Аварийное прекращение задания! — раздался вдруг низкий, каркающий, голос. — Срочно набираю высоту… Крен увеличивается! Падаю!.. Иники! Они…

Раздался короткий треск от помех, потом тишина, нарушаемая лишь шипением, — это оператор крутил ручки на приборной панели, стараясь усилить сигнал. Все тщетно.

Довольно долго никто не решался ничего сказать. Наконец один из операторов поднялся со своего места.

— Факт взрыва подтвердился, — произнес он.

Хелен кивнула.

— Спасибо. Подготовьте, пожалуйста, краткий отчет для отправки на Землю.

Как ни странно, самой сильной эмоцией, которая заглушала сейчас в Джейкобе все остальные, было горькое чувство гордости. Как сотрудник Центра Возвышения, он не мог не отметить, что в последние мгновения своей жизни Джеффри отверг клавиатуру. Вместо того чтобы отступить

под влиянием страха, он совершил нелегкий и внушающий уважение поступок. Достойный сын Земли, Джефф заговорил вслух.

Джейкобу не терпелось обсудить это с кем-нибудь, но из всех собравшихся понять его смог бы разве что Фэйгин. Отыскав кантена в толпе, он начал было к нему пробираться, но его отвлекло желчное шипение Ларока.

— Вот дураки! — Журналист озирался по сторонам, словно сомневаясь в реальности произошедшего. — Все дураки, и в первую очередь я сам! Уж я-то должен был сообразить, как опасно отправлять на Солнце шимпанзе, да еще и в одиночку!

В лаборатории стояла гробовая тишина. Встретив изумленные взгляды собравшихся, Ларок возбужденно замахал ручонками.

— Ничего не замечаете? Вы, наверное, ослепли? Если соляриане — наши предки (а в этом почти не остается сомнений), то любому предельно ясно, что они на протяжении целых тысячелетий из кожи вон лезли, лишь бы с нами не сталкиваться. Возможно, лишь сохранившаяся у них давняя привязанность к своим детищам удерживала их от того, чтобы уничтожить нас! Они и так и эдак давали вам понять, чтобы вы убирались куда подальше вместе со своими кораблями, однако

вы продолжали их допекать. И как, позвольте спросить, должны были отреагировать эти могущественные существа, когда к ним вламываются даже не сами бывшие клиенты, а их дочерняя раса? Как, по-вашему, они должны были поступить, когда на них напала какая-то мартышка?..

Часть команды в гневе повскакивала с мест. Де Сильва, перекрикивая шум, призвала всех угомониться. А потом обернулась к Лароку, на лице ее не дрогнул ни один мускул.

— Сэр, если вы будете так любезны и изложите вашу любопытную гипотезу на бумаге, сведя брань и оскорбления до минимума, коллектив базы охотно с ней ознакомится.

— Но…

— А пока довольно, давайте закроем тему! У нас еще будет уйма времени, чтобы поговорить об этом.

— Как раз времени-то у нас и нет.

Все как по команде обернулись. В дверях, ведущих на галерею, стояла доктор Мартин.

— Лучше обсудим эту проблему прямо сейчас, — произнесла она.

— Как там доктор Кеплер, в порядке? — осведомился Джейкоб.

Женщина кивнула.

— Я только что от него. Мне удалось вывести его из состояния шока, сейчас он спит. Но прежде чем уснуть, он весьма настойчиво требовал совершить еще одно погружение, причем срочно.

— Срочно? Но почему? Не лучше ли подождать до тех пор, пока не станет известно, что же произошло с кораблем Джеффа?

— Нам это уже и так известно! — отрезала Мартин. — Я успела услышать речь мистера Ларока и совершенно не в восторге от того, как все вы отнеслись к его идее! Ваша самоуверенность и узколобость мешает вам взглянуть на ситуацию с нового, неожиданного ракурса!

— Неужели вы и впрямь считаете Призраков нашими предками и патронами? — не веря собственным ушам, уточнила де Сильва.

— Все может быть, — уклончиво ответила доктор. — Но в остальном рассуждения Ларока не лишены смысла! Сами посудите: разве до сего дня соляриане хоть раз нам угрожали? А теперь вдруг прибегли к насилию. В чем причина? Не в том ли, что они не испытывают угрызений совести из-за смерти представителя неразвитой расы, каким они сочли Джеффа?

Она печально покачала головой.

— Видите ли, это лишь вопрос времени, очень

скоро человечество наконец осознает, какую огромную работу нам предстоит проделать, чтобы приспособиться! Реальность такова, что все остальные дышащие кислородом расы добровольно влились в систему статусов, у каждой свое место на иерархической лестнице в зависимости от ее древности, мощи и происхождения. Многим из вас это не по вкусу, но таков уж порядок вещей. И если мы не хотим повторить судьбу, постигшую в XIX веке все человеческие расы, кроме европеоидной, то нам придется научиться вести себя с другими, более сильными, расами так, как они того требуют!

Джейкоб нахмурился.

— По-вашему, смерть шимпанзе, угрозы и недружелюбие по отношению к людям означают…

— Означают, что, возможно, соляриане не желают связываться с детьми и их домашними зверушками… — Один из операторов, не сдержавшись, врезал по приборной панели кулаком. Хелен взглядом велела ему утихомириться. — Но не отказались бы побеседовать с делегацией представителей старших и более искушенных биологических видов. Во всяком случае, мы так и не узнаем, правда это или нет, пока не попро-

буем.

— Большинство погружений прошло в сопровождении Куллы, — пробормотал тот самый раздраженный оператор, — а ведь он опытный дипломат!

— При всем уважении к прингу Кулле, — Мартин отвесила рослому пришельцу легкий поклон, — напомню, что он принадлежит к весьма юной расе. Почти столь же юной, как и наша. Соляриане явно дают понять, что он достоин их внимания ничуть не более, чем мы. Я имела в виду не его. Предлагаю воспользоваться редким шансом: среди нас здесь, на Меркурии, находятся представители двух древних и почтенных рас. Нам следует смиренно попросить пила Буббакуба и кантена Фэйгина присоединиться к нам и совершить погружение в Солнце в последней попытке установить контакт!

Буббакуб неторопливо поднялся с подушки. Затем демонстративно обвел взглядом собравшихся, прекрасно зная, что Фэйгин уступит ему право говорить первым.

— Если че-ло-ве-чес-ким существам нужно, чтобы я погрузился с ними в Солнце, то, несмотря на очевидную не-без-о-пас-ность при-ми-тив-ных кораблей, я склонен со-гла-сить-ся.

С этими словами пил важно опустился на подушку.

Зашелестев листвой, Фэйгин подхватил:

— И я с радостью отправлюсь с вами. Я взялся бы за любую работу, лишь бы только получить самое захудалое кресло на подобном судне. Впрочем, не представляю, какой от меня может быть прок. Но охотно составлю вам компанию.

— А вот я, черт побери, возражаю! — вскричала де Сильва. — Я отказываюсь везти с собой в экспедицию в глубь Солнца пила Буббакуба и кантена Фэйгина из одних только политических соображений, особенно сейчас, сразу после несчастного случая! Вот вы тут разглагольствуете о налаживании отношений с могущественными расами пришельцев, доктор Мартин, но задумайтесь, каковы будут последствия, если они погибнут во время погружения на земном корабле?

— Чушь! — отмахнулась Мартин. — Если кто-то и может устроить так, чтобы против землян не было выдвинуто никаких обвинений, то только эти самые софонты. В конце концов, Галактика вообще полна опасностей. Уверена, они оба могут оставить расписки или что-нибудь в этом роде.

— Что до меня, то я уже оформил необходимые документы, — вставил Фэйгин.

Буббакуб также засвидетельствовал благородную готовность рискнуть жизнью и пуститься в путешествие на примитивном судне, снимая с команды всякую ответственность. Едва пил закончил речь, как Ларок принялся пафосно и многословно благодарить его. В конце концов даже доктор Мартин вынуждена была попросить журналиста помолчать.

Хелен растерянно поглядела на Джейкоба. Тот пожал плечами.

— Что ж, думаю, немного времени у нас в запасе все-таки есть. Пусть экипаж как следует перепроверит данные о погружении Джеффа, и давайте подождем, пока поправится доктор Кеплер. А пока суд да дело, сообщим о наших планах на Землю, вдруг у них тоже будут какие-то соображения.

Мартин вздохнула.

— Если бы все было так просто! Но вы упускаете кое-что из виду. Задумайтесь: если мы хотим заключить мир с солярианами, разве не разумнее вернуться к той самой группе, которую оскорбил визит Джеффа?

— Гм, не уверен, что одно без другого не получится, но звучит логично.

— И как же вы собираетесь разыскивать ту

самую группу в солнечной атмосфере?

— Наверное, следует вернуться в ту же активную область, где паслись магнитоядные… Ох, я, кажется, понял, к чему вы клоните.

— То-то и оно, — улыбнулась Милдред. — Там, внизу, не существует постоянной «солографии», поэтому карту не нарисуешь. Не проходит и пары недель, как активные области и даже солнечные пятна куда-то деваются! Солнце как таковое не является твердой поверхностью, это всего лишь газ, в котором есть разные уровни и разная плотность. Взять, к примеру, экватор: он вращается быстрее, чем все остальные широты! И как же вы отыщете то самое стадо, если не отправитесь в путь прямо сейчас, пока урон, нанесенный визитом Джеффа, не распространился на всю звезду?

Озадаченный Джейкоб обернулся к де Сильве:

— Как вы считаете, Хелен, она права?

Комендант закатила глаза.

— Кто его знает? Может быть. Во всяком случае, тут есть над чем поразмыслить. Но одно я знаю наверняка: мы и с места не сдвинемся, пока не выслушаем доктора Кеплера, а для этого он должен прийти в себя.

Доктор Мартин сердито сдвинула брови.

— Я ведь уже сказала! Дуэйн согласен, он тоже

говорил, что следующая экспедиция должна отправляться немедленно!

— А я хочу услышать это от него самого! — с жаром возразила де Сильва.

— Что ж, я здесь, Хелен.

В дверях, облокотившись о косяк, стоял Дуэйн Кеплер собственной персоной. Главврач Лэрд, поддерживавший начальника экспедиции под руку, сверлил неприязненным взглядом доктора Мартин.

— Дуэйн! Зачем же вы встали? Хотите заработать инфаркт? — Разъяренная и озабоченная Милдред поспешила было к своему пациенту, но Кеплер жестом остановил ее.

— Я в норме, Милли. Я просто взял и разбавил лекарство, которое ты мне дала, вот и все. В меньших дозах оно действительно полезно, так что я знаю: ты не желала мне зла. И если снизить дозу, оно уже не может свалить меня с ног, как раньше! — Кеплер негромко хохотнул. — В любом случае очень рад, что не проспал твою блестящую речь. Я слышал почти все, стоя за дверью.

Мартин залилась краской.

Джейкоб вздохнул с облегчением: Кеплер не стал упоминать о его роли в этой истории. Прибыв на Меркурий и получив помещение под

лабораторию, он счел, что пожалеет, если упустит момент и не произведет анализ таблеток, позаимствованных из карманов руководителя экспедиции еще на борту «Брэдбери».

К счастью, никто не поинтересовался, где он раздобыл образцы. Хотя закрепленный за базой хирург, у которого консультировался Джейкоб, и счел, что в некоторых случаях дозировка слегка превышена, все лекарства, кроме одного, входили в стандартный курс лечения легких маниакальных расстройств.

Этот неизвестный препарат не давал Джейкобу покоя: еще одна загадка, требовавшая разгадки. При каком недомогании требовалось принимать внушительные дозы мощного антикоагулянта? Терапевт Лэрд пришел в негодование. Зачем Мартин прописала Кеплеру варфарин?

— Вы уверены, что прогулки по базе вам не навредят? — спросила у начальника экспедиции де Сильва, помогая главврачу усадить директора на стул.

— Со мной все в порядке, — заверил ее Кеплер. — Кроме того, у нас есть дела, не терпящие отлагательств. В первую очередь, я совершенно не уверен в теории Милли насчет того, что Призраки встретят пила Буббакуба или кантена Фэйгина

куда радушнее, чем любого из нас. Зато твердо знаю, что ни за что не возьму на себя ответственность и не повезу их в глубь Солнца! Объяснение простое: если они погибнут, виноваты будут не соляриане — груз вины ляжет на людей! Впрочем, еще одно погружение действительно потребуется — разумеется, без участия наших сановных инопланетных друзей, — но вылетать нужно срочно, в ту же самую область, как и предлагала Милли.

Хелен энергично помотала головой.

— В корне не согласна, сэр! Либо Джефф пал жертвой Призраков, либо в корабле произошла какая-то поломка. И как ни обидно это признавать, я склоняюсь ко второй версии… Мы обязаны как следует все проверить, прежде чем…

— О, здесь сомнений быть не может, дело в корабле, — прервал ее Кеплер. — Призраки никого не убивали.

— Да неужели?! — вскинулся Ларок. — Вы что, слепой? Как вы можете отрицать очевидное?!

— Дуэйн, — мягко напомнила доктор Мартин, — вы слишком измотаны, чтобы забивать себе голову такими вещами.

Кеплер отмахнулся от нее, как от назойливого насекомого.

— Простите, доктор Кеплер, — заговорил Джей-

коб. — Вы упомянули, что настоящая опасность исходит не от инопланетян, а от людей. Комендант де Сильва предполагает, что, возможно, вы имели в виду чью-то оплошность при подготовке корабля к полету, которая стоила Джеффу жизни. Или вы говорили не об этом?

— Мне просто нужно прояснить одну вещь, — медленно произнес Кеплер. — Указывают ли данные телеметрии, что корабль Джеффа был уничтожен из-за отключения стазисного поля?

Оператор, ранее споривший с Мартин, шагнул вперед.

— Почему вы… хотя да, сэр. Но как вы узнали?

— Я не знал, — усмехнулся Кеплер. — Это первое, что пришло мне на ум, как только я допустил вероятность саботажа.

— Что?! — почти в унисон воскликнули Мартин, де Сильва и Ларок.

Внезапно до Джейкоба дошло.

— Вы думаете, во время обзорной экскурсии?.. — Он обернулся к Лароку. Мартин проследила за его взглядом и ахнула.

Ларок отшатнулся, словно его ударили.

— Вы сумасшедший! — вскричал он. — И вы с ним за компанию! — Он ткнул пальцем в Кеплера. — Как я мог совершить диверсию, если меня в

этом гадском корабле всю дорогу тошнило?

— Погодите, Ларок, — примирительно сказал Джейкоб, — я ведь вас ни в чем не обвинял. Да и доктор Кеплер, я уверен, пока лишь строит догадки. — Конец фразы он произнес с вопросительной интонацией и покосился на Кеплера.

Кеплер покачал головой.

— Боюсь, это не шутки. Ларок провел в непосредственной близости от гравитационных генераторов Джеффа целый час, причем совершенно один. Мы проверили генератор на любые повреждения, какие мог нанести ошивающийся рядом человек без специального инструмента, и ничего не обнаружили. И только гораздо позже мне пришло в голову взглянуть на камеру мистера Ларока. Изучив ее, я обнаружил, что одна из ее насадок являет собой миниатюрный ультразвуковой шокер! — Доктор извлек из кармана небольшое устройство. — Вот что стало поцелуем Иуды!

Ларок побагровел.

— Да такими штуками пользуются все журналисты, для самозащиты. Я уж про нее и забыл. Не могла эта фитюлька вывести из строя такую махину! К тому же все это мимо кассы! Этот землянин-шовинист и религиозный фанатик,

который чуть не свел на нет все шансы встретиться с нашими инопланетными патронами в дружеской атмосфере, еще смеет обвинять меня в таком преступлении! Да у меня не было ни малейших мотивов! Небось сам укокошил несчастную макаку, а теперь сваливает вину на других!

— Заткнитесь, Ларок, — не повышая голоса, скомандовала Хелен и снова поглядела на Кеплера. — Вы отдаете себе отчет в серьезности выдвинутых обвинений? Граждане не совершают убийств просто из личной неприязни. Это только поднадзорные убивают без веских на то оснований. Вы можете назвать хоть одну причину, которая могла бы подвигнуть мистера Ларока на такой крайний шаг?

— Трудно сказать. — Кеплер пожал плечами и пристально уставился на Ларока. — Гражданин, совершивший вынужденное убийство и не сомневавшийся в своей правоте, все равно потом раскаивается. А мистер Ларок не похож на человека, который жалеет о содеянном, так что либо он невиновен, либо хороший актер… либо все-таки поднадзорный!

— Поднадзорный в космосе?! — воскликнула Милдред. — Так не бывает, Дуэйн. И вам это известно. Да в любом космопорту понатыкан

миллион П-детекторов. И ни один космический корабль без них тоже не обходится! Теперь вам придется извиниться перед мистером Лароком!

Кеплер широко улыбнулся.

— Извиниться? Мне доподлинно известно, что насчет головокружения в гравитационной петле Ларок наврал. Я посылал мазерограмму на Землю. Запросил в газете досье на их сотрудника, которое они мне с дорогой душой предоставили. Оказалось, что мистер Ларок прошел профессиональную подготовку как космонавт! Его отстранили от службы «по медицинским показаниям» — такую формулировку часто используют, когда результаты чьего-нибудь теста возрастают до уровня поднадзорного и человеку приходится оставить ответственную должность! Сам по себе этот факт, может, ничего и не доказывает, однако он означает, что у Ларока слишком большой опыт космических перелетов, чтобы наделать полные штаны от страха в гравитационной петле на корабле Джеффри. Жаль, что я не узнал об этой нестыковке раньше и не успел предупредить Джеффа.

Ларок отпирался, Мартин не соглашалась с выдвинутыми доводами, но Джейкоб видел, что большинство собравшихся уже были настроены

против журналиста. Глаза де Сильвы, сверлившие Ларока, отливали холодным звериным блеском, отчего-то вселявшим в Джейкоба ужас.

— Минуточку. — Он вскинул руку, привлекая к себе внимание публики. — А почему бы нам не проверить, есть ли на Меркурии хоть один поднадзорный без датчика. Предлагаю нам всем отправить на Землю сканы наших сетчаток для сличения. Если мистер Ларок не числится среди поднадзорных, то доктору Кеплеру придется придумать убедительную версию, почему добропорядочному гражданину могло взбрести в голову, что у него есть основания для убийства.

— Ладно, но во имя Кукулькана, давайте проделаем всю процедуру прямо сейчас! — взмолился Ларок. — И только при условии, что проверять будем не меня одного, а всех!

На лице руководителя проекта впервые отразилось сомнение в своей правоте.

Чтобы ослабевшему и измотанному Кеплеру было полегче, де Сильва приказала уменьшить силу тяжести до уровня меркурианской. Из центра управления ответили, что перенастройка займет около пяти минут. Хелен объявила по местному радио о проведении обязательной проверки личности для всей команды и пасса-

жиров, а потом отправилась следить за ходом приготовлений.

Публика постепенно покидала лабораторию телеметрии, устремившись к лифтам. Ларок старался не отставать от Кеплера и Мартин, всем своим видом демонстрируя готовность развеять все подозрения в свой адрес и гордо выпятив подбородок, словно великомученик, страдающий за идею.

Изменение силы тяжести застигло всю троицу плюс Джейкоба и двоих членов экипажа на площадке в ожидании лифта. В том, что это произошло именно здесь, содержалась какая-то злая ирония: ощущение было такое, будто пол вдруг ушел из-под ног.

Все они уже успели привыкнуть к гравитационным скачкам — во многих отсеках базы «Гермес» поддерживалась земная сила тяжести. Но изменения обычно чувствовались при переходе через стазис-контролируемые двери: это было ненамного приятнее, чем сейчас, но ожидаемо, а потому не приводило к дезориентации. Джейкоб сглотнул подступивший к горлу комок, а один из членов экипажа слегка пошатнулся.

Ларок резким движением рванулся к Кеплеру, в руке у которого была зажата камера. Мартин

ахнула, а Кеплер крякнул от изумления. Кто-то из членов экипажа попытался было перехватить журналиста, но получил кулаком по физиономии. Развернувшись в акробатическом пируэте, Ларок помчался обратно по коридору, отвоеванная камера была при нем. Джейкоб и второй член команды машинально кинулись следом.

Сверкнула вспышка, и плечо Джейкоба обожгло острой болью. Он нырнул вниз, уходя от второго выстрела шокера, и в этот момент в его голове вдруг прозвучали слова: «Ладно, это уже мое дело. Теперь рулить буду я».

Джейкоб стоял посреди коридора и ждал. Только что он испытывал приятное возбуждение, но теперь ему на смену пришел ад кромешный. Своды коридора на миг затуманились. Хватая ртом воздух, Джейкоб оперся рукой о шершавую стену, чтобы восстановить равновесие и подождать, пока зрение обретет четкость.

Он был один-одинешенек в коммуникационном туннеле, ныло плечо. Совсем недавно владевшее им глубокое чувство удовлетворения и самодовольства быстро выветривалось, как тускнеющие в памяти обрывки сна. Джейкоб осторожно осмотрелся по сторонам и вздохнул.

«Так ты, значит, решил порулить и подумал,

что сможешь справиться без меня?» — проскрипел он. В плече покалывало, словно оно онемело, а теперь циркуляция крови потихоньку возобновлялась.

Каким образом его второй половине удалось вырваться на свободу? Джейкоб терялся в догадках. Оставалось неясным и то, почему эта вторая половина пыталась обойтись без помощи основной личности. А теперь она вляпалась в серьезную переделку и сочла за лучшее ретироваться.

Подумав так, он ощутил прилив возмущения. Мистер Хайд требовал деликатного отношения к себе и к своим недостаткам, но и он в конце концов вынужден был капитулировать.

И что, это все? Его захлестнули вернувшиеся детальные воспоминания о последних десяти минутах. Он рассмеялся. Аморальная сторона его «я» натолкнулась на непреодолимое препятствие.

Пьер Ларок скрылся в комнате в дальнем конце коридора. После того как журналист выхватил у Кеплера камеру-шокер, возникла неразбериха, в результате из пустившихся в погоню не сбился со следа только Джейкоб. И он самонадеянно решил, что загонит добычу в одиночку.

Джейкоб играл с Лароком как кошка с мышкой,

позволив тому считать, будто он оторвался от «хвоста». Он даже направил по ложному следу горстку членов экипажа, подобравшихся к добыче слишком близко.

Теперь Ларок облачался в скафандр, запершись на складе оборудования в двадцати метрах от ведущего наружу шлюза. Он возился там уже пять минут, а на то, чтобы экипироваться полностью, уйдет еще минут десять. Это и было то самое непреодолимое препятствие. Мистер Хайд не умел ждать. Он был лишь набором импульсов, а не полноценной личностью, зато у Джейкоба запас терпения был колоссальный. Собственно, так и задумывалось.

Джейкоб посмеялся над раздражительностью своего двойника, однако в душе при этом шевельнулся стыд. Не так давно эти энергия и напор были повседневной стороной его жизни. Он отлично понимал, какую боль ожидание причиняло маленькому искусственному человечку, жаждавшему немедленной отдачи.

Минуты текли за минутами. Джейкоб не сводил глаз с двери. Даже восстановив единоличный контроль над своим телом, он начал маяться от нетерпения. Ему потребовалось серьезное волевое усилие, чтобы не схватиться за дверную

ручку.

Но вот ручка начала поворачиваться. Джейкоб отступил на шаг, держа руки по швам.

Дверь приоткрылась, и в образовавшийся проем просунулся блестящий шар — шлем от скафандра. Ларок поглядел налево, потом направо. При виде Джейкоба он заскрежетал зубами. Широко распахнув дверь, коротышка шагнул вперед, в руке он сжимал брус обшивочного пластика.

Джейкоб поднял ладонь, приказывая ему остановиться.

— Стой, Ларок! Нам нужно поговорить. Все равно отсюда не сбежишь.

— Я не хочу тебя калечить, Демва. Прочь с дороги! — голос журналиста, доносившийся из нагрудного динамика, звенел от напряжения. Он угрожающе выгнул свою пластиковую дубинку.

Джейкоб покачал головой.

— Прости. Я заклинил ближайший шлюз, пока поджидал тебя. А добраться до следующего в скафандре будет трудновато.

Лицо журналиста перекосилось.

— Но зачем? Я же ничего не сделал! Тем более лично тебе!

— Ну, это мы еще посмотрим. А пока давай поболтаем. Осталось не так много времени.

— Я тебе поболтаю! — завопил Ларок. — Так поболтаю, что мало не покажется! — И он ринулся на соперника, размахивая дубинкой.

Джейкоб отклонился, избегая удара, и попытался обеими руками перехватить запястье Ларока, но совершенно позабыл, что левое плечо онемело. Левая рука вяло трепыхнулась где-то на полпути к нужной точке и безжизненно повисла. Правой он выставил было блок и со всего маху получил по ней куском пластика. В безнадежной попытке уберечься Джейкоб рухнул на пол ничком и вжал голову в плечи — грозное орудие просвистело всего парой дюймов выше.

Маневр увенчался успехом. Уменьшенная сила тяжести тоже оказалась кстати: он без труда вскочил и принял защитную стойку. Боль от серьезного ушиба пока автоматически удавалось отсекать, но теперь перестала действовать и правая рука. Несмотря на громоздкий скафандр, Ларок двигался куда проворнее, чем Джейкоб мог предполагать. Что там Кеплер говорил о космическом прошлом журналиста? Впрочем, сейчас не до того. Соперник снова приближался.

Не сулящий ничего хорошего замах над головой, и пластиковый брус снова рассек воздух. Ларок сжимал его, словно двуручный японский

тренировочный меч; Джейкоб с легкостью блокировал бы подобные удары, будь его руки в порядке. Нырнув под дубинку, Джейкоб боднул Ларока в солнечное сплетение. Он теснил противника, пока они оба не врезались в стену. Журналист охнул и выронил оружие.

Джейкоб пнул пластиковую палку, отшвырнув ее подальше, и сам отскочил назад.

— Прекратите, Ларок! — потребовал он, переводя дыхание. — Я всего лишь хотел поговорить. Улик против вас нет, никто не сможет ничего доказать, так зачем же вы пытались сбежать? Тем более что бежать здесь некуда!

Ларок печально покачал головой.

— Простите меня, Демва. — От поддельного акцента не осталось и следа. Журналист кинулся вперед, расставив руки.

Джейкоб отступил на нужное расстояние, приплясывая и считая про себя. На счет «пять» он прищурился, глаза превратились в две щелочки. На мгновение Джейкоб Демва стал единым целым. Он отступил еще на шаг и мысленно провел кратчайшую линию от носка своего ботинка до подбородка противника. Нога проследовала по дугообразной траектории, движение это будто бы растянулось на долгие минуты, а удара он даже

не почувствовал.

Ларок потерял равновесие. Во всей полноте своего «я» Джейкоб наблюдал, как облаченная в скафандр фигура летит вверх тормашками, как в замедленном кино. Разделив эмоции Ларока, он ощущал, словно это он сам горизонтально завис в воздухе, а затем поплыл вниз, испытывая боль и унижение, пока наконец его спина не соприкоснулась с полом. Ранец с набором для выживания слегка смягчил удар.

Выйдя из транса, Джейкоб обнаружил себя отстегивающим шлем от скафандра. В конце концов он стащил с Ларока злосчастный шлем и помог журналисту сесть. Тот привалился к стене и беззвучно заплакал.

Джейкоб обратил внимание на какой-то упакованный предмет, закрепленный у Ларока на поясе. Обрезав стропы крепления, он принялся разворачивать сверток, отбиваясь от вялых попыток ему воспрепятствовать.

— Вот оно как, — пробормотал Джейкоб, поджав губы. — Значит, вы не воспользовались шокером из страха, что его действие испортит ценную запись на камере? И что же там такого, интересно? Впрочем, это нетрудно узнать: достаточно воспроизвести запись. — Ну ладно, Ларок,

посидели, и хватит. — Он встал сам и рывком поставил на ноги соперника. — Нужно найти считывающее устройство. Если, конечно, вы сами не хотите ничего мне рассказать.

Журналист помотал головой и покорно поплелся за тащившим его за руку Джейкобом.

В центральном туннеле, когда они уже собирались свернуть в фотолабораторию, их настигла группа во главе с Дуэйном Кеплером. Даже несмотря на пониженную гравитацию, ученый двигался скованно и тяжело опирался на плечо сопровождавшего его санитара.

— Ага! Вы его поймали! Чудесно! Это полностью подтверждает мою версию! Он пытался избежать справедливого возмездия. Убийца!

— Ну, это еще предстоит выяснить, — возразил Джейкоб. — Единственное, о чем свидетельствует его бегство, так это о том, что он испугался. Даже самый законопослушный гражданин, поддавшись панике, способен на насилие. Однако хотелось бы знать, куда это он намылился. Вокруг на многие мили нет ничего, кроме чертовых скал! Возможно, вам надо послать наружу разведывательный отряд и на всякий случай прочесать окрестности базы.

Кеплер рассмеялся.

— Вряд ли у него была какая-то конкретная цель. Поднадзорные редко отдают себе отчет, куда направляются. Они повинуются примитивным инстинктам. Он всего лишь стремился выбраться из западни, как действует любое загнанное животное.

Если у Ларока и были какие-то соображения по этому поводу, то лицо его ничего не выдавало. Но Джейкоб почувствовал, как рука задержанного напряглась, стоило ему только упомянуть о поисковой вылазке на поверхность, и расслабилась, когда Кеплер отмел эту идею.

— Значит, вы отрицаете мысль, что полноценный дееспособный гражданин может совершить убийство? — спросил Джейкоб у руководителя проекта по дороге к лифту. Кеплер ковылял медленно и с явным трудом.

— А какие у него могут быть мотивы? Бедняга Джефф за всю жизнь и мухи не обидел! Достойный, богобоязненный шимпанзе! Кроме того, за последнее десятилетие в системе не зафиксировано ни одного убийства, совершенного гражданином! Это такая же редкость, как и золотые метеориты!

У Джейкоба имелись некоторые сомнения на этот счет. Статистика по раскрытым убийствам

свидетельствовала, в первую очередь, о применяемых полицией методах, а не о чем-либо еще. Однако он счел за лучшее промолчать.

Добравшись до лифтов, Кеплер воспользовался встроенным в стенную панель переговорным устройством и отдал короткий приказ. Почти сразу появились несколько дюжих молодцев и взяли Ларока под стражу.

— Кстати, а камеру-то вы нашли? — спохватился Кеплер.

Джейкоб прикинулся, будто ничего не знает. Возможно, камеру стоило пока припрятать, а позже изобразить чудесную находку.

— Ma camera a votre oncle![16] — вскричал Ларок и потянулся к заднему карману брюк Джейкоба. Двое членов команды оттащили пленника в сторонку, а еще один подошел к Джейкобу и протянул ладонь. Камеру пришлось отдать.

— Что он сказал? — спросил Кеплер. — И на каком языке?

Джейкоб пожал плечами. Двери лифта открылись, и оттуда вывалилась еще куча народу, в том числе Мартин и де Сильва.

— Это просто ругательство, — пояснил Джей-

---

[16] notes: 16
У вашего дяди моя камера (*искаж. фр.*).

коб. — Похоже, он не одобряет некоторых ваших предков.

Кеплер расхохотался.

13
Под Солнцем

Купол связи напоминал Джейкобу пузырек воздуха в луже гудрона. Простиравшаяся во все стороны от полусферы из стекла и силового поля поверхность Меркурия излучала тусклое мерцающее свечение. Этот словно бы текучий отраженный солнечный свет усиливал ощущение, что ты находишься внутри хрустального шара, увязшего в трясине. И нипочем ему не высвободиться и не устремиться в космическую чистоту.

При ближайшем рассмотрении скалы производили странное впечатление. Высокие температуры и постоянная бомбардировка заряженными частицами, из которых состоял солнечный ветер, порождали необычные горные породы. Взгляд невольно задерживался на пыли и причудливых кристаллических нагромождениях. А еще тут и там виднелись лужи, о происхождении и составе которых лучше было не задумываться.

У самого горизонта виднелось еще кое-что, приковывающее к себе внимание.

Солнце. Сквозь мощные защитные экраны

казалось, что светит оно довольно тускло. Из-желта-белый шар напоминал одуванчик или раскаленную монету и висел вроде бы совсем рядом, протяни руку — и дотронешься. Брызги темных солнечных пятен веером расходились к северо– и юго-востоку от экватора. Поверхность звезды была похожа на некую размытую текстуру, слегка не в фокусе.

Чем дольше Джейкоб рассматривал Солнце, тем явственнее ощущал странную отчужденность. Приглушенный, однако лишенный красноватого оттенка свет звезды омывал внутренности купола, напитывая их энергией. Потоки лучей нежно поглаживали лоб Джейкоба.

Ему казалось, будто он, как какой-нибудь доисторический ящер, искавший не просто источник тепла, чтобы согреться, а нечто большее, подставляет Повелителю Космоса каждую клеточку своего тела и в его сиянии ощущает некую побуждающую силу, необходимость двигаться вперед.

А еще к нему пришла смутная уверенность. В этом раскаленном горниле кто-то жил. Кто-то ужасно древний и ужасно неприветливый.

Купол скрывал под собой площадку из силиката железа, на которой располагались люди и механизмы. Джейкоб запрокинул голову, чтобы

получше рассмотреть гигантскую колонну, занимавшую центр помещения. Ее вершина пронзала силовое поле и устремлялась навстречу жарким меркурианским солнечным лучам.

Там, наверху, находились мазеры и лазеры, которые обеспечивали базе «Гермес» связь с Землей, а также благодаря системе синхронизированных спутников, вращавшихся на орбите в пятнадцати миллионах километров, сопровождали солнечные корабли в пучину Гелиоса.

В эту минуту мазер как раз выполнял важную работу. Один узор сетчатки за другим со скоростью света передавался на земные компьютеры. До чего же соблазнительно было воображать, будто ты, оседлав этот луч, спешишь домой, на Землю, к ее голубым небесам и океанам!

Сканер сетчатки представлял собой миниатюрное устройство, подключенное к лазерной оптике компьютерной системы, разработанной Библиотекой. Сканер состоял, по сути, из большого окуляра, к которому нужно было только прижаться щекой и лбом. За все остальное отвечало устройство оптического ввода.

Хотя ПВЦ, находившихся на базе, и освободили от процедуры выявления поднадзорных (отсутствовали критерии, по которым их можно было

оценить, к тому же, разумеется, в Солнечной системе попросту не нашлось бы образцов сетчаток со всех нескольких тысяч галактик), Кулла настоял на том, чтобы тоже подвергнуться проверке. Как друг Джеффри он потребовал права принять хотя бы номинальное участие в расследовании обстоятельств гибели ученого-шимпанзе.

Кулла с трудом приладился к прибору, не рассчитанному на гигантские органы зрения прингов. Он долго просидел не шелохнувшись. Наконец музыкальный сигнал оповестил, что процесс сканирования завершен, после чего пришелец отошел от машины.

Оператор настроил высоту окуляра под рост Хелен де Сильвы.

Затем подошла очередь Джейкоба. Тот подождал, пока отрегулируют окуляр, а потом прижался носом, щекой и лбом к упорам и открыл глаза.

Внутри светилась голубая точка. И больше ничего. В памяти всплыл какой-то неясный образ, но сосредоточиться на нем не удалось. Точка как бы вращалась и мерцала, не позволяя изучить себя хорошенько, словно сияние чьей-то души.

Последовавший музыкальный сигнал сообщил Джейкобу, что он может быть свободен. Тот ото-

шел, уступая место следующему испытуемому, и к прибору, поддерживаемый Милли Мартин, направился Кеплер. Поравнявшись с Джейкобом, ученый улыбнулся.

«Так вот на что это похоже! — осенило Демву. — Точка напоминает блеск в глазах. Хотя чему тут удивляться? Современные компьютеры почти разумны. Есть даже вроде как наделенные чувством юмора. Может, и наш из их числа? Дадим компьютерам глаза, чтобы сверкали, и руки, чтобы стоять подбоченясь. Научим их бросать томные взоры или испепелять взглядом. Почему бы им, машинам, не уподобиться постепенно тем, кого они вытесняют?»

Ларок перенес процедуру сканирования, не теряя самообладания. По завершении он молча, с высокомерным видом прошествовал к стулу и уселся, провожаемый пристальным взглядом Хелен де Сильвы и нескольких членов ее команды.

Пока все так или иначе причастные к проекту «Погружение в Солнце» по очереди подходили к сканеру, комендант базы велела подать прохладительные напитки и закуски. Многие техники жаловались, что их отрывают от работы. Наблюдая за ходом процедуры, Джейкоб отметил грандиозный масштаб затраченных усилий. Он и

представить не мог, что Хелен захочет проверить всех поголовно.

Де Сильва частично объяснила свою позицию в лифте, по пути наверх. Позаботившись о том, чтобы Кеплер и Ларок оказались в разных кабинках, сама она поехала вместе с Джейкобом.

— Есть во всей этой истории один момент, который меня смущает, — признался он.

— Всего один? — невесело улыбнулась Хелен.

— Ну, скажем, один смущает особенно. Если доктор Кеплер подозревает Ларока в диверсии и намеренной порче корабля Джеффа, то почему он возражает против участия в следующем погружении Буббакуба и Фэйгина, вне зависимости от результатов проведенного исследования? Если Ларок действительно виновен, это означает, что, убрав его с дороги, можно обеспечить полную безопасность при новом погружении.

Хелен задумалась, разглядывая собеседника.

— Полагаю, если на этой базе и можно кому-то доверять, то только тебе, Джейкоб. Так что поделюсь своими соображениями. Доктор Кеплер изначально избегал какого бы то ни было участия ПВЦ в этой программе. Сугубо между нами: боюсь, обычный для большинства покорителей космоса баланс между гуманизмом и ксенофили-

ей у Кеплера сильно смещен. Жизненный опыт превратил его в ярого противника дэникеновской философии, что, похоже, вылилось отчасти в предубеждение против пришельцев. К тому же многие его коллеги вылетели с работы по милости Библиотеки. Для людей его склада, столь же влюбленных в науку, это должно было стать тяжелым ударом.

Нет, я не утверждаю, что он примкнул к «шкурам», ничего подобного! Он неплохо ладит с Фэйгином и умело скрывает свои чувства, общаясь с остальными Иниками. Но с него вполне станется заявить, что если на Меркурий проник один опасный преступник, то может проникнуть и другой, и под предлогом безопасности держать наших гостей подальше от солнечных кораблей.

— А как же Кулла? Он ведь участвовал почти во всех погружениях?

Де Сильва пожала плечами.

— Кулла не в счет. Он клиент. Впрочем, одно могу сказать наверняка: если подозрения подтвердятся, мне придется действовать через голову доктора Кеплера. Каждый человек на базе пройдет проверку на поднадзорность, а Буббакуб и Фэйгин примут участие в следующем погружении, даже если придется тащить их на борт

силком! Я не допущу распространения слухов, будто полностью человеческие экипажи ненадежны!

Она кивнула собственным мыслям и воинственно выпятила подбородок. Джейкоб подумал, что излишняя суровость ей не к лицу. Хотя он и мог понять ее чувства, все равно было обидно, когда миловидные черты лица обретали чисто мужскую жесткость. И еще одна мысль не давала ему покоя: насколько искренней была Хелен, объясняя, что ею движет.

Человек, дежуривший у аппарата мазерной связи, распечатал только что полученное сообщение и передал его Хелен. Пока она читала, в зале повисла напряженная тишина. Став еще суровее, комендант жестом подозвала нескольких рослых членов экипажа, ожидавших неподалеку.

— С этой минуты мистер Ларок под арестом. Он будет отправлен на Землю следующим же кораблем.

— На каком основании?! — взвился Ларок. — Не имеешь права, ты, жалкая неандерталка! Гарантирую, ты заплатишь за это оскорбление!

Де Сильва смерила его таким взглядом, будто перед ней было мерзкое и назойливое насекомое.

— Пока на основании незаконного удаления передатчика для поднадзорных. Не исключено, что позже добавятся и другие обвинения.

— Врет, она все врет! — заверещал Ларок, вскакивая с места. Дюжие члены команды подхватили журналиста под руки и поволокли его, задыхающегося от ярости, к лифтам.

Не обращая на его вопли никакого внимания, де Сильва обратилась к Джейкобу.

— Мистер Демва, новый солнечный корабль будет готов к старту через три часа. Я предупрежу остальных. Выспимся во время полета. И еще раз спасибо за ваши умелые действия при задержании.

Она отвернулась прежде, чем он успел ответить, и принялась вполголоса отдавать распоряжения собравшемуся вокруг нее экипажу. Маска профессиональной компетентности неплохо скрывала возмущение: слыханное ли дело, поднадзорный в космосе!

Джейкоб задержался на несколько минут, наблюдая, как купол потихоньку пустеет. Смерть, погоня и вот теперь еще и тяжкий проступок. «И пусть, — подумал он, — за бедолагой пока числится всего одно доказанное правонарушение, которое на месте поднадзорного, вероятно,

совершил бы и я… Все равно с большой долей вероятности это означает, что Ларок виноват и в гибели ученого».

Как бы ни была велика неприязнь Джейкоба к Лароку, он никогда бы не подумал, что тот способен на хладнокровное убийство — даже несмотря на размахивание пластиковой дубинкой.

Джейкоб чувствовал, как где-то на задворках сознания его второе «я» радостно потирает ручонки, злорадно ликуя при виде все новых загадочных поворотов в деле об экспедиции на Солнце и призывая спустить его с поводка.

Не бывать этому!

На площадке возле лифтов к нему подошла доктор Мартин. Женщина выглядела потрясенной до глубины души.

— Джейкоб, вы… вы же не думаете, что Пьер в самом деле мог убить того милого маленького глупыша? Ведь вообще-то он неплохо относится к шимпанзе!

— Мне очень жаль, но факты говорят против него. Законы об испытательном сроке нравятся мне ничуть не больше, чем вам. Однако люди, получившие статус поднадзорных, с легкостью прибегают к насилию, а мистер Ларок уже как минимум однажды преступил закон, избавив-

шись от своего передатчика. Но не волнуйтесь, на Земле все уладят. Наверняка дело Ларока будут разбирать справедливо и со всей тщательностью.

— Но… его ведь уже обвинили в том, чего он не совершал! — выпалила Милдред. — Он не поднадзорный и не убийца! Я могу это доказать!

— Так это же отлично! У вас есть неопровержимые доводы в пользу его невиновности? — Он вдруг нахмурился. — Постойте, но с Земли ведь передали, что он поднадзорный!

Доктор закусила губу и отвела взгляд.

— Сообщение было подделано.

Джейкобу стало жаль ее. Где тот чрезвычайно уверенный в себе психолог, которого он видел совсем недавно? Беспомощно лепечет что-то, впав в шок, и хватается за высосанные из пальца аргументы. Унизительное зрелище. Джейкобу было неловко, он жалел, что стал невольным свидетелем ее профессионального падения.

— Вы располагаете доказательствами, что полученное по мазеру сообщение сфабриковано? Можно мне с ними ознакомиться?

Мартин заглянула ему в глаза. Ее вдруг охватила нерешительность, она словно бы сомневалась, стоит ли раскрывать перед ним все карты.

— Это все здешний персонал. Вы видели сообщение своими глазами? Та женщина… она ведь просто зачитала текст вслух. Она и ее прихвостни терпеть не могут Пьера…

Ее голос пресекся, точно она сама сознавала неубедительность приведенных аргументов. Джейкоб задумался, могла ли Хелен намеренно исказить текст сообщения, зная, что никто не попросит взглянуть на распечатку? И если уж на то пошло, стала бы она рисковать и из одной только неприязни ставить Ларока в такое положение, при котором он мог бы отсудить у нее все заработанное за семьдесят лет вплоть до последнего пенни?

Или, может, у доктора Мартин припасен в рукаве еще какой-то козырь?

— Почему бы вам не спуститься в вашу каюту и не отдохнуть? — любезно предложил Джейкоб. — А насчет мистера Ларока не беспокойтесь. Чтобы обвинить его в убийстве, суду потребуется куда больше улик, чем мы сейчас имеем.

Мартин позволила ему проводить ее к лифту. У самых дверей кабинки Джейкоб обернулся. Де Сильва инструктировала свою команду. Кеплера отправили вниз, в его каюту. Замкнувшийся в себе Кулла стоял неподалеку от Фэйгина —

эта парочка заметно возвышалась над всеми остальными собравшимися. И всю эту картину заливали лучи, исходящие от огромного желтого солнечного диска.

Когда двери лифта сомкнулись, Джейкоб задумался, благоприятствуют ли обстоятельства предстоящему путешествию.

Часть V

Жизнь – это продолжение материального мира. Биологические системы обладают уникальными свойствами, но тем не менее и на них в обязательном порядке распространяются ограничения, накладываемые физическими и химическими свойствами среды и самих организмов… на эволюционные решения биологических проблем влияет физико-химическая среда.

Роберт Е. Риклефс[17], Экология, издательство «Хирон-Пресс»

[17] notes: 17

Роберт Е. Риклефс (р. 1943) — американский орнитолог и эколог, профессор биологии Университета Миссури.

14
Самый глубокий океан

Проект назвали «Икар», это была уже четвертая космическая программа с таким названием и первая получившая его заслуженно. Задолго до того, как появились на свет родители Джейкоба — еще до Переворота и Договора, до Лиги энергетических спутников и даже до расцвета ныне почти забытой Бюрократии, — старое доброе НАСА решило, что интересно было бы сбросить на Солнце зонды однократного применения и посмотреть, что с ними произойдет.

Выяснилось, что, приближаясь к поверхности звезды, зонды ведут себя экстравагантно. Они сгорают.

Для Америки, переживавшей в те времена нечто вроде бабьего лета, не было ничего невозможного. Американцы возводили в космосе *целые города* — на этом фоне создание более устойчивых к внешним воздействиям космических аппаратов казалось плевой задачей.

Были разработаны обшивочные материалы, выдерживавшие колоссальные нагрузки и об-

ладавшие способностью отражать практически любое излучение. Магнитные поля призваны были направлять потоки разреженной, но невероятно горячей плазмы, из которой состояли корона и хромосфера, прочь с траектории движения корабля. Мощные лазеры для связи пронзали солнечную атмосферу, обеспечивая двустороннюю передачу команд и данных.

И тем не менее автоматические летательные аппараты продолжали сгорать. Как бы ни были совершенны зеркала и термоизоляция, сколь бы равномерно ни распределяли по поверхности сверхпроводящие материалы, законы термодинамики никто не отменял. Рано или поздно тепло переходит из областей с более высокой температурой в зоны с более низкой.

Специалисты по физике Солнца могли бы и дальше безропотно жечь зонды в обмен на крупицы полезной информации, если бы Тина Мерчант не предложила другой путь.

— А почему вы не охлаждаете? — поинтересовалась она. — У вас же есть все, что для этого нужно. Вы могли бы запустить охлаждающую установку, которая перенаправляла бы тепло из одной части зонда в другую.

Коллеги ответили ей, что с применением сверх-

проводящих материалов добиться равномерного нагрева всей поверхности не проблема.

— При чем тут равномерный нагрев? — возразила краса и гордость Кембриджа. — Нужно отводить весь излишек тепла из той части корабля, где установлены приборы, в ту, где их нет.

— И тогда эта часть загорится! — воскликнул один из коллег.

— Да, но мы можем предусмотреть целую серию таких «жаросбросов», — предложил другой инженер, чуточку поумнее. — А потом постепенно избавляться от них, один за другим.

— Нет-нет, вы не совсем правильно поняли. — Будущая трехкратная обладательница Нобелевской премии подошла к доске, взяла мел и нарисовала круг, а внутри него еще один. — Вот! — она указала на внутренний круг. — Сюда вы нагнетаете тепло, пока, через очень непродолжительное время, эта часть не станет горячее, чем плазма вокруг корабля. А потом, пока тепло не нанесло непоправимый урон, сбрасываете его обратно в хромосферу.

— И как же, — осведомился некий знаменитый физик, — вы намереваетесь это сделать?

Тина Мерчант улыбнулась так, будто уже предвкушала вручение награды за выдающиеся

достижения в области космонавтики.

— Вы все меня прямо удивляете! — заявила она. — У вас на борту лазер для связи с яркостной температурой в несколько миллионов градусов! Так воспользуйтесь им!

Так началась эпоха солнечных батискафов. Передвигаясь отчасти благодаря собственной плавучести и отчасти за счет выбросов охлаждающих лазеров, исследовательские аппараты теперь были способны продержаться несколько дней, а то и недель и фиксировали малейшие изменения на Солнце, предопределявшие погоду на нашей планете.

Эта эпоха закончилась в день Контакта. Но вскоре на свет появились солнечные корабли нового типа.

Джейкоб задумался о Тине Мерчант. Интересно, как повела бы себя эта великая женщина, если бы оказалась на палубе современного солнечного корабля, неспешно плывущего сквозь самые сокрушительные бури, порожденные вспыльчивой звездой: испытала бы она настоящую гордость или просто была бы слегка озадачена? Наверняка, обведя взглядом корабль и пейзаж за иллюминаторами, Тина промолвила бы: «Ну разумеется!» Но могла ли она предвидеть, что

ее собственные открытия будут дополнены достижениями инопланетных ученых, благодаря чему человек сможет путешествовать сквозь солнечные штормы?

Самому Джейкобу такое сочетание особого доверия не внушало.

Конечно, он знал, что это самое судно уже совершило с пару десятков успешных спусков. Не было никаких причин считать предстоящее путешествие опасным.

За исключением того, что еще один корабль, уменьшенная копия этого, загадочным образом потерпел крушение всего три дня назад.

Корабль Джеффа, возможно, сейчас представлял собой дрейфующее облако рассыпающихся кусочков металлокерамики и ионизированного газа, рассеянное в солнечной пучине на миллионы кубических миль. Джейкоб попытался представить себе, как выглядели хромосферные бури с точки зрения ученого-шимпанзе, смотревшего на них в последние секунды своей жизни, лишившись защитных пространственно-временных полей.

Потом прикрыл глаза и легонько потер веки. Он слишком долго смотрел на солнце, почти не моргая.

С облюбованного им места, одного из наблюдательных диванчиков, располагавшихся вровень с палубой, ему было видно почти целое солнечное полушарие. Половину неба занимал медленно ползущий красно-черно-белый шар с перистой каймой. В водородном спектре все приобретало зловещий малиновый оттенок; тонкая, изящная дуга протуберанца четко вырисовывалась у кромки диска; темные перекрученные ленты плазменных волокон и вдавленные, почти черные солнечные пятна, затененные в глубине и с полутенями на местах газовых потоков.

Топография Солнца отличалась почти неисчерпаемым многообразием. От вспышек, столь кратких, что их трудно было уловить невооруженным глазом, до медленных и величавых вращений — вся поверхность пребывала в постоянном движении.

Хотя основные ориентиры от часа к часу практически не менялись, Джейкоб научился подмечать бесчисленные более мелкие перемещения. Быстрее всего пульсировала поросль длинных и тонких спикул по периметру огромных пестрых участков. Импульс длился считаные секунды. А каждая спикула, насколько было известно Джейкобу, занимала площадь в тысячи квадратных

миль.

Джейкоб подолгу стоял у телескопа на «изнанке» солнечного корабля, наблюдая, как мерцающие иглы перегретой плазмы выстреливают из хромосферы, словно струи фонтанов, высвобождая из-под власти притяжения Солнца огромные перекатывающиеся волны звука и вещества, которые образуют корону и солнечный ветер.

А за частоколом спикул пульсировали в сложном ритме громадные очаги грануляции, где тепло завершало длившееся миллион лет конвекционное путешествие, внезапно вырываясь на волю в виде света.

Эти очаги, в свою очередь, сливались в гигантские участки, чьи колебания и определяли основной способ существования почти идеально круглого Солнца — этакое звездное испускание газов.

А над всем этим, точно бескрайнее глубокое море, ворочающееся в своем ложе, простиралась хромосфера.

Кому-то такая аналогия могла показаться слишком выспренней, но турбулентные области над спикулами напоминали коралловые рифы, а ряды величественных распушенных волокон, очерчивающие контуры магнитных полей, мож-

но было сравнить с пучками водорослей, слабо колышущимися в волнах прилива. И кому какое дело, что каждая розовая дуга по размерам многократно превосходила Землю!

Джейкоб снова усилием воли оторвался от созерцания кипящей оболочки. «Если и дальше пялиться на местные красоты, можно так всю экспедицию без толку простоять, — подумал он. — Интересно, как остальные справляются с этим искушением?»

С выбранной им точки была видна почти вся наблюдательная площадка, кроме небольшого отсека на другой стороне сорокафутового купола.

В стенке центрального купола образовался проем, и на палубу хлынул поток света. В проеме возник мужской силуэт в сопровождении высокой женщины, в которой Джейкоб незамедлительно опознал коменданта де Сильву.

Хелен с улыбкой направилась к нему и по-турецки уселась на соседний диванчик.

— Доброе утро, Джейкоб. Надеюсь, сегодня ночью ты как следует выспался? День предстоит напряженный.

Джейкоб рассмеялся.

— Ты так говоришь, что можно подумать, будто здесь вообще бывают ночи. К чему притворяться

и имитировать восходы и закаты? — Он кивнул на Солнце, занимавшее примерно половину неба.

— Восьмичасовая ночь, достигаемая за счет вращения корабля, дает салагам с Земли шанс нормально поспать, — объяснила Хелен.

— Обо мне можешь не беспокоиться, — возразил Джейкоб. — Я способен задать храпака в любых условиях. Это, пожалуй, самый ценный мой талант.

Улыбка Хелен стала еще шире.

— Ничего, нам это не в тягость. К тому же, раз уж зашла речь, у гелионавтов есть традиция: перед окончательным погружением корабль один раз поворачивается вокруг своей оси, и это называют ночью.

— Вы уже успели обрасти традициями? Всего за два года?!

— Ну что ты, эта традиция гораздо старше! Она уходит корнями в те времена, когда люди считали, что на Солнце можно попасть только одним способом… — она осеклась.

Джейкоб громко вздохнул и закончил за нее:

— А именно ночью, когда не так жарко!

— Но как ты догадался?

— Филаментарно[18], Ватсон!

Теперь настала ее очередь театрально вздохнуть.

— На самом деле мы, те, кто уже совершал погружения, и впрямь пытаемся заложить свои собственные традиции. Мы основали клуб Огнеглотателей. Когда вернемся на Меркурий, посвятим в его члены и тебя. К сожалению, правила не позволяют мне разглашать, как происходит посвящение… но надеюсь, ты умеешь плавать?

— Куда ж я денусь с подводной лодки, комендант! Почту за честь присоединиться к Огнеглотателям.

— Отлично! И не забудь, ты задолжал мне рассказ о том, как уберег Ванильный шпиль от гибели. Словами не передать, до чего же я была рада снова увидеть этого старого уродца по возвращении «Калипсо». Хотелось бы узнать историю его спасения из первых рук.

Джейкоб уставился в пространство, не замечая Хелен. На миг ему показалось, что он различает свист ветра и чей-то зов… кто-то кричит, падая с огромной высоты, но слов не разобрать. Он стряхнул с себя наваждение.

---

[18] notes: 18

Игра слов, совмещение «элементарно» и «филаментарный», то есть состоящий из волокон.

— О, я приберегу этот рассказ до особого случая, когда мы окажемся наедине. Эта тема слишком личная для дежурного обмена байками в большой компании. Кстати, своим спасением шпили обязаны еще одному человеку, думаю, тебе будет небезынтересно узнать о нем.

На лице Хелен промелькнуло странное выражение, что-то вроде сострадания, свидетельствовавшее о том, что она уже в курсе произошедшего с ним в Эквадоре, и готова подождать, пока он не будет готов поделиться с ней подробностями.

— С удовольствием послушаю. Причем я наконец придумала, чем тебе отплатить. Я расскажу про певчих птиц с Омнивариума. Планета оказалась такой тихой, что первым колонистам приходилось соблюдать крайнюю осторожность, иначе птицы начали бы копировать любые издаваемые ими звуки. Это оказало любопытный эффект на сексуальное поведение колонистов, особенно женщин. Все зависело от их конечной цели: одни по старинке превозносили достоинства своих партнеров, другие же старались сохранить все в тайне. А сейчас мне пора возвращаться к рабочим обязанностям. К тому же стоит приберечь самую интересную часть рассказа до более подходящего момента. Я сообщу, когда мы

достигнем первой зоны турбулентности.

Джейкоб поднялся с диванчика одновременно с Хелен и проводил ее взглядом, пока стройная фигура не скрылась в рубке. Может, солнечная хромосфера и не самое лучшее место, чтобы любоваться женской походкой, но Джейкоб не мог оторвать от удалявшейся де Сильвы глаз. Его восхищала та гибкость, которую со временем обретали почти все члены межпланетных экипажей.

Проклятье! А может, она это нарочно? Когда это не противоречило работе, Хелен де Сильва явно следовала голосу либидо.

Хотя ее отношение к Джейкобу было довольно странным. Казалось, она доверяла ему куда больше, чем можно было ожидать после тех немногочисленных услуг, которые он оказал на меркурианской базе, да пары-тройки дружеских бесед. Не исключено, что ей что-то нужно от него. Но если так, то хотелось бы знать, что именно.

С другой стороны, возможно, в те времена, когда Хелен покинула Землю и отправилась в долгий полет на «Калипсо», люди легче и естественнее сходились друг с другом. Женщина, выросшая в колонии О'Нила в эпоху самоанализа и рефлексий, вызванных массовым политиче-

ским оболваниванием, наверняка будет больше полагаться на инстинкты, чем детище Конфедерации с ее крайним индивидуализмом.

Интересно, что Фэйгин успел наплести ей о нем?

Джейкоб направился к центральному куполу, к стене которого с внешней стороны прилегала маленькая душевая кабинка.

Душ заметно придал ему бодрости. По другую сторону купола, возле автоматов с едой и напитками, он обнаружил доктора Мартин в компании парочки двуногих пришельцев. Она улыбнулась ему, Кулла просиял от радости, и даже Буббакуб пробурчал в водор какие-то приветственные слова.

Нажав на несколько кнопок, он заказал апельсиновый сок и омлет.

— Рановато вы вчера отправились на боковую, Джейкоб. После вашего ухода пил Буббакуб потчевал нас поразительными историями. Вы бы ушам своим не поверили, серьезно!

Джейкоб отвесил руководителю филиала Библиотеки легкий поклон.

— Покорнейше прошу меня извинить, пил Буббакуб. Я слишком устал, иначе бы охотно послушал о величайших представителях Галак-

тики, в особенности о прославленных пилах. Уверен, ваш запас подобных историй поистине неистощим.

Стоявшая рядом доктор Мартин при этих словах напряглась, а Буббакуб, напротив, самодовольно распушил шерстку. Джейкоб отдавал себе отчет, что обижать маленького инопланетянина чрезвычайно опасно. Однако он успел неплохо изучить посла, чтобы понять: намеки на заносчивость и высокомерие того не задевают, поэтому не смог удержаться от безобидного подтрунивания.

Милдред настояла, чтобы Джейкоб присоединился к их компании. Диванчики на время еды специально приподняли. Неподалеку расположились со своими тарелками четверо членов экипажа.

— Фэйгина случайно никто не видел? — осведомился Джейкоб.

Доктор Мартин покачала головой.

— Нет, боюсь, он уже больше двенадцати часов не покидал «изнанку» корабля. Понятия не имею, почему он избегает нашего общества.

Скрытничать было совершенно не в характере Фэйгина. Однако когда Джейкоб навестил приборный отсек, чтобы воспользоваться теле-

скопом, они с кантеном обменялись всего парой слов. А теперь комендант и вовсе ограничила доступ на другую сторону корабля, предоставив ее в единоличное распоряжение ПВЦ.

«Если к обеду Фэйгин так и не появится, придется требовать объяснений», — решил Джейкоб.

Мартин и Буббакуб оживленно беседовали. Время от времени подавал реплики и Кулла, тон у него был самый что ни на есть подобострастный. Между губищ принга неизменно была зажата соломинка. Пока Джейкоб поглощал свой завтрак, Кулла, неторопливо посасывая трубочку, успел опустошить несколько тюбиков с питательной смесью.

Буббакуб пустился в пространные рассуждения о своем предке, представителе расы соро, который где-то миллион лет назад или около того принимал участие в одном из немногочисленных мирных контактов между распущенной цивилизацией кислорододышащих и их таинственными водорододышащими собратьями по галактике.

Водородным и кислородным с незапамятных времен не удавалось найти общий язык. И при каждой новой их стычке погибала какая-нибудь планета, а то и не одна. Счастье еще, что у этих двух рас не было почти ничего общего, так что

конфликты вспыхивали редко.

История была длинная и запутанная, но Джейкоб вынужден был признать, что таланта рассказчика Буббакубу не занимать. Пока пил находился в центре внимания и контролировал ситуацию, он был само обаяние и остроумие.

Отдавшись на волю воображения, Джейкоб слушал захватывающий рассказ о том, с чем довелось столкнуться лицом к лицу лишь крохотной части человечества: о бесконечно причудливых и прекрасных звездах и о самых разнообразных вещах, которым нашлось место среди бескрайнего множества планет. Он даже начал завидовать Хелен де Сильве.

Буббакуб всеми фибрами души ощущал неизбежность создания Библиотеки. Это была сокровищница знаний и традиций, которая объединяла все расы, использующие при дыхании кислород. Библиотека обеспечивала преемственность культур, не будь ее, не было бы и никаких связующих звеньев между разными цивилизациями. Войны велись бы без всяких правил, до полного уничтожения противника. Планеты гибли бы от нерационального природопользования и истощения ресурсов.

Библиотека и другие подобные ей разроз-

ненные организации помогали предотвратить геноцид среди разумных рас.

История Буббакуба достигла кульминации и развязки, и пил дал публике прочувствовать важность момента в благоговейной тишине. Затем он добродушно спросил у Джейкоба, не примет ли тот эстафету и не потешит ли слушателей еще какой-нибудь историей.

Джейкоб оказался захвачен врасплох. Возможно, по человеческим меркам, его биография и была интересной, но незаурядной ее не назовешь. О чем он мог поведать, оглядываясь назад? Правила, очевидно, требовали рассказа либо о пережитом им лично, либо об опыте предков или расы патронов.

От волнения обливаясь потом, Джейкоб решил было обратиться к какой-нибудь исторической фигуре, например Марко Поло или Марку Твену. Но доктор Мартин наверняка знала об этом не хуже него и заскучала бы.

Оставался еще дедушка Альварес и его вклад в Переворот, но у этой истории был явный политический подтекст, к тому же Буббакуб счел бы описанные в ней моральные устои провокационными. Самое яркое впечатление, пожалуй, произвел бы рассказ о событиях на Ванильном

шпиле, но он слишком глубоко затрагивал его личную жизнь и мог разбередить болезненные воспоминания. К тому же Джейкоб уже пообещал приберечь его для Хелен де Сильвы.

Вот когда пригодилось бы присутствие Ларока! Напыщенный коротышка заболтал бы собравшихся так, что они бы до самого вечера не очухались.

Вдруг Джейкобу пришла в голову шальная мысль. Ведь существовал же исторический персонаж, его предок, чья биография выглядела вполне подходящей! И что самое забавное, эту историю можно было истолковать двояко. Он гадал, насколько откровенным может быть рассказ, чтобы часть слушателей при этом не просекла, что к чему.

— Что ж, вообще-то, — начал медленно Джейкоб, — мне вспомнилась одна фигура из истории Земли, о которой не грех упомянуть. А примечателен этот персонаж тем, что принимал участие в установлении контакта между одной цивилизацией, носительницей «примитивной» культуры и технологий, и другой, превосходившей ее практически во всем. Полагаю, с вводной частью на этом можно и покончить, ситуация всем вам хорошо знакома, ведь историки со времен Контакта

только о ней и твердят.

Судьба американских индейцев превратилась в этакую современную пьесу-моралите. Старые, снятые в XX веке фильмы, прославляющие «благородных краснокожих», сегодня вызывают разве что хохот. Как напомнила нам еще на Меркурии Милли и как известно любому землянину, именно индейцы менее всех остальных рас, подвергшихся влиянию иной культуры, сумели приспособиться к прибытию европейцев. Их хваленая гордость мешала им перенять достижения белого человека, пока не стало уже слишком поздно, — взглянем для сравнения на прямо противоположный опыт успешной ассимиляции в Японии в конце XIX столетия… Перед вами тот самый пример, к которому не устает апеллировать в последнее время фракция «Приспособиться и выжить».

Слушатели проглотили наживку. Люди притихли и смотрели только на него. У Куллы загорелись глаза. Даже Буббакуб, обычно индифферентный, не сводил с Джейкоба глазок-бусинок. И только Мартин при упоминании фракции «П и В» поморщилась. Итак, начало положено.

«Если бы здесь был Ларок, он бы меня не одобрил», — подумал Джейкоб. Впрочем, недо-

вольство Ларока — всего лишь цветочки по сравнению с гневом его родни из клана Альваресов, который обрушился бы на него, услышь они подобные речи.

— Разумеется, в неспособности индейцев к адаптации виноваты не только они сами, — продолжал Джейкоб. — Ряд ученых полагает, что цивилизации Западного полушария временно находились в состоянии упадка, который по несчастливой случайности совпал с высадкой европейцев. Сами посудите: у бедолаг майя только что закончилась гражданская война, в ходе которой они все перебрались в сельскую местность, бросив свои города вместе с правителями и жрецами на произвол судьбы. К моменту прибытия кораблей Колумба большинство храмов пришло в запустение. Конечно, можно припомнить последовавший за этим золотой век майя, когда численность населения возросла вдвое, а благосостояние и объемы торговли — вчетверо, но эти показатели вряд ли применимы, когда речь идет о культуре.

«Осторожней, парень. Не переборщи с иронией!»

Джейкоб заметил, как один из членов экипажа, тип по фамилии Дубровский, отделился от коллег.

Его саркастическая ухмылка была видна только Джейкобу. Все остальные, похоже, слушали с неподдельным интересом, хотя по внешности Куллы и Буббакуба определить их настроение было трудно.

— Теперь перейдем к одному из моих предков, который как раз был индейцем. Звали его Секвойя, он был из племени чероки. В те времена чероки обитали в основном на территории штата Джорджия. Это на восточном побережье Северной Америки, поэтому у них было еще меньше времени, чем у остальных индейцев, чтобы подготовиться к встрече с белым человеком. И тем не менее они попытались — на свой лад, конечно. Их попытку не назовешь столь масштабной и всесторонней, как у японцев, но они честно пытались.

Чероки быстро перенимали у новых соседей разнообразные технологии. Вигвамы сменились бревенчатыми домами, а железные орудия и кузнечное ремесло прочно вошли в их жизнь. Они рано освоили изготовление пороха и оценили европейские методы ведения сельского хозяйства. Одно время даже использовался рабский труд, хотя многим эта идея пришлась не по душе.

К тому моменту, о котором пойдет речь, чероки

потерпели поражение в двух войнах. Они допустили ошибку, сначала поддержав в 1765 году французов, а потом, в ходе первой войны за независимость, встав на сторону английской короны. Тем не менее в первой половине XIX века у них была собственная республика, занимавшая довольно приличную территорию, а все благодаря горстке молодых индейцев, перенявших у белого человека достаточно знаний, чтобы заняться законотворчеством. Наряду со своими северными братьями, ирокезами, они достигли немалых успехов в ведении переговоров с белыми. Так продолжалось до поры до времени.

Тут-то на исторической сцене и появляется мой предок. Секвойя был из тех, кто не одобрял ни один из предложенных его народу вариантов: его не прельщал ни шанс остаться благородными дикарями и погибнуть в сражениях, ни перспектива полностью перенять образ жизни и привычки переселенцев, ассимилироваться и исчезнуть как отдельный народ. В частности, он прекрасно осознавал силу печатного слова, но считал, что индейцы обрекут себя на жалкую участь, если согласятся ради овладения грамотой выучить английский язык.

Джейкобу было любопытно, догадается ли кто-

нибудь провести параллели и сравнить западню, в которую угодили Секвойя и его собратья-чероки, с нынешним положением человечества по отношению к Библиотеке.

Судя по выражению лица Милдред Мартин, как минимум у одного из присутствующих столь долгий исторический экскурс в исполнении обычно молчаливого Джейкоба Демвы вызвал удивление. Откуда ей было знать о бесконечных лекциях по истории и ораторскому мастерству, которые вынужден был посещать после школы каждый отпрыск клана Альваресов. Хотя политики Джейкоб чурался и прослыл среди родни белой вороной, кое-какие уроки даром не прошли.

— В итоге Секвойя нашел устраивающее его решение проблемы: он изобрел письменность чероки. Это был титанический труд, завершенный ценой тяжких лишений и изгнания, ведь многие соплеменники противостояли его усилиям. Но когда он закончил начатое, все сокровища мировой литературы, науки и техники стали доступны не только кучке умников, потративших на изучение английского языка долгие годы, но и любому чероки, не хватавшему звезд с неба в плане интеллекта.

Вскоре даже сторонники ассимиляции призна-

ли заслуги Секвойи. Его подвиг предопределил судьбу всех последующих поколений чероки. Этот народ, единственное индейское племя, чей национальный герой оказался не воином, а мыслителем, позволил себе привередничать.

И в этом заключалась их главная ошибка. Если бы чероки дали местным миссионерам изменить себя по образу и подобию колонистов, им, возможно, удалось бы влиться в ряды мелкого фермерства, а европейцы воспринимали бы их как таких же белых, только чуть похуже сортом.

Вместо этого они решили, будто смогут стать современными индейцами, сохранив при этом основополагающие элементы прежней культуры, то есть очевидно, что их желания шли вразрез друг с другом.

Тем не менее некоторые ученые считают, что задача была осуществима. Все складывалось не так уж плохо, пока горстка белых не наткнулась в землях чероки на золото. Колонисты пришли в небывалое возбуждение. Они заставили законодательное собрание Джорджии издать указ, объявлявший спорные земли бесхозными.

Тогда чероки совершили странный поступок, аналогов которому не нашлось даже спустя сто лет. Индейское племя подало на законодатель-

ное собрание Джорджии в суд за захват земель! Заручившись поддержкой некоторых сочувствующих им белых, чероки сумели довести дело до Верховного суда Соединенных Штатов.

Суд постановил, что захват был произведен незаконно. Индейцам разрешалось и впредь распоряжаться своими землями.

И вот тут-то их и подвела недостаточная приспособляемость. Никогда не предпринимавшие серьезных усилий, чтобы встроиться в структуру общества колонистов, чероки не располагали достаточной политической мощью, чтобы подкрепить свою правоту. Они доверяли справедливым и возвышенным законам новой нации и умело ими пользовались, но не осознавали, что общественное мнение — сила ничуть не меньшая, чем закон.

В глазах большинства белых соседей чероки были всего лишь очередным индейским племенем. Когда Энди Джексон[19] послал суд к черту и велел войскам любой ценой вышвырнуть чероки со спорной территории, им больше некуда было

[19] notes: 19

Эндрю Джексон (1767–1845) — седьмой президент США, один из основателей демократической партии, горячий сторонник выселения индейцев на особую, отведенную для них, Индейскую территорию (сейчас штат Оклахома).

обратиться.

Так что соплеменникам Секвойи пришлось спешно собирать скудные пожитки и отправляться Дорогой слез к новой Индейской территории — землям на западе, которые никто из них прежде не видел.

История Дороги слез — это гимн человеческой храбрости. Неисчислимые страдания, обрушившиеся на чероки во время долгого пути, породили целый ряд чрезвычайно трогательных произведений литературы. Способность не терять силы духа несмотря на нужду и лишения наложила отпечаток на менталитет целого народа и сохранилась по сей день.

То изгнание было далеко не последним ударом судьбы, ниспосланным племени.

Когда Соединенные Штаты охватила гражданская война, она затронула и чероки. Добровольческие индейские части, выступавшие на стороне Конфедерации, столкнулись с индейскими отрядами Союза, и брат пошел на брата. Краснокожие сражались так же неистово, как и подразделения белых, а по части дисциплины могли даже дать им фору. Но пока они сражались, их недавно обретенные дома стояли разграбленные.

Затем были стычки с шайками бандитов, болез-

ни и очередные захваты земель. За свойственный чероки стоицизм их прозвали «индейскими евреями». И если другие племена исчезали одно за другим, впав в отчаяние перед лицом совершаемых против них преступлений, то чероки выжили и сохранили традицию рассчитывать только на себя.

Имя Секвойи снова всплыло из небытия. В его честь назвали вид деревьев, произраставших в туманных лесах Калифорнии. Это были самые высокие деревья в мире.

Однако мы отклонились от рассказа о безрассудстве чероки. Гордость помогала им стойко перенести жестокое истребление в XIX веке, а потом забвение в XX-м, она же удержала их и от участия в Возмещении ущерба в XXI-м. Чероки отказались от «культурных репараций», предложенных правительством Америки накануне установления Бюрократии, отвергли богатства, посыпавшиеся как из рога изобилия на остатки других индейских племен и призванные успокоить чуткую совесть просвещенной и образованной публики в эпоху, которую теперь по иронии судьбы принято называть американским

бабьим летом[20].

Они отказались от организации культурных центров, в которых разучивают старинные танцы и обряды. Пока остальные специалисты по возрождению индейцев реанимировали ремесла доколумбовой эпохи, стараясь «восстановить связь со своим культурным наследием», чероки спрашивали себя, чего ради они должны плести дешевые фенечки и шить одежду из кожи, если вместо этого можно формировать свой собственный, ни на что не похожий вариант американской культуры XXI века.

Объединившись с могавками и группками диссидентов, отколовшимися от других племен, они обменяли средства, полагавшиеся им по программе Возмещения ущерба, и половину доходов племени на членство в Лиге энергетических спутников. Теперь все сливки индейской молодежи мечтали участвовать в строительстве космических городов, подобно тому как их прадеды когда-то возводили крупнейшие города Америки. Чероки пожертвовали шансом разбогатеть в обмен на пропуск в небо.

И снова им пришлось дорого заплатить за свою

[20] notes: 20

Игра слов: в английском языке эту часть осени называют не бабьим летом, а индейским.

гордыню. Когда Бюрократия принялась закручивать гайки, Лига восстала. Блестящие молодые ребята и девушки, подлинный цвет нации, тысячами гибли бок о бок со своими космическими братьями, потомками Энди Джексона и его рабов. Построенные Лигой города были уничтожены. Тем, кто выжил, разрешили остаться в космосе лишь потому, что кто-то должен был обучать тщательно отобранные Бюрократией свежие кадры.

Чероки, оставшиеся на Земле, тоже пострадали. Многие приняли участие в Конституционном бунте. Они оказались единственным индейским племенем, подвергшимся гонениям со стороны победителей не по одиночке, а в полном составе, наряду с Вьет-Амами и уроженцами Миннесоты. Вторая Дорога слез была так же печальна, как и первая. Только на этот раз чероки шли не одни, а с товарищами по несчастью.

Естественно, первое, самое безжалостное поколение бюрократических вождей однажды иссякло, и настала эра подлинных бюрократов. Правителей Гегемонии больше заботило не мщение, а производительность труда. Лигу восстановили, на сей раз под строгим контролем, и в колониях О'Нила пышным цветом расцвела но-

вая самобытная культура, испытавшая сильное влияние со стороны оставшихся в живых первых строителей.

На Земле по-прежнему можно встретить представителей племени чероки, в то время как все остальные племена давным-давно либо растворились в нынешней космополитичной культуре, либо доживают свой век как забавные фрики, пережитки времени. Упертые чероки так и не хотят учиться на собственных ошибках. До меня доходили слухи о последней их безумной идее: они затевают совместно с Вьет-Амами и Израильско-Азиатско-Тихоокеанским союзом совместный проект по терраформированию Венеры. Звучит, конечно, смехотворно.

Впрочем, их нынешняя деятельность уже не имеет отношения к теме нашего разговора. Вот если бы мой предок Секвойя и его собратья сумели полностью перенять стиль жизни и мышления белого человека, они бы заработали для себя тепленькое местечко в его культуре и мирно растворились бы в ней, безо всяких страданий. Если же они продолжали сопротивляться, ведомые бездумным упрямством, подобно многим их соседям-индейцам, они бы, разумеется, все равно подверглись гонениям, но рано или поздно

«добрые» потомки белого человека сменили гнев на милость.

Вместо этого чероки попытались нащупать компромиссный вариант, объединив очевидные преимущества западной цивилизации и сильные стороны собственного культурного наследия. Они экспериментировали и были взыскательны. Шесть долгих столетий они торили свой особый путь и пострадали от этого больше, чем какое бы то ни было другое племя.

Мораль моего рассказа, должно быть, очевидна. Мы, человеческая раса, столкнулись с той же дилеммой, что и индейцы, и должны сделать выбор: либо упорно воротить нос, либо всем сердцем впитать насчитывающее миллиард лет культурное наследие, предложенное Библиотекой. И пусть каждый, кто твердит о нашей избранности и особом пути, вспомнит опыт чероки. Они проделали долгий путь, и он еще не завершен.

Джейкоб умолк, и в зале надолго повисла гробовая тишина. Буббакуб по-прежнему сверлил его маленькими черными глазками-бусинками. Кулла тоже пристально смотрел на него. Доктор Мартин, напротив, опустила взгляд на столешницу и задумчиво сдвинула брови.

Дубровский держался поодаль: правая рука

на левом плече, левая прикрывает рот, хитрые морщинки вокруг глаз. Кажется, он изо всех сил пытался не расхохотаться. «Наверняка один из сторонников Лиги, в последнее время в космосе от них не продохнуть. Надеюсь, ему хватит ума промолчать, — подумал Джейкоб. — Я и так уже достаточно искушал судьбу».

В горле у него пересохло. Он отхлебнул из тубы с апельсиновым соком, припасенной за завтраком.

Буббакуб выпрямился, заложив коротенькие лапки за голову, и окинул Джейкоба взглядом с ног до головы.

— Хорошая история, — наконец постановил он. — Я попросил бы вас записать ее для меня по возвращении. Это будет от-лич-ным уроком для землян. Хотя у меня осталась пара вопросов, как-нибудь при случае задам. Кое-чего я так и не-до-по-нял.

— Как вам будет угодно, пил Буббакуб. — Джейкоб поклонился, стараясь скрыть ухмылку. Не мешало бы поскорее сменить тему, пока представитель Библиотеки не доконал его занудными расспросами. Но где найти новый предмет разговора?

— Мне тоже очень понравилась история, по-

веданная другом Джейкобом, — засвиристели откуда-то сзади. — Едва уловив, о чем речь, я постарался приблизиться как можно тише. Рад, что мое присутствие никому не досаждало.

Джейкоб с облегчением вскочил.

— Фэйгин! — Остальные тоже поднялись со своих мест, приветствуя скользившего к ним кантена. В рубиново-красном свете пришелец казался черным как смоль. Движения его были плавными и неторопливыми.

— Хотел бы принести всем самые искренние извинения! Вынужден был на время отлучиться. С милостивого согласия коменданта экипаж увеличил пропускную способность экранов, чтобы я мог подпитаться лучами. Но по понятным причинам это можно было проделать только на предварительно освобожденной от пассажиров обратной стороне корабля.

— Что правда, то правда, — рассмеялась доктор Мартин. — Вряд ли кому-то из нас хотелось бы поджариться!

— Ничуть не сомневаюсь. Однако я успел соскучиться и рад снова присоединиться к приятному обществу.

Двуногие опустились на свои места, а Фэйгин примостился прямо на палубе. Джейкоб вос-

пользовался случаем и переключился на нового собеседника.

— Мы тут болтаем о том о сем в ожидании следующего этапа путешествия. Может быть, возьмешь на себя труд рассказать нам об Институте Прогресса?

Кантен зашелестел листвой. Повисла пауза.

— Увы, друг мой Джейкоб, Институт Прогресса вовсе не столь значимая организация, как Библиотека. Его название перевели на английский не совсем верно. В вашем языке попросту отсутствуют соответствующие ему понятия. Наш скромный орден был основан, чтобы исполнить один из самых незначительных Заветов, возложенных много веков тому назад на старшие расы Прародителями, прежде чем те покинули пределы Галактики. Грубо говоря, этот Завет обязывает нас чтить все новое.

Расам вроде вашей, так называемым сиротам, до недавнего времени не знавшим сладости и горечи уз родства и отношений патронов и клиентов, должно быть непросто осознать консерватизм, присущий нашей галактической культуре. Консерватизм этот — не столь уж серьезное зло. Среди такого видового разнообразия вера в единые традиции и общее культурное

наследие может оказать благотворное влияние. Более юные расы должны прислушиваться к старшим, обретшим с годами мудрость и терпение. Пользуясь вашей терминологией, мы придаем огромное значение своим корням.

Никто, кроме Джейкоба, не заметил, что при этих словах Фэйгин слегка заерзал. Кантен сгибал и распрямлял короткие узловатые отростки, заменявшие ему ноги. Апельсиновый сок попал не в то горло, и Джейкоб с трудом подавил кашель.

— Но традиции традициями, а мы должны быть обращены в будущее, — продолжал Фэйгин. — И Прародители в своей бесконечной мудрости наказали Старшим не отвергать ничего нового.

Силуэт кантена четко прорисовывался на фоне гигантского багрового шара, их точки назначения. Джейкоб сокрушенно покачал головой.

— Так вот почему, как только разнеслась молва, что в космосе найдена горстка дикарей, вскормленных волками, вы немедля помчались к ним?

Снова шелест кроны.

— Какой яркий образ, друг Джейкоб. Однако твоя догадка в общем и целом верна. Перед Библиотекой стоит важнейшая задача научить земные расы всему, что необходимо для выживания. В то время как миссия моего Института

куда скромнее: дать оценку тому новому, что вы привнесли в галактическую культуру.

В разговор вмешалась Милдред Мартин.

— Кантен Фэйгин, исходя из багажа ваших знаний, случалось ли такое прежде? Я имею в виду, зафиксированы ли другие случаи, когда биологические виды, не сохранившие воспоминаний о роли патронов в их воспитании, врывались в Галактику по собственному почину, как и мы?

— Да, многоуважаемая доктор Мартин. Такое случалось неоднократно. Космос настолько обширен, что и вообразить себе невозможно. Во время регулярных миграций кислородные и водородные цивилизации преодолевают громадные расстояния, и даже обжитые участки крайне редко бывают освоены полностью. Часто при этих грандиозных перемещениях тот или иной крошечный осколок расы оказывается покинут своими патронами и продолжает развиваться самостоятельно. Цивилизованные люди обычно мстят за то, что их бросили на произвол судьбы… — Кантен замялся. Джейкоб поразился, догадавшись о причине его колебаний, а Фэйгин тем временем возобновил рассказ. — Но поскольку подобные редкие случаи связаны с миграцией, возникает дополнительная проблема. Из остан-

ков технологий, унаследованных от патронов, раса подкидышей вполне способна соорудить примитивный космический корабль, но к тому моменту, как они очутятся в межзвездном пространстве, служащая им домом часть Галактики может подпасть под Запрет. Они могут невольно пасть жертвой водорододышащих, занявших, согласно естественной очередности, это звездное скопление, или спиральный рукав Галактики.

Тем не менее время от времени подобные расы обнаруживаются. Как правило, у «сирот» остаются яркие воспоминания об их патронах. В некоторых случаях факты начисто вытесняются мифами и легендами. Но Библиотека, являясь вместилищем истины, почти в любой ситуации способна эту самую истину установить.

Фэйгин опустил часть веток, указывая на Буббакуба. Пил дружелюбно кивнул.

— Именно поэтому, — продолжил кантен, — мы с нетерпением ждем выяснения причин, почему в таком грандиозном архиве нет никаких упоминаний о вашей Земле. Ни регистрационных данных, ни списка предыдущих владельцев, хотя с того момента, как Прародители покинули Галактику, в этой области целых пять раз наблюдались полномасштабные миграции.

Буббакуб внезапно застыл посреди кивка. Крохотные черные глазки прицельно сверлили кантена, но тот, похоже, не обратил на это внимания и продолжал витийствовать.

— Насколько мне известно, человечество являет собой первый пример, с которым связана многообещающая гипотеза об эволюционном обретении разумности. Конечно, все вы знаете, что эта идея идет вразрез с некоторыми основополагающими принципами нашей биологической научной мысли. И все же ряд аргументов ваших антропологов отличается завидной целостностью.

— Завиральная теория! — фыркнул Буббакуб. — Как и вечный дви-га-тель, которым по-хва-ля-ются ваши со-пле-мен-ни-ки, которых вы называете «шкурами». Над вашей теорией «ес-те-ствен-ного» развития разумных форм жизни потешается вся Галактика, человек Джейкоб Демва. Впрочем, скоро Биб-ли-о-те-ка дарует вашей непутевой расе то, в чем она нуждается: утешительную правду о вашем происхождении!

Низкий гул ракетных двигателей усилился, у Джейкоба на мгновение пол ушел из-под ног.

— Всем внимание! — по залу разнесся усиленный динамиками голос коменданта Хелен де

Сильвы. — Мы только что миновали первый риф. В дальнейшем возможны и другие подобные краткие толчки. Я сообщу, когда мы приблизимся к цели. Пока все.

Солнечный горизонт стал почти плоским. В какую сторону ни глянь, повсюду тянулись, уходя в бесконечность, сплетения красных и черных завихрений. Все больше и больше волокон, поравнявшись с судном, превращались в протуберанцы, рассекающие остатки космической черноты, а потом растворялись в сгущавшейся над головами красноватой дымке.

Собравшиеся, повинуясь единому импульсу, переместились к краю палубы, откуда открывался вид на нижние слои хромосферы. Палуба то и дело подрагивала, все притихли, любуясь необычайным пейзажем.

— Доктор Мартин, — наконец заговорил Джейкоб. — Вы с пилом Буббакубом готовы к эксперименту?

Милдред указала на пару увесистых контейнеров: один стоял на палубе неподалеку от Буббакуба, другой рядом с ней.

— Все необходимое у нас под боком. Я захватила с собой кое-какое оборудование для фиксации паранормальной активности, которым пользо-

валась в ходе прошлых погружений, но главная моя задача — любыми возможными способами помочь пилу Буббакубу. По сравнению с содержимым его чемоданчика мои усилители мозговых волн и модуляторы оптического резонанса все равно что детские игрушки, тем не менее я постараюсь быть хоть чем-то полезной.

— Охотно вос-поль-зу-юсь вашей по-мо-щью, — церемонно ответил Буббакуб. Но когда Джейкоб попросил разрешения взглянуть на аппаратуру инопланетянина, тот предупреждающе растопырил четырехпалую ладошку. — Позже, когда мы будем готовы.

Джейкоба накрыло уже знакомое ощущение: руки чесались узнать, что же там у Буббакуба в контейнерах. Информации по исследованию паранормальных явлений в филиале Библиотеки нашлось с гулькин нос. Кое-что из области феноменологии, но почти ничего по части методологии.

«Интересно, — подумал он, — каковы познания галактической культуры, насчитывающей уже целый миллиард лет, о тех глубинных фундаментальных уровнях сознания, которые должны быть общими для всех разумных рас? Очевидно, исчерпывающими их познания не назовешь, раз

деятельность Галактики все еще ограничивается нашим пластом реальности. И еще кое-что можно сказать наверняка: по крайней мере часть пришельцев понимает в телепатии не больше моего».

Ходили слухи, что старшие расы иногда испарялись с галактической карты: в основном вымирали, придя в упадок и утратив волю к жизни, или исчезали в результате войн, однако некоторые как будто просто «уходили в тень», посвятив себя занятиям, не имевшим никакого смысла с точки зрения их клиентов или соседей.

Почему в нашем филиале Библиотеки нет никаких данных о подобных явлениях или хотя бы о практическом применении паранормальной активности?

Джейкоб нахмурился и сцепил пальцы в замок. «Ну уж нет, — решил он. — Рыться в багаже Буббакуба я не стану!»

Из динамиков снова зазвучал голос Хелен де Сильвы.

— Мы приблизимся к намеченной области через тридцать минут. Желающие могут пройти в рубку — здесь отличный обзор.

Когда глаза немного приспособились к повышенной яркости искомой зоны, остальная

поверхность Солнца стала казаться тусклой. Далеко внизу вспыхивали и гасли яркие точки факул[21]. Где-то там, на не поддающемся определению расстоянии, раскинулось огромное скопище солнечных пятен. Ближайшее пятно напоминало жерло шахты, глубоко утопленный в зернистую «поверхность» фотосферы котлован. Затененная область не менялась, зато по участкам полутени вдоль кромки пятна постоянно расходились круги ряби, словно волны от взбаламутившего озерную гладь камешка. Граница пятна казалась размытой и вибрировала, как струна внутри пианино, если ударить по ней молоточком.

Сверху, простираясь во все стороны, нависали громадные контуры клубка волокон. Джейкобу прежде не доводилось видеть ничего, что можно было бы сопоставить по размерам с этим силуэтом. Вдоль сливающихся, изогнутых и сплетенных в петли линий магнитных полей плыли, кружась, гигантские облака. Нить волокна рождалась из ничего, вздымалась, захлестывала другую нить и в конце концов растворялась в эфире.

Корабль со всех сторон был охвачен вихрем

---

[21] notes: 21

Факулы — небольшие яркие области на поверхности небесного тела.

более мелких фигур, почти не различимых невооруженным глазом, но превращавших умиротворяющую черноту космоса в вездесущий розовый морок.

Джейкоб попытался представить, как описал бы подобное зрелище человек, наделенный литературным талантом. Каким бы отъявленным мерзавцем (а может быть, даже убийцей) ни был Ларок, пером он владел мастерски. Джейкобу доводилось читать его статьи, и всякий раз он наслаждался гладкостью слога, хотя умозаключения журналиста зачастую не вызывали ничего, кроме смеха. Чтобы описать величественную красоту Солнца, требовался настоящий поэт, и плевать на его политические убеждения. Жаль, что Ларока не оказалось на борту. По многим причинам жаль.

— Наши приборы засекли источник аномального поляризованного излучения. Отсюда и начнем поиски.

Кулла подошел к краю палубы и пристально вгляделся в участок поверхности, на который указал один из членов экипажа.

Джейкоб поинтересовался у коменданта, что это принг делает.

— Кулла способен различать оттенки гораздо

лучше, чем мы, — объяснила де Сильва. — Он может определить разницу в длине волны с точностью примерно до ангстрема[22]. Кроме того, он загадочным образом умудряется запоминать фазу излучения. Полагаю, какой-то феномен, связанный с интерференцией. Это делает его незаменимым помощником при поиске когерентного излучения, которое испускают эти лазерные твари. Он почти всегда замечает их первым.

Жвалы инопланетянина резко щелкнули. Он взмахнул тонкой рукой.

— Они там, — констатировал принг. — Там много ишточников швета. Это большое штадо, и я уверен, паштухи тоже неподалеку.

Хелен улыбнулась, и корабль стал набирать скорость.

---

[22] notes: 22

Ангстрем — устаревшая внесистемная единица измерения длины, равная 10^{-10} м.

15
О жизни и смерти…

Попав в центр светового волокна, солнечный корабль двигался, будто рыбешка, подхваченная быстрым течением. Только на сей раз течением служил электрический ток, а волной, катившей зеркальную сферу, была намагниченная плазма невероятно сложной структуры.

Массивные шапки и стремительно мчащиеся клочья ионизированного газа опаляли все на своем пути, закручиваемые в воронку той самой силой, которая возникала при их перемещении. В поле зрения периодически возникали струи светящегося вещества — это происходило, когда эмиссионные линии газа под действием эффекта Доплера[23] накладывались на спектральную линию, выбранную для наблюдения.

Корабль снижался, прорываясь сквозь шквалы буйного хромосферного ветра, мчался, обуздав плазму за счет незначительных изменений в

---

[23] notes: 23

Эффект Доплера — явление названо в честь австрийского физика Кристиана Доплера. Изменение частоты и длины волны излучения из-за движения источника излучения или наблюдателя.

собственном магнитном поле, а парусами ему служили законы математики, почти обретшие материальную природу. Благодаря молниеносному скручиванию и уплотнению пресловутого магнитного поля казалось, что своеобразная упряжка из разношерстных и противоположно направленных порывов влечет судно в каком-то одном конкретном направлении и снижает вызванную бурей тряску.

Все те же силовые экраны блокировали большую часть испепеляющего жара, преобразуя оставшееся тепло в более приемлемые формы. Все, что пробивалось сквозь экраны, направлялось в камеру и приводило в действие охлаждающую лазерную установку, аналог почки, где отфильтрованная субстанция являла собой поток рентгеновских лучей, способный расщепить даже плазму.

Тем не менее вышеперечисленные изобретения землян погоды не делали. Маневренность и безопасность солнечных кораблей обеспечивала галактическая наука. Мощное, неотвратимое притяжение Солнца сдерживалось гравитационными полями, благодаря чему корабль мог снижаться и взлетать по команде пилота. Сокрушительные силы, действовавшие в центре

волокон, поглощались и нейтрализовались, а длительность их воздействия регулировалась за счет сжатия времени.

Относительно неподвижной точки на Солнце (если бы таковая существовала) корабль мчался по магнитной арке со скоростью в несколько тысяч миль в час. Но по отношению к окружающим судно облакам казалось, что оно неторопливо прокладывает себе путь, преследуя мелькающую впереди добычу.

Джейкоб следил за погоней вполглаза. Куда интереснее было наблюдать за Куллой. Тощий пришелец выступал в роли впередсмотрящего. С горящими глазами он стоял возле рулевого и тыкал рукой в окутывавшую судно мглу.

Кулла определял направление немногим лучше корабельных приборов, но Джейкоб в показаниях приборов не разбирался. Он был благодарен оказавшемуся рядом существу, которое указывало остальным пассажирам, а заодно и команде, куда смотреть.

Около часа они гнались за пятнами, сиявшими где-то далеко, в дымке. Де Сильва приказала открыть голубой и зеленый диапазон, однако пятна все равно просматривались крайне слабо, лишь изредка то одно, то другое испускало зеле-

новатый световой луч, будто прожектор, вдруг выхватывавший корабль из темноты, а затем скользивший дальше.

Со временем вспышки участились. Объектов было не менее сотни, и все примерно одного размера. Джейкоб покосился на емкостный датчик приближения. Расстояние — семьсот километров.

Когда до цели осталось двести метров, стали хорошо различимы очертания объектов. «Пожиратели магнитного поля» имели тороидальную форму. С такого ракурса стадо напоминало россыпь миниатюрных голубых обручальных колец. И все колечки до единого развернулись в одну сторону и выстроились вдоль волокнистой дуги.

— Они выстраиваются вдоль магнитного поля там, где его напряженность максимальна, — прокомментировала Хелен. — И вращаются вокруг своей оси, вырабатывая электрический ток. Шут его знает, как они перебираются из одной активной области в другую, когда поля смещаются. Мы все еще ломаем голову над тем, что удерживает их вместе.

Несколько крайних тороидов, не прекращая вращения, начали медленно раскачиваться.

Прецессия[24].

Внезапно корабль на секунду затопило пронзительно-зеленым свечением, потом гамма снова стала желтовато-красной. Пилот покосился на Джейкоба.

— Мы только что прошли сквозь лазерный шлейф одного из тороидов. Подобные разовые кратковременные вспышки совершенно безвредны, — сообщил он. — Однако если бы мы оказались позади и снизу основной части стада, у нас могли бы возникнуть проблемы.

Перед кораблем, перекрыв обзор, проплыл сгусток темной плазмы, то ли более холодной, то ли перемещавшейся гораздо быстрее, чем окружающий ее газ.

— Для чего им лазер? — поинтересовался Джейкоб.

Де Сильва пожала плечами.

— Для динамической устойчивости. Или в качестве ракетного двигателя. А может, они, как и мы, используют его для охлаждения. Если так, то в них вполне могла бы содержаться пылевая материя. Но в чем бы ни заключались функции лазера, он у них достаточно мощный, чтобы про-

---

[24] notes: 24

Прецессия — явление, при котором момент импульса тела меняет свое направление в пространстве под действием момента внешней силы.

бивать своим зеленым лучом наши настроенные на красный спектр экраны. Если бы не это, мы бы их вообще не заметили. Как бы эти создания не были огромны, для наших датчиков они как цветочная пыльца на ветру. Мы бы не засекли ни одного «пончика» и за миллион лет, если бы не лазерный шлейф. В альфа-линии водорода они невидимы, поэтому, чтобы как следует изучить их, пришлось приоткрыть часть зеленого и синего спектров. Естественно, конкретная длина волны, на которую настроен их лазер, в этот диапазон не попадает! Выбранные нами каналы достаточно спокойные и оптически плотные, так что можно не сомневаться: любое замеченное вами зеленое или голубое свечение исходит именно от этих тварей. Они, если можно так выразиться, вносят в местную цветовую гамму приятное разнообразие.

— Да уж, тут любому цвету, кроме этой проклятой красноты, обрадуешься.

Корабль пересек затемненную область, и они вдруг очутились практически в гуще чуждых созданий.

Джейкоб сглотнул и непроизвольно зажмурился. А когда снова открыл глаза, то обнаружил, что не в силах пошевелиться. Несмотря на предше-

ствующие три дня путешествия, изобиловавшие невероятными пейзажами, увиденное повергло его в почтительный трепет.

Если стаю рыб принято называть косяком из-за определенной фигуры, в которую они выстраиваются, а львиное семейство именуют прайдом благодаря той гордости и достоинству, с которыми они держатся, то для скопища солнечных аборигенов годился лишь один термин — вспышка. Их сияние было настолько насыщенным, что явственно контрастировало с космической чернотой.

Ближайшие тороиды светились всеми красками земной весны. И лишь на достаточном отдалении их блеск потихоньку начинал тускнеть. Прямо под проходившими посредине каждого существа осями, там, где лазерный луч пронзал плазму, виднелось приглушенное зеленоватое мерцание.

И все они были окружены искрящимся световым ореолом.

— Синхротронное излучение[25],– прокомментировал один из членов экипажа. — Похоже, эти

[25] notes: 25

Синхротронное излучение — электромагнитное излучение, испускаемое магнитными частицами, движущимися по траекториям, искаженным магнитным полем.

крошки вертятся что есть мочи. Я зафиксировал существенный выброс — в сотню килоэлектронвольт[26].

Ближайший тороид, достигавший в поперечнике четырехсот метров и находившийся примерно в 2000 метрах, медленно вращался. Вдоль его контуров, словно бусины в ожерелье, проплывали, сменяя друг друга, разнообразные геометрические фигуры: густо-синие ромбы превращались в фиолетовые загогулины, за считаные секунды обегая изумрудное светящееся кольцо по периметру.

Капитан солнечного корабля стояла посреди рубки, взгляд ее метался от одного прибора к другому, подмечая малейшие изменения показаний. Если смотреть только на нее, то по переливчатым цветным отблескам на ее лице и белоснежной форме можно было наблюдать смягченную, приглаженную версию развернувшегося снаружи светового шоу. Всякий раз, как Хелен отрывала глаза от приборной доски и улыбалась, зеленые и синие блики вытесняли с ее лица естественный румянец, придавая ей потусторонний вид.

---

[26] notes: 26

Электронвольт — внесистемная единица измерения энергии. Равняется энергии, необходимой для переноса элементарного заряда в электростатическом поле с разницей потенциалов в 1 В.

Внезапная вспышка излучения, исходившего от тороида, затопила рубку сплошной синевой, одновременно высветив на «теле» существа замысловатый узор, напоминавший скопление нервных узлов.

Непревзойденный по красоте спектакль. Извергавшие потоки зеленых лучей артерии свивались с венами, утопавшими в отстукивающей сердечный ритм девственно-чистой синеве. Сосуды пульсировали в противофазе, потом набухали, как спелые гроздья винограда, и расслаивались, исторгая облачка крохотных треугольников — своеобразную двухмерную пыльцу, которая, как в задаче трех тел[27], рассеивалась вокруг неевклидова тела тороида. Одновременно с этим все фрагменты узора стали равнобедренными и поверхность «пончика» ощенилась гранями и углами.

Небесный спектакль достиг кульминации, после чего дело пошло к развязке. Орнамент вдоль кромки потускнел, а сам тороид словно попятился назад и затерялся среди вращающихся собратьев. Снова возобладала красная гамма,

---

[27] notes: 27

Задача трех тел — одна из задач небесной механики, состоящая в определении движения трех тел (например, Солнца, Земли и Луны), взаимодействующих по закону тяготения Ньютона.

изгнав с палубы и лиц зрителей зеленые и синие сполохи.

— Это было приветствие, — наконец прокомментировала де Сильва. — На Земле еще хватает скептиков, полагающих, будто магнитоядные — всего лишь некое искажение магнитного поля. Им всем не мешало бы прилететь сюда и самим взглянуть на происходящее. Мы с вами стали свидетелями некой новой формы жизни. Всевышний явно подходил к своей работе с выдумкой.

Она легонько тронула пилота за плечо. Тот потянулся к рычажкам и тумблерам на приборной доске, и корабль с креном двинулся прочь.

Джейкоб склонен был согласиться с Хелен, хотя ее логика и была антинаучной. Он тоже не сомневался, что тороиды — живые организмы. Их действия, будь то приветствие или просто реакция на появление на их территории солнечного корабля, были характерны если и не для разумных, то как минимум для живых существ.

Архаичная отсылка к высшей божественной сущности странным образом гармонировала с красотой момента.

Палуба развернулась, оставив светящихся магнитоядных позади, а комендант снова подалась к микрофону:

— А теперь поохотимся за привидениями. Помните, мы здесь не ради магнитоядных, куда больше нас интересуют обитающие на Солнце «хищники». Экипаж будет нести непрерывную вахту, стараясь не упустить из виду этих неуловимых созданий. И поскольку чаще их обнаруживали по чистой случайности, а не в ходе планомерного наблюдения, мы будем признательны любому, кто не откажется нам помочь. Обо всех необычных явлениях просьба докладывать мне.

Де Сильва с Куллой о чем-то посовещались. Пришелец медленно кивнул, проблеск белого между громадных губ свидетельствовал о том, что принг крайне возбужден. Завершив разговор, он двинулся куда-то в обход центрального купола.

Хелен объяснила оставшимся, что отправила Куллу на другую, обратную, сторону корабля, где обычно находилось только автоматическое оборудование. Пришельцу отводилась роль часового на случай, если лазерные существа появятся со стороны надира, в слепой зоне, где их не могли засечь расположенные по краю палубы детекторы.

— С зенита они заходили уже не раз, — повторила де Сильва. — И зачастую это были самые интересные моменты. Например, однажды мы

увидели антропоморфные фигуры.

— И что, они всякий раз исчезали, прежде чем корабль разворачивался? — спросил Джейкоб.

— Либо так, либо они разворачивались одновременно с нами и продолжали висеть прямо у нас над головой. Хочешь не хочешь, а взбесишься! Но такое их поведение впервые натолкнуло нас на мысль о паранормальных способностях. В конце концов, чем бы эти существа ни руководствовались, откуда им стало известно о том, что наши приборы расположены вдоль края палубы, и почему, не зная о наших намерениях, они умудрялись перемещаться синхронно с нами?

Джейкоб в задумчивости сдвинул брови.

— А что вам мешало установить пару камер наверху? Вряд ли это потребовало бы серьезной возни.

— Да, возни немного, — согласилась де Сильва. — Но бортинженеры и пилоты не хотели нарушать изначальную симметрию судна. Пришлось бы протягивать сквозь палубу лишний кабель к центральному записывающему устройству, а Кулла уверял, что это свело бы на нет и без того мизерную возможность маневров в случае отказа стазис-генераторов… хотя не исключено, что эту возможность нужно было сбросить со счетов

сразу. Как мы знаем, бедняге Джеффу не удалось ею воспользоваться. Его корабль, тот, небольшой, который вы посещали на Меркурии, был изначально оснащен камерами, направленными в обе стороны: в зенит и надир. Единственный опытный образец. Так что придется нам обходиться приборами на палубе, собственными глазами и несколькими портативными камерами.

— А еще данными экспериментов в области паранормальной активности, — уточнил Джейкоб.

Хелен кивнула, на ее лице не отразилось никаких эмоций.

— Да, разумеется, все мы надеемся на дружеский контакт.

— Прошу прощения, капитан. — Пилот ненадолго оторвался от приборов. В его ухе красовалась беспроводная гарнитура. — Кулла сообщает об изменении цвета на северном краю стада. Это может означать, что начался отел.

Де Сильва опять кивнула.

— Хорошо. Курс на север по касательной к магнитному потоку. Поравняйтесь со стадом, но сохраняйте дистанцию, чтобы не спугнуть их.

Корабль снова накренился. Солнце, оказавшись слева, превратилось в стену, простиравшуюся в бесконечность. Из-под корабля вывернулась

полоска тусклого свечения, устремившись куда-то вниз, к фотосфере. Искрящийся след тянулся параллельно линии, по которой выстроилось тороидальное стадо.

— Это суперионизационный след от нашей охлаждающей лазерной установки, — пояснила Хелен. — Его длина — около пары сотен километров.

— Неужели лазер настолько мощный?

— Нам же надо избавляться от колоссальных излишков тепла. И суть идеи в том, чтобы стравливать его в какую-нибудь точку на Солнце. Без этого не будет охлаждения. Кстати, вот еще одна причина, по которой мы тщательно следим, чтобы стадо не оказалось впереди или позади корабля.

Ее слова внушили Джейкобу благоговейный трепет.

— А когда мы увидим… как он там сказал? Отел?

— Все верно, отел. Нам чрезвычайно повезло. До сих пор нам всего дважды доводилось присутствовать при этом событии. И оба раза поблизости оказывались пастухи. Похоже, они приходят на помощь всякий раз, когда тороиды производят на свет потомство. Так что логично

начать их поиски именно отсюда. Что же касается того, когда мы окажемся на месте, то все зависит от интенсивности хромосферных процессов на нашем пути и от степени сжатия времени, необходимой, чтобы добраться до пункта назначения с комфортом. Дорога может занять целый день. Но при удачном раскладе… — она покосилась на рубку, — мы будем там минут через десять.

Неподалеку топтался один из бортинженеров с каким-то чертежом в руках, явно дожидаясь, пока освободится капитан.

— Схожу-ка я предупрежу Буббакуба и доктора Мартин, — сказал Джейкоб.

— Да, не помешает. А я объявлю по внутренней связи, как только станет известно точное время прибытия.

Он зашагал прочь со странным ощущением, будто Хелен смотрит ему вслед. Но стоило ему только обогнуть центральный купол, как ощущение исчезло.

Буббакуб и Милдред отнеслись к известию совершенно спокойно. Джейкоб помог им перетащить контейнеры с техникой поближе к рубке.

Оборудование Буббакуба выглядело ошеломляюще, а определить его назначение с ходу не удавалось. Один из приборов, сложно устроен-

ный, сверкающий многогранник, наполовину торчал из ящика. Утыканный спиралями и снабженный многочисленными стеклянными окошками, он намекал на какую-то тайну.

Руководитель филиала извлек на свет божий еще два предмета. Первым был похожий на луковицу шлем, явно рассчитанный на пила, а второй напоминал осколок никель-железного метеорита с зеркальным торцом.

— Существуют три точки зрения относительно того, что же такое па-ра-нор-маль-ны-е способности, — произнес Буббакуб при помощи водора, взмахом четырехпалой лапки велев Джейкобу присесть. — Одна из них подразумевает, что это просто по-вы-шен-на-я чув-стви-тель-ность, позволяющая улавливать мозговые волны на внушительном расстоянии и рас-шиф-ро-вы-вать их. Такую способность мне дает вот эта штука. — Он указал на шлем.

— А для чего служит эта махина? — Джейкоб подался вперед, чтобы как следует разглядеть загадочный прибор.

— Она выявляет причину ис-крив-ле-ни-я про-стран-ства и времени: не произошло ли оно на-силь-ствен-но, по воле какого-либо софонта. Иногда случается и такое. Хотя подобные дей-

ствия, как правило, запрещены. Это называется *пи-нгрли*. В вашем языке нет аналога. Большинству рас, в том числе и людям, незачем знать о таких вещах, потому что происходят они нечасто. Библиотека оснащает каждый филиал вот такими *ка-нгрлами*, — он хлопнул по стенке прибора, — на случай, если злоумышленники попробуют воспользоваться пи-нгрли.

— Устройство противостоит насильственному искривлению?

— Да.

Джейкоб покачал головой. Мысль о существовании целого класса сил, недоступных человеку, вселяла тревогу. Одно дело техническая отсталость по сравнению с другими расами. Упущенное можно со временем наверстать. А вот отсутствие принципиально важных качеств заставляло его чувствовать себя беззащитным.

— А известно ли Конфедерации об этих… как их там… ка?..

— Ка-нгрлы. Известно. Я испросил раз-ре-ше-ни-я на вывоз прибора с Земли. Если в ходе экс-пе-ди-ци-и с ним что-то случится, его заменят на новый.

У Джейкоба на душе стало спокойнее, да и сам аппарат теперь вызывал скорее не суеверный

ужас, а симпатию.

— А зачем вот эта оставшаяся штука?.. — Джейкоб потянулся было к куску металла.

— Это пикс. — Буббакуб выхватил обломок у собеседника из-под носа и сунул обратно в контейнер, после чего отвернулся и принялся возиться со шлемом, улавливающим мозговые волны.

— Носится с этой вещицей как с писаной торбой, — шепнула доктор Мартин, когда Джейкоб подошел поближе. — Мне удалось вытянуть из него только, что это реликвия, наследие летани, пятого колена в череде высокородных предков его расы. Эта штуковина была получена пилами в дар незадолго до того, как летани «отбыли» в другой пласт реальности.

Мисс Вечная Улыбка заулыбалась шире обычного.

— Ну что, не желаете ли теперь взглянуть и на инструментарий наших с вами предков, алхимиков?

Джейкоб рассмеялся.

— У нашего друга пила, допустим, есть философский камень. А каким чудесным инвентарем для смешивания эманаций и изгнания чрезвычайно жаропрочных призраков располагаете вы?

— Если не считать самых заурядных детекторов паранормальной активности — таких, как вот этот, — оборудования у меня не так много. Регистратор мозговых волн, инерционный датчик движения, который в условиях временного сжатия, скорее всего, бесполезен, тахистоскопическая[28] 3D-камера с проектором…

— Можно взглянуть?

— Конечно, она в дальнем конце контейнера.

Джейкоб нырнул внутрь, извлек довольно громоздкий аппарат, установил его на палубу и изучил записывающую и считывающую головки.

— А знаете, — негромко произнес он. — Есть шансы, что…

— Что? — подхватила Милдред.

Джейкоб поглядел на нее в упор.

— Из этого устройства в паре со сканером радужной оболочки вроде того, каким мы пользовались на Меркурии, мог бы выйти отличный детектор психологических предрасположенностей.

— Вы имеете в виду что-то вроде тех приборов, которые применяются для выявления поднад-

[28] notes: 28

Тахистоскоп — прибор, позволяющий демонстрировать (как правило, проецировать) изображение в течение определенного времени. В психологии применяется для оценки скорости и точности восприятия.

зорных?

— Точно. Если бы я знал, что на базе есть такая камера, мы могли бы проверить Ларока без хлопот и проволочек. Не пришлось бы отправлять мазерограмму на Землю и проходить кучу сомнительных бюрократических процедур ради заключения, которое вполне может оказаться сфальсифицированным. Ведь была возможность выяснить его индекс насилия, не сходя с места!

Доктор Мартин на мгновение притихла, а потом отвела взгляд.

— Вряд ли это хоть на что-то повлияло бы.

— Но вы же сами были уверены, что с посланием с Земли не все в порядке! — возразил Джейкоб. — Окажись вы правы, это спасло бы Ларока от двух месяцев в корабельном карцере. Черт побери, ведь он мог бы сейчас лететь вместе с нами! Да и сомнения насчет того, опасны Призраки или нет, можно было развеять.

— Но ведь он же пытался сбежать с базы! Вы говорили, что он применил насилие!

— Насильственные действия в состоянии паники еще не делают человека поднадзорным. Опомнитесь! Мне казалось, вы были уверены, что Ларока подставили!

Доктор Мартин вздохнула, избегая смотреть

собеседнику в глаза.

— Боюсь, я тогда впала в легкую истерику. Ну сами посудите: навыдумывала какой-то заговор, а попался в результате бедняжка Питер! И все же мне трудно поверить, что он поднадзорный, возможно, действительно произошла ошибка. Однако теперь мне уже не кажется, что это подстроено нарочно. В конце концов, кому может быть выгодно взвалить на него вину за убийство несчастного маленького шимпанзе?

Джейкоб вгляделся в ее лицо, не понимая, чему приписать такую внезапную смену настроения.

— Ну, например, настоящему убийце, — тихо произнес он. И немедленно пожалел о сказанном.

— О чем это вы? — прошептала Милдред и торопливо огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слышит. Они оба знали, что Буббакуба, которого от них отделяло всего несколько метров, можно было не считать — его слух не воспринимал сказанное шепотом.

— О том, что Хелен де Сильва при всей своей неприязни к Лароку сомневается, что поломка стазисного механизма на корабле Джеффа — дело рук диверсанта. Она считает, что всему виной недосмотр техников, но…

— В таком случае Питера скоро отпустят за недостаточностью улик, и у него появится материал для новой книги! Мы узнаем всю правду о солярианах, и все будут счастливы! Если удастся установить с ними дружественные отношения, никто уже не вспомнит, что они в припадке раздражения прикончили беднягу Джеффа. Его объявят мучеником во имя науки, и со всеми этими пересудами насчет убийства будет покончено раз и навсегда. Тем более что это просто тошнотворно.

Джейкоб находил, что беседа с Мартин тоже становится все тошнотворнее. Почему она постоянно изворачивается? С ней решительно невозможно было вести логически обоснованный спор.

— Может, вы и правы. — Джейкоб пожал плечами.

— Ну конечно, права. — Она ободряюще похлопала его по руке, а потом отвернулась к регистратору мозговых волн. — Почему бы вам не поискать Фэйгина? У меня еще остались кое-какие срочные дела, а он вполне мог и не слышать новость про отел.

Джейкоб кивнул и направился к выходу. Шагая по мягко подрагивающей палубе, он гадал, что

за странные затеи на уме у его подозрительного второго «я». Его не на шутку встревожила оговорка насчет «настоящего убийцы».

Джейкоб застал Фэйгина на «изнанке» корабля. Все небо, словно гигантская стена, заполняла собой фотосфера. Перед древовидным кантеном простиралась ошеломительная картина: волокно, внутри которого плыл корабль, спиралью уходило вниз и растворялось в красном мареве. Слева, справа и внизу, насколько хватало глаз, топорщились заросли спикул, похожие на шелестящее море слоновой травы.

Некоторое время они молча любовались пейзажем.

Мимо корабля проплыл колышущийся завиток ионизированного газа, заставив Джейкоба в энный раз вспомнить плывущий по волнам пучок водорослей.

В воображении вдруг возникла картинка, вызвавшая его улыбку. Он представил себе Макакаи: заключенная в костюм-манипулятор из металлокерамики и стазисных экранов, дельфиниха резвилась, взлетая среди вздымающихся ввысь фонтанов из вихрящегося пламени, а потом вместе со своим гравитационным коконом погружалась на глубину, чтобы вдоволь наиграться

с детьми этого величайшего в мире океана.

«Интересно, как Солнечные Призраки коротали долгие тысячелетия? — гадал Джейкоб. — Развлекались пением, как наши китообразные?»

И те и другие обходились без машин (а значит, и без порожденных машинами неврозов, включая болезненное честолюбие) за неимением сырья и орудий для их производства. У китов и дельфинов не было рук, и они не умели пользоваться огнем. У Солнечных Призраков не было материальных тел, зато огня в избытке.

Чем стал для них подобный образ жизни: благом или проклятием?

(Спросите у кита-горбача, тянущего одну ноту в своем безмятежном подводном царстве. Возможно, он не снизойдет до ответа, но в один прекрасный день вставит ваш вопрос в свою песню.)

— Вы как раз вовремя. Я уже собиралась вас разыскивать. — Капитан жестом указала на розовую дымку.

Прямо перед ними живописно вращалась примерно дюжина или чуть больше тороидов.

Эта группа отличалась от увиденной ранее. Вместо того чтобы безвольно дрейфовать, существа перемещались целенаправленно, стараясь

протиснуться поближе к загадочному объекту, находившемуся в самом центре скопления и потому скрытому от глаз стороннего наблюдателя. Один из ближайших тороидов, державшийся всего в миле от корабля, сдвинулся вбок, и тогда Джейкоб смог разглядеть, что же их так манило.

Посредине обнаружилось магнитоядное заметно крупнее остальных. Вместо постоянно меняющегося мозаичного геометрического орнамента по всему его контуру чередовались темные и светлые полосы; существо лениво покачивалось, его поверхность подернулась рябью. Остальные собратья кружились, взяв его в кольцо, но вплотную не приближались, словно что-то удерживало их на расстоянии.

Де Сильва отдала команду. Пилот коснулся панели управления, и корабль развернулся, занимая такое положение, чтобы фотосфера снова очутилась внизу. Джейкоб вздохнул с облегчением. В чем бы ни убеждали его силовые поля внутри корпуса, от одного вида Солнца, зависшего по левую руку, ему делалось не по себе.

Магнитоядное, которое Джейкоб мысленно окрестил Великаном, вращалось, никак не реагируя на присутствие свиты. Двигалось оно довольно вяло, заметно покачиваясь.

Белый ореол, окутывавший все остальные тороиды, у этого лишь тускло поблескивал у самых контуров «тела», словно затухающее пламя. Темные и светлые полосы пульсировали в неровном ритме.

Окружающие тороиды мигом откликались на любую пульсацию. Узоры, тянувшиеся вдоль кромки, превратились в четкую последовательность пронзительно-голубых ромбов и спиралей, каждое магнитоядное отвечало на медленно нараставший темп биения Великана по-своему.

Ближайший тороид из свиты, не прекращая вращения и рассыпая ярко-зеленые искры, внезапно устремился к полосатому Великану.

От «беременного» пончика тут же отделились мерцающие голубые точки и полетели навстречу захватчику. В мгновение ока они заплясали перед ним, как сверкающие капельки воды на раскаленной сковороде, совсем рядом с массивным корпусом. Зажав его с флангов, пританцовывая и дразня, яркие точки оттеснили тороид, практически загнав его под днище космолета.

Корабль, повинуясь командам пилота, развернулся к ближайшему световому лучу боком. Их разделял всего какой-нибудь километр. Вот тут-то Джейкобу впервые удалось как следует

разглядеть одно из существ, прозванных Солнечными Призраками.

Оно парило легко, едва колыхаясь, как тень, будто ветра хромосферы были лишь дуновением бриза, и походило на вполне весомые, кружащиеся, подобно дервишам, тороиды ничуть не меньше, чем бабочка на вертящийся волчок. Скорее оно напоминало медузу или ослепительно-голубое банное полотенце на бельевой веревке, которое полоскал ветел. А может, осьминога с недолговечными щупальцами, которые то вспыхивали, выступая из зазубренного края, то гасли. А порой Джейкобу казалось, что это просто лоскут морской глади, каким-то чудом вырванный из своей среды и перенесенный сюда, все такой же текучий и тронутый рябью.

Призрак колебался и пульсировал. С минуту он неторопливо плыл в сторону корабля. Потом замер.

«Он тоже нас изучает», — подумалось Джейкобу.

Некоторое время они разглядывали друг друга: существа, состоявшие в основном из воды и плывшие на своем межзвездном судне, и Призрак.

Затем порождение космоса развернулось к кораблю плоской стороной. Палубу внезапно

залило яркое, переливающееся всеми цветами радуги свечение. Экраны смягчили его до приемлемого уровня, полностью заглушив тусклый багрянец хромосферы.

Джейкоб прикрыл глаза ладонью и изумленно заморгал. «Так вот, значит, каково это — оказаться внутри радуги!» — не совсем к месту подумал он.

«Цветомузыка» померкла столь же внезапно, как и появилась. Все снова затопил красноватый свет Солнца, а в поле зрения опять возникли протуберанец, простиравшееся далеко внизу солнечное пятно и вращающиеся тороиды.

А вот Призраки исчезли. Точнее, вернулись к гигантскому магнитоядному, превратившись в еле заметные танцующие точки вдоль его кромки.

— Оно… оно направило на нас луч своего лазера! — запинаясь, воскликнул пилот. — Ничего подобного раньше не случалось!

— И ни одно из этих созданий до сих пор не подходило к нам так близко, — добавила Хелен де Сильва. — Однако пока трудно судить, что означают такие перемены в их поведении.

— Вы считаете, оно нам угрожало? — с опаской поинтересовалась доктор Мартин. — Вдруг и в случае с Джеффри все начиналось так же?

— Не знаю. Может, это было предостережение…

— А может, существо просто хотело заняться своей работой, — выдвинул версию Джейкоб. — Мы оказались прямо напротив того гигантского магнитоядного. Вы заметили, что все его спутники вернулись к нему в одночасье?

Де Сильва покачала головой.

— Не знаю… Но рискну предположить, что, если мы продолжим наблюдение с достаточного расстояния, нам ничего не грозит. Давайте поглядим, чем они займутся после отела.

Огромный тороид, продолжая кружиться, раскачивался все сильнее. Темные и светлые полосы вдоль края прорисовались отчетливее, причем те, что потемнее, сужались, превращаясь в тоненькие линии, а те, что светлее, с каждой вибрацией набухали и выпячивались.

Дважды Джейкоб становился свидетелем того, как сияющие «пастухи» отгоняли слишком приблизившихся магнитоядных прочь, словно овчарки, преследующие своенравных баранов, отколовшихся от стада.

Великан раскачивался все яростнее, черные полосы сузились до нитей. Зеленое лазерное свечение, окутывавшее крупный тороид, потуск-

нело, а потом и вовсе угасло.

Призраки придвинулись к нему вплотную. Когда Великан накренился настолько, что едва не лег плашмя, они выстроились вокруг него по периметру, а потом неожиданно схватили его и резким рывком перевернули.

Теперь «левиафан» лениво вращался в плоскости, чуть ли не перпендикулярной магнитному полю. Так продолжалось несколько секунд, а затем существо вдруг стало рассыпаться. Одна из темных полос истончилась настолько, что и вовсе пропала, и в этом месте тороид лопнул, словно нитка бус. Тело «матери» продолжало медленно кружиться, а тем временем светлые полосы — то есть теперь уже отдельные маленькие геометрические тела, похожие на пончики, — высвобождались, разворачиваясь лицом к месту разрыва. Одно за другим они выстреливали ввысь, вдоль силовых линий магнитного поля, пока не рассыпались по всему небу, будто бусины. От породившего их Великана ничего не осталось.

Около полусотни маленьких пончикообразных силуэтов с головокружительной скоростью вращались под защитой целого роя ярко-голубых пастухов. Вращение неуверенно замедлялось

под действием прецессии, и в центре каждого теплилось робкое зеленоватое сияние.

При всей своей бдительности Призраки все же упустили несколько самых непослушных клиентов. Некоторым отпрыскам, более энергичным, чем их сверстники, удалось вырваться из плотной вереницы. Краткая зеленая вспышка — и вот уже некое новорожденное магнитоядное выскользнуло из охраняемой зоны и направилось к одной из взрослых особей, притаившихся неподалеку. Джейкоб надеялся, что малютка подплывет поближе к кораблю. Но это было возможно лишь в том случае, если взрослый тороид уберется с его пути.

Словно прочитав его мысли, взрослый экземпляр пошел на снижение, уйдя с траектории юнца. Когда новорожденный пролетел прямо над ним, по контуру тороида запульсировал узор из зеленовато-голубых ромбов.

Тороид внезапно взмыл в зеленом плазменном столбе. Малыш попытался сбежать, но было поздно. Тогда, в тщетной попытке отпугнуть преследователя, он нацелил на него свой слабенький лучик.

Взрослый не дрогнул. В мгновение ока поймав младенца, он засосал его в пульсирующее

центральное отверстие и поглотил целиком, выпустив лишь облачко пара.

Джейкоб сообразил, что следил за происходящим, затаив дыхание. Когда он наконец выдохнул, это больше напоминало тяжелый вздох.

По команде воспитателей малыши выстроились в аккуратные шеренги и медленно потянулись прочь от остального стада. Часть пастухов осталась приглядывать за взрослыми. Джейкоб наблюдал за маленькими сияющими кольцами света, плывущими вдаль, пока тех не заслонило толстое волокно.

— Что ж, пора отрабатывать вложенные в экспедицию средства, — прошептала де Сильва и обернулась к пилоту: — Держитесь так, чтобы оставшиеся пастухи находились на уровне палубы. И предупредите Куллу: пусть разует глаза и смотрит в оба. Если кто-то зайдет с надира, я хочу знать об этом своевременно.

«Разует глаза!» Джейкоб подавил невольную дрожь и жестко приказал воображению, попытавшемуся нарисовать картинку: «Стоп!» Судя по выражениям, эта женщина родилась в жутковатую эпоху.

— Вперед, — скомандовала Хелен. — Приближаемся к цели, но медленно.

— Думаешь, они заметили, что мы дожидались завершения отела? — поинтересовался Джейкоб.

Комендант пожала плечами.

— Кто его знает? Вполне вероятно, что они приняли нас за чрезвычайно робкую разновидность взрослых тороидов. А может, они даже не помнят наших прошлых визитов.

— Или Джеффа?

— Или Джеффа. Я бы не исключала такой возможности. О, я не спорю с доктором Мартин, утверждающей, будто ее приборы зафиксировали наличие примитивного разума. Но о чем это нам говорит? Для чего расе, обитающей в подобной среде… даже более простой, чем земной океан, развивать речь и навыки общения? Или память? Угрожающие жесты, которые мы наблюдали при прошлых погружениях, не обязательно свидетельствуют о большом уме. Они вполне могут находиться на том же уровне, что и дельфины несколько веков назад, до того, как мы приступили к генетическим опытам: хорошие задатки по части интеллекта и никакого желания самосовершенствоваться. Черт, да надо было давным-давно притащить сюда кого-то вроде вас, сотрудников Центра Возвышения!

— Ты так говоришь, словно эволюционное раз-

витие интеллекта — единственный возможный путь, — усмехнулся Демва. — Если ненадолго отвлечься от общегалактической точки зрения, то разве не стоит хотя бы допустить и другие варианты?

— Ты имеешь в виду, что Призраки сами могли оказаться в роли расы чьих-то клиентов? — Поначалу эта мысль шокировала Хелен. Но женщина довольно быстро свыклась с ней и стала перебирать возможные выводы. В глазах загорелся огонек азарта. — Но если все обстояло именно так, то должны быть…

Ее рассуждения были прерваны репликой пилота:

— Они пришли в движение.

Призраки трепетали в дымчатом облаке горячего газа. Поверхность каждого из существ, лениво парящих в сотнях тысяч километров над фотосферой, мерцала синими и зелеными огоньками. Они неторопливо выплывали из-за корабля, постепенно сокращая расстояние, пока вокруг каждого не стал заметен бледный ореол.

Джейкоб краем глаза уловил слева какое-то движение. К нему приблизился Фэйгин.

— Было бы прискорбно узнать, — тихо просвистел кантен, — что такая красота запятнала

себя преступлением. Обычно не так-то просто распознать зло в том, перед кем благоговейно замираешь.

Джейкоб медленно кивнул.

— Ведь ангелы светлы… — начал он и умолк. Разумеется, Фэйгин отлично знал продолжение цитаты.

> *Ведь ангелы светлы, хоть самый светлый*
> *И пал. Надень все зло личину блага,—*
> *У блага тот же вид.*[29]

— Кулла говорит, они что-то затевают! — Пилот вглядывался вдаль, приставив ко лбу ладонь козырьком.

От волокна отделилась полоса темного газа и, быстро перемещаясь, на мгновение заволокла все поле зрения и скрыла Призраков. Когда пространство расчистилось, оказалось, что все существа, кроме одного, отдалились.

Этот одиночка ожидал, пока корабль подойдет поближе. Он отличался от остальных и по виду: полупрозрачный, более крупный и синеватый. Он выглядел как-то проще: плотнее других, и

---

[29] notes: 29

У. Шекспир, «Макбет», акт 4, сцена 3, перевод с англ. А. Радловой.

никаких мерцающих огоньков. Казалось, он и двигался иначе, более осознанно и целенаправленно.

«Посол», — сообразил Джейкоб.

По мере их приближения солярианин потихоньку поплыл ввысь.

— Держитесь с ним наравне, — приказала де Сильва. — Не выпускайте его из зоны действия приборов!

Пилот угрюмо покосился на нее и, закусив губу, снова приник к приборной доске. Корабль начал разворачиваться.

Инопланетянин поднялся еще выше и в то же время приблизился. Его веерообразное тело словно билось о плазму, напоминая птицу, которая пытается набрать высоту.

— Он дурачит нас, — пробормотала Хелен.

— С чего вы так решили?

— От него не требуется столько усилий, чтобы оставаться над нами.

Она велела пилоту разворачиваться быстрее.

Справа возник шар Солнца и пополз к зениту. Призрак по-прежнему отчаянно пытался удержаться наверху, несмотря на то что для этого ему приходилось кувыркаться вместе с кораблем. Солнце проплыло над головой, а потом склони-

лось к закату. Затем снова взошло и село — и все это менее чем за минуту.

Пришелец удерживался сверху.

Вращение ускорилось. Джейкоб стиснул зубы и еле справился с желанием ухватиться за ствол Фэйгина в поисках равновесия. День и ночь сменяли друг друга за считаные секунды. Джейкобу вдруг стало жарко — впервые с того момента, как он отправился навстречу Солнцу. Призрак, доводя экипаж до белого каления, все так же маячил сверху, фотосфера вспыхивала и гасла со скоростью стробоскопа.

— Ладно, хватит, — скомандовала де Сильва.

Вращение замедлилось, а потом корабль и вовсе замер, заставив Джейкоба пошатнуться. Его словно обдало прохладным ветерком. «То в жар бросает, то в холод. Заболеваю, что ли?» — мелькнуло в голове.

— Он выиграл, — констатировала Хелен. — Впрочем, как и всегда, но попытка не пытка. Надо будет как-нибудь проделать то же самое, не отключая охлаждающую лазерную установку! — Она взглянула на зависшего над головой пришельца. — Интересно, что произойдет, когда его скорость приблизится к световой?

— То есть все это время охлаждение было вы-

ключено?! — На сей раз Джейкоб не совладал с собой и легонько дотронулся до ствола Фэйгина.

— Естественно, — подтвердила Хелен. — Не думаешь же ты, будто мы хотим поджарить десятки ни в чем не повинных тороидов и пастухов? Поэтому мы и ограничены во времени. В противном случае можно было бы гоняться за ним, пытаясь поравняться, хоть до морковкина заговенья! — Она снова стрельнула глазами в сторону Призрака.

Снова эти трогательные речевые обороты. Джейкоб так до конца и не мог разобраться, в чем кроется секрет обаяния этой женщины: в ее искренности и прямоте или в заковыристой манере выражаться. Однако, как бы там ни было, ощущение перегрева и подувший затем свежий ветерок имели вполне логичное объяснение. Просто солнечному жару на время позволили просочиться на борт.

«Радует, что только этим дело и ограничилось», — подумал Джейкоб.

16
И о наваждениях

— Все, чем мы можем похвастаться, это лишь размытая картинка, — сказал один из членов экипажа. — Видимо, стазисные экраны каким-то образом искажают изображение Призрака, поэтому оно выглядит деформированным, как будто отразилось в линзе под неким углом. Тем не менее и это неплохой результат. — Он пожал плечами и передал снимки по кругу. — На обычный фотоаппарат лучше и не снимешь.

Де Сильва взглянула на фотографию. Это была синеватая, в полосочку карикатура на человека: не фигура, а жердь, ножки как спички, ручищи до колен, кисти неестественно крупные, с растопыренными пальцами. Такое впечатление, будто через секунду эти пальцы сожмутся в кулаки, неказистые, но не оставляющие сомнений в своих намерениях.

Когда снимок дошел до него, Джейкоб сосредоточился на лице. Вместо глаз — зияющие дыры, и третья дыра — раззявленный рот. На фото они казались черными, но Джейкоб вспомнил, что их

истинный цвет — малиновое зарево хромосферы. Глаза сверкают красным огнем, а пасть, не менее красная, словно изрыгает жуткие проклятия.

— Впрочем, кое-что нам все-таки известно, — продолжал докладчик, — наш приятель прозрачен. Лучи альфа-линии водорода прошивают его насквозь. Мы заметили это только по глазам и рту — там их не забивает испускаемое Призраком голубое свечение. Но насколько мы можем судить, его тело свободно пропускает любые лучи.

— Что ж, неудивительно, что вы прозвали его Призраком, — прокомментировал Джейкоб, возвращая снимок. Поглядев вверх, раз, наверное, уже в сотый, он поинтересовался: — Вы уверены, что солярианин вернется?

— Он всегда возвращается, — пояснила де Сильва. — Еще ни разу не ограничивался одной порцией насмешек.

Поблизости сидели и отдыхали доктор Мартин и Буббакуб, готовые в случае возвращения пришельца тут же нацепить свои шлемы. Кулла, чье дежурство на «изнанке» корабля уже завершилось, прилег на диван и неторопливо потягивал из тубы какой-то синий напиток. Его огромные глазищи остекленели, а весь облик пришельца свидетельствовал об усталости.

— Полагаю, нам всем тоже стоит прилечь, — сказала Хелен. — Иначе мы шеи себе свернем, то и дело поглядывая наверх. А именно оттуда Призрак всякий раз и появляется.

Джейкоб облюбовал местечко рядом с Куллой, откуда удобно было следить за работой Буббакуба и доктора Мартин.

Во время первого визита солярианина эта парочка почти ничего не успела сделать. Стоило только Солнечному Призраку оказаться в точке, близкой к зениту, как его фигура приобрела контуры человека, да не какого-нибудь, а угрожающего кораблю. А едва Милдред успела настроить свой шлем, как существо злобно выпучилось, погрозило кулаком и растаяло.

Однако этого времени как раз хватило, чтобы Буббакуб испытал в деле свой ка-нргл. Директор библиотечного филиала объявил, что солярианин не проявлял той особенно мощной паранормальной активности, которую призван был выявить и обезвредить его аппарат. По крайней мере пока не проявлял. Но коротышка-пил решил на всякий случай не отключать прибор.

Джейкоб откинулся в кресле и нажал на кнопку, которая медленно опускала спинку до тех пор, пока перед глазами не оказалось розовое,

усеянное перьями протуберанцев небо.

Приятно было слышать, что пришельцы не прибегают к власти пи-нгрли. Но чем тогда объяснить странное поведение Призрака? От нечего делать он снова задался вопросом: а что, если Ларок прав и соляриане хотя бы отчасти умеют добиться понимания, поскольку знакомы с людьми с незапамятных времен. Разумеется, людям раньше бывать на Солнце не доводилось, но почему бы не допустить, что плазменные создания когда-то успели посетить Землю и даже взрастили там целую цивилизацию? Звучит абсурдно, но, с другой стороны, и проект «Погружение в Солнце» поначалу казался абсурдом.

И еще одно допущение: если Ларок все-таки непричастен к гибели корабля Джеффа, то, значит, это дело рук Призраков, и те способны уничтожить всех участников экспедиции в любой момент.

В таком случае оставалось надеяться, что полужурналист-полукосмонавт был прав и в другом: имея дело с людьми, пилом и кантеном, соляриане проявят больше сдержанности, чем по отношению к шимпанзе.

Джейкоб прикидывал, не стоит ли и ему при очередном появлении Призрака попробовать

свои силы в телепатии. В прошлом его уже тестировали на паранормальные способности и, несмотря на феноменальную память и чрезвычайные успехи в гипнозе, не выявили никаких талантов, но, может быть, стоит попытать счастья еще разок?

Боковым зрением он уловил какое-то движение слева. Кулла, уставившись в одну точку перед собой, в сорока пяти градусах к зениту, поднес к губам микрофон.

— Капитан, кажетша, он вожвращаетша. — Голос принга эхом разнесся по кораблю. — Попробуйте координаты што двадшать на тритшать градушов.

Кулла опустил микрофон, и тот моментально нырнул обратно в щель, скрывавшуюся в подлокотнике неподалеку от его хрупкой кисти и опустевшей тубы из-под напитка.

Корабль окутала темная газовая завеса, и красное зарево ненадолго померкло. А потом пассажиры и экипаж снова увидели Призрака. Поначалу фигурка казалась мелкой из-за разделявшего их расстояния, но по мере приближения к кораблю стремительно увеличивалась.

На сей раз существо светилось ярче и отличалось более кудрявой бахромой вдоль краев. Его

голубое сияние вскоре стало настолько интенсивным, что резало глаза.

Призрак парил над ними на полпути к зениту, снова явившись в облике тощего человека с горящими, словно угли, глазами и ртом.

Тянулись долгие и томительные минуты. Призрак просто маячил впереди, ничего не предпринимая. Однако в его фигуре определенно таилось что-то зловещее. Джейкоб кожей чувствовал исходящую от существа угрозу. Доктор Мартин вполголоса выругалась, заставив его очнуться, и только тут он сообразил, что все это время не дышал.

— Проклятье! — Милдред сорвала с себя шлем. — Ничего не разобрать из-за шума! В какой-то момент мне показалось, будто я на что-то наткнулась… возникло смутное ощущение… но тут все потонуло в шуме!

— Не вме-ши-вай-тесь, — велел Буббакуб. Монотонный голос доносился из водора, лежавшего на палубе рядом с коротышкой-пилом. Директор филиала стоял в шлеме и пристально вглядывался в Призрака маленькими глазками-бусинками. — Вы, люди, не обладаете теми же па-ра-нор-маль-ны-ми спо-соб-но-стя-ми, что и они. На деле ваши потуги лишь причиняют им

боль и злят.

Джейкоб клюнул на наживку.

— Вы установили с ними контакт? — почти в унисон спросили они с Милдред.

— Да, — ответил синтезированный водором голос. — Не вме-ши-вай-тесь. — Буббакуб прикрыл глаза. — Оповестите меня, если он придет в движение. Только если начнет двигаться!

Добиться от него подробностей так и не удалось.

«Интересно, о чем они разговаривают? — недоумевал Джейкоб, глядя на светящееся наваждение. — О чем вообще можно беседовать с подобным созданием?»

Внезапно солярианин стал размахивать «руками» и зашевелил «губами». На этот раз его черты прорисовывались вполне четко. Ни следа искажения картинки, которое они отметили при первом визите инопланетного гостя. Должно быть, существо научилось управляться со стазисными экранами, что лишний раз доказывает его способность к адаптации. Джейкоб старательно отгонял от себя мысли о том, что это может означать для безопасности судна.

Его внимание вдруг привлекла яркая вспышка слева. Он ощупал ближайшую панель, вытянул

микрофон и переключил его в персональный режим.

— Хелен, взгляни в район восемнадцать на шестьдесят пять. Похоже, у нас пополнение.

— Да. — Негромкий голос командира заполнил пространство рядом с головой Джейкоба. — Вижу. Этот, кажется, выглядит вполне обычно. Посмотрим, что он будет делать.

Слева нерешительно приближался второй Призрак. Его мерцающая аморфная фигура напоминала нефтяное пятно на глади океана. В облике существа не было ни одной человеческой черты.

Увидев нового незваного гостя, доктор Мартин судорожно всхлипнула и принялась надевать шлем.

— Как думаете, не стоит ли потормошить Буббакуба? — торопливо спросил Джейкоб.

Она на секунду задумалась, потом перевела взгляд на первого солярианина. Тот по-прежнему размахивал «руками», но с места не сдвинулся. Не менял позы и Буббакуб.

— Он просил сообщить ему, если пришелец начнет двигаться, — напомнила женщина.

Преисполнившись энтузиазма, она посмотрела на новичка.

— Лучше я возьму этого новенького на себя,

чтобы он не отвлекал первого и дал им с пилом спокойно пообщаться.

Джейкоб усомнился в разумности ее решения. До сей поры одному только директору филиала удавалось добиться в переговорах с местными обитателями какого-никакого результата. Нежелание Мартин поставить его в известность о втором солярианине и ее доводы вызывали подозрения. Неужели она завидует успехам пила?

«Впрочем, ладно. — Джейкоб пожал плечами. — Все равно этот ПВЦ ненавидит, когда его отрывают от дела».

Новичок осторожно, с многочисленными рывками и остановками, подплыл к тому месту, где его более крупный и яркий собрат выступал с импровизированным спектаклем, пародируя разгневанного человека.

Джейкоб покосился в сторону Куллы.

«Может, хоть его стоит предупредить? Он так поглощен наблюдением за первым Призраком, что не замечает ничего вокруг. Почему Хелен не сделала объявление по внутрисудовой связи? И куда делся Фэйгин? Надеюсь, он не пропустит столь любопытное зрелище».

Где-то наверху сверкнула вспышка. Кулла встрепенулся.

Джейкоб задрал голову. Новичок испарился. Первый Призрак медленно удалялся, тая в дымке.

— Что случилось? — удивился Джейкоб. — Стоило только на секунду отвернуться, и…

— Не жнаю, друг Джейкоб! Я ижучал поведение шущештва в надежде отышкать ключ к его природе, как вдруг появилошь второе шождание. Первый пришелец напал на второго, ударив его шветовым импульшом и прогнав. А потом и шам начал отштупать!

— Надо было сообщить мне о появлении второго Призрака, — напустился на Джейкоба Буббакуб. Маленький пил успел подняться со своей подушки, водор снова болтался у него на шее. — Впрочем, не важно. Я выяснил все, что хотел. Теперь нужно доложить об этом че-ло-ве-ку де Сильве.

Инопланетянин развернулся и покинул зал. Джейкоб вскочил с дивана и поспешил следом.

Фэйгин уже поджидал их в компании Хелен и корабельного лоцмана.

— Ты видел? — шепотом поинтересовался Джейкоб у своего лиственного приятеля.

— Да, с моего места открывался отличный обзор. И теперь мне не терпится узнать, что же

удалось выяснить нашему достопочтенному другу.

Театрально взмахнув лапой, Буббакуб призвал собравшихся соблюдать тишину.

— Он сообщил, что они очень старые. И я склонен ему верить. Это весьма древняя раса.

«Ну конечно, — хмыкнул про себя Джейкоб. — В первую очередь Буббакуба интересует родословная».

— Со-ля-ри-а-не говорят, что это они убили шимпанзе. Хотя к его гибели причастен и Ларок. И если люди не уберутся отсюда подобру-поздорову, их тоже начнут истреблять.

— Что?! — вскричала Хелен. — О чем это вы? Каким образом в убийстве могут быть повинны сразу *и* Ларок, *и* Призраки?!

— Настоятельно советую держать себя в руках, — в голосе пила, даже сглаженном при помощи водора, чувствовалась угроза. — Соля-ри-а-нин рассказал, что это они побудили человека совершить пре-ступ-ле-ни-е. Заронили в его душу семя гнева. Внушили ему мысль об убийстве. А заодно раскрыли ему правду.

Джейкоб вкратце пересказал доктору Мартин речь Буббакуба.

— А напоследок он заявил, что Призраки могли

воздействовать на Ларока с такого расстояния только одним способом. И если соляриане и впрямь прибегают к таким методам, становится понятно, почему в Библиотеке отсутствует какая-либо информация о них. На применение этой силы наложено строжайшее табу, полный и безоговорочный запрет. Буббакуб хочет, чтобы мы задержались здесь для тщательной проверки фактов, а потом придется уносить ноги.

— О какой силе идет речь? — не поняла Милдред. Она сидела на диване, а у нее на коленях покоился топорный земной шлем — датчик паранормальной активности. Расположившийся неподалеку Кулла тоже прислушивался к беседе, потягивая через соломинку напиток из очередной тубы.

— Точно не о пи-нгрли, которая в некоторых случаях вполне законна. К тому же она не действует на таких расстояниях, да и следов ее применения Буббакуб все равно не обнаружил. Думаю, теперь он собирается пустить в ход ту штуковину, похожую на каменную глыбу.

— Наследие летани?

— Именно.

Милдред покачала головой. Потом опустила взгляд и принялась нервно теребить переключа-

тель режимов на шлеме.

— Все так запутано. Никак не могу разобраться… С самого нашего возвращения на Меркурий все пошло наперекосяк. И каждый прячет свое истинное лицо под маской.

— Это вы к чему?

Парапсихолог помолчала, потом пожала плечами.

— Ни в ком нельзя быть до конца уверенным… Я ни минуты не сомневалась, что дурацкая размолвка между Питером и Джеффри настолько же безобидна, насколько искренна. А теперь выясняется, что вражда была раздута искусственно и смертельно опасна. И, похоже, насчет соляриан он тоже был прав. Только он не сам до этого дошел, это они внушили ему нужные мысли.

— Думаете, они и есть наши давно утраченные патроны?

— Кто знает? — ответила она. — Но если так, то это просто трагедия: ведь мы не сможем больше сюда вернуться и поговорить с ними по душам.

— Выходит, вы безоговорочно поверили в россказни Буббакуба?

— Ну разумеется! Он единственный, кто смог войти с ними в контакт, и к тому же я неплохо его знаю. Буббакуб ни в коем случае не стал бы

вводить нас в заблуждение. Поиск правды — это главное дело его жизни!

Теперь Джейкобу стало ясно, кого она имела в виду, говоря, что «ни в ком нельзя быть до конца уверенным». Доктор Мартин была смертельно напугана.

— Откуда вам известно, что только Буббакуб вступал в контакт с Призраками?

Она изумленно вытаращилась на него, а потом быстро отвела взгляд.

— Похоже, он один обладает необходимыми навыками.

— Тогда почему же вы остались сидеть здесь в своем шлеме, хотя Буббакуб, собираясь изложить свои выводы, звал нас обоих?

— Это что, допрос? Я не обязана перед вами отчитываться! — вспыхнула Мартин. — Раз уж вы везде суете свой нос, знайте: я осталась, чтобы попытаться еще раз. Я завидовала успехам Буббакуба и не хотела упустить последний шанс! Но у меня, конечно, ничего не вышло.

Джейкоба ее аргументы не убедили. Милдред нервничала и юлила без каких-либо объективных причин, и было ясно, что она чего-то недоговаривает.

— Доктор Мартин, — начал он, — что вам из-

вестно о препарате под названием варфарин?

— И вы туда же! — она покраснела. — Я уже объясняла главврачу базы, что даже не слышала о таком лекарстве и уж точно понятия не имею, каким образом оно оказалось в аптечке Дуэйна Кеплера. Если, конечно, оно там на самом деле было!

Милдред отвернулась.

— А теперь, с вашего позволения, я бы предпочла вздремнуть. Хочу как следует отдохнуть и подготовиться к возвращению соляриан.

Ее враждебность Джейкоба не задевала; должно быть, вместе с подозрениями наружу просочилась и жесткость, присущая его второму «я». Однако было очевидно: ничего нового и важного Мартин уже не скажет. Он встал и направился к выходу. Доктор, демонстративно игнорируя его, раскладывала диван.

Возле автоматов с прохладительными напитками он натолкнулся на Куллу.

— Вы чем-то рашштроены, друг Джейкоб?

— Да нет, не сказал бы. А почему вы спрашиваете?

ПВЦ поглядел на него с высоты своего немалого роста. Вид у него был изможденный. Костлявые плечи ссутулились, и только глаза по-прежнему

сверкали.

— Надеюшь, вы не приняли новошть шлишком ближко к шердцу? Я о докладе Буббакуба.

Повернувшись к автоматам спиной, Джейкоб заглянул собеседнику в лицо.

— Что именно мне не стоит принимать близко к сердцу, Кулла? Его речи — это всего лишь информация, не более того. Я буду крайне разочарован, если в итоге проект «Погружение в Солнце» свернут. И я хотел бы по возможности проверить правдивость его утверждений, прежде чем соглашусь с необходимостью закрытия проекта. Как минимум стоит покопаться в поисках доказательств в фондах Библиотеки. В остальном же если я и испытываю сейчас какие-то эмоции, то главным образом любопытство.

Джейкоб пожал плечами, досадуя на неудобный вопрос. В глазах щипало, словно в них песку насыпали — возможно, раздражение от переизбытка красного диапазона.

Кулла медленно покачал крупной шарообразной головой.

— Очень в этом шомневаюшь. Проштите жа бешцеремонношть, но мне кажетша, вы шильно вштревожены.

Джейкоб вдруг не на шутку разозлился и едва

не высказал собеседнику все, что накипело, но вовремя сумел взять себя в руки.

— В свою очередь, позвольте спросить: к чему вы клоните, Кулла? — медленно выговорил он.

— Джейкоб, вы доштигли немалого маштерштва, штараяшь шохранить нейтралитет в рашколовшей человечештво надвое междоушобице. Но у каждого шофонта имеетша швой вжгляд на прошходящее. Ваш шерьежно уяжвило, что Буббакубу удалошь наладить контакт там, где люди потерпели фиашко. Хотя вы никогда не выражали вшлух швою позицию по вопрошу проишхождения, жнаю: вам неприятна мышль, что у человечештва дейштвительно были швои наштавники.

Джейкоб снова пожал плечами.

— Что правда, то правда. Я так и не проникся легендой, будто соляриане взялись в туманном прошлом за окультуривание человеческой расы, да так и бросили нас, не доведя работу до логического завершения. Бессмыслица какая-то!

Он потер правый висок. Где-то там зарождалась и нарастала головная боль.

— И еще: все участники проекта ведут себя в высшей степени странно. Кеплер страдает каким-то необъяснимым неврозом и шагу не может

ступить без доктора Мартин. Ларок, и прежде несносный, на этот раз превзошел сам себя. И не забудем упомянуть о якобы имевшей место диверсии. И наконец, сама доктор Мартин, которую бросает из крайности в крайность: то она с пеной у рта защищает Ларока, то почему-то вся трясется от страха, как бы не ляпнуть чего-нибудь, что могло бы бросить тень на Буббакуба. Тут поневоле призадумаешься… — Джейкоб выдержал паузу.

— Вожможно, во вшем этом повинны шоляриане. Ешли они шмогли на рашштоянии подтолкнуть миштера Ларока к убийштву, то почему бы им не выжвать и другие отклонения в поведении членов экшпедиции?

Пальцы Джейкоба сами собой сжались в кулаки. Он поглядел на Куллу, едва сдерживая ярость. Ясный взгляд пришельца придавил его тяжким грузом. Джейкобу стало не по себе.

— Не перебивайте, — процедил он, стиснув зубы и призвав на помощь все свое хладнокровие.

Что-то явно было не так. Он словно заплутал в тумане. В глазах двоилось, Джейкобу казалось, что он должен сказать что-то важное. Что угодно.

Он украдкой окинул взглядом палубу.

Буббакуб и Мартин снова уселись рядышком.

Оба надели шлемы и косились в его сторону. Милдред что-то вещала.

«Вот сучка! Небось пересказывает этому напыщенному высокомерному тупому коротышке все, что я говорил. Жополизка!»

Хелен де Сильва, совершавшая обход, притормозила рядом с подозрительной парочкой и на время отвлекла их внимание от Джейкоба и Куллы. Джейкобу ненадолго стало лучше. Хорошо бы Кулла поскорее убрался! Конечно, не хотелось бы обижать бедолагу, но расы клиентов должны знать свое место!

Перебросившись парой слов с Буббакубом и Мартин, комендант направилась к автоматам с напитками. Крохотные черные глазки директора филиала снова вперились в Джейкоба.

Тот глухо зарычал и развернулся к слишком любопытному пришельцу спиной.

«Да пошли они все на хрен! Я пришел сюда, чтобы утолить жажду, этим и займусь. А они все равно ненастоящие!»

Автомат с напитками поплыл перед глазами. Внутренний голос вопил и бил тревогу, но Джейкоб решил, что и это ему только мерещится.

«Какой-то странный автомат, — подумал он. — Надеюсь, это не один из собратьев той зловредной

шайтан-машины с „Брэдбери“? С ней-то не договоришься, будь ты хоть семи пядей во лбу».

Нет, у этой штуковины была кучка прозрачных трехмерных кнопок, выделявшихся среди остальных. А точнее, этих маленьких кнопочек было столько, что они располагались во много рядов и сразу бросались в глаза.

Джейкоб протянул руку, чтобы ткнуть в какую-нибудь кнопку наугад, но тут же одернул себя. Ну уж нет, на этот раз ознакомимся с надписями!

Итак, чего бы мне выпить? Кофе?

Негромкий внутренний голос требовал «Гироада». Да, вполне разумный выбор. Чудесный напиток этот «Гироад». Не только вкусный, но еще и прочищает мозги. Что может быть лучше, когда мир полон галлюцинаций.

Приходилось признать, что какое-никакое средство для прочистки мозгов ему сейчас не помешает. Что-то тут нечисто. Почему все вокруг так замедлилось?

Его рука ползла к нужной кнопке со скоростью улитки. Джейкоб несколько раз чуть не промахнулся, но наконец смог нацелиться куда надо. Еще секунда, и он бы нажал на кнопку, но тут в голове снова зазвучал негромкий голосок, на этот раз умолявший его остановиться!

«Да имей ты совесть! — возмутился про себя Джейкоб. — Сначала даешь дельный совет, а потом, значит, на попятный?! Черт, да кого вообще волнует твое мнение?»

Он все-таки нажал. Время слегка ускорилось, послышался звук хлынувшей из автомата струи.

«А пошли вы все на хрен! Сраный выскочка Кулла, высокомерный сноб Буббакуб и его подружка-доктор, холодная, как мороженая рыба. И ты, чокнутый Фэйгин, втравивший меня в эту историю и затащивший на край света, катись к чертям!»

Он нагнулся и взял с подставки тубу с напитком. Выглядел тот аппетитно.

Время снова прибавило ход, почти вернувшись к норме. Джейкоб мгновенно почувствовал себя лучше, словно гора упала с плеч. Острая неприязнь к окружающим и галлюцинации, похоже, отступили. Он встретил направлявшуюся к нему Хелен улыбкой, а потом повернулся, чтобы улыбнуться и Кулле.

Надо будет потом извиниться за грубость, подумал он. И поднял тубу, салютуя ею, словно бокалом.

— …обычно они парят где-то тут, на грани зоны действия наших приборов, — говорила де Силь-

ва. — Мы готовы к такому повороту событий, так что, может, вам лучше…

— Штойте, Джейкоб! — завопил Кулла.

Де Сильва вскрикнула и метнулась вперед, пытаясь перехватить его руку. Кулла присоединился к ней и приложил все свои скудные силенки, чтобы не дать Джейкобу поднести тубу ко рту.

«Вот кайфоломщики», — дружелюбно подумал Демва. Сейчас он покажет этому мозгляку-пришельцу и девяностолетней бабке, на что способен настоящий мужчина.

Он отшвырнул их одного за другим, как котят, но те не отступились и напали снова. Комендант даже попыталась применить пару подлых обезоруживающих приемов, но Джейкоб парировал их и торжествующе поднес емкость с напитком к губам.

Невидимый барьер рухнул, и к нему вдруг резко вернулась способность различать запахи — а он ведь и не заметил, что обоняние на время ему изменило. Джейкоб закашлялся и уставился на тошнотворное пойло, которое чуть было не выпил.

Коричневая жижа пузырилась и испускала ядовитый пар. Он с омерзением отшвырнул тубу. Все присутствующие не сводили с него глаз.

Кулла что-то лепетал, сидя на полу. Хелен настороженно замерла. Остальные представители человеческой расы постепенно стекались ближе.

Откуда-то слышалось озабоченное посвистывание Фэйгина. «Но где же сам кантен?» — подумал Джейкоб, двинувшись вперед. Он успел сделать только три шага, а потом рухнул на палубу прямо к ногам Буббакуба.

Сознание возвращалось медленно. Мешало ощущение скованности. Кожа на лбу была натянута, как на барабане, только не такая сухая. Наоборот, она казалась очень влажной, сначала от пота, а потом от чего-то еще, чего-то прохладного.

Джейкоб застонал и поднял руку. Пальцы дотронулись до кожи, нащупали чью-то ладонь, теплую и мягкую. Судя по запаху, рука принадлежала женщине.

Он открыл глаза. Рядом с ним сидела доктор Мартин и сжимала смуглыми пальцами мокрую тряпку. Она улыбнулась и поднесла к его губам тубу с напитком.

Джейкоб сперва отпрянул, а потом подался вперед и сделал глоток. Это оказался лимонад, и вкус у него был превосходный.

Потягивая напиток, он принялся озираться

по сторонам. Все расставленные вдоль палубы диваны были заняты спящими пассажирами и членами экипажа.

Джейкоб поднял взгляд к куполу. Небо казалось почти черным!

— Мы возвращаемся на базу, — сообщила Милдред.

— Сколько… — после долгого молчания голос прозвучал сипло. — Сколько я провалялся в отключке?

— Часов двенадцать.

— Меня накачали снотворным?

Она кивнула. На лице ее снова возникла извечная профессиональная улыбка, только теперь она выглядела не такой наигранной. Он потрогал свой лоб. Тот по-прежнему побаливал.

— Значит, все это мне не приснилось. Что это за дрянь я вчера чуть было не выхлебал?

— Аммиачная смесь, предназначенная для Буббакуба. Скорее всего, вы бы выжили, но ущерб здоровью нанесли немалый. Можете рассказать, зачем вам это понадобилось?

Джейкоб снова откинулся на подушки.

— Ну… на тот момент это казалось мне удачной мыслью. — Он покачал головой. — Если серьезно, думаю, на меня нашло какое-то помрачение,

но будь я проклят, если знаю, чем это было вызвано.

— Мне следовало самой догадаться, что с вами что-то не то, как только вы принялись разглагольствовать об убийствах и заговорах, — кивнула она. — В произошедшем есть и доля моей вины: вовремя не распознала симптомы. Вам нечего стыдиться. По-видимому, это просто ориентационный шок. Погружение на солнечном корабле — непростое испытание для организма, оно может вызвать полную дезориентацию.

Он потер глаза, стряхивая остатки сна.

— Да уж, в этом вы, безусловно, правы. Но до меня вдруг дошло, что многие наверняка подумали, будто я действую по чьей-то указке.

Доктор Мартин вздрогнула — похоже, ее удивило, что к нему так быстро вернулась способность мыслить ясно.

— Так и есть, — подтвердила она. — Комендант де Сильва действительно решила, что это работа Призраков. Сказала, что, возможно, они демонстрируют таким образом свою мощь. Даже заикнулась о том, чтобы нанести им ответный удар. Эта гипотеза не лишена определенных достоинств, но я все же придерживаюсь своей собственной версии.

— Что я съехал с катушек?

— О нет, вовсе нет! Всему виной просто дезориентация и помутнение сознания! Кулла упоминал, что за несколько минут до… инцидента вы вели себя… нетипично. Его показания вкупе с моими собственными наблюдениями…

Джейкоб кивнул.

— Придется принести Кулле глубочайшие извинения… Господи! А он часом не пострадал? Или Хелен?

Он попытался встать, но доктор Мартин тут же уложила его обратно.

— Нет-нет, все в полном порядке. Не волнуйтесь. Думаю, у нас у всех сейчас только одна забота: о вашем здоровье.

Джейкоб обмяк и покосился на опустевшую тубу.

— Можно еще лимонада?

— Конечно. Сейчас принесу.

Милдред ненадолго оставила его. Джейкоб слышал ее легкие шаги, женщина направилась к автоматам… как раз туда, где произошел «инцидент». Вспомнив о произошедшем, он поморщился от стыда и отвращения. Но все эти чувства перевешивал острый, насущный вопрос: ПОЧЕМУ?

Где-то рядом негромко переговаривались два человека. Должно быть, доктор Мартин встретила кого-то у автоматов с напитками.

Джейкоб отдавал себе отчет в том, что рано или поздно ему придется совершить погружение, по сравнению с которым проект «Погружение в Солнце» покажется детской игрой. Подобный транс выжмет из него все соки, но без него не обойтись, если хочешь докопаться до правды. Главный вопрос: когда этим лучше заняться? Сейчас, когда его мозг может расколоться от такого эксперимента как орех? Или по возвращении на Землю, в присутствии лучших психотерапевтов Центра? Но в таком случае полученные ответы уже не принесут никакой пользы ни ему, ни проекту.

Милдред вернулась и, опустившись рядом с Джейкобом на корточки, протянула ему тубу с напитком. С ней пришла Хелен де Сильва и тоже присела на пол рядышком.

Джейкоб потратил несколько минут, уверяя ее, что с ним все в порядке. А когда попытался извиниться, она отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

— Вот уж не предполагала, что ты так хорошо владеешь приемами РБ, Джейкоб, — заметила

комендант.

— РБ? — не понял он.

— Рукопашный бой. Я и сама неплохой боец, хотя, сознаюсь, без практики навыки потихоньку теряются. Но ты круче. Доказано опытным путем, в ходе схватки, где каждый старался обезвредить противника без боли и травм. Задача чертовски сложная, но ты настоящий ас.

Он и не подозревал, что от такого рода комплиментов краснеют, но почувствовал, как к щекам прилила краска.

— Спасибо. Я плохо помню произошедшее, но, кажется, ты тоже держалась молодцом.

Они понимающе переглянулись и рассмеялись.

Мартин переводила взгляд с одного на другую. Потом прочистила горло.

— Кхм, думаю, долгие беседы мистеру Демве сейчас противопоказаны. После перенесенного шока пациент нуждается в длительном отдыхе.

— Мне необходимо выяснить еще кое-что, доктор, — возразил Джейкоб, — а потом я непременно подчинюсь вашим предписаниям. Прежде всего скажите, где Фэйгин. Не могу его найти.

— Кантен Фэйгин на обратной стороне корабля, — ответила Хелен. — Решил подкрепиться.

— Фэйгин очень переживал за вас. Уверена, он обрадуется, услышав, что вы пришли в себя, — добавила Мартин.

Джейкоб расслабился. Он почему-то тревожился за своего инопланетного приятеля.

— А теперь расскажите, что происходило после того, как я вырубился.

Милдред и Хелен переглянулись. Де Сильва пожала плечами.

— К нам прибыл очередной гость, — сказала она. — На сей раз это продолжалось довольно долго. Несколько часов солярианин просто мерцал на горизонте. Стадо тороидов осталось далеко позади, а со стадом и все его собратья. Впрочем, нам повезло, что существо решило у нас задержаться. Какое-то время нам было не до него, на корабле воцарилась суматоха из-за… как бы получше выразиться…

— Из-за устроенного мною представления, — вздохнул Джейкоб. — Кто-нибудь попытался установить контакт, пока существо там порхало?

Де Сильва покосилась на доктора Мартин, та едва заметно покачала головой.

— С нашей стороны не было почти никаких действий, — поспешно продолжила комендант. — И вдруг где-то в районе двух пополудни существо

исчезло. А чуть позже вернулось в… «режиме угрозы».

Джейкоб терпеливо ждал, пока дамы в очередной раз переглянутся. Но тут его неожиданно осенило.

— Скажите, а вы на все сто процентов уверены, что это одни и те же Призраки? Может, «обычный режим» и «режим угрозы» — на самом деле существа двух разных видов?

Мартин казалась озадаченной.

— А ведь это могло бы объяснить… — Она умолкла на полуслове.

— Кстати, мы больше не зовем их Призраками, — сказала Хелен. — Буббакуб утверждает, что им это не нравится.

Джейкоб ощутил раздражение, но подавил это чувство еще до того, как хотя бы одна из собеседниц успела что-либо заметить. Время шло, а ничего полезного из разговора он так и не узнал!

— И что же произошло, когда солярианин явился в режиме угрозы?

Де Сильва нахмурилась.

— Буббакуб вступил с ним в беседу. А потом разозлился и прогнал.

— Как это прогнал?

— Сначала он пытался урезонить солярианина.

Цитировал ему свод законов о правах клиентов и патронов. Даже сулил выгодную торговлю. Но существо продолжало угрожать. Заявило, что при помощи паранормальных способностей пошлет на Землю сигнал и вызовет какую-то неведомую катастрофу. Наконец Буббакуб не выдержал и потребовал, чтобы существо убиралось восвояси. Он велел всем пассажирам и экипажу лечь, а потом достал ту глыбу из металла и хрусталя, вокруг которой развел такую секретность, сказал, чтобы все зажмурились, а затем произнес какое-то заклинание и запустил свой адский агрегат.

— И что дальше?

Хелен пожала плечами.

— Одним Прародителям известно, Джейкоб. Ослепительная вспышка, у всех заложило уши… а когда через секунду мы открыли глаза, соляриа-нин испарился! И это еще не всё! Мы вернулись в тот район, где, как нам казалось, оставалось стадо тороидов. Оно тоже исчезло. Ни одной живой души на многие мили!

— Что, совсем никого? — Он представил себе прекрасные тороиды и их сверкающих разно-цветных пастухов.

— Совсем, — подтвердила Мартин. — Всех распугали. Буббакуб заверил нас, что ни одно

существо не пострадало.

Джейкоб оцепенел.

— Что ж, во всяком случае, теперь у нас есть средство защиты, — произнес он наконец. — Мы сможем торговаться с солярианами с позиций силы.

Де Сильва грустно покачала головой.

— По словам Буббакуба, никаких переговоров быть не может. Они — зло, Джейкоб. Теперь они убьют нас, если у них появится такая возможность.

— Но…

— А на Буббакуба можно больше не рассчитывать. Он пригрозил солярианам, что в случае их нападения на Землю их ждет расплата. Но в остальном он нам не помощник. Реликвия летани возвращается на Пилу. — Она опустила взгляд. Голос звучал хрипло: — Проекту «Погружение в Солнце» конец.

Часть VI

Мерилом [душевного] здоровья выступает гибкость [а не сравнение с некой «нормой»], способность учиться на собственном опыте… прислушиваться к разумным доводам… обращение к сфере эмоций… и в особенности умение вовремя остановиться. Суть заболевания заключается в том, что поведение «замораживается» на уровне неизменяемости и ненасытности.

***Лоуренс Кьюби*[30]**

---

[30] notes: 30

Лоуренс Шлезингер Кьюби (1896–1973) — американский психиатр и психолог.

17
Тень

Верстак был пуст, инструменты не валялись в привычном беспорядке, а висели на стене в неуютном забвении, каждый на своем крючке. Чистенькие и аккуратные. Испещренная ямками и бороздками столешница сверкала после недавней полировки.

Куча недоразобранных приборов, сдвинутая Джейкобом в сторонку, возвышалась на полу немым укором. С тех пор как он узурпировал верстак, главный механик поглядывал на него с подозрением. Джейкобу было наплевать. Несмотря на (а может, и благодаря) его фиаско, на борту солнечного корабля никто не стал возражать, когда он решил продолжить свои собственные изыскания. Верстак оказался широким и удобным, и никто, кроме Джейкоба, пока на него не претендовал. К тому же в мастерской меньше шансов столкнуться с Милли Мартин.

Из апсиды огромного ангара Джейкобу была видна узкая полоска серебристого корабля-гиганта, лишь частично скрытого от посторонних

глаз каменной стеной. Высокие своды пещеры терялись в дымке взвеси конденсата.

Джейкоб сидел перед верстаком на высоком табурете. Взяв два листка розовой бумаги, он изобразил на них «ящики идей Цвикки»[31] и разложил на столешнице. На каждом листке содержалось по вопросу, на который можно было ответить «да» или «нет», что отражало альтернативно возможные морфологические реальности.

На листке слева значилось: «Б. ПРАВ НАСЧЕТ С. ПРИЗРАКОВ, ДА (I)/НЕТ (II)».

Второй листок выглядел еще более душераздирающе: «Я СПЯТИЛ, ДА (III)/НЕТ (IV)».

В поисках ответов на эти вопросы никак нельзя было допустить, чтобы на его суждения кто-то повлиял. Поэтому Джейкоб старательно избегал доктора Мартин и остальных с самого возвращения на Меркурий. Если не считать визита к выздоравливающему доктору Кеплеру, нанесенного из вежливости, он превратился в сущего отшельника.

Вопрос слева касался работы Джейкоба, хотя

---

[31] notes: 31

Фриц Цвикки (1898–1974) — американский астроном швейцарского происхождения, автор теории скрытой массы. «Ящик Цвикки» — метод морфологического анализа, который заключается в построении матрицы (ящика), где перечислены все составляющие объекта исследования и все возможные варианты реализации этих элементов.

нельзя было исключать вероятность его связи с вопросом справа.

Вопрос на правом листке был посложнее. Чтобы прийти к правильному ответу, ему предстояло отрешиться от каких бы то ни было эмоций.

Взяв пустой лист с римской цифрой I и положив его под вопросом слева, Джейкоб принялся перечислять доказательства того, что Буббакуб не соврал.

ЯЩИК I. РАССКАЗ Б. ПРАВДИВ.

Список получился солидный. Прежде всего следовало упомянуть предоставленное пилом толкование поведения Солнечных Призраков, которое выглядело весьма логично и последовательно. Давно известно, что разные существа используют паранормальную энергию разных типов. Угрожающий антропоморфный облик, который принимали Призраки, намекал на знание человеческой природы и неприветливое отношение. При этом убит был «только» шимпанзе, и только Буббакуб смог вступить в успешную коммуникацию с солярианами. Все это отлично сочеталось с версией Ларока — предположительно внедренной в его сознание Призраками.

Самым впечатляющим достижением в рамках этой теории, имевшим место, пока Джейкоб без

сознания валялся на борту солнечного корабля, стал трюк с реликвией летани. Он, несомненно, доказывал, что между Буббакубом и Солнечными Призраками происходило какое-то общение.

Отогнать одного Призрака вспышкой света, может, и реально (хотя Джейкоб терялся в догадках, как существо, дрейфующее в ослепительной хромосфере, могло уловить сигнал из тускло освещенного салона солнечного корабля), но исчезновение целого стада магнитоядных и их пастухов подразумевало, что в руках пила находится некое мощное (паранормальное?) средство.

Каждый из этих постулатов в ходе морфологического анализа еще предстояло подвергнуть повторной проверке. Но на первый взгляд ящик номер I смотрелся правдоподобно.

А вот с номером II предстояло повозиться, поскольку пока он являл собой лишь отрицание того, что утверждалось в ящике I.

ЯЩИК II. РАССКАЗ Б. НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: (IIA) Б. ЗАБЛУЖДАЕТСЯ/ (IIB) Б. ВРЕТ.

Никаких мыслей насчет IIA у Джейкоба не было, уж слишком уверенным, слишком убежденным казался Буббакуб. Конечно, его могли

одурачить сами Призраки… Джейкоб сделал соответствующую пометку в ящике IIA. Это было крайне весомое допущение, но Джейкобу не удалось придумать, как его подтвердить или опровергнуть, не совершая новых погружений. А в нынешней политической обстановке говорить о новых погружениях не приходилось.

Буббакуб при поддержке доктора Мартин настаивал на том, что дальнейшие вылазки бессмысленны и, вероятно, смертельно опасны, поскольку на борту не будет ни самого пила, ни его сокровища летани. Как ни странно, доктор Кеплер с ним не спорил. По его распоряжению солнечный корабль загнали в док, прекратив текущее техобслуживание, и даже обработку данных приостановили вплоть до особого согласования с Землей.

Мотивы руководителя проекта ставили Джейкоба в тупик. Написав еще на одном листке: «ПОБОЧНЫЙ ВОПРОС — КЕПЛЕР?» — он долго его разглядывал, а потом, выругавшись, швырнул в кучу полуразобранного оборудования. Очевидно, что у Кеплера имелась масса политических причин хотеть, чтобы ответственность за свертывание проекта возложили на Буббакуба. Джейкоб уже успел разочароваться в именитом

ученом соотечественнике. Пора было переходить к ящику IIB.

Зачислить Буббакуба в лжецы было заманчиво. Джейкоб больше не мог притворяться, будто питает к низкорослому представителю Библиотеки хоть какую-то приязнь. Он осознавал, что склонен к предубеждениям, и все же в глубине души хотел, чтобы вводные данные ящика IIB оказались правдой.

Разумеется, у Буббакуба были основания для лжи. Отсутствие в Библиотеке данных о формах жизни солярного типа бросало тень и на него самого. Кроме того, пила всегда возмущали полностью независимые научные изыскания расы «подкидышей». И если бы удалось свернуть проект так, чтобы при этом укрепился научный авторитет старших рас, это решило бы сразу обе проблемы.

Однако допущение, что Буббакуб мог соврать, тянуло за собой еще целый ворох сложностей. Прежде всего, какова процентная доля вранья в его речах? Не подлежит сомнению, что трюк с реликвией летани фальшивкой не был. Но куда же в таком случае тянется ниточка лжи?

К тому же, если Буббакуб врал, он должен был испытывать полнейшую уверенность в том,

что не попадется. Галактические институты, и в особенности Библиотека, дорожили своей безупречной репутацией. Если бы обман раскрылся, Буббакуба поджарили бы живьем.

Ящик IIB давал обильную пищу для размышлений. Затея выглядела безнадежной, но Джейкоб чувствовал, что должен доказать правильность этой версии, а не то проект закроют окончательно.

Задача не из легких. Любая теория, исходящая из посылки, что пил врет, должна одновременно объяснять гибель Джеффри, статус поднадзорного у Ларока и его странное поведение, угрозы со стороны Солнечных Призраков.

Джейкоб накорябал себе памятку и прикрепил ее к листу IIB.

«РЕМАРКА:
ДВА ТИПА СОЛНЕЧНЫХ ПРИЗРАКОВ?» Он вспомнил, что еще никто ни разу не видел, чтобы «обычный» Солнечный Призрак превратился в полупрозрачную ипостась, показывающую устрашающие пантомимы.

Его посетила еще одна мысль.

«РЕМАРКА: ТЕОРИЯ КУЛЛЫ О ТОМ, ЧТО ВЛИЯНИЕ ПАРАНОРМАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ СОЛЯРИАН ОБЪЯСНЯЕТ НЕ ТОЛЬКО ВЫХОДКИ

ЛАРОКА, НО И ДРУГИЕ СЛУЧАИ СТРАННОГО ПОВЕДЕНИЯ».

В этот момент он думал о докторе Мартин и Кеплере. Но, поразмыслив еще немного, аккуратно написал вторую такую же ремарку и прикрепил ее к листу с надписью: «Я СПЯТИЛ? НЕТ (IV)».

Чтобы подступиться к вопросу о собственной вменяемости, нужно было собраться с духом. Придвинув к себе лист номер III, Джейкоб методично изложил признаки того, что что-то неладно.

«1. ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ ВСПЫШКА В БАХЕ». После того случая перед встречей в Информационном Центре он больше ни разу не погружался в глубокий транс. В тот раз он очнулся из-за явного психологического артефакта — «голубого сияния», которое пробилось сквозь гипноз, словно луч прожектора. Но о чем бы ни пыталось его предупредить подсознание, все оборвалось с появлением Куллы.

«2. НЕКОНТРОЛИРУЕМОЕ ОБРАЩЕНИЕ К МИСТЕРУ ХАЙДУ». Джейкоб понимал, что расщепление его личности на две части — нормальную и ненормальную — в лучшем случае лишь временное решение давней проблемы. Пару веков тому назад ему поставили бы диагноз «шизофре-

ния». Однако предполагалось, что гипнотерапия позволит разделенным половинкам мирно воссоединиться под контролем доминантной личности. Его дикое второе «я» прорывалось наружу и перехватывало контроль в определенных ситуациях — например, когда Джейкоб должен был на время стать тем холодным, жестким и донельзя уверенным в себе типом, вечно сующим всюду свой нос, каким он был когда-то.

До сих пор подвиги двойника не столько тревожили Джейкоба, сколько вызывали смущение. К примеру, стырить у доктора Кеплера на «Брэдбери» образцы лекарств, казалось ему вполне логичным поступком, учитывая подозрительные обстоятельства. Хотя, пожалуй, тех же целей можно было достигнуть и легальным путем.

Но кое-что из сказанного им на борту солнечного корабля доктору Мартин указывало на один из двух вариантов: либо большинство его неосознанных подозрений оправданны, либо у него серьезные проблемы с головой.

«3. ПОВЕДЕНИЕ НА СОЛНЕЧНОМ КОРАБЛЕ: ПОПЫТКА САМОУБИЙСТВА?» Как ни странно, написать об этом оказалось легче, чем он предполагал. Тот эпизод привел его в замешательство. Но удивительное дело: он скорее злился, чем

стыдился, как если бы выставил себя в дурацком свете не сам, а по чьей-то указке.

Конечно, это могло объясняться чем угодно, например лихорадочными попытками найти себе оправдание, но самому Джейкобу так не казалось. При ближайшем рассмотрении ход собственных мыслей не вызывал у него никакого внутреннего сопротивления. Только отрицание.

Эпизод номер три мог быть частью общей картины распада личности. А мог — единичным случаем дезориентации, как считала доктор Мартин (после возвращения на базу она буквально не давала ему прохода, убеждая посетить несколько сеансов психотерапии). Или, как упоминалось ранее, его странный поступок мог быть вызван воздействием неких внешних сил.

Джейкоб отодвинулся от верстака. Работа предстояла долгая. И единственный способ довести ее до конца — это почаще делать передышки, давая идеям из подсознания (да-да, того самого подсознания, которое он исследует) возможность всплыть на поверхность.

Вообще-то это был не единственный путь, но, пока собственное душевное здоровье остается под вопросом, рисковать и прибегать к иным методам он не станет.

Выйдя из-за стола, Джейкоб стал медленно разминаться, подготавливая тело к расслабляющей гимнастике тай-цзи-цюань. Позвоночник затрещал после долгого сидения на неудобной табуретке. Он потянулся, расправляя затекшие конечности и давая им напитаться энергией.

Легкая куртка сковывала движения. Он на секунду прервал привычный порядок упражнений и снял куртку.

Если пройти через ремонтный цех, то возле кабинета главного механика и неподалеку от фонтанчика с питьевой водой имелась вешалка. Джейкоб легко, на цыпочках, проскользнул через цех, чувствуя, как тело от тай-цзи становится упругим и наливается силой.

Главный механик, который явно встал сегодня не с той ноги, сердито кивнул промелькнувшему в дверном проеме Джейкобу. Он сидел за письменным столом в кабинете с обшивкой из вспененного пластика, а подобное выражение лица Джейкоб со дня своего возвращения видел уже неоднократно, особенно у работников из низшего эшелона. Дескать, уж мы-то знаем, какое ты ничтожество.

Склонившись над питьевым фонтанчиком, Джейкоб вдруг услышал стук. Он вскинул голову.

Стук повторился, и доносился он со стороны корабля. С пятачка, где стоял Джейкоб, была видна половина корабельного корпуса. Он прошелся до конца каменной стены, и перед ним постепенно предстала и оставшаяся часть судна.

Клиновидный люк в борту медленно отворился. Внизу в ожидании стояли Кулла и Буббакуб, державшие какой-то длинный цилиндрический прибор. Джейкоб поспешно нырнул обратно за стену. Что эти двое тут делают?

Он услышал, как из-под палубы судна выдвигается пандус, а по последовавшим звукам определил, что пил с прингом втаскивают устройство на борт корабля.

Джейкоб облокотился спиной о каменую стену и помотал головой. Ну нет, это уж слишком! Еще одна загадка, и он, пожалуй, и впрямь свихнется (если, конечно, этого еще не произошло).

Послышался шум, словно в салоне корабля включили воздушный компрессор или пылесос. Грохот и шелест, перемежавшиеся визгливой руганью пила, указывали на то, что прибор проволокли по всему салону.

Искушение было столь велико, что Джейкоб не смог устоять. Буббакуб и Кулла находились внутри, а больше никого поблизости не оказалось.

В конце концов, ему нечего было терять, кроме жалких обломков приличной в прошлом репутации.

Всего несколько размашистых шагов — и Джейкоб преодолел пружинистый пандус. Притаившись у самого входа, заглянул внутрь.

Прибор и впрямь оказался пылесосом. Буббакуб, повернувшись к Кулле спиной, волок куда-то тяжелый агрегат, а Кулла орудовал длинной жесткой насадкой, красовавшейся на конце длинного шланга.

Принг медленно покачал головой и тихо клацнул жвалами. Буббакуб испустил в адрес спутника серию звуков, больше всего напоминавших лай: стук стал громче, а Кулла заработал с удвоенной скоростью. Это-то и вызывало наибольшие подозрения и усиливало тревогу. Кулла, судя по всему, пылесосил пространство между палубой и округлой стенкой судна. Однако там не было ничего, кроме силовых полей, удерживавших палубу в нужном положении.

Все так же двигаясь вдоль края, Буббакуб и Кулла скрылись за центральным куполом. Джейкоб отпрянул, скатился вниз по пандусу, преодолел остаток пути до апсиды на своих двоих. А вернувшись, прошел обратно в апсиду, снова уселся на

табурет и зарылся в бумаги.

Если бы только в его распоряжении оказалось чуть больше времени! Будь центральный купол чуть побольше или работай Буббакуб помедленнее, Джейкоб бы наверняка нашел способ проникнуть в эту не охваченную силовым полем щель и взять образец «пыли», которую пришельцы усердно собирали. От этой мысли его бросило в дрожь, но попытаться стоило.

Или хотя бы сфотографировать Куллу и Буббакуба за работой! Но где же раздобыть камеру за считаные минуты?

Прямых доказательств, что Буббакуб затеял какую-то авантюру, не было, но, по мнению Джейкоба, позиции теории IIB заметно укрепились. Пододвинув к себе листок бумаги, он написал: «ПОРОШОК Б. — РАССЫПАННЫЙ ПО ВСЕМУ КОРАБЛЮ ГАЛЛЮЦИНОГЕН?» Положив листок поверх скопившейся стопки, он поспешил к кабинету главного механика.

На просьбу Джейкоба составить ему компанию механик ответил недовольной отповедью, заявив, что должен сидеть на рабочем месте в ожидании вызова и что понятия не имеет, где поблизости можно позаимствовать камеру. Джейкобу показалось, что и то и другое вранье,

но времени на препирательства не оставалось. Нужно было добраться до панели видеосвязи.

Ближайшая панель располагалась на стене у того самого угла, откуда он наблюдал за взбиравшимися по пандусу ПВЦ. Но, оказавшись на месте, Джейкоб замешкался: кому он собрался звонить и что он скажет?

«Алло, доктор Кеплер? Это я, Джейкоб Демва, помните такого? Тот самый парень, который пытался покончить с собой на борту вашего солнечного корабля. Ага… Знаете, я хотел бы, чтобы вы спустились ко мне и посмотрели, как пил Буббакуб проводит генеральную уборку…»

Нет, так дело не пойдет. Пока сюда кто-нибудь спустится, Кулла и Буббакуб уже успеют смыться, а подобный звонок станет лишь еще одним пунктом в списке его выходок — симптомов безумия.

Эта мысль заставила Джейкоба содрогнуться.

«А что, если мне просто померещилось? Пылесос больше не шумит. Кругом тишина. Вся эта история чертовски символична…»

С корабля вдруг донесся вопль, ругань пила и грохот падающего оборудования. Джейкоб на миг прикрыл глаза. Этот шум показался ему райской музыкой. Он даже рискнул заглянуть за угол.

Буббакуб стоял у подножия пандуса, держа в

руках шланг от пылесоса. Щетинки вокруг глаз пила встопорщились, шерсть на загривке встала дыбом. Он сверлил взглядом Куллу, возившегося с содержимым мешка для пыли. Из горловины мешка высыпалась горстка красного порошка.

Когда Кулла сгреб полную пригоршню порошка и бросился к разобранному пылесосу, Буббакуб презрительно фыркнул. Джейкоб не сомневался, что в жерло пылесоса зачерпнутый порошок так и не попал, а вместо этого очутился в кармане серебристой туники Куллы.

Буббакуб расшвырял ногами остатки порошка по полу так, чтобы их никто не заметил, а затем, торопливо оглядевшись по сторонам (Джейкоб вовремя успел юркнуть за стену), пролаял короткий приказ и в сопровождении Куллы зашагал к лифтам.

Вернувшись к своему верстаку, Джейкоб обнаружил возле него главного механика, глазевшего на разбросанные листы с морфологическим анализом. Услышав шаги, механик поднял взгляд и кивнул в сторону солнечного корабля:

— Что там стряслось?

— Ничего особенного, — ответил Джейкоб, задумчиво прикусив губу. — Всего лишь двое Иников решили побаловаться и залезли на борт

корабля.

— На борт корабля?! — Механик резко выпрямился. — Так это о них вы лепетали у меня в кабинете? Что ж вы сразу толком не объяснили?!

— Погодите, куда вы? — Джейкоб поймал рванувшегося к кораблю мужчину за рукав. — Теперь уже поздно, их и след простыл. К тому же мало просто поймать их на горячем, куда важнее выяснить, что они затевают.

Инженер посмотрел на Джейкоба так, будто видел его впервые.

— М-да, — протянул он. — Пожалуй, вы правы. Тогда, может, расскажете, что вы там видели?

Джейкоб пожал плечами и изложил историю от начала до конца: с того момента, как услышал лязг отпираемого люка, до комической сцены с просыпанным порошком.

— Ничего не понимаю. — Механик почесал в затылке.

— Пока не берите в голову. В отличие от властей, засовывающих людям передатчики в задницу при малейшем подозрении, я постараюсь разобраться в деле досконально.

Джейкоб уселся на табурет и принялся аккуратно выводить на обрывках бумаги версии:

«К. ПРИХВАТИЛ ОБРАЗЕЦ ПОРОШКА… ЗАЧЕМ?

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ ПОПРОСИТЬ ЕГО ПОДЕЛИТЬСЯ?

К. — ДОБРОВОЛЬНЫЙ СООБЩНИК? ДАВНО ЛИ?

РАЗДОБЫТЬ ОБРАЗЕЦ ПОРОШКА!!!»

— Что это вы там пишете? — поинтересовался механик.

— Охочусь за уликами.

Немного помолчав, инженер постучал пальцем по бумагам, усеивавшим правую половину столешницы.

— Ну вы кремень! Если б я подозревал, что свихнулся, то не смог бы держаться с таким спокойствием! А что вы при этом чувствовали? Ну, когда съехали с глузда и пытались хлебнуть яду?

Джейкоб оторвался от записей. Перед глазами возник яркий образ. Гештальт. В ноздри проникла аммиачная вонь, в висках застучало. Ему казалось, будто он несколько часов просидел под слепящим светом пыточной лампы, направленной на него палачом-инквизитором.

Он вспомнил все до мельчайших деталей. Последним, что он увидел, прежде чем отключиться, была физиономия Буббакуба. Маленькие черные глазки буравили его из-под парашлема. Единственный из всех присутствовавших, пил наблюдал, как Джейкоб покачнулся и рухнул на палубу без чувств, абсолютно безучастно.

От этой мысли Джейкоба прошиб холодный пот. Он начал было записывать новую версию, но вскоре передумал. Слишком много придется писать. Нацарапав короткую памятку в примитивной дельфиньей троичной кодировке, Джейкоб бросил ее в кучку под номером IV.

— Прошу прощения! — он наконец поднял взгляд на главного механика. — Вы что-то сказали?

Собеседник помотал головой.

— Все равно это не моего ума дело. Зря сунул нос в вашу каморку. Просто любопытство разбирало, что это вы тут делаете. — Мужчина немного помолчал. — Пытаетесь спасти проект, так ведь?

— Пытаюсь.

— Тогда, похоже, вы самая отчаянная голова из всех, кто еще этим занят, — с горечью заметил механик. — Простите, что сорвался и нахамил, когда вы ко мне забегали. Можете продолжать работать, не буду вам мешать. — Он направился к выходу.

Джейкоб на миг заколебался.

— Хотите помочь? — наконец спросил он.

Мужчина обернулся.

— А что от меня требуется?

Джейкоб улыбнулся:

— Для начала сгодятся веник и совок.

— Будет сделано! — Главный механик опрометью выскочил из мастерской.

Джейкоб побарабанил пальцами по столу. Потом сгреб разбросанные бумажки и засунул их в карман.

18
Фокус

— Знаете, начальник экспедиции велел никого сюда не пускать.

Джейкоб оторвался от своего занятия.

— Да неужели? — Он изобразил свирепую ухмылку. — Впервые слышу! Я копаюсь в этом замке исключительно ради собственного здоровья!

Его напарник нервно поежился и пробормотал, что не планировал стать соучастником ограбления.

Джейкоб пошатнулся и невольно отступил на шаг назад. Комната плыла перед глазами, пришлось ухватиться за пластиковую ножку ближайшего стола, чтобы не упасть. В полумраке фотолаборатории трудно было что-то разглядеть, особенно после двадцати минут напряженной работы с мелким инструментарием.

— Я же говорил, Дональдсон, — напомнил он. — У нас нет выбора. Что мы можем предъявить? Пыльное пятно на полу и нелепую теорию? К настоящим доказательствам нас не подпустят, поскольку мы не можем доказать, что они нам

нужны! Замкнутый круг в чистом виде! — Джейкоб помассировал затылок, разминая затекшие мышцы шеи. — Нет уж, нам придется справляться своими силами… если, конечно, вы еще не решили выйти из игры.

— Вы же знаете, я с вами, — пробурчал механик обиженно.

— Ну ладно, ладно. — Джейкоб кивнул. — Приношу извинения. А теперь подайте, пожалуйста, вон ту небольшую отмычку. Нет, другую, с крючком на конце. Да, эта как раз то, что надо. А теперь почему бы вам не постоять у выхода на стреме? Просигнальте, если кто-то придет, чтобы я успел собрать инструменты. И смотрите не споткнитесь!

Дональдсон отошел всего на пару шагов и остановился поглядеть, как Джейкоб работает. Прислонившись к прохладному дверному косяку, он утер пот со щек и лба.

Демва казался человеком рассудительным и адекватным, но его фантазия за последние несколько часов выписывала такие кульбиты, что у Дональдсона закружилась голова.

И самое ужасное, что все факты выстраивались в четкую цепочку. От этой погони за уликами аж дух захватывало! И все, что он успел выяснить до

встречи с Демвой, лишь подкрепляло его гипотезу. Это-то и пугало. Всегда оставался шанс, что парень действительно чокнутый, несмотря на логичность его доводов.

Дональдсон вздохнул. Потом развернулся, оставив тихий скрежет крохотных инструментов по металлу и кивающего в такт каким-то своим мыслям Джейкоба позади, и поплелся к дверям фотолаборатории.

Псих или нет, сейчас это не важно. Прогнило что-то на Меркурии. И если срочно не вмешаться, солнечных кораблей вскоре не останется.

Обычный сувальдный замок, рассчитан на ключ с бороздками и прорезями. Что может быть проще? От внимания Джейкоба не ускользнуло, что на Меркурии очень мало современных замков. Там, где магнитослой соприкасается с голой, ничем не защищенной поверхностью планеты, всякую электронику пришлось бы экранировать. Это было не так уж дорого, но наверняка кто-то счел, что тратить лишние деньги на замки глупо. Кому придет в голову взламывать внутреннюю дверь в фотолаборатории? Да и кто сейчас умеет управляться с отмычками?

Джейкоб умел. Но толку от его талантов пока было немного. Нужное ощущение никак не появ-

лялось. Отмычки не откликались на его уговоры. Не возникало привычного чувства, будто металлические инструменты — это продолжение его пальцев.

При таких раскладах можно возиться хоть всю ночь.

«Позволь мне!»

Джейкоб стиснул зубы, медленно вытащил заточенную полоску металла из замка и отложил ее в сторону.

«Прекрати строить из себя человека, — подумал он. — Ты всего лишь набор асоциальных черт, временно посаженных под гипнотический замок. Если и дальше будешь притворяться самостоятельной личностью, то доведешь нас… то есть меня, до полноценного шизофренического обострения!»

«Это мы еще посмотрим, кто из нас строит из себя человека!»

Джейкоб улыбнулся.

«Зря я сюда полетел. Надо было задержаться дома еще года на три и тихо-мирно завершить генеральную уборку у себя в голове. А теперь ситуация вынуждает меня пробудить все те навыки, которые я хотел… должен был держать в узде».

«Так почему бы тебе ими не воспользоваться?»

Когда была достигнута эта внутренняя договоренность, она не рассматривалась как нечто жесткое и незыблемое. Такого рода подавление и впрямь было чревато неприятностями. Отсутствие морали, хладнокровие и высокомерие слились в единый поток сознания, который, впрочем, обычно удавалось держать под тотальным контролем. Предполагалось, что в случае крайней необходимости к этим качествам можно будет прибегнуть.

Возможно, часть его проблем была связана именно с этим подавлением, а еще с очеловечиванием — ответной реакцией психики на существование этого потока. Когда он старался исцелиться от душевных травм, связанных с Таней, нужно было только усыпить своего злого двойника, а не отсекать его полностью.

«Так ты позволишь мне попробовать?»

Джейкоб взял другую отмычку и покатал ее между пальцев. Легкий кусочек инструментальной стали казался на ощупь гладким и прохладным.

«Заткнись! Ты не человек, ты всего лишь талант, по несчастливой случайности связанный с неврозом… как, например, хорошо поставленный оперный вокал — при условии, что петь ты мо-

жешь, только стоя на сцене в чем мать родила».

«Отлично! Значит, воспользуйся талантом. Я бы уже давно отпер эту дверь!»

Джейкоб аккуратно отложил отмычки и прошаркал вперед, пока не уперся в дверь лбом. «Как поступить? Что если там, на корабле, я действительно обезумел? Мои выкладки вполне могут оказаться ошибочными. И это голубое свечение в Бахе… Могу ли я рискнуть и выпустить его на свободу, если в моем организме что-то разладилось?»

Ослабев от сомнений и метаний, Джейкоб почувствовал, что вот-вот погрузится в транс. Усилием воли он остановил этот процесс, но потом, мысленно пожав плечами, позволил ему продолжиться. На счет «семь» он натолкнулся на барьер страха. Это был уже знакомый барьер: возникало ощущение, будто стоишь на краю пропасти. Джейкоб осознанно смел барьер, и погружение продолжилось.

На счет «двенадцать» он скомандовал: «Но это только на время». И почувствовал согласие противника.

Обратный отсчет продлился не больше секунды. Джейкоб открыл глаза. От плеч к кистям пробежало легкое покалывание, настороженно

подступило к пальцам, словно пес, принюхивающийся при возвращении в давно покинутый дом.

«Пока все идет путем, — подумал он. — Я не растерял нравственных ориентиров, не перестал быть собой. Нет ощущения, что моими руками управляет какая-то чуждая сила… Только чувствительность повысилась».

Инвентарь взломщика больше не казался прохладным. Инструменты были теплыми, как будто составляя с ладонями единое целое. Отмычка сладострастно скользнула в замок и принялась ласкать зубцы засова, постепенно отодвигая ригель. Один за другим послышались тихие щелчки, точно кто-то отстукивал на металле телеграмму, после чего дверь открылась.

— Ну надо же, вы все-таки смогли! — Джейкоба слегка задело прозвучавшее в голосе Дональдсона удивление.

— Разумеется, — только и сказал он. Удержаться от пришедшего на ум язвительного ответа оказалось легче легкого, и это воодушевляло. Пока все отлично. Скрывавшийся в его теле джинн, похоже, был настроен благодушно. Джейкоб распахнул дверь и вошел. Помещение было узким, вдоль левой стены выстроились каталожные

шкафчики, напротив стоял невысокий стол с оборудованием для фотоанализа. В дальнем конце комнаты виднелась незапертая дверь в темную, редко использовавшуюся проявочную с реактивами.

Джейкоб двинулся вдоль ряда шкафчиков, то и дело наклоняясь, чтобы прочитать ярлыки. Дональдсон направился к столу. Прошло совсем немного времени, когда главный механик вдруг объявил:

— Я нашел их! — И указал на открытый ящик, стоявший на столе рядом с проектором. Каждый диск покоился в обитом мягкой тканью углублении, на каждом были обозначены дата и время съемки, а также код аппарата, на который снимали. Как минимум десять углублений пустовали.

Джейкоб вынул наугад несколько дисков и разглядел их на свету. А потом обернулся к Дональдсону.

— Кто-то уже побывал здесь до нас и стащил все интересовавшие нас диски.

— Их украли? Но как?!

Джейкоб пожал плечами.

— Может, как и мы: вскрыли дверь и вошли. А может, у них был ключ. Наверняка мы знаем лишь одно: последние записи со всех устройств

пропали.

Они постояли еще немного в мрачной тишине.

— Значит, у нас нет никаких доказательств, — подытожил Дональдсон.

— Нет, если, конечно, мы не выследим, где находятся недостающие диски.

— Вы хотите сказать, что нам придется вломиться в покои Буббакуба? Ну не знаю… Если вас интересует мое мнение, думаю, записи уже уничтожены. Зачем кому-то их хранить? Предлагаю потихоньку выбраться отсюда, и пусть доктор Кеплер и де Сильва сами обнаружат факт пропажи. Проблему это не решит, но они могут воспринять произошедшее как довод в пользу нашей версии.

Джейкоб помялся, а потом кивнул.

— Разрешите взглянуть на ваши руки, — попросил он.

Дональдсон выставил перед собой обе ладони. Тонкий слой эластичного пластика был невредим. Значит, скорее всего, вычислить их не удастся: ни химически, ни по отпечаткам пальцев.

— Ладно, давайте вернем все на свои места — настолько точно, насколько сможете вспомнить. Не прикасайтесь к предметам, которых до этого

не трогали. А потом уходим.

Дональдсон взялся было выполнять поручение, но тут снаружи раздался грохот, словно что-то упало. Источник шума находился совсем недалеко, прикрытая дверь лишь слегка приглушила звуки.

Сработала ловушка, установленная Джейкобом у двери в холл. Кто-то проник в лабораторию. Пути к отступлению были отрезаны.

Напарники поспешно нырнули в темноту проявочной. Стоило им только завернуть за угол светопоглощающего лабиринта, как до них донесся скрежет поворачивающегося в замке ключа.

Собственное учащенное дыхание казалось Джейкобу оглушительным, сквозь него еле пробился тихий скрип медленно отворившейся двери. Он похлопал себя по карманам комбинезона. Так и есть, половина его воровского набора осталась лежать на каталожных шкафчиках. К счастью, маленькое круглое стоматологическое зеркальце осталось при нем, в нагрудном кармане.

Негромкий звук шагов раздавался всего в нескольких футах. Тщательно взвесив все за и против, Джейкоб медленно вынул зеркальце. Затем опустился на колени и просунул круглую и

сверкающую рабочую поверхность инструмента в зазор в паре дюймов от пола.

Доктор Мартин, ссутулившись, стояла возле шкафчиков, перебирала ключи в связке и то и дело украдкой поглядывала на наружную дверь. Казалось, она очень взволнована, хотя по отражению в крошечном зеркале, да еще и расположенном в нескольких метрах от нее, у самого пола, судить было трудно.

Джейкоб почувствовал, что над ним в причудливой позе навис Дональдсон, пытавшийся выяснить, что происходит за дверью. Разозлившись, Демва жестами велел напарнику не высовываться, но тот вдруг потерял равновесие, взмахнул левой рукой в поисках опоры и облокотился о его спину.

— Уфф! — непроизвольно выдохнул Джейкоб, когда главный механик навалился на него всей тушей. Зубы Демвы клацнули, он перенес вес на онемевшую левую руку. Лишь каким-то чудом ему удалось удержать и себя, и Дональдсона и не вывалиться в дверной проем, однако зеркальце он все-таки выронил, и оно с тихим стуком ударилось об пол.

Дональдсон отпрянул и юркнул во тьму, пыхтя от натуги — жалкая попытка не выдать себя.

Джейкоб скептически усмехнулся. Не услышать поднятого ими шума мог разве что глухой.

— Кто… кто здесь?

Джейкоб проигнорировал вопрос и стрельнул в Дональдсона презрительным взглядом. Тот был мрачен и предпочитал не смотреть напарнику в глаза.

Снаружи послышались торопливые удаляющиеся шаги. Джейкоб выступил из темноты.

— Постойте, Милли.

Доктор Мартин замерла в дверях. Съежившись, с исказившей породистое смуглое лицо гримасой ужаса, женщина медленно обернулась, узнала Джейкоба и побагровела.

— Какого хрена вы здесь забыли?!

— Наблюдаю за вами, Милли. В высшей степени приятное времяпрепровождение, а сейчас еще и вдвойне интересное.

— Так вы за мной шпионили? — ахнула она.

Джейкоб сделал еще пару шагов вперед, от души надеясь, что Дональдсону хватит ума не высовываться.

— Не только за вами, дорогая моя. За всеми. На Меркурии творится что-то неладное. Каждый охотится на какую-то свою дичь, и вся эта дичь — в основном подсадные утки! Вот вы, напри-

мер: сдается мне, вы знаете куда больше, чем говорите.

— Понятия не имею, о чем это вы толкуете, — отбрила его доктор Мартин. — Впрочем, это неудивительно. Ваш рассудок помутился, вам нужна медицинская помощь… — Она попятилась к выходу.

— Вполне возможно, — серьезно кивнул Джейкоб. — Но не исключено, что помощь требуется и вам. Скажем, чтобы объяснить ваше присутствие здесь.

Женщина напряглась.

— Я отперла дверь ключом, принадлежащим Дуэйну Кеплеру. А вот вы как здесь оказались?

— А сам доктор Кеплер в курсе?

Милдред залилась румянцем и промолчала.

— Среди записей, сделанных в ходе последнего погружения, не хватает нескольких дисков… и все относятся именно к тому промежутку времени, когда Буббакуб демонстрировал свой коронный трюк с реликвией летани. Вы случайно не знаете, куда они подевались?

Доктор Мартин в изумлении уставилась на собеседника.

— Вы что, шутите? Но кто… Нет, не может быть, — она растерянно покачала головой.

— Это вы их взяли?

— Нет!

— Кто же тогда?

— Понятия не имею. Откуда мне знать? И по какому праву вы устроили допрос…

— А ведь я мог бы обратиться за поддержкой к Хелен де Сильве, — зловеще прогремел Джейкоб. — Представляете: мы бы с ней пришли сейчас сюда и застукали бы вас в лаборатории с ключом в кармане, а на ключе — ваши отпечатки. Она бы все тут осмотрела и обнаружила пропажу дисков, а тут как раз вы… Вы кого-то прикрываете, и по косвенным признакам я догадываюсь, кого конкретно. Или вы немедленно выкладываете все, что вам известно, или, ручаюсь, вам крышка — вместе с вашим таинственным другом или без него. Вы не хуже меня знаете, что персонал базы жаждет расправы.

Доктор Мартин покачнулась. Неуверенно потерла лоб.

— Я не… Я не знаю…

Джейкоб усадил ее на стул. Затем прошел к наружной двери и запер ее.

«Эй, полегче», — посоветовало его второе «я». Он зажмурился и досчитал до десяти. Зверский зуд в пальцах постепенно утих.

Доктор Мартин уткнулась лицом в ладони. Краем глаза Джейкоб заметил выглядывающего из проявочной Дональдсона. Он резко махнул рукой, и голова инженера тут же скрылась из виду.

Джейкоб подошел к шкафчику и выдвинул тот самый ящик, в котором рылась Милдред.

Ага, вот!

Выудив из ящика камеру Ларока, он направился к столу, подсоединил находку к одному из проекторов и включил оба устройства.

Большая часть отснятого материала не представляла никакого интереса — путевые заметки журналиста о событиях с момента прибытия на Меркурий и до того самого утра, когда Ларок наведался в ангар для солнечных кораблей, незадолго до злополучной экскурсии по кораблю Джеффри. Звуковое сопровождение Джейкоб проигнорировал. Любительские репортажи Ларока, не предназначенные для чужих глаз и ушей, оказались еще многословнее, чем статьи в прессе. Сразу после панорамных видов солнечного корабля видеоряд вдруг изменился.

Увиденное поначалу привело Джейкоба в замешательство, а потом заставило расхохотаться.

Такая смена настроения настолько удивила Милли Мартин, что та позабыла о своих страда-

ниях и подняла на собеседника покрасневшие глаза. Джейкоб добродушно кивнул ей.

— Вы хоть понимаете, зачем сюда пришли?

— Да, — просипела женщина и медленно кивнула. — Я хотела отнести Питеру его камеру, чтобы он мог записать свою историю. Мне показалось, что после того, как соляриане столь жестоко с ним обошлись… использовали его…

— Он все еще под стражей?

— Да. Они считают, что так безопаснее. Раз соляриане однажды уже подчинили его своей воле, превратив в марионетку, кто мешает им повторить этот трюк?

— А чья идея вернуть ему камеру?

— Конечно, его. Он хотел поснимать, и я решила, что вреда от этого не будет…

— А заодно собирались снабдить его оружием?

— Ничего подобного! Мы бы предварительно обез… обезвредили шокер. Бубб… — Глаза ее вдруг широко распахнулись, она осеклась, сообразив, что случайно проговорилась.

— Ну что же вы, продолжайте! Я и так знаю, что вы скажете.

Милдред опустила взгляд.

— Буббакуб пообещал встретиться со мной в каюте, где содержат Питера, и вывести шокер из

строя. Он сделает это одолжение, чтобы доказать, что не держит зла.

Джейкоб вздохнул и пробормотал:

— Ну это уж слишком!

— Что?.. — не поняла Милдред.

— Позвольте взглянуть на ваши руки. — Она замялась, но Демва бесцеремонно приступил к осмотру, не дожидаясь ее согласия. Тонкие изящные пальцы заметно дрожали.

— А в чем, собственно, дело?

Джейкоб оставил ее вопрос без внимания и принялся мерить шагами тесное помещение.

Ловушка была расставлена безупречно. Если бы план сработал, на Меркурии не осталось бы ни единого человека с незапятнанной репутацией. Находчивости того, кто все это срежиссировал, можно было только позавидовать. Оставался лишь один вопрос: когда эта ловушка должна была сработать?

Джейкоб обернулся ко входу в проявочную. Физиономия Дональдсона снова мелькнула и тут же скрылась за дверью.

— Все в порядке, приятель. Можете выходить. Вам поручается помочь доктору Мартин, проследите, чтобы в помещении не осталось ни одного ее отпечатка.

При виде грузного главного механика, выступившего из темноты с застенчивой улыбкой, Милдред от неожиданности разинула рот.

— А вы чем намерены заняться? — поинтересовался Дональдсон.

Вместо ответа Джейкоб направился к расположенному у двери терминалу внутренней связи.

— Алло, Фэйгин? Да. Я готов к «сцене в гостиной». Неужели? Радоваться пока рано. Все зависит от того, повезет ли мне в ближайшие несколько минут. Попроси, пожалуйста, всех причастных через пять минут собраться у каюты, где содержится Ларок. Да, займись прямо сейчас и, пожалуйста, будь понастойчивее. Доктора Мартин можешь не искать, она со мной.

Милдред, протиравшая ручку ящика, на миг прервалась, опешив от тона Демвы.

— Все верно, — продолжал Джейкоб. — И в первую очередь будь добр, пригласи Буббакуба и Кеплера. Уболтай их, у тебя это отлично получается. Ну все, мне пора. Ага, спасибо.

— И что же дальше? — спросил Дональдсон, когда они покидали лабораторию.

— А дальше, дорогие мои ученики, вам предстоит сдать экзамен по взлому. И ваша задача — действовать четко и оперативно. Через пару

минут доктор Кеплер покинет свою каюту, и будет здорово, если вы не станете терять время и явитесь на встречу вскоре после него.

Милдред замерла как вкопанная.

— Вы это серьезно? Неужто вы рассчитываете, что я буду рыться в вещах Дуэйна?

— А почему нет? — пробурчал Дональдсон. — Пичкали же вы его крысиным ядом! И ключи от фотолаборатории украли.

Ноздри Милдред раздулись от возмущения.

— Никакого крысиного яда я ему не давала! Кто вам такое наплел?

Джейкоб со вздохом пояснил:

— Варфарин. Когда-то им травили крыс. Но потом у крыс выработался к нему иммунитет, как, впрочем, и почти ко всему остальному.

— Я ведь уже говорила, что даже не слышала раньше про этот варфарин! Сначала главврач у меня об этом допытывался, потом вы. Почему все думают, будто я отравительница?

— Я так не думаю, — возразил Джейкоб. — Зато думаю, что если вы хотите помочь нам докопаться до истины, то лучше действовать сообща. У вас же есть ключи от каюты Кеплера, верно?

Мартин закусила губу, а потом порывисто кивнула.

Джейкоб проинструктировал Дональдсона, объяснив, что нужно искать и как поступить с находкой. А потом компания разделилась, и он поспешил к каютам ПВЦ.

19
В гостиной

— Вы хотите сказать, что Джейкоб созвал нас всех сюда, а сам не пришел? — осведомилась Хелен, стоя в дверях.

— Не стоит беспокоиться, комендант де Сильва, он непременно явится, — заверил ее Фэйгин. — Не было еще ни одного случая, чтобы после назначенной мистером Демвой встречи собравшиеся жалели о потраченном времени.

— Святая правда! — со смехом подтвердил Ларок. Он с комфортом расселся на краю огромного дивана, водрузив ноги на оттоманку, и теперь отпускал ядовитые комментарии, не вынимая изо рта трубки, весь окутанный клубами дыма. — Да и почему бы нам не побеседовать? Больше-то заняться все равно нечем. С «исследованиями» покончено, все необходимые измерения и анализы произведены. Башня из слоновой кости рухнула из-за спеси и чванства, и настала ночь длинных ножей. Так что пусть Демва не спешит. К тому же, что бы он нам ни сказал, это будет веселее, чем пялиться на ваши постные рожи!

Расположившийся на противоположном краю дивана Дуэйн Кеплер брезгливо поморщился. Он специально старался сесть как можно дальше от Ларока. Не успела медсестра поправить одеяло, которым были укрыты его ноги, как он нервным жестом сдернул его. Медсестра вопросительно взглянула на врача, но тот лишь пожал плечами.

— Заткнитесь, Ларок, — потребовал Кеплер.

Журналист лишь ухмыльнулся и извлек из кармана ершик для прочистки трубок.

— Я по-прежнему считаю, что нам не помешало бы какое-нибудь записывающее устройство. Зная Демву, могу предположить, что намечается историческое событие.

Буббакуб фыркнул и отвернулся. Он прохаживался из угла в угол и против обыкновения игнорировал разбросанные по ковровому покрытию подушки. Наконец пил остановился рядом с подпиравшим стенку Куллой, его четырехгранные пальцы заплясали в воздухе, издавая сложную комбинацию щелчков. Кулла кивнул.

— Мне поручено шкажать, что жапишиваюшие уштройштва миштера Ларока уже натворили дошташочно бед. Кроме того, пил Буббакуб шообщил, что не намерен ждать дольше пяти минут.

Кеплер пропустил заявление мимо ушей. Он

методично растирал шею, словно там что-то чесалось и он искал источник зуда. За последние недели руководитель проекта потерял несколько килограммов и заметно сдал.

Ларок пожал плечами на французский манер, точнее, резко передернул ими. Фэйгин хранил молчание. Даже серебристые колокольчики на концах его сине-зеленых ветвей замерли, не издавая ни звука.

— Ну что же вы, Хелен, не стойте там, проходите и присаживайтесь, — обратился к коменданту врач. — Не сомневаюсь, что остальные тоже вскоре подтянутся. — В его глазах читалось сочувствие. Войти в эту комнату было все равно что нырнуть в ледяную и не слишком чистую воду.

Подыскав себе место как можно дальше от остальных, Хелен с тоской гадала, что же затеял Джейкоб Демва.

«Надеюсь, прошлых ошибок он не повторит, — думала она. — Если у собравшихся здесь и есть что-то общее, так это нежелание, чтобы в их присутствии звучало словосочетание «Погружение в Солнце». Они глотки готовы друг другу перегрызть, но в этом вопросе единодушно блюдут заговор молчания. — Командир покачала головой. — Здорово, что это путешествие скоро

подойдет к концу. Может, следующие пятьдесят лет будут получше».

Впрочем, рассчитывать на последнее особенно не приходилось. Уже сейчас мелодии «Битлз» можно было услышать разве что в исполнении симфонического оркестра (каким бы абсурдом это ни казалось). А приличный джаз ограничивался стенами библиотек.

«И зачем я только отправилась в этот космос?»

В комнату вошли Милдред Мартин и старший механик Дональдсон. По мнению Хелен, их попытки напустить на себя беспечный вид выглядели комично, но, кажется, никто, кроме нее, ничего не заметил.

«Интересно, что у них может быть общего?»

Пришедшие оглядели комнату и устремились в угол, отгороженный единственным диваном, который оккупировали Кеплер, Ларок и колоссальное напряжение между ними. Ларок поглядел на доктора Мартин и улыбнулся. Ей показалось, или он действительно заговорщически подмигнул? Милдред отвела взгляд, и физиономия Ларока вытянулась от разочарования. Он снова принялся раскуривать трубку.

— С меня до-воль-но! — заявил в конце концов Буббакуб и развернулся к двери. Но не успел он

и шагу ступить, как дверь словно сама собой отворилась. На пороге возник Джейкоб Демва с белым холщовым мешком за спиной. Мужчина шагнул внутрь, тихонько насвистывая. Хелен ушам своим не поверила. Мотив чрезвычайно напоминал песенку «Санта-Клаус приходит в город»[32]. Но, разумеется…

Джейкоб подбросил мешок в воздух, и тот приземлился на кофейный столик с таким грохотом, что доктор Мартин подскочила от испуга. Кеплер еще сильнее помрачнел и вцепился в диванный подлокотник.

Хелен ничего не могла с собой поделать. Совершенно неуместная на Меркурии безыскусная старенькая мелодия, оглушительный удар мешка по столешнице… Эксцентричное поведение Джейкоба разрушило стену напряжения, словно пирог с кремом, поданный к столу, когда обедаешь не в самой приятной компании. Она невольно рассмеялась.

Джейкоб подмигнул ей и, как и положено Санта-Клаусу, произнес:

---

[32] notes: 32

Один из традиционных рождественских хитов в США. Песня написана в 1934 году композитором Фредом Кутсом на стихи Хейвена Гиллеспи и повествует о человеке, который побывал в космосе и на обратном пути заглянул в гости к Санта-Клаусу. Песню исполняли многие известные певцы и музыканты: от Фрэнка Синатры до Джастина Бибера.

— Хо-хо-хо!

— Вы что, в игры играть пришли? — разозлился Буббакуб. — Только зря отняли у меня время! Вам придется ком-пен-си-ро-вать ущерб!

Джейкоб улыбнулся.

— С превеликим удовольствием, пил Буббакуб. Надеюсь, вы извлечете из моего выступления немалую пользу для себя. Но для начала присядьте, будьте так добры!

Челюсти Буббакуба клацнули. Казалось, его маленькие черные глазки прожгут наглеца насквозь, однако через несколько секунд он сдался и, фыркнув, плюхнулся на ближайшую подушку.

Джейкоб обвел взглядом собравшихся. На лицах чаще всего читались недоумение или враждебность. Исключение составляли Ларок, демонстрировавший показное равнодушие, и Хелен с ее растерянной улыбкой. И, конечно, Фэйгин. Джейкоб в тысячный раз пожалел, что у кантена нет глаз.

— Когда доктор Кеплер пригласил меня на Меркурий, — начал Джейкоб, — проект «Погружение в Солнце» вызывал у меня некоторые сомнения, тем не менее в итоге я согласился. После той, первой, беседы я рассчитывал стать участником одного из самых волнующих событий со времен

Контакта. Надеялся решить сложную проблему межвидовой коммуникации с нашими ближайшими и самыми удивительными соседями, Солнечными Призраками. Однако проблемы с солярианами, похоже, меркнут по сравнению с той замысловатой паутиной межзвездных интриг и убийств, с которой я здесь столкнулся.

Кеплер смотрел на него с грустью.

— Джейкоб, прошу вас, не надо. Мы все знаем, как вы переутомились. Милли считает, что с вами следует обращаться бережно, и я с ней согласен. Но всему есть предел.

Джейкоб широко раскинул руки.

— Если бережно обращаться — значит потворствовать и уступать, тогда умоляю, потворствуйте. Хуже, когда от тебя попросту отмахиваются, такое отношение мне уже осточертело. Так что если вы не пожелаете меня выслушать, уверен, что благодарная публика отыщется среди земных властей.

Улыбка на лице Кеплера немедленно застыла. Он откинулся на спинку дивана.

— Что ж, тогда продолжайте. Я вас выслушаю.

Джейкоб шагнул на широкий ковер, расстеленный в центре комнаты.

— Во-первых, Пьер Ларок упорно отрицает об-

винения в убийстве шимпанзе Джеффри или в применении своего шокера на малом солнечном корабле в диверсионных целях. Он отрицает свою принадлежность к поднадзорным и заявляет, что данные, поступившие с Земли, были каким-то образом фальсифицированы.

При этом с самого момента нашего возвращения с Солнца мистер Ларок столь же упорно отказывается проходить тест на поднадзорность, который мог бы стать первым шагом на пути к подтверждению его невиновности. Допустим, он предполагает, что результаты теста тоже будут сфабрикованы.

— Так и есть, — закивал журналист, — еще одна ложь в целой цепочке вранья.

— А что, если процедуру проведения теста проконтролируем мы втроем: доктор Лэрд, и доктор Мартин, и ваш покорный слуга?

Ларок хмыкнул.

— Это может спровоцировать предвзятое отношение в суде, если я все-таки надумаю подать иск.

— Зачем же обращаться в суд? У вас ведь не было мотивов убивать Джеффри, когда вы вскрыли панель доступа к переключателю сжатия времени…

— Я этого не делал!

— …поскольку лишь поднадзорный способен убить человека в приступе ярости. А если вы невиновны, то зачем продолжаете сидеть под арестом?

— Может, ему тут нравится, — съязвила медсестра.

Хелен нахмурилась. В последние дни дисциплина на базе летит ко всем чертям, а с ней и моральный дух экипажа.

— Он отказывается от теста, потому что знает: он провалит его! — выкрикнул Кеплер.

— Именно поэтому сол-неч-ны-е жители и выбрали его в качестве орудия убийства, — вставил Буббакуб. — Они мне сами сообщили.

— А я в таком случае кто, тоже поднадзорный? — поинтересовался Джейкоб. — Многие считают, будто я пытался покончить с собой по указке Призраков.

— У вас был стресс. Так говорит доктор Мартин. Правда? — Буббакуб обернулся к Милдред. Женщина стиснула руки с такой силой, что костяшки пальцев побелели, но не произнесла ни слова.

— Этой темы мы коснемся чуть позже, — пообещал Джейкоб. — Но прежде чем приступить, я бы хотел перемолвиться словечком с доктором

Кеплером и мистером Лароком наедине.

Доктор Лэрд и его ассистентка деликатно отошли в сторону. Буббакуб яростно сверкнул глазками, не желая сходить с места, но в конце концов все же последовал их примеру.

Джейкоб прошел в укромный уголок за диваном. Оказавшись между двух собеседников, он подался к ним, а сам тем временем сунул руку за спину и подставил ладонь. Дональдсон нагнулся и тайком сунул ему в руку что-то мелкое. Джейкоб тут же стиснул полученный предмет покрепче.

Потом перевел взгляд с Кеплера на Ларока и обратно.

— Думаю, вы оба должны прекратить это. Особенно вы, доктор Кеплер.

— О чем это вы, позвольте спросить, толкуете? — прошипел ученый.

— Я полагаю, у вас есть некая вещь, принадлежащая мистеру Лароку. И не важно, что раздобыл он ее противозаконным путем. Она отчаянно нужна ему. Настолько, что он на время согласился подвергнуться наказанию, зная, что не заслужил его. А может быть, даже настолько, чтобы сменить тон статей, в которых намеревается описать все происходящее. Однако, похоже, сделка отменяется. Эта вещица сейчас у меня.

— Моя камера! — надсадно просипел Ларок. В глазах журналиста загорелся огонек.

— Причем довольно миниатюрная камера. Полноценный крошечный звуковой спектрограф. Она у меня. Как и копии ваших записей, которые были спрятаны в каюте Кеплера.

— П-предатель, — запинаясь, пригвоздил его Кеплер. — Я думал, вы на нашей стороне…

— Да заткнись ты, тощий ублюдок! — Ларок почти кричал. — Если кто тут и предатель, так это ты! — Коротышка-репортер до того разозлился, что напоминал закипающий чайник.

Джейкоб обхватил противников за плечи.

— Если вы оба срочно не придержите коней и не начнете говорить тише, последствий не избежать! Ларока могут обвинить в шпионаже, а вас, Кеплер, в шантаже и сокрытии факта вышеупомянутого шпионажа! Поскольку имеющееся у меня доказательство шпионажа также косвенно свидельствует, что у Ларока не было времени повредить оборудование корабля, подозрение неизбежно падет на последнего, кто осматривал стазис-генераторы. О нет, не думаю, что это были вы, доктор Кеплер. Но на вашем месте я бы соблюдал меры предосторожности!

Ларок притих. Кеплер покусывал кончик уса.

— Что вам нужно? — спросил он наконец.

Джейкоб пытался воспротивиться, но его тщательно подавляемая вторая сущность слишком взбудоражилась. Он не удержался и слегка сблефовал.

— Еще не решил. Наверное, со временем придумаю что-нибудь подходящее. Только будьте аккуратны и не давайте волю воображению. Моим друзьям на Земле уже все известно.

Это была ложь, но мистер Хайд захотел подстраховаться.

Хелен де Сильва силилась разобрать, о чем беседует уединившаяся троица. Если бы она верила в одержимость, то, едва взглянув на выражения знакомых лиц, сочла бы, что во всех троих вселились демоны. Благовоспитанный доктор Кеплер, после возвращения с Солнца державшийся скрытно и замкнуто, сейчас походил на разъяренного старикашку, требующего аннулировать его завещание. Ларок — осторожный и сосредоточенный — вел себя так, будто судьба всего мира зависит от того, насколько точно он оценит ситуацию.

А что касается Джейкоба Демвы… Хелен и раньше замечала, что за его всегдашним спокойствием, за какой-то блекловатой задумчивостью

таится невероятная харизма. Она притягивала девушку, даже когда была истощена и пряталась за фальшивыми личинами. Но сейчас… сейчас эта харизма сияла. И манила к себе, как манит мотыльков пламя.

Наконец Джейкоб выпрямился и объявил:

— Доктор Кеплер только что любезно согласился снять с Пьера Ларока все обвинения.

Буббакуб мигом вскочил со своей подушки.

— Вы рехнулись! Если люди готовы спустить кому-то с рук убийство своих под-о-печ-ных, это их соб-ствен-ны-е проблемы. Но сол-неч-ны-е жители могут снова склонить его ко злу!

— Солнечные жители никогда и ни к чему его не склоняли, — веско произнес Джейкоб.

— Я же говорю, вы безумец, — огрызнулся Буббакуб. — Я сам говорил с сол-неч-ны-ми жителями. Они не лгали.

— Как пожелаете! — Джейкоб отвесил пилу церемонный поклон. — Однако я хотел бы вернуться к своему докладу.

Буббакуб во всеуслышание фыркнул и снова повалился на подушку.

— Безумец! — повторил он.

— Прежде всего, — снова заговорил Джейкоб, — я хочу поблагодарить доктора Кеплера за то, что

он позволил старшему механику Дональдсону, доктору Мартин и мне посетить фотолабораторию и изучить записи с последнего погружения.

Стоило только упомянуть Милдред, как физиономия Буббакуба перекосилась. «Значит, вот как пилы выражают досаду», — догадался Джейкоб. Маленькому пришельцу можно было только посочувствовать. Ловушка была расставлена великолепно, но теперь, обезвреженная, теряла всякий смысл.

Джейкоб поведал собравшимся «приглаженную версию» их вторжения в библиотеку: дескать, было обнаружено, что записи, относившиеся к последней трети миссии, куда-то пропали. Установившуюся тишину нарушало лишь позвякивание колокольчиков в кроне Фэйгина.

— Какое-то время я прикидывал, где могут быть спрятаны пресловутые диски. Я догадывался, кто их взял, но не знал на сто процентов, уничтожил их злоумышленник или сумел спрятать. В конце концов я сделал ставку на то, что «архивные крысы» никогда ничего не выбрасывают. Обыскав каюты некоторых софонтов, я наконец нашел недостающие диски.

— Да как вы посмели?! — прошипел Буббакуб. — Если бы у вас были нормальные хозяева,

я бы выпорол вас за такую наглость! Как вы могли!

Хелен удивленно покачала головой.

— То есть вы признаете, что спрятали у себя важнейшие записи, пил Буббакуб? Но зачем?!

Джейкоб усмехнулся:

— О, все было очень просто. Вообще-то я думал, что ситуация запутанная, но все оказалось не совсем так. Эти записи со всей очевидностью доказывают, что пил Буббакуб солгал.

Из глотки Буббакуба исторглось глухое рычание. Пришелец замер, словно не доверял самому себе и предпочитал лишний раз не рыпаться.

— Ну и где же пресловутые записи? — осведомилась де Сильва.

Джейкоб подхватил лежавший на столе мешок.

— Должен отдать противнику должное. Мне лишь по чистой случайности пришло в голову, что диски идеально помещаются в канистру из-под топлива.

Он выудил из мешка какой-то предмет и поднял его над головой.

— Реликвия летани! — ахнула Хелен. Фэйгин не сдержался и издал полную удивления трель. Милдред Мартин невольно встала с места и до-

тронулась пальцами до горла.

— Совершенно верно, — подтвердил Джейкоб. — Уверен, что Буббакуб отлично подстраховался на случай маловероятного обыска — именно на такую реакцию он и рассчитывал. Естественно, мало кто рискнул бы потревожить полурелигиозный объект почитания древней и могущественной расы, особенно если этот объект выглядит не чем иным, как обломком метеорита!

Он перевернул предмет другой стороной.

— А теперь смотрите!

Крышка повернулась на 90 градусов и откинулась. В одной из половинок в специальном углублении покоился своего рода контейнер. Джейкоб опустил ношу на пол и потянул за баночное дно. Внутри что-то приглушенно загромыхало. Контейнер наконец оказался на свободе, из него выкатилось и шлепнулось на пол двенадцать маленьких черных кругляшей. Кулла щелкнул челюстями.

— Диски! — удовлетворенно кивнул Ларок, теребя свою курительную трубку.

— Они самые, — сказал Джейкоб. — А с наружной стороны «реликвии» вы отыщете кнопку, которая помогла освободить эту теперь уже пу-

стую канистру от ее былого содержимого. Однако внутри должны оставаться следы. Готов поспорить, что по составу они полностью совпадают с тем веществом, образец которого мы с Дональдсоном передали вчера доктору Кеплеру, не сумев убедить его… — он оборвал себя на полуслове и пожал плечами. — В общем, с нестабильным мономолекулярным веществом, которое, будучи применено каким-нибудь сведущим софонтом, «с громом и молниями» рассеивается и оседает на внутренней стороне верхнего полушария корабельного корпуса…

Де Сильва вскочила со стула. Джейкобу пришлось повысить голос, чтобы перекричать Куллу: тот лязгал жвалами все громче.

— Подобная пленка эффективно блокирует весь зеленый и синий диапазоны излучения — единственную часть спектра, в которой мы можем выделить Солнечных Призраков из окружающего пространства!

— Записи! — воскликнула де Сильва. — На них должны быть…

— На них и впрямь зафиксированы тороиды, то есть Призраки… сотни Призраков! Примечательно, что среди них нет ни одной антропоморфной фигуры, но, возможно, они не возникли, поскольку-

ку наши мозговые волны указывали, что мы их не видим. Но представьте, как всполошилось стадо, когда мы вломились прямо в самую его гущу без всяких «позвольте вас побеспокоить». Тороиды и «нормальные» Призраки бросились врассыпную… и все потому, что мы вторглись на их территорию, сами того не заметив!

— Полоумный Иник! — возопил Ларок, явно обращаясь к Буббакубу и потрясая кулаком. Пил в ответ зашипел, однако не сдвинулся с места, так и стоял, переплетя пальцы и уставившись на Джейкоба.

— Вещество имело такой состав, что должно было разрушиться, как только мы покинем хромосферу. Оно осело тонким слоем пыли на силовом поле по периметру палубы, где никто бы его не заметил, пока Буббакуб не приведет Куллу с пылесосом. Не так ли, Кулла?

Принг с жалким видом кивнул. Джейкоб со смутным удовлетворением отметил, что сострадание далось ему так же легко, как и захлестнувшая его чуть раньше ярость. А то он уже начал было беспокоиться. Джейкоб ободряюще улыбнулся:

— Все нормально, Кулла. У меня нет причин полагать, будто вы замешаны в чем-то еще. Я

наблюдал за вами обоими, когда вы решили прибраться: не вызывало сомнений, что вы действуете из-под палки.

Принг поднял на него взгляд. Глаза пришельца ослепительно сверкали. Он снова кивнул, и щелканье, доносившееся из-за мясистых губ, постепенно стихло. Фэйгин придвинулся к костлявому ПВЦ поближе.

Дональдсон подобрал рассыпанные по полу диски с записями и выпрямился.

— Наверное, стоит распорядиться насчет охраны.

Хелен уже двинулась к панели внутренней связи.

— Я об этом позабочусь, — заверила она собравшихся.

Доктор Мартин бочком подобралась к Джейкобу и шепнула:

— Вопрос перешел в сферу компетенции Министерства внешних сношений. Пора передать дело в их руки.

Джейкоб помотал головой.

— Нет. Пока рано. Осталось выяснить еще кое-что.

Де Сильва положила трубку.

— Они прибудут с минуты на минуту. А пока

можешь продолжать, Джейкоб. Ты ведь не договорил?

— Да, осталось обсудить еще два момента. Во-первых, вот. — Он вытащил из лежавшего на столе мешка парашлем Буббакуба. — Полагаю, эту штуку стоит надежно запереть. Не знаю, помнит ли кто-то из вас, но в тот день на борту солнечного корабля, когда у меня сорвало крышу, Буббакуб таращился на меня, а на голове у него был этот самый шлем. Когда мною пытаются управлять, я прихожу в бешенство, уважаемый Буббакуб. Зря вы это затеяли.

Буббакуб в ответ лишь взмахнул лапой, Джейкоб не рискнул предположить, что может означать этот жест.

— И наконец, касаемо гибели шимпанзе Джеффри. На самом деле это самое простое. Буббакуб располагал практически всей доступной информацией о применяемых в проекте «Погружение в Солнце» галактических технологиях… я имею в виду те аспекты, которых земные ученые даже не касались. Есть лишь косвенные улики, которые указывают, что, когда полностью автоматизированный корабль Джеффа взорвался, Буббакуб, проигнорировав доклад доктора Кеплера, работал на вышке лазерной связи. К суду его за это

не привлечешь, да это и не важно, поскольку на пилов распространяется экстерриториальная неприкосновенность. Единственное, что нам под силу, это добиться его депортации.

Еще одна труднодоказуемая гипотеза: что Буббакуб ввел ложные данные в космическую систему идентификации, то есть систему, непосредственно связанную с Библиотекой в Ла-Пасе, состряпав фальшивую справку, что Ларок — поднадзорный. С мотивами все ясно. Это был прекрасный отвлекающий маневр. Все настолько поверили в виновность Ларока, что никому и в голову не пришло перепроверить телеметрические данные с корабля Джеффа. Я, кажется, припоминаю, что проблемы возникли почти сразу, как он включил свои камеры для макросъемки — идеальное пусковое устройство отложенного действия. Но как бы то ни было, мы уже вряд ли узнаем правду. Сейчас телеметрические данные наверняка уже похищены, а то и уничтожены.

— Джейкоб, Кулла просит тебя остановиться, — просвистел Фэйгин. — Пожалуйста, пил Буббакуб и так уже достаточно скомпрометирован. Нет смысла усугублять ситуацию.

В дверях возникло трое вооруженных охранников. Они вопросительно посмотрели на Хелен. Та

велела им пока подождать.

— Минуточку, — снова заговорил Джейкоб. — Мы еще не разобрались с самым важным вопросом: с мотивами Буббакуба. С какой стати высокопоставленный софонт, представитель престижной галактической организации, пустился во все тяжкие и не погнушался ни воровством, ни подлогом, ни манипуляциями с сознанием, ни даже убийством?

Начнем с того, что у Буббакуба был личный повод ненавидеть как Джеффри, так и Ларока. Джеффри оскорблял его самим фактом своего существования: его раса получила статус разумной всего каких-то лет сто тому назад, а он уже смеет огрызаться. Присущее Джеффу нахальство и его дружба с Куллой лишь подпитывали гнев Буббакуба. Но думаю, главная причина ненависти была не в этом, а в том, что символизирует весь биологический вид шимпанзе. Они наряду с дельфинами автоматически обеспечивали неотесанному и вульгарному человечеству высокую ступеньку в иерархической лестнице. Пилам пришлось добиваться аналогичного статуса целых полмиллиона лет. Похоже, Буббакуба злит, что нам все дается слишком легко. Что же касается Ларока, то Буббакуб просто питает к нему анти-

патию. Тот чересчур болтлив и бесцеремонен.

Журналист презрительно фыркнул.

— А может, его оскорбило высказанное Ларроком предположение, что нашими патронами могли быть соро. Галактический бомонд всегда косо посматривал на расы, бросающие своих клиентов на произвол судьбы.

— Но это слишком личные и мелкие мотивы, — возразила Хелен. — Нет ли чего-нибудь повесомее?

— Джейкоб, — вмешался Фэйгин, — прошу тебя…

— Разумеется, у Буббакуба была и другая причина, — сказал Джейкоб. — Он хотел покончить с проектом «Погружение в Солнце», дискредитировав при этом саму идею независимых исследований и повысив престиж Библиотеки. План был прост: обставить все так, будто ему, пилу, удалось установить контакт в ситуации, где люди потерпели фиаско, состряпать дезу, очернив «Погружение в Солнце» и изобразив его как заведомо провальную затею. Затем оставалось лишь подделать библиотечный отчет, чтобы тот подтвердил его россказни о солярианах, и в результате положить конец программе погружений.

Вероятно, больше всего Буббакуба раздражало, что Библиотека оказалась не на высоте и не располагала сведениями об обитателях Солнца. И именно подделка того злополучного сообщения грозит ему серьезнейшими последствиями по возвращении на родину. За подобный проступок у них предусмотрена куда более серьезная кара, чем у нас за убийство шимпанзе.

Буббакуб медленно поднялся, тщательно пригладил мех и хлопнул в ладоши.

— Весьма ос-тро-ум-но, — прокомментировал он выступление Джейкоба. — Только логика хромает… бьете мимо цели. Возвели целую теорию, а фундамент-то у нее хлипкий. Люди так навсегда и останутся никчемной недоразвитой расой. Больше не намерен разговаривать на вашем тупом земном наречии.

С этими словами он сорвал с себя водор и швырнул его на стол.

— Прошу прощения, пил Буббакуб, — заговорила Хелен. — Но, похоже, нам придется ограничить вашу свободу передвижения до получения инструкций с Земли.

Джейкоб ожидал, что пил кивнет или пожмет плечами, но пришелец повел себя иначе, хотя и этот его демонстративный жест выражал безраз-

личие. Он отвернулся и с торжественным видом покинул зал — маленькая, кургузая, исполненная достоинства фигурка в сопровождении громил-конвоиров.

Хелен де Сильва подобрала нижнюю половину «реликвии летани» и задумчиво взвесила ее в руках. А потом стиснула зубы и что было силы швырнула поддельным сокровищем в дверь.

— Убийца, — пробормотала она.

— Это станет для меня хорошим уроком, — произнесла доктор Мартин. — Никогда не доверяй расам старше тридцати миллионов.

Джейкоб погрузился в оцепенение. Еще недавно владевшее им возбуждение улетучивалось слишком быстро, оставляя после себя отходняк и опустошенность — возвращение к рациональности происходило за счет потери целостности. Вскоре он начнет сомневаться, правильно ли поступил, когда выложил все чохом, безудержно похваляясь своими дедуктивными способностями.

Реплика доктора Мартин привела его в чувство.

— Только старше тридцати? — усмехнулся он.

Фэйгин усаживал Куллу на стул. Джейкоб направился к ним.

— Прости, Фэйгин, — сказал он. — Надо было предупредить тебя заранее, посоветоваться. Теперь могут возникнуть сложности, последствия, которых я не предусмотрел. — Джейкоб потер лоб ладонью.

— Ты просто дал волю той части своей натуры, которую обычно сдерживаешь, — тихо просвистел инопланетянин. — Не понимаю, почему ты в последнее время так неохотно прибегаешь к своим знаниям и умениям, но на сей раз, восстанавливая справедливость, ты выложился по полной. Это здорово, что ты стал не так суров к себе. А о том, что тут произошло, не переживай. Истина превыше всего, ее не может перевесить ни ущерб от излишнего рвения, ни побочные эффекты от использования слишком долго дремавших в тебе навыков.

Джейкобу хотелось объяснить другу, как глубоко тот заблуждается. «Умения», которым он дал волю, были куда шире, чем представлялось кантену. Они являли собой заключенную в его теле смертоносную силу. Джейкоб опасался, что его сегодняшняя выходка принесет больше вреда, чем пользы.

— Как ты думаешь, что нас ждет? — устало спросил он.

— Полагаю, человечество обнаружит, что у него есть могущественный враг. Ваше правительство выступит с протестом. Чрезвычайно важно, как оно это сделает, но на ключевые факты это не повлияет. Официально пилы, конечно, открестятся от неблаговидных действий Буббакуба. Но все они надменны и спесивы, если ты простишь мне столь резкую и оправданно суровую характеристику собратьев-софонтов.

Еще мне кажется, что это всего лишь один из промежуточных результатов в длинной цепи событий. Не стоит тревожиться и мучить себя. Не ты заварил эту кашу. Ты лишь оповестил человечество об опасности. Рано или поздно это должно было случиться. Так всегда бывает с расами-сиротами.

— Но почему?

— А это, мой высокочтимый друг, и есть одна из загадок, которые я пытаюсь разгадать. Возможно, это слабое утешение, но знай, что в Галактике многие хотят, чтобы человечество выжило. Некоторые из нас… очень о вас пекутся.

20
Современный препарат

Джейкоб прижался к резиновому ободку окуляра и снова увидел одинокую голубую точку, пляшущую и мерцающую в черноте сканера сетчатки. На этот раз он попытался не фокусироваться на ней и не обращать внимания на ее дразнящие посулы, терпеливо ожидая появления третьей тахистоскопической картинки.

Она возникла неожиданно, заполнив все поле зрения трехмерным изображением в приглушенных оттенках сепии. Гештальт, полученный Джейкобом в первый миг, когда он еще не успел сфокусироваться, являл собой пасторальную сценку. На переднем плане была изображена упитанная полногрудая женщина в старинном платье, она торопилась, и ее пышные юбки развевались при беге. На горизонте виднелись темные устрашающие тучи, нависавшие над сельскохозяйственными постройками, приютившимися на холме. Слева еще какие-то люди… кажется, танцуют? Нет, дерутся. Это солдаты. Лица у них взволнованные и… испуганные? Во всяком слу-

чае, женщина определенно была напугана и удирала, прикрыв голову руками, а за ней гнались двое мужчин в легкой броне, какую носили в XVII веке, у каждого в руках по мушкету с остро наточенным штыком. А еще…

Картинка померкла, на ее место вернулась голубая точка. Джейкоб прикрыл глаза и отодвинулся от окуляра.

— Ну вот и все, — объявила доктор Мартин, склонившись над компьютерной клавиатурой. Рядом с ней сидел доктор Лэрд. — Через минуту результат вашего П-теста будет готов.

— Вы уверены, что этого хватит? Картинок было всего три. — На самом деле он испытывал облегчение от того, что неприятная процедура осталась позади.

— Хватит, Питеру мы показывали пять, потому что в таких случаях рекомендуется двойной контроль. А у вас обычная проверка. Лучше присядьте и отдохните, пока мы тут заканчиваем.

Джейкоб прошел к ближайшему креслу, вытирая левым рукавом выступившую на лбу испарину. Тридцатисекундный тест казался ему пыткой.

Сначала ему показали мужской портрет. Грубое морщинистое лицо, на котором читалась вся

история жизни. Джейкоб разглядывал это лицо секунды две или три, а потом оно исчезло, как и все мимолетное, оставив в памяти со временем изгладившийся след.

Вторая картинка являла собой сбивающее с толку нагромождение абстрактных фигур, торчащих и налетающих друг на друга в статичном хаосе… что-то вроде геометрического орнамента вдоль кромки солнечного тороида, только без присущего солярианам сияния и логической целостности.

Третьей была та самая композиция, выдержанная в тонах сепии, — сюжет, очевидно, позаимствован с какой-нибудь старинной гравюры о Тридцатилетней войне[33]. Картинка однозначно была наполнена насилием, вспомнил Джейкоб, как раз чего-то такого и ждешь от П-теста.

После излишне театральной «сцены в гостиной» Джейкоб не решался входить даже в легкий, поверхностный, транс, чтобы привести в порядок расшалившиеся нервы. А без этого, как выяснилось, не получалось расслабиться. Он встал и подошел к компьютеру. По другую сторону ку-

[33] notes: 33

Тридцатилетняя война (1618–1648) — вооруженный конфликт за власть в Священной Римской империи и Европе, в который оказались так или иначе втянуты практически все европейские государства.

пола, возле стазис-экранов, бесцельно слонялся Ларок. Чтобы скоротать время ожидания, Джейкоб разглядывал длинные тени и ноздреватые скалы — типичный для меркурианского Северного полюса пейзаж.

— Можно взглянуть на предварительные итоги? — поинтересовался Джейкоб у Милдред.

— Конечно. Какое изображение вам показать?

— Последнее.

Мартин застучала по клавишам. Из щели под экраном вылезла распечатка. Доктор оторвала ее и протянула ему.

Это была все та же «пасторальная сцена». Конечно, теперь до него дошел истинный смысл нарисованного, но тогда, при прошлом просмотре, стояла иная задача: проследить его реакцию на изображение в первые несколько секунд, до того, как в игру вступит осознанное осмысление.

Поверх картины то вдоль, то поперек тянулась бесконечная ломаная линия. Возле каждого пика или ровного участка была проставлена цифра. Линия показывала, как перемещался фокус его внимания при первом кратком просмотре — сканер радужки отслеживал траекторию по движению его зрачков.

Цифра один находилась недалеко от центра, с

этой точки и начиналась линия. Вплоть до цифры шесть фокус внимания просто плавно скользил. А потом замер на соблазнительной ложбинке в декольте бегущей дамы. Там красовалась цифра семь, обведенная кружком.

Иногда номера стояли кучно: например, с семи до шестнадцати, затем с тридцати до тридцати пяти и с восьмидесяти двух до восьмидесяти шести.

После двадцати номера внезапно перескочили с женских ножек на тучи над фермой, а затем стали быстро перемещаться среди изображенных людей и объектов. Некоторые номера были заключены в кружок или квадрат, указывая на степень расширения зрачка, глубину фокусировки и скачки давления, измеряемого в крохотных венах, пронизывающих сетчатку. Выходит, импровизированный глазной сканер Стэнфорда-Пуркинье, который он собрал специально для тестирования из принадлежавшего доктору Мартин тахистоскопа и еще кучи всякой всячины, вполне справлялся со своими функциями.

Джейкобу хватило ума не смущаться и не пугаться своей рефлекторной реакции на нарисованную женскую грудь. Будь он женщиной, реакция могла бы оказаться иной: допустим,

тогда он уделил бы фигуре женщины больше внимания, но распределялось бы оно иначе, его бы больше интересовали прическа, наряд и лицо.

Куда сильнее его заботила собственная реакция на сцену в целом. Слева, возле дерущихся мужчин, стояла цифра, помеченная звездочкой. Она отражала момент, когда до него дошло: перед ним сцена насилия, а не мирная пастораль. Джейкоб удовлетворенно кивнул. Номер располагался довольно низко, а линия почти сразу уходила в сторону и возвращалась в ту же точку лишь через пять ударов сердца. Это свидетельствовало о здоровой дозе отвращения, на смену которому пришло явное, а не скрытое любопытство.

На первый взгляд, тест он вроде бы прошел успешно. Впрочем, на иной результат он и не рассчитывал.

— Интересно, сможет ли кто-нибудь в один прекрасный день научиться обманывать П-тест? — произнес Джейкоб, возвращая распечатку доктору Мартин.

— Может, когда-нибудь и научатся, — ответила она, собирая бумаги. — Но для этого придется изменить саму суть человеческой реакции на кратковременные стимулы… на изображения, которые сменяются с такой скоростью, что от-

реагировать успевает только подсознание. Это породит слишком много побочных эффектов и поведенческих моделей, которые обязательно проявятся в ходе теста.

А окончательный анализ очень прост: если все зафиксированные показатели внимания при сложении дают ноль или положительное число, то подопытного признают полноправным гражданином, отрицательная же сумма свидетельствует о склонности к нездоровым удовольствиям. Именно в этом, а не в индексе насилия и состоит суть теста.

Мартин обернулась к доктору Лэрду.

— Не правда ли, доктор?

Тот пожал плечами:

— Вы же специалист.

Он мало-помалу позволял Милдред снова завоевать его расположение, но так до конца и не простил ей того, что она назначала Кеплеру лекарства, не проконсультировавшись у него.

После недавнего обмена резкостями стало очевидно, что варфарин она Кеплеру не прописывала. Джейкоб вспомнил привычку Буббакуба на борту «Брэдбери» засыпать на чужой одежде, неосмотрительно оставленной среди подушек или на стульях. Должно быть, пил проделывал это

для отвода глаз, чтобы при случае сунуть Кеплеру в карман влияющий на психику препарат.

А что, ловкий ход. В результате Кеплер выбыл из числа участников последнего погружения. А ведь он, как человек проницательный, мог раскусить фокус с поддельной «реликвией летани». Кроме того, отклонения в поведении руководителя помогали Буббакубу и в достижении глобальной цели — подрывали авторитет проекта.

Все сходилось, однако, по мнению Джейкоба, все эти умозаключения напоминали порцию протеиновых хлопьев на обед. Сытно, но вкуса никакого. Полная тарелка гипотез и допущений.

Часть неблаговидных деяний Буббакуба уже была доказана. Остальные, видимо, так навсегда и останутся в области спекуляций и догадок, поскольку представитель Библиотеки обладал дипломатической неприкосновенностью.

К ним присоединился Ларок. Вид у французского репортера был подавленный.

— Каков вердикт, доктор Лэрд?

— Совершенно очевидно, что мистер Ларок не социопат, не склонен к насилию и не подпадает под Закон о надзоре, — размеренно произнес Лэрд. — Более того, он продемонстрировал довольно высокий уровень социальной

сознательности. Возможно, в этом отчасти и есть корень его проблем. В поведении мистера Ларока явно присутствует элемент сублимации, и я бы настоятельно рекомендовал ему по возвращении домой обратиться к местному специалисту. — Доктор строго поглядел на журналиста, тот лишь покорно кивнул в ответ.

— А что выявила контрольная проверка? — поинтересовался Джейкоб. Он прошел тест последним. Перед ним в кресле испытуемого успели побывать доктор Кеплер, Хелен де Сильва и трое выбранных случайным образом членов экипажа. Хелен не стала дожидаться предварительных результатов и, захватив с собой коллег, пошла контролировать проводимые в спешке предстартовые испытания солнечного корабля. Кеплеру врач зачитал заключение наедине, начальник экспедиции выслушал его с кислой миной, после чего, не скрывая раздражения, удалился.

Лэрд рассеянно помассировал переносицу.

— Итак, поднадзорных среди нас нет, как мы и подозревали после вашего импровизированного спектакля. Однако кое-кому из коллег не дают покоя проблемы и явления, суть которых я не вполне понимаю. Знаете, как тяжело деревенскому костоправу вроде меня снова почувствовать

себя в шкуре зеленого интерна и заглянуть пациентам в души? И если бы не помощь доктора Мартин, половину деталей я бы просто упустил из виду. Как ни крути, а сложно это — ковыряться в скрытых от посторонних глаз мрачных безднах души, особенно если речь о людях, которых я знаю и которыми восхищаюсь.

— Но ничего серьезного, надеюсь?

— Ничего, иначе вы бы не отправлялись в это скоропалительно организованное Хелен погружение! А Дуэйна Кеплера пришлось отстранить от полета из-за банальной простуды.

Лэрд покачал головой и извинился.

— Простите, все никак не привыкну. Но волноваться не о чем, Джейкоб. В вашем тесте есть несколько жутко странных выбрыков, но общая картина говорит о завидном душевном здоровье. Сумма показателей строго положительная, сомневаться в достоверности результатов нет причин. И все-таки кое-что меня смущает. Не стану вдаваться в подробности, чтобы вы не забивали себе голову, особенно накануне погружения. Однако буду признателен, если и вы, и Хелен после возвращения выкроите свободную минутку, чтобы заглянуть ко мне.

Джейкоб поблагодарил врача и направился

вместе с ним, доктором Мартин и Лароком к лифтам.

В далекой вышине вышка связи протыкала стазисный купол. Все кругом, кроме самих людей, оборудования и бугристых меркурианских скал, либо мерцало, либо тускло светилось. Солнце раскаленным желтым шаром повисло над грядой пологих холмов.

Приехал лифт. Милдред и Лэрд зашли в кабинку, Джейкоб собирался к ним присоединиться, но Ларок в последний момент схватил его за руку и задержал. Двери лифта закрылись, оставив их наедине.

— Мне нужна моя камера! — зашептал журналист.

— Без проблем, приятель. Комендант де Сильва обезвредила шокер, и, поскольку отныне вы официально признаны невиновным, можете забрать вашу игрушку в любой момент.

— А записи?

— Они у меня, и я их пока попридержу.

— Не суйте свой нос не в свое…

— Да хватит вам, Ларок, — застонал Джейкоб. — Попробуйте хотя бы разок для разнообразия прекратить строить из себя невесть что и допустите мысль, что у других тоже голова на плечах

имеется! Я хочу знать, зачем вы снимали звуковые ролики со стазис-генератором на корабле Джеффри! И что натолкнуло вас на мысль, что ими может заинтересоваться мой дядя?

— Я в неоплатном долгу перед вами, Демва, — медленно произнес Ларок. От сильного акцента не осталось и следа. — Но прежде чем ответить, мне нужно знать, совпадают ли ваши политические убеждения со взглядами вашего дяди.

— Вообще-то дядюшек у меня несколько, Ларок. Дядя Джереми заседает в Ассамблее Конфедерации, но я уверен, что с ним вы бы сотрудничать не стали! Дядя Хуан — отличный теоретик, но дальше разглагольствований дело не идет, к тому же он как огня боится проблем с законом… Рискну предположить, что вы имеете в виду дядю Джеймса, семейное посмешище. Вот с ним я во многом солидарен, даже в некоторых вещах, которые остальным семейством не одобряются. Но если он влип в историю и замешан в шпионаже, я не стану помогать ему рыть себе могилу… Тем более если он связался с какими-нибудь бездарными заговорщиками вроде вас. Может, вы и не убийца и не поднадзорный, Ларок, но то, что вы шпион, ясно как божий день! Осталось только выяснить, на кого вы работаете. Но я приберегу

эту загадку до возвращения на Землю. Там я, пожалуй, позову вас в гости, и вы с Джеймсом на два голоса попытаетесь убедить меня не сдавать вас властям. Ну как, честная сделка?

Ларок безропотно кивнул.

— Я подожду, Демва. Только смотрите не потеряйте записи, ладно? Ради них я прошел через ад. Не лишайте меня шанса уломать вас все вернуть.

Джейкоб поглядел на Солнце.

— Ларок, избавьте меня от вашего нытья. Ни в каком аду вы не побывали… но это пока.

Он развернулся и зашагал к лифтам. У него еще оставалось в запасе несколько часов — хватит, чтобы забраться в капсулу и как следует выспаться. И хорошо бы, чтобы его не беспокоили до самого отлета.

Часть VII

За всю историю эволюции не найдется больше ни одной трансформации, ни одного «качественного скачка», сравнимого по масштабам с этим. Никогда прежде образ жизни целого вида и его механизмы адаптации не менялись столь быстро и кардинально. Еще пятнадцать миллионов лет назад человеческий род мирно пасся среди других таких же животных и питался подножным кормом. С тех пор события развивались с фантастической скоростью… первые поселения земледельцев… города… мегаполисы… все это уместилось в один миг на эволюционной временной шкале, всего каких-то 10 000 лет.

***Джон Е. Пфайффер*[34]**

---

[34] notes: 34

Джон Е. Пфайффер (1914–1999) — американский антрополог, автор ряда научно-популярных книг.

21
Déjà pensé[35]

— Ты когда-нибудь задумывался, почему экипажи большинства наших звездолетов на семьдесят процентов состоят из женщин?

Хелен передала первую тубу с горячим кофе Джейкобу и снова принялась нажимать на кнопки, добывая еще одну порцию, на сей раз для себя.

Джейкоб откупорил крышку в полупроницаемой мембране, предохранявшей напиток от протекания, и выпустил ароматный пар наружу. Невзирая на инструкции, температура тубы была не слишком высокой — чтобы ее можно было держать в руках без особого дискомфорта.

Хелен хлебом не корми, дай только затронуть какую-нибудь щекотливую тему! Стоило им лишь оказаться наедине (насколько вообще возможно уединиться на открытой палубе солнечного корабля), как Хелен не упускала шанса заняться гимнастикой для ума. Как ни странно, Джейкоб не протестовал. За десять часов, прошедшие с

---

[35] notes: 35
Уже думал (*фр.*) — по аналогии с déjà vu — уже видел.

того момента, как они покинули Меркурий, эта интеллектуальная дуэль не раз здорово поднимала ему настроение.

— В юности мы с друзьями редко задумывались о причинах. Мы считали, что это просто дополнительный бонус за полет. А теперь нам кажется, что это дополнительный бонус за право для мужчины находиться на борту звездолета. — Из таких-то мыслей и рождаются пубертатные фантазии… — Кстати, чьи это слова? Джона Два Облака? Тебе случайно не доводилось читать его работы? Кажется, он родился в престижной части Лондона, так что ты вполне могла сталкиваться с его родителями.

Во взгляде Хелен читался упрек. Джейкоб в энный раз поборол искушение сообщить ей, что она очаровательна. Это была чистая правда, но какая зрелая женщина и опытный профессионал захочет, чтобы ей напоминали о том, что ямочки на ее щеках прелестны? К тому же возможный эффект от сказанного не стоил сломанной руки.

— Ну ладно, ладно, — он рассмеялся. — Не будем отклоняться от темы. Полагаю, такое соотношение мужчин и женщин связано с тем, что женщины лучше переносят серьезное ускорение, жару и холод… они вообще выносливее, и коор-

динация движений у них лучше. Видимо, это и делает их идеальными покорителями космоса.

Хелен отхлебнула из своей тубы.

— Да, не без того. А еще женщин, судя по всему, меньше укачивает во время прыжков. Но видишь ли, все перечисленные отличия не столь существенны. Во всяком случае, не настолько, чтобы компенсировать тот факт, что среди добровольцев, рвущихся в космос, преобладает мужской пол. К тому же экипажи кораблей, не покидающих пределы Солнечной системы, укомплектованы мужчинами более чем наполовину, а на военных судах мужчин и вовсе подавляющее большинство.

— Гм, насчет коммерческих и исследовательских кораблей не уверен, но подозреваю, что военных отбирают за боевые качества. Знаю, это пока не доказано, но предполагаю, что…

Хелен рассмеялась.

— Ох, не нужно строить из себя дипломата, Джейкоб. Разумеется, из мужчин получаются куда лучшие бойцы… хотя бы чисто статистически. Амазонки вроде меня — скорее исключение. На самом деле это и есть один из критериев отбора. В экипаж не должно попасть слишком много вояк.

— Но это же глупо! Звездолеты бороздят бес-

крайние просторы галактики, где по-прежнему полно уголков, недостаточно изученных сотрудниками Библиотеки. Вам приходится иметь дело с огромным количеством инопланетных рас, причем многие из них не отличаются уравновешенностью. К тому же Институты не запрещают межрасовых конфликтов. Если верить Фэйгину, они все равно бы не смогли этого добиться. Они ратуют лишь за то, чтобы все выглядело благопристойно.

— По-твоему, наши корабли в любой момент должны быть готовы к потасовке? — Хелен с улыбкой облокотилась о стену купола. В красных пятнах водородного альфа-излучения, исходящего из верхних слоев хромосферы, ее светлая шевелюра напоминала плотно прилегающую к голове шапочку. — Разумеется, в чем-то ты прав. Мы действительно должны быть готовы дать отпор. Но задумайся на секундочку о том положении, в котором мы с тобой оказались сейчас. Нам приходится контактировать буквально с сотнями разных биологических видов. Их всех объединяет одна черта, которой нам-то как раз решительно недостает: история и традиции, уходящие корнями на два миллиарда лет назад. И все эти годы они прибегали к услугам Библиотеки, попутно ее

пополняя, хотя и медленно.

Большая часть вышеупомянутых инопланетян — существа капризные, блюдущие свою выгоду и относящиеся к глупой расе-подкидышу из Солнечной системы с недоверием.

И что прикажешь делать, если нам бросит вызов какая-нибудь заштатная раса, из которой их давно вымершие предки пытались вырастить покорный говорящий скот и которая на данный момент располагает двумя мелкими террафор-мированными планетками по обе стороны от нашего единственного маршрута к колонии Омнивариум? Как быть, если эти создания, лишенные и амбиций, и чувства юмора, задержат наш корабль и запросят невероятную по размерам пошлину, допустим, сорок китовых песен?

Хелен помотала головой и нахмурилась.

— Разве не лучше при таких раскладах вступить в бой? Однажды жемчужину нашего флота, «Калипсо», под завязку набитую всем необходимым для выживания маленькой, но гордой колонии и кучей еще более драгоценных грузов, блокировала пара мелких древних посудин, явно купленных, а не построенных «разумными» верблюдами! — вспоминая об этом недоразумении, женщина невольно повысила голос. — Только

представь! Новое, красивое, хотя и примитивное судно, переоборудованное с применением лишь незначительной, усвоенной нами второпях крупицы галактических знаний, останавливают два допотопных корыта, зато построенные теми, кто прибегал к ресурсам Библиотеки всю свою жизнь.

Хелен на миг умолкла и отвернулась.

Джейкоб был тронут, но еще сильнее — польщен. Он успел изучить Хелен достаточно хорошо, чтобы понять: подобная откровенность свидетельствует о громадном доверии.

Причем благодарить за их сближение стоило в основном ее. «Она задает такие вопросы: о моем прошлом, семье, о моих чувствах, — которые я сам задать ей, прячущейся за красивой оболочкой, почему-то не решаюсь. Сам не пойму, что меня останавливает. Нам ведь есть о чем поговорить».

— Видимо, лучше не лезть в драку, потому что есть шансы проиграть, — тихо произнес он.

Де Сильва обернулась и кивнула. Потом дважды кашлянула, прикрыв рот кулачком.

— О, у нас найдется в загашнике пара хитростей, способных удивить кого угодно просто потому, что в нашем распоряжении не было Би-

блиотеки, а кроме нее они ничего не знают. Но эти козыри полезнее придержать в рукаве — на черный день. А пока мы улещиваем их, лебезим, подкупаем, поем им гимны и бьем чечетку… а когда все это не помогает, то улепетываем.

Джейкобу представилось столкновение с грузовым судном пилов.

— Порой улепетывать ужасно тяжело.

— Да, но у нас есть тайный способ сохранять самообладание в любой ситуации. — Лицо Хелен слегка прояснилось. На мгновение в уголках улыбающихся губ снова возникли соблазнительные ямочки. — Вот одна из главных причин, почему экипаж состоит по большей части из женщин.

— Да ладно! Женщины склонны мстить обидчикам ничуть не меньше, чем мужчины. Это само по себе ничего не гарантирует.

— Нет, не всегда. — Хелен снова принялась разглядывать собеседника с этаким оценивающим выражением. Джейкобу на секунду показалось, что она сейчас продолжит. Но его собеседница лишь пожала плечами.

— Давай присядем, — предложила она. — Я хочу тебе кое-что показать.

Обогнув внутренний купол, они прошли в ту часть корабля, куда обычно не заглядывали ни

персонал, ни пассажиры. Туда, где округлая кромка палубы парила в двух метрах от корабельной обшивки.

Там, где стазисный экран выгибался под ногами, мерцающее свечение хромосферы призрачно преломлялось. Узкая полоска силового поля пропускала свет, слегка его искажая. С того места, где они остановились, была видна часть Большого Пятна; его конфигурация с момента последнего погружения успела порядком измениться. В точке наложения силового поля солнечное пятно, покрытое рябью, сверкало и пульсировало гораздо чаще.

Хелен медленно опустилась на палубу и подобралась к самому краю. Посидела так некоторое время, подтянув колени к подбородку, всего в паре дюймов от мерцания. Потом облокотилась о палубу и свесила ноги в силовое поле.

Джейкоб нервно сглотнул.

— Не ожидал от тебя.

Он наблюдал, как она вяло болтает ногами. Казалось, те двигались в густом сиропе, гладкая поверхность ее комбинезона словно ожила и подернулась рябью.

Затем она выпрямила ноги и без видимых усилий задрала их выше палубы.

— Хммм, кажется, с ними все в норме. Хотя погрузить их еще глубже не удается. Видимо, силовое поле под тяжестью моих ног просто прогибается. Во всяком случае, когда я это проделывала, не возникло ощущения, будто нижняя часть тела перевернулась вверх тормашками.

Она снова свесила ноги с палубы.

У Джейкоба чуть не подогнулись колени.

— То есть ты хочешь сказать, что делаешь это впервые?

Хелен подняла на него взгляд и широко улыбнулась.

— Думаешь, я перед тобой рисуюсь? Наверное, так и есть, я действительно пыталась произвести впечатление. Впрочем, я не сумасшедшая. После твоего рассказа о Буббакубе и его трюках с пылесосом я тщательно перепроверила расчеты. Это совершенно безопасно, так что можешь ко мне присоединиться!

Джейкоб оторопело кивнул. В конце концов, по сравнению с остальными чудесами и необъяснимыми явлениями, с которыми он столкнулся, покинув Землю, это сущие пустяки. Главное — не пытаться вникнуть, — велел он себе, — а не то голову сломаешь.

Силовое поле и впрямь напоминало густой

сироп, и чем глубже, тем более вязким он становился. Поле пружинило и выталкивало ноги обратно.

Ошарашивало, что штанины комбинезона шевелились сами по себе, как живые.

Хелен хранила молчание, а Джейкоб из деликатности не решался его прервать. Что-то явно не давало ей покоя.

— То, что произошло на Убийственном шпиле… эта история правдива? — спросила наконец де Сильва, не глядя на собеседника.

— Да.

— Должно быть, она была необыкновенной.

— Так и есть.

— Чтобы перепрыгнуть с одного шара на другой на высоте двадцати миль, нужно быть невероятно смелой. Но одной смелости тут мало…

— Она пыталась отвлечь их внимание, пока я обезвреживал взрывное устройство. Не нужно было позволять ей… — собственный голос доносился до Джейкоба как будто со стороны, далекий и приглушенный. — Но я думал, что успею защитить ее… Понимаешь, у меня было одно приспособление…

— Наверняка она и во всем остальном была неординарной личностью. Жаль, что нам не до-

велось познакомиться.

До Джейкоба вдруг дошло, что собственный ответ ему примерещился. А вслух он так ничего и не сказал.

— Э-э… да, Хелен. Вы с Таней понравились бы друг другу. — Он заставил себя встряхнуться. Ни к чему распускать нюни, до добра это не доведет. — Но мы, кажется, отклонились от темы. Вроде бы речь шла о соотношении мужчин и женщин в экипажах космических кораблей?

Хелен буравила взглядом свои ноги.

— Никуда мы не отклонялись, — тихо возразила она.

— Разве?

— Точно. Мы говорим всё о том же. Помнишь, я упоминала, что есть способ сделать преимущественно женский экипаж более осторожным при контактах с пришельцами… гарантировать, что они не вступят в бой, а попытаются спастись?

— Да, но…

— А известно ли тебе, что человечество уже основало целых три колонии, но расходы на перевозку пассажиров слишком велики, поэтому рост генофонда в изолированных колониях успел стать насущной проблемой? — Хелен говорила торопливо и сбивчиво, будто тема была для нее

слишком щекотливой. — Когда мы вернулись из первого полета, то обнаружили, что снова была принята Конституция. Конфедерация постановила, что во второй и последующие полеты женщины-космонавты отныне отправляются не принудительно, а только по желанию. И тем не менее многие из нас выразили такое желание.

— Я… я не понимаю…

Хелен посмотрела на него с улыбкой.

— Что ж, может быть, еще рано. Но учти: через несколько месяцев я отправляюсь в новую экспедицию на «Калипсо», а перед этим нужно заняться кое-какими приготовлениями. И тут выбор только за мной.

Она пристально поглядела ему в глаза.

У застигнутого врасплох Джейкоба отвисла челюсть.

— Ну ладно! — Хелен потерла ладонями колени, явно собираясь встать. — Похоже, нам пора возвращаться. Мы уже неподалеку от активной области, я должна быть на посту и контролировать процесс.

Джейкоб поспешно вскочил и протянул ей руку, помогая подняться. Этот старомодный жест не показался никому из них смешным.

По пути к рубке они задержались, чтобы про-

верить параметрический лазер. Заслышав их шаги, главный механик Дональдсон оторвался от прибора.

— Привет! Думаю, эта штуковина настроена и готова к работе. Хотите посмотреть?

— Конечно. — Джейкоб опустился на корточки возле устройства. Станина прибора была привинчена к палубе, а тонкий вытянутый многокамерный корпус покачивался на шарнирном креплении.

Хелен перешагнула через прибор, заходя с другой стороны, и мягкая ткань ее правой штанины легко скользнула по его руке. Джейкобу и без того никак не удавалось сосредоточиться на деле, и это ее мимолетное движение только добавило в мысли сумятицы.

— Этот лазер, — заговорил Дональдсон, — мой скромный вклад в попытки установить контакт с Солнечными Призраками. Раз уж приборы, фиксирующие паранормальную активность, нам не помощники, то почему бы не попробовать пообщаться с ними тем же манером, что и они с нами, то есть визуально?

Как вам, вероятно, уже известно, большинство лазеров функционирует в одном-двух весьма узких диапазонах спектра, в основном на уровне

атомного и молекулярного перехода. Этот малыш не такой: он способен испускать волны любой длины, какой захотите, стоит только покрутить ручки. — Он указал на три рукоятки на передней части станины.

— Да, я наслышан о параметрических лазерах, — сказал Джейкоб, — хотя воочию до сего дня с ними не сталкивался. Надо полагать, штука довольно мощная, раз может пробиться сквозь наши экраны и сохранить достаточную для Призраков интенсивность.

— Когда-то, в прошлой жизни, — с иронией протянула де Сильва (она часто апеллировала к тому отрезку своей биографии, который предшествовал экспедиции «Калипсо», в язвительном тоне и слегка ощетинившись), — мы умели производить разноцветные лазеры с гибкой настройкой, работавшие на оптических пигментах. Они обладали солидной мощностью, были эффективны и невероятно просты в управлении. — Хелен улыбнулась. — Сплошная идиллия, до тех пор, пока не разольешь краситель. Но уж если разлил, то пиши пропало! За что я глубоко благодарна галактической науке, так это за то, что мне больше никогда не придется вытирать с пола лужи

родамина 6G[36]!

— Неужели вы действительно могли настроиться на любую часть видимого спектра по одной-единственной молекуле? — недоверчиво уточнил Дональдсон. — И от чего же накачивался этот ваш «красочный лазер»?

— Иногда от импульсных ламп. Хотя обычно прибор работал за счет протекавших внутри него химических реакций с высвобождением органической энергии молекул, например сахаров. Для заполнения всего видимого спектра использовалось несколько разных красителей. За зеленую и синюю части диапазона отвечал главным образом полиметилкумарин. Чтобы настроиться на оттенки красного, применяли родамин и еще несколько других красителей. Впрочем, все это уже дела давно минувших дней. А мне не терпится узнать, что за дьявольский план вы с Джейкобом состряпали на этот раз! — Хелен опустилась на палубу неподалеку от Джейкоба и, не обращая внимания на главного механика, уставилась на своего спутника откровенно оценивающим взглядом, от которого ему сделалось не по себе.

---

[36] notes: 36

Флуоресцентный краситель, используется в биотехнологии для ряда анализов.

— Ну, — начал Джейкоб, сглотнув застрявший в горле комок, — на самом деле всё довольно просто. Всходя на борт «Брэдбери», я прихватил с собой обширную подборку китовых и дельфиньих песен — на случай, если Призраки до кучи окажутся еще и ценителями поэзии. Когда Дональдсон упомянул о своей идее направить на них для общения лазерный луч, я охотно поделился записями.

— А еще мы добавим видоизмененный вариант старого математического кода. Это тоже его работа, — Дональдсон с ухмылкой кивнул на Джейкоба. — Я-то вряд ли опознаю числа Фибоначчи[37], хоть ты мне их под нос суй! Но Джейкоб говорит, что это один из древних приемов налаживания контакта.

— Он прав, — подтвердила де Сильва. — Хотя мы ни разу не прибегали к математическим кодам со времен «Везария». Библиотека взяла все заботы по достижению взаимопонимания между любыми обитателями космоса на себя, так что

---

[37] notes: 37

Числа или последовательность Фибоначчи — последовательность (0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21 и т. п.), в которой первые два числа равны либо 0 и 1, либо 1 и 1, а каждое последующее равно сумме двух предыдущих. Последовательность названа в честь крупного европейского математика Леонардо Пизанского (ок. 1170 — ок. 1250) по прозвищу Фибоначчи (сокращение от латинского «filius Bonacci» — сын Боначчи).

необходимость в старых до-Контактовских кодах отпала сама собой.

Она легонько подтолкнула хрупкий корпус. Прибор плавно развернулся на шарнирах.

— Вы ведь не допустите, чтобы он вот так болтался, когда включите лазер?

— Конечно, нет. Мы зафиксируем корпус, чтобы лазерный луч проходил строго по радиусу корабля. Это сведет на нет риск возникновения внутренних отражений — вы ведь именно их опасаетесь, да? Кроме того, при включенном лазере нужно носить вот такие очки. — Дональдсон выудил из лежащего рядом с прибором мешка пару очков с толстыми темными окулярами, плотно прилегающими к лицу. — Хотя излучение безопасно для сетчатки, это необходимая, по мнению доктора Мартин, мера предосторожности. У нее настоящий пунктик насчет влияния интенсивного свечения на восприятие и психику в целом. Едва прибыв на базу, она все тут перерыла, пока не нашла на борту источники яркого света, которые раньше никто и не замечал. Дескать, эти-то лампы и повинны в «массовых галлюцинациях». А когда увидела солнечную живность своими глазами, враз по-другому запела!

— Пожалуй, мне пора вернуться к своим обя-

занностям, — провозгласила Хелен. — Я и так слишком задержалась. Мы, должно быть, совсем близко к цели. Буду держать вас в курсе событий.

Мужчины церемонно поднялись, провожая ее, а она улыбнулась и упорхнула.

— Знаете, Демва, сначала мне показалось, что вы псих, потом я убедился, что с головой у вас полный порядок, а теперь вот опять начинаю сомневаться…

Джейкоб снова опустился на корточки.

— Как это?

— А так: стоит этой дамочке всего лишь свистнуть, и любой из известных мне самцов тут же отрастит хвост и радостно им завиляет. Просто не верю, что вы равнодушны к ее чарам. Хотя, конечно, меня это не касается.

— Совершенно верно, не касается. — Джейкоб встревожился: неужели настолько заметно? Ему захотелось поскорее покончить с возложенной на них миссией, чтобы ничто не отвлекало его внимание от назревающего романа с Хелен.

Он пожал плечами. С тех пор как их корабль покинул земную орбиту, этот жест уже почти вошел в привычку.

— Лучше сменим тему. Я тут поразмыслил на-

счет внутренних отражений. Вам не приходило в голову, что кто-то просто мог затеять грандиозный розыгрыш?

— Розыгрыш?

— Ну, все эти Солнечные Призраки. Достаточно было протащить на борт какой-нибудь голографический проектор…

— Исключено. — Дональдсон покачал головой. — Это было первое, что мы проверили. К тому же вряд ли кто-то додумался бы до такого замысловатого и прекрасного образа, как стадо светящихся тороидов. Да и проекция таких масштабов, заполняющая все поле зрения, непременно выдала бы себя, ведь с обратной стороны корабля тоже размещены бортовые камеры!

— Ну хорошо, стадо, может, и настоящее, а что вы думаете о «человекообразных» Призраках? Они не такие крупные, довольно простые по форме, а то, как они уворачиваются от камер, вращаясь быстрее нас и всегда оставаясь у нас над головой, наводит на подозрения.

— Что тут скажешь, Джейк… По этой самой причине все оборудование, доставляемое на борт, и все личное имущество тщательно проверяется. Никакого проектора пока не нашли, да и где его можно спрятать, палуба-то целиком

просматривается! Признаюсь, я тоже ловил себя на подобных мыслях. Но не представляю, каким образом кому-то удалось бы провернуть такой трюк.

Джейкоб неторопливо кивнул. Доводы Дональдсона выглядели вескими. Да и как гипотетический злоумышленник смог бы скоординировать свою проекцию с Буббакубовым шоу, в ходе которого маленький пил применил реликвию летани? Версия, конечно, изящная, но неправдоподобная.

Далекие заросли спикул пульсировали, словно раскачивающиеся фонтаны. Отдельные протуберанцы, перечеркивая друг друга, вспыхивали и гасли вдоль границы медленно пульсирующего очага грануляции, заслонявшего половину неба. В центре него виднелось Большое Пятно — гигантский черный зрачок, окруженный докрасна раскаленными участками.

Поодаль была заметна кучка темных фигур, сгрудившихся вокруг приборной доски, — кто в полный рост, а кто на коленях. В заливавшем корабль малиновом зареве фотосферы лиц было не различить, одни очертания.

Однако были среди столпившихся возле рубки два сгустка тьмы, опознаваемых безошибочно.

Высокий и щуплый Кулла стоял в стороне от остальных, указывая вперед, на клочковатое, дугообразно изогнутое волокно, повисшее над Пятном. Дуга медленно увеличивалась в размерах, ощутимо надвигаясь.

От толпы отделилась еще одна фигура, спутать которую с кем-то было невозможно. Дергаясь и раскачиваясь, силуэт двинулся к Джейкобу и инженеру. Округлая верхняя часть была крупнее нижней, из-за чего силуэт напоминал воздушный шар на веревочке.

— Вот где можно спрятать проектор! — Дональдсон кивком указал на густую раскидистую крону приближавшегося дерева.

— Что? Фэйгин?! — шепотом переспросил Джейкоб, хотя, услышь кантен его слова, вряд ли он бы что-то понял. — Да вы смеетесь, что ли? Он же участвовал всего в двух погружениях.

— Угу, — задумчиво протянул главный механик. — И тем не менее все эти ветки, листва… Я бы скорее решил перетряхнуть в поисках контрабанды подштанники Буббакуба, чем сунулся в эти заросли.

Джейкобу на миг померещилась в голосе механика какая-то подколка. Он покосился на собеседника, но тот стоял с абсолютно непрони-

цаемым лицом. Уже одно это было для простака Дональдсона маленьким чудом. Не мог же он вдобавок еще и упражняться в острословии!

Они оба поднялись навстречу Фэйгину. Кантен жизнерадостно прощебетал приветствия. Если он и успел уловить, о чем они беседовали, то не подал виду.

— Комендант де Сильва выразила мнение, что погодные условия на Солнце поразительно благоприятны. Она сказала, что нельзя упустить столь редкий шанс решить кое-какие загадки солнечной физики, не связанные с Призраками. Необходимые измерения займут совсем немного времени. Гораздо меньше, чем мы сэкономим благодаря превосходной погоде. Иными словами, друзья мои, у вас остается на подготовку около двадцати минут.

Дональдсон присвистнул, подозвал Джейкоба, и мужчины принялись колдовать над лазером, фиксируя его в определенном положении и проверяя, на месте ли диски с записями, которые они собирались транслировать.

В нескольких метрах от них доктор Мартин лихорадочно копалась в своем контейнере в поисках какого-то мелкого оборудования. На голове у нее уже красовался парашлем, и Джейкоб

готов был поклясться, что до него доносилось ее приглушенное бормотание: «Уж сейчас-то ты со мной *заговоришь*, черт тебя побери!»

22
Делегация

«Для чего нужны эти создания, сотканные из света? В чем цель их существования?» — спрашиваем мы. Но не лучше ли задаться вопросом: а для чего существует человек? Наша задача в том, чтобы ползать, не обращая внимания на боль в метафорических коленках, и, по-детски гордо задрав подбородок, заявлять на всю вселенную: «Глядите, я человек! Я ползаю, хотя все остальные уже давно научились ходить! Но разве это не здорово, что я могу проползти где угодно?»

Если верить неолитикам, «отличительной чертой» человека как раз и является приспособляемость. Он не умеет бегать быстро, как гепард, и все же бегает. Он не такой искусный пловец, как выдра, и тем не менее он плавает. Он не отличается зоркостью ястреба и не хранит запасы еды в защечных мешках. Поэтому он должен тренировать зрение и создавать из обломков и огрызков, исторгнутых истерзанной землей, разнообразные инструменты: не только чтобы лучше видеть, но и чтобы обогнать гепарда и выдру. Он спосо-

бен пересечь ледяную арктическую пустыню, переплыть тропическую реку, вскарабкаться на дерево, а по завершении долгого пути построить уютный отель. Там он примет душ, приведет себя в порядок и сможет за обедом похвалиться своими приключениями перед друзьями.

И все-таки на протяжении всей своей истории наш герой постоянно испытывал недовольство. Он жаждал знать, какая роль отведена ему в этом мире. Он надрывал глотку. Он требовал ответа на вопрос, для чего он здесь. Но бесчисленные звезды взирали на него с улыбкой, храня глубокомысленное и неоднозначное молчание.

Ему страстно хотелось постичь свое предназначение. Не получив желаемого, он стал срывать гнев и отчаяние на других существах, своих собратьях. Его окружали «специалисты», каждый из которых знал отведенную ему роль, и человек ненавидел их за это. Они превратились в его рабов, его поставщиков белка, стали жертвами его губительной ярости.

Со временем приспособляемость привела к тому, что мы перестали нуждаться в ком-либо, кроме самих себя. Биологические виды, чьи потомки могли в один прекрасный день достигнуть величия, обращались в прах в бойне во имя чело-

веческого эгоизма.

Нам сказочно повезло, что незадолго до Контакта мы озаботились наконец сохранением окружающей среды — только это и спасло нас от праведного гнева старших рас. Хотя только ли в везении дело? Разве не странно, что первые высказывания Джона Мьюра и его последователей о бережном отношении к природе по времени практически совпали с первыми подтвержденными свидетельствами «посещений» нашей планеты представителями иных цивилизаций?

И вот, очутившись здесь, в крохотном воздушном пузырьке, со всех сторон окутанном обманчивой розовой дымкой, ваш покорный слуга в который раз задается вопросом о цели человеческого существования. Быть может, эта цель в том, чтобы служить наглядным примером? В чем бы ни заключался первородный грех, отвративший от нас много лет назад наших патронов, мы продолжаем его искупать, превратив свою жизнь в трагифарс.

Остается лишь надеяться, что наши соседи, с интересом, а нередко и с неприязнью понаблюдав, как мы, существа, созданные по их образу и подобию, нелепо и бесцельно копошимся в юдоли скорби, не только вдоволь посмеялись, но

и извлекли некий полезный урок».

Пьер Ларок надавил большим пальцем на кнопку, останавливая запись, и нахмурился. Нет, концовка никуда не годится. Слишком много горечи. Интонация не столько колкая, сколько плаксивая. Положа руку на сердце, нужно переделать все, от начала и до конца. Статье недостает легкости и изящества. Фразы какие-то натужные.

В левой руке он сжимал тубу с напитком. Немного отхлебнув, журналист принялся рассеянно поглаживать усы. Корабль выровнялся, и перед взором Ларока медленно поднялась в небо сверкающая вереница кружащихся тороидов. Маневр занял куда меньше времени, чем он рассчитывал. Пора завязывать с лирическим отступлением о нелегкой участи человечества. В конце концов, об этом можно написать и в любой другой день.

А вот небесный спектакль, который разворачивался сейчас перед ними, был событием экстраординарным.

Он снова нажал на кнопку и произнес:

— Не забыть переписать. Больше иронии, сделать акцент на преимуществах некоторых видов специализации у других рас. Попутно упомянуть тимбрими и их уникальную приспособляемость

— намного выше, чем у нас. Не растекаться, кульминация — оптимистичный прогноз в случае, если *все* человечество объединится.

До сих пор устремленное к небу стадо состояло только из мелких колец, от которых корабль отделяло километров пятьдесят, а то и больше. Но вот в поле зрения вместе с тонкой полоской фотосферы вплыло главное действующее лицо. Ближайший тороид, пронзительно-бирюзовый и кружащийся вокруг своей оси, был настоящим гигантом. Вдоль кромки тянулись тонкие синие линии, которые время от времени резко смещались и перевивались, создавая интерференционный муар. Вокруг «пончика» мерцал белый ореол.

Ларок вздохнул. Перед ним стояла самая ответственная за всю его карьеру задача. Как только снимки обитателей Солнца попадут в прессу, публика вплоть до его собственного дворецкого-шимпанзе начнет придирчиво проверять, соответствует ли его текст величию момента. А меж тем сам он сейчас испытывал чувства, противоположные тем, какие надеялся пробудить у читателя. Чем глубже в Солнце погружался корабль, тем отрешеннее становился журналист. Ему казалось, что ничего этого на самом деле нет.

Инопланетные существа выглядели какими-то ненастоящими.

При этом Ларок вынужден был признаться себе, что ему страшно.

«Найденные по счастливой случайности редчайшие жемчужины, нанизанные на ожерелья из лучистых изумрудов. Может статься, в незапамятные времена здесь затонул какой-нибудь галактический галеон, рассыпав свои сокровища по перистым огненным рифам. И теперь эти диадемы в полной безопасности: они по-прежнему сверкают, не подвластные времени, и никакой охотник за драгоценностями никогда не уволочет их отсюда, сунув в мешок.

Они бросают вызов логике, ведь их здесь быть не должно. Они бросают вызов и истории, ведь о них не осталось упоминаний. Они противятся не только власти человеческих орудий, но и мощи всей Галактики, наших далеких предков.

Они невозмутимы, как Бомбадил[38]. Им нет дела до вечной грызни кислородо– и водородо-

---

[38] notes: 38

Том Бомбадил — персонаж произведений Джона Р. Р. Толкина, фигурирует в трилогии «Властелин колец». Бородатый улыбчивый мужчина, который живет в Старом лесу и правит им, никогда его не покидая. Обладает большой, но до конца не понятной властью, не подвержен чарам Кольца Всевластия. По некоторым источникам, древнейший из всех обитателей Средиземья.

дышащих рас, поскольку их самих питает самый древний из источников.

Обладают ли они памятью? Может быть, в далеком прошлом, когда наша Галактика была совсем юной, эти существа были среди Прародителей? Надеюсь, нам представится случай спросить их об этом, но пока они не спешат посвящать нас в свои тайны».

Как только стадо снова показалось на горизонте, Джейкоб оторвался от работы, чтобы полюбоваться. Увиденное уже не произвело на него такого эффекта, как в первый раз. Чтобы испытать столь же сильное потрясение, как тогда, требовалось какое-то новое зрелище. А чтобы увидеть нечто такое, что могло хотя бы отчасти сравниться по силе впечатлений с тем, первым, погружением, необходимо было новое погружение.

Если твоими предками были обезьяны, это неизбежно накладывает на тебя отпечаток.

Тем не менее узоры тороидов были восхитительны, и Джейкоб вполне мог бы любоваться ими часами. А в те редкие мгновения, когда он осознавал всю значимость наблюдаемой им картины, его снова охватывал священный трепет.

На экране лежавшего у Джейкоба на коленях

планшета прокручивался узор из изогнутых, скрещивающихся линий — изофоты[39] Призрака, встреченного часом ранее.

Контактом это столкновение не назовешь. Корабль выплыл из-за плотного клочка волокна возле самого края стада, застигнув одинокого солярианина врасплох.

Тот немедленно удрал, а потом настороженно завис, сохраняя дистанцию в несколько километров. Комендант де Сильва приказала развернуть корабль, чтобы луч параметрического лазера Дональдсона оказался направлен на парящее поодаль инопланетное существо.

Призрак сначала отпрянул. Дональдсон чертыхнулся вполголоса и принялся настраивать лазер, транслирующий приветственные записи Джейкоба во всевозможных вариациях.

И тут существо отреагировало. Оно высунуло из центра конечности (щупальца? крылья?), и те туго натянулись, будто струны. По поверхности побежала цветная рябь.

Потом наблюдатели увидели яркую изумрудную вспышку, и Призрак исчез.

Джейкоб изучил зафиксированные компью-

---

[39] notes: 39

Изофота — линия, соединяющая точки с равной яркостью, интенсивностью излучения или освещенностью.

тером данные. Бортовые камеры запечатлели солярианина во всей красе. Первая же запись демонстрировала, что существо пульсировало синхронно с ритмом баса в китовой песне. Теперь Джейкоб пытался выяснить, не соблюдалась ли в замысловатом световом шоу, исполненном Призраком напоследок, некая закономерность, которую можно было истолковать как ответ.

В конце концов пришлось написать специальную программу-анализатор, которая должна была сканировать поверхность «тела» Призрака, ища отклик на мелодию и ритм китовой песни в трех режимах: цветовом, временном и яркостном. Если что-нибудь найдется, то при следующем визите можно будет установить компьютерное соединение в режиме реального времени.

Если, конечно, следующий визит вообще состоится. Песня кита была всего лишь вступлением, за которым следовали цепочки шкал и числовых рядов — Джейкоб планировал передать их при помощи лазера. Но Призрак не пожелал остаться и «прослушать» остальную программу.

Джейкоб отложил планшет и опустил спинку дивана так, чтобы можно было наблюдать за ближайшими тороидами, не вертя головой. Парочка существ медленно покачивалась под углом сорок

пять градусов к палубе.

Судя по всему, «вращение» тороидов являло собой куда более сложный процесс, чем ему казалось ранее. Замысловатые изменчивые узоры, стремительно бегущие по краю каждого «бублика», отражали некую информацию о внутреннем устройстве инопланетян.

Когда тороиды соприкасались боками, борясь за более выгодную позицию в магнитном поле, вращающийся рисунок нисколько не менялся. Они взаимодействовали друг с другом так, словно и не кружились.

По мере продвижения корабля сквозь стадо толчки и удары делались все ощутимее. Хелен де Сильва предположила, что это вызвано затуханием активной области, над которой они пролетали. Магнитное поле постепенно рассеивалось.

На соседний диван уселся Кулла. Жвалы громко клацнули. Джейкоб потихоньку учился различать настроение прингa по ритму перестука его челюстей. Потребовалось немало времени, прежде чем до него дошло: этот стук — точно такая же неотъемлемая часть поведенческого репертуара прингов, как, например, выражение лица у людей.

— Можно мне ждешь пришешть, Джейкоб? —

вежливо осведомился Кулла. — Хочу вошпользоватьшя вожможноштью и поблагодарить ваш жашодейштвие на Меркурии.

— Не нужно меня благодарить, Кулла. Двухлетняя расписка о неразглашении — вполне стандартная мера при подобных инцидентах. Да и в любом случае, раз комендант де Сильва подчиняется распоряжениям непосредственно с Земли, ясно же, что никто не попадет домой, пока не распишется.

— И вше же вы имели полное право поведать миру, вшей галактике о том, что ждешь проижошло. Поштупки Буббакуба брошают тень на вшю Библиотеку. Ш вашей штороны очень любежно, что, обнаружив его… промах, вы проявили шдержанношть и пожволили им шамим вожмештить ущерб.

— И каковы же будут действия Библиотеки?.. Помимо наказания для Буббакуба?

Кулла сделал глоток из неизменной тубы с напитком. Его глаза сверкнули.

— Вероятно, шпишут Жемле долги, и какое-то время ушлуги филиала будут предоштавлятьшя бешплатно. Довольно долгое время, ешли Конфедерация шоглашитшя хранить молчание. Они пойдут на што угодно, лишь бы ижбежать

шкандала. Кроме того, вожможно, вы будете награждены.

— Я?! — Джейкоб остолбенел. Для представителя «примитивной» расы практически любая награда со стороны Галактики равносильна волшебной лампе Аладдина. Он просто ушам своим не верил.

— Да, хотя они, вероятно, пошетуют, што вы поделилишь швоим открытием ш не наштолько ужким кругом, как им хотелошь бы. Ражмеры их щедрошти, шкорее вшего, будут обратно пропорциональны оглашке, которую получит дело Буббакуба.

— Ага, понимаю. — Радужные иллюзии лопнули, как мыльный пузырь. Одно дело — получить от властей предержащих материальное свидетельство их признательности, и совсем другое — когда тебе предлагают взятку. Не то чтобы это делало награду менее ценной. Даже наоборот, ставки могли и повыситься.

Хотя стоит ли на это рассчитывать? Кто знает, что у этих пришельцев на уме. Логика библиотечного руководства была для него тайной за семью печатями. Единственное, в чем он не сомневался, так это в том, что шумиха в прессе им не нужна. Его терзало любопытство: говорил сейчас Кулла

как официальное лицо или просто излагал свои прогнозы.

Пришелец внезапно развернулся и уставился вверх, на проплывавшее мимо стадо. Его глаза сверкали, из-за плотно сжатых толстых губ донеслось короткое жужжание. Принг вытянул из ближайшего к его дивану паза микрофон.

— Проштите, Джейкоб, но, кажетшя, я кое-что вижу. Нужно доложить коменданту.

Кулла сжато отчитался в микрофон, не сводя пристального взгляда с некой точки примерно на тридцать градусов правее и на двадцать пять выше. Джейкоб проследил за его взглядом, но не обнаружил ровным счетом ничего примечательного. Где-то в районе изголовья дивана послышалось приглушенное бормотание Хелен. Корабль начал разворачиваться.

Джейкоб сверился с показаниями планшета. На экране высветились результаты анализа. В поведении соляриан не было выявлено ничего, что можно было интерпретировать как ответ. Однако отчаиваться рано, необходимо придерживаться выбранной тактики.

— Уважаемые софонты, — зазвенел по внутренней связи голос Хелен. — Принг Кулла зафиксировал приближение очередного объекта. Прошу

всех занять свои места.

Жвалы пришельца громко щелкнули. Джейкоб задрал голову к небу. Градусах в сорока пяти из-за громадного силуэта ближайшего тороида показался крошечный мерцающий огонек. По мере приближения голубая точка все росла и росла, пока наблюдатели не разглядели у нее пять разнокалиберных попарно симметричных отростков. Силуэт недолго помаячил поодаль, а потом замер.

На них насмешливо взирала с небес вторая ипостась Солнечного Призрака — гротескная пародия на человеческую фигуру. Сквозь зияющие неровные провалы глазниц и пасти багровело зарево хромосферы.

Никто даже не попытался навести на гостя объективы закрепленных на обратной стороне корабля камер, видно, сочтя эту затею нецелесообразной. На сей раз правил бал параметрический лазер.

Джейкоб велел Дональдсону включить все ту же запись китовых песен, продолжив с того места, где оборвался предыдущий контакт.

Инженер потянулся к микрофону.

— Просьба всем надеть защитные очки. Мы собираемся включить лазер. — Он водрузил на

нос собственную пару очков и огляделся по сторонам, проверяя, все ли выполнили приказ (не подчинился только Кулла — пришлось поверить ему на слово, что для его зрения лазер опасности не представляет). А затем нажал на кнопку.

Даже сквозь очки Джейкоб различал пробивавшееся через экран тусклое свечение — это лазерный луч устремился к Призраку. Оставалось только гадать, окажется ли эта человекообразная фигура более склонна к взаимодействию, чем экземпляр, представший перед ними ранее в «естественном виде». Насколько Джейкоб мог судить, это было одно и то же существо. Возможно, оно удалялось специально, чтобы навести лоск и явиться к зрителям во всеоружии.

Когда луч лазера пронзил Призрака насквозь, тот никак не отреагировал, продолжая равнодушно колыхаться. Доктор Мартин вполголоса чертыхнулась.

— Всё не то и не так! — яростно шипела она. Парашлем и очки скрывали ее лицо почти целиком, виднелись только кончик носа и подбородок. — Мы видим его, и при этом его как будто нет. Проклятье! Да что же это за тварь такая!

Наваждение вдруг расширилось, словно бабочка, расплющенная о борт корабля. Черты его

«лица» смазались, превратившись в длинные и тонкие черно-желтые полосы. Руки и туловище стали удлиняться, пока вся фигура не начала напоминать голубую ленту с рваными краями, протянувшуюся поперек всего неба. По всей ее поверхности там и тут возникали зеленые крапины. Они сновали туда-сюда, менялись местами, сливались, пока не стали наконец обретать отчетливую форму.

— Боже правый! — потрясенно пробормотал Дональдсон.

Замерший где-то неподалеку Фэйгин неуверенно просвистел уменьшенный септаккорд. Кулла застучал жвалами.

Еще недавно имевшая человеческие очертания фигура солярианина украсилась ярко-зелеными латинскими буквами. Надпись гласила:

«УЛЕТАЙТЕ. БОЛЬШЕ НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ».

Джейкоб невольно вцепился в обивку дивана. Несмотря на издаваемые пришельцами звуки и хриплое пыхтение его собратьев-людей, повисшая на борту корабля тишина действовала на нервы и казалась невыносимой.

— Милли! — он изо всех сил старался не сорваться на крик. — Ваши приборы что-нибудь

засекли?

Доктор Мартин застонала.

— Да… то есть НЕТ! Я что-то улавливаю, но это какая-то бессмыслица! Сигналы не соотносятся друг с другом!

— Попробуйте ретранслировать ему вопрос! Спросите, воспринимает ли он ваши мысленные послания.

Милдред кивнула и, пытаясь сконцентрироваться, прижала к щекам ладони.

Буквы над головой моментально перестроились:

«СОСРЕДОТОЧЬТЕСЬ. ЕСЛИ ХОТИТЕ ЗАОСТРИТЬ НА ЧЕМ-ТО ВНИМАНИЕ, ГОВОРИТЕ ВСЛУХ».

Джейкоб оцепенел. Он чувствовал, как где-то на задворках сознания его тщательно подавляемое второе «я» корчилось от ужаса. Мистера Хайда пугало все, чему не удавалось с ходу найти объяснение.

— Спросите, почему раньше он не отвечал нам, а теперь взял и заговорил.

Доктор Мартин медленно и четко повторила вопрос вслух.

«ПОЭТ. ПУСТЬ ОН ГОВОРИТ ОТ НАШЕГО ИМЕНИ. ОН ЗДЕСЬ».

— Нет! Нет, я не могу! — вскричал Ларок. Джейкоб торопливо обернулся и нашарил взглядом коротышку-журналиста, замершего в ужасе возле автоматов с едой и напитками.

В небе снова загорелись зеленые буквы:

«ПУСТЬ ОН ГОВОРИТ ЗА НАС».

— Доктор Мартин, — заговорила Хелен де Сильва, — спросите солярианина, почему нам не следует возвращаться.

Последовала пауза, а потом буквы выстроились в новом порядке:

«МЫ ХОТИМ УЕДИНЕНИЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОКИНЬТЕ НАС».

— А если мы все же прилетим снова? Что тогда? — полюбопытствовал Дональдсон. Мартин хмуро повторила его вопрос.

«НИЧЕГО. ВЫ НАС УЖЕ НЕ УВИДИТЕ. МОЖЕТ БЫТЬ, ЗАСТАНЕТЕ НАШУ МОЛОДЬ ИЛИ НАШ СКОТ. НО НЕ НАС».

«Теперь ясно, почему нам попадались солярианы двух разных типов, — подумал Джейкоб. — „Обычные“ — это, наверное, и есть молодь, им дают несложные поручения, например пасти тороиды. Но где же тогда обитают взрослые особи?

Какая у них культура? Каким образом существам из ионизированной плазмы вообще удается общаться с состоящими в основном из воды представителями человеческой расы?» Ему не давала покоя выдвинутая инопланетным существом угроза. При желании для взрослых солярианин ускользнуть от космического корабля или даже сколь угодно многочисленной земной флотилии не сложнее, чем орлу увернуться от воздушного шара. Если они сейчас прервут контакт, человечество уже никогда не сможет заставить их его возобновить.

— Ужнайте у него, пожалуйшта, не Буббакуб ли их обидел? — попросил Кулла. Глаза принга полыхали, речь сопровождалась приглушенным перестуком челюстей.

«ДЕЛО НЕ В БУББАКУБЕ. ОН — НИЧТО. ПРОСТО ОСТАВЬТЕ НАС В ПОКОЕ».

Фигура солярианина начала тускнеть. Неровный прямоугольник уменьшился, словно постепенно отдаляясь.

— Постойте! — Джейкоб вскочил, простирая руку в пустоту. — Не отрекайтесь от нас! Ведь мы ваши ближайшие соседи! Мы вас не обременим — мы всего лишь хотим обмениваться с вами опытом! Скажите хотя бы, кто вы такие!

Силуэт пришельца расплывался, тая вдалеке. В какой-то момент наползающее облако темного газа поглотило его целиком, однако собравшиеся успели разобрать последнее его сообщение. Окруженный стайкой «молоди», взрослый солярианин повторил:

«ПУСТЬ ЗА НАС ГОВОРИТ ПОЭТ».

Часть VIII

В стародавние времена жили-были двое воздухоплавателей, которые изготовили себе по паре крыльев. Один из них, Дедал, летел осторожно, высоко не поднимался, а после приземления сограждане воздали ему заслуженные почести. Другой же, Икар, взмыл к самому солнцу, воск, скреплявший крылья, растаял, и его полет завершился падением. Авторитетные источники, разумеется, утверждают, что он всего лишь «выполнял рискованный трюк», я же предпочитаю думать о нем как о человеке, выявившем серьезный дефект в конструкции современных ему летательных аппаратов.

Из книги А. С. Эддингтона «Звезды и атомы», издательство Оксфордского университета, 1926, стр. 41

23
Состояние возбуждения

Пьер Ларок сидел, привалившись спиной к вспомогательному куполу, обхватив руками колени и скользя рассеянным взглядом по палубе. Он с тоской гадал, не сделает ли ему Милли какой-нибудь укол, чтобы он смог продержаться до тех пор, пока корабль не покинет хромосферу.

К сожалению, это малодушное желание плохо сочеталось с его новым амплуа пророка. Ларок нервно передернул плечами. Впервые за всю свою долгую журналистскую карьеру он осознал, до чего же это легко, когда от тебя ждут только освещения событий, а не того, чтобы ты сам же эти события и организовывал. Слова солярианина стали для него не благом, а сущим наказанием.

Интересно, почему инопланетянин выбрал именно его, отрешенно думал Ларок. Просто в шутку? А может, тот действительно каким-то образом внушил ему нужные слова, и стоит ему только вернуться на Землю, как заготовленные речи польются сами собой, к его вящему изумлению и замешательству?

«Или все-таки предполагается, что я буду просто выплескивать наружу свои собственные мнения и суждения, как и прежде?» Приуныв, он начал медленно раскачиваться из стороны в сторону. Одно дело — втюхивать публике чужие идеи по собственной воле, и совсем другое — вещать с трибуны по чьей-то указке, обрядившись в мантию проповедника.

Все остальные собрались у капитанской рубки, чтобы обсудить дальнейшие действия. Журналист слышал их препирательства и мечтал лишь об одном: чтобы все они убрались куда подальше. Даже не поворачивая в их сторону голову, Ларок знал: они то и дело посматривают на него. От этого ему хотелось провалиться сквозь землю.

— Замочим его, да и дело с концом, — предложил Дональдсон, отчетливо картавя. Джейкоба, следившего за ходом дискуссии, всегда раздражала эта странная мода на местечковые акценты и говор. — А то как доберется до Земли да как сделает от нас ноги, так потом дерьма не оберешься, — подытожил свою мысль инженер.

Доктор Мартин в задумчивости кусала губы.

— Не самый разумный вариант. Лучше запросим Землю, как только снова окажемся на базе. Федералы могут прибегнуть к экстренным мерам

и заключить его под домашний арест, однако если мы без их ведома учиним самосуд и расправимся с Питером, вряд ли это сойдет нам с рук.

— Странная у вас реакция на предложение главного механика, — заметил Джейкоб. — Я-то думал, подобная идея повергнет вас в ужас.

Милдред пожала плечами.

— Должно быть, всем собравшимся уже очевидно, что я представляю одну из фракций в Ассамблее. Мы с Питером друзья, но если я сочту своим долгом перед всеми жителями Земли убрать его с дороги, то пойду на этот шаг без колебаний. — Вид у женщины действительно был непреклонный.

Надо сказать, Джейкоб не слишком удивился такому повороту событий. Далеко не один только главный механик, чтобы справиться с пережитым за последний час потрясением, сыпал крамольными идеями, многие из собравшихся тоже предпочли сбросить маски. Доктор Мартин с готовностью рассуждала о поступках, о которых и помыслить-то было страшно. А сидевший неподалеку Ларок, не обращавший на собравшихся ни малейшего внимания, медленно покачивался из стороны в сторону, открыто давая понять, что боится.

Дональдсон воздел к потолку указательный палец.

— А вы заметили, что солярианин ничего не сказал о нашем луче для передачи сигналов? Луч прошил его насквозь, а ему хоть бы хны! А ведь до этого другой Призрак…

— Подросток.

— Точно, подросток — тот явно среагировал.

Джейкоб почесал мочку уха.

— Загадкам конца и края нет. Почему, например, взрослый экземпляр старательно избегает нашего бортового оборудования? Ему есть что скрывать? И к чему была вся эта устрашающе-предостерегающая пантомима во время наших прошлых погружений, если он мог вступить с нами в контакт еще несколько месяцев назад, как только доктор Мартин захватила с собой парашлем?

— Может, без параметрического лазера ничего не получалось, и тот послужил последним из необходимых компонентов? — предположил один из членов команды, азиат по имени Чен. До сих пор Джейкоб сталкивался с ним лишь однажды, в самом начале погружения. — Есть и альтернативная версия: что если он не заговаривал, выжидая, пока среди нас не появится кто-то

с достаточно высоким, по его меркам, статусом?

Милдред пренебрежительно фыркнула.

— Мы разрабатывали эту гипотезу в ходе прошлого погружения, и она не подтвердилась. Буббакуб только делал вид, будто устанавливает контакт, Фэйгин при всех его многочисленных талантах не справился… О! Вы намекаете, что это Питер…

На борту корабля повисла такая плотная тишина, что, казалось, ее можно было резать ножом.

— Эх, лучше бы все-таки подтвердилась та версия с тайком пронесенным на борт голографическим проектором, а, Джейкоб? — криво усмехнулся Дональдсон. — Это свело бы на нет буквально все наши проблемы.

Джейкоб улыбнулся в ответ, хотя и без особого настроения.

— Deus ex machine,[40] а, механик? Уж вам-то должно хватать ума, чтобы не ждать от Вселенной особых милостей.

— У нас есть еще один выход — смириться, — сказала доктор Мартин. — Не исключено, что мы действительно не увидим больше ни

---

[40] notes: 40

Бог из машины — выражение, описывающее неожиданную развязку той или иной ситуации с участием нового, ранее не задействованного в ней фактора (*лат.*).

единого взрослого Призрака. На Земле ко всем этим историям об антропоморфных фигурах и без того относятся скептически. Единственные доказательства — это рассказы пары десятков софонтов-очевидцев да несколько расплывчатых снимков. Возможно, со временем все наши свидетельства спишут на повальную истерию, несмотря на результаты моих экспериментов. — Она уныло уставилась в пол.

Джейкоб ощущал рядом присутствие Хелен де Сильвы. Это она несколько минут назад созвала этот импровизированный совет, но сама все это время была странно молчалива.

— Что ж, во всяком случае, самому проекту «Погружение в Солнце» на сей раз ничего не угрожает, — подытожил Джейкоб. — Можно продолжать изучение физических процессов на Солнце и наблюдать за стадами тороидов. Соляриан утверждал, что мешать нам они не станут.

— Угу, — кивнул Дональдсон. — А как насчет *него*? — И указал жестом на Ларока.

— Нужно решить, что делать дальше. Сейчас мы дрейфуем у нижней границы стада. Не стоит ли подняться повыше и разведать, что там и как. Может быть, соляриане различаются между собой ничуть не меньше, чем мы, люди. Может,

наш новый знакомец — просто ворчун, — высказал свою точку зрения Джейкоб.

— Об этом я как-то не подумала, — откликнулась Милдред.

— Давайте переведем параметрический лазер в автоматический режим и добавим к приветственной записи фрагмент на зашифрованном английском. Направим луч на стадо, а сами тем временем начнем ненапряжно, по спирали продвигаться наверх в надежде привлечь внимание какого-нибудь более дружелюбно настроенного солярианина.

— Если нам такой попадется, надеюсь, на сей раз я не навалю в штаны от страха, — пробурчал себе под нос Дональдсон.

Хелен обхватила себя за плечи и принялась растираться, словно борясь с ознобом.

— Больше никто не желает высказаться «на камеру»? Тогда, с вашего позволения, подведу итог этой дискусии, предназначенной только для человеческих ушей, и попрошу собравшихся воздержаться от каких-либо опрометчивых действий в адрес мистера Ларока. Просто давайте все постараемся не спускать с него глаз. А сейчас объявляю перерыв. Подумайте пока, что нам делать дальше. Пусть кто-нибудь минут через двадцать

пригласит Фэйгина и Куллу присоединиться к нашей беседе в мини-баре. На этом все.

Джейкоб почувствовал, как на его руку легла чья-то ладонь. Рядом с ним стояла Хелен.

— Ты в порядке? — участливо поинтересовался он.

— Все отлично… просто отлично. — Она улыбнулась, однако улыбка получилась не слишком убедительной. — Я только… Джейкоб, не заглянешь на минутку в мой кабинет? Пожалуйста!

— Разумеется, пойдем.

Хелен покачала головой. Крепко сжав его руку, она торопливым шагом потащила его к крошечной каморке, спрятанной внутри купола и выполнявшей роль личного кабинета капитана. Оказавшись внутри, Хелен расчистила место на миниатюрном письменном столе и жестом предложила гостю присесть. Затем заперла дверь и привалилась к ней спиной.

— Боже, — выдохнула она.

— Хелен… — Мужчина бросился было к ней, но заставил себя остановиться.

Ее голубые глаза, устремленные на него, сияли.

— Джейкоб! — Усилием воли ей удалось взять себя в руки. — Пообещай, что окажешь мне небольшую услугу (это займет всего несколько

минут) и никому не проболтаешься. Я посвящу тебя в курс дела только после того, как ты ответишь согласием.

В ее взгляде читалась беззвучная мольба.

Джейкоб не стал тратить время на долгие раздумья.

— Конечно, Хелен. Все что угодно. Только скажи, что…

— Тогда прошу тебя, обними меня… — Конец фразы потонул в рыданиях. Женщина прильнула к его груди, тесно прижалась, выставив перед собой ладони. Лишившись от удивления дара речи, он обвил ее руками и крепко обнял.

По телу Хелен пробегали мощные волны дрожи. Джейкоб медленно покачивался взад-вперед, не выпуская ее из объятий.

— Тшшш…. Все хорошо… — Он молол какую-то утешительную чепуху. Ее волосы щекотали его щеку. Казалось, вся крохотная клетушка пропиталась ароматом ее кожи. Запах пьянил не хуже вина.

Они простояли в обнимку еще несколько минут, не произнося ни звука. Хелен медленно опустила голову ему на плечо.

Дрожь унялась. Ее тело постепенно обмякло. Он поглаживал ее напряженную спину, и мышцы

под его пальцами одна за другой расслаблялись.

Джейкоб недоумевал: это он ей оказывает услугу, как она и просила, или она ему? Он уже Ифни знает, как давно не испытывал подобного умиротворения и спокойствия. Его тронуло безграничное доверие Хелен.

Более того, он вдруг ощутил прилив невероятного счастья. Где-то в глубине души прорезался злобный скрипучий внутренний голос, но Джейкоб отмахнулся от него, не желая ничего слышать. Собственные действия не вызывали сомнений, прижимать к себе Хелен сейчас было для него естественнее, чем дышать.

Прошло еще несколько мгновений, и женщина наконец подняла голову. Она заговорила, и голос ее звучал сипло и глухо.

— Мне еще никогда в жизни не было так страшно, — призналась Хелен. — Хочу, чтобы ты понимал: я не должна была так себя вести. Я могла и дальше, до самого конца полета, изображать железную леди… но ты оказался рядом… только руку протянуть… Я не могла упустить такой шанс. Прости.

Джейкоб обратил внимание, что она не пытается отстраниться. Он по-прежнему сжимал ее в объятиях.

— Ничего страшного, — ласково произнес он. — Когда-нибудь потом я расскажу тебе, как это было приятно. И не нужно стесняться своего страха. У меня у самого чуть волосы дыбом не встали, когда я увидел эти письмена. Меня спасли два главных защитных механизма: любопытство и ступор. А как реагировали все остальные, ты и сама видела. Просто на тебя возложена большая ответственность, вот и все.

Хелен не ответила. Она высвободила руки и положила их ему на плечи, стараясь при этом, чтобы расстояние между ними не увеличилось ни на миллиметр.

— Да и вообще, — продолжал Джейкоб, гладя женщину по голове и поправляя растрепавшуюся прическу. — В долгих космических странствиях ты наверняка и не таких ужасов понавидалась.

Де Сильва застыла, а потом шутливо оттолкнула собеседника.

— Мистер Демва, вы просто невыносимы! Хватит чуть что прохаживаться на тему моих полетов! С чего ты взял, будто я сталкивалась с вещами и пострашнее? Сколько мне, по-твоему, лет?

Джейкоб улыбнулся. Она вырывалась только для вида, недостаточно энергично, чтобы стрях-

нуть с себя его руки. Ей явно хотелось, чтобы он не размыкал объятий как можно дольше.

— Ну, с позиций теории относительности… — начал было он.

— В жопу относительность! Мне всего двадцать пять! Может, я и дольше тебя любовалась космическими пейзажами, но в житейском плане у меня гораздо меньше опыта, чем у тебя… и уровень моего профессионализма никак не соотносится с тем, что у меня на душе! Когда нужно во что бы то ни стало оставаться хладнокровной и сильной, когда отвечаешь за жизни других людей — хочешь не хочешь, а испугаешься. Во всяком случае, меня многое пугает, ведь я не такая, как ты, непрошибаемая, бесчувственная дубина стоеросовая, которой хоть плюй в глаза… прямо как Бэлок, капитан «Калипсо», в тот момент, когда мы прорвали ту безумную подставную блокаду на планете Джей-8-лек. А теперь… теперь я совершу должностное преступление и прикажу тебе поцеловать меня, раз уж сам ты до этого никак не додумаешься!

Хелен с вызовом посмотрела на него. Джейкоб, рассмеявшись, притянул ее к себе. Она пару секунд сопротивлялась, но потом обвила руками его шею, и их губы соприкоснулись.

Джейкоб рассеянно отметил, что она снова задрожала. Но на этот раз дрожь была совсем иной. Трудно было сказать, в чем именно крылось отличие, тем более что в этот момент он был несколько занят. И это было весьма приятное занятие.

Вдруг он с мучительной отчетливостью осознал, как много времени прошло с тех пор, как… Два адски долгих года. Он решительно отогнал от себя эти мысли. Таня умерла, а Хелен очаровательно, восхитительно жива. Он прижал ее к себе еще крепче и ответил на ее страстный порыв единственно возможным способом.

— Это было превосходное лекарство, доктор, — насмешливо произнесла Хелен, пока он пытался расчесать сбившуюся в колтуны шевелюру. — Чувствую себя на миллион баксов. А вот о тебе такого не скажешь, выглядишь так, будто тебя пропустили через каток для белья.

— Через… блин, какой еще каток? Впрочем, ладно, можешь не объяснять эти свои архаизмы. Лучше на себя взгляни! Заставила меня почувствовать себя куском стали, который расплавили и бросили на наковальню, да еще и гордишься этим!

— Угу.

Джейкоб невольно заулыбался.

— Лучше помалкивай, прояви уважение к старшим. Кстати, сколько времени у нас в запасе?

Хелен взглянула на часы.

— Минуты две. До чего же некстати это совещание! Только ты успел разжечь во мне интерес, и тут бац! Что за идиот решил созвать всех в такое неудобное время?

— Да ты сама и решила.

— Ах да. Я, значит. Хорошо, в следующий раз я дам тебе как минимум полчаса, и мы изучим этот вопрос более детально.

Джейкоб в ответ лишь робко кивнул. С этой женщиной временами трудно было понять, когда она шутит, а когда говорит всерьез. Прежде чем отпереть дверь, Хелен со скромным видом подалась вперед и поцеловала его.

— Спасибо, Джейкоб.

Он протянул левую руку и нежно погладил ее по лицу. Она на миг прижалась щекой к его ладони. Слова тут были излишни. А потом он убрал руку.

Хелен отперла дверь и выглянула в коридор. Поблизости не оказалось никого, кроме пилота, управлявшего кораблем. Остальные, похоже, уже потянулись в мини-бар, на очередной совет.

— Пойдем, — сказала комендант. — Я так проголодалась, что слона бы съела!

Джейкоб вздрогнул. Если он намерен закрутить с этой женщиной серьезный роман, ему придется тренировать воображение, чтобы привыкнуть к ее метафорам. Подумать только, съесть слона!

Но как бы ни шокировали его выражения Хелен, он все же не преминул отстать на пару шагов, чтобы полюбоваться ее походкой. Это зрелище настолько завораживало, что Джейкоб даже не заметил, как мимо корабля, кружась, проплыл тороид. Его поверхность была расцвечена сверкающими звездочками, а вдоль контуров полыхал белоснежный нимб.

24
Спонтанный выброс

Они присоединились к остальным, застав Куллу шарящим в кроне Фэйгина. Сжимая в одной руке тубу с напитком, другую принг запустил в самую гущу листьев, пытаясь извлечь оттуда еще одну тубу, на сей раз пустую.

— С возвращением, — приветственно просвистел Фэйгин. — Принг Кулла любезно помогал мне подкрепиться. Боюсь только, что, возясь со мной, он пренебрег собственной порцией.

— На этот счет не бешпокойтешь, шер, — заверил кантена Кулла, медленно вытаскивая тубу из скопища веток.

Джейкоб встал у него за спиной, чтобы рассмотреть процесс во всех подробностях. Отличный шанс разобраться в анатомии Фэйгина. Кантен как-то обмолвился, что его раса не отличается стыдливостью в вопросах физиологии, значит, лишняя пара глаз, пытающихся разглядеть, как устроено его ротовое отверстие (или у полурастительных видов это называется устьице?), вряд ли его смутит.

Только он успел нагнуться, как Кулла резко отпрянул, выдернув наконец тубу из листвы. Его локоть угодил Джейкобу прямо в бровь, удар получился не только болезненным, но и сильным: Демва не удержал равновесия и приземлился на пятую точку.

Кулла громко застрекотал и выронил тубы, руки пришельца от ужаса повисли плетьми. Хелен давилась от смеха. Джейкоб поспешно поднялся и поглядел на Хелен, состроив обиженную гримасу в духе «ладно-ладно, однажды мы с тобой поквитаемся за этот хохот», из-за чего комендант только сильнее закашлялась.

— Сущие пустяки, Кулла, — утешил он принга. — Ничего страшного. Я сам виноват. К тому же у меня остается в запасе еще один глаз.

Джейкоб усилием воли подавил желание потереть пострадавшую бровь, чтобы не смущать инопланетянина.

Кулла таращился на него с высоты своего роста. Глаза его сверкали, стрекот постепенно утих.

— Вы необычайно любежны, друг Джейкоб, — вымолвил наконец принг. — Будь это обычная шитуация ш учаштием патрона и клиента, виноват окажалшя бы я, потому что был невнимателен. Благодарю, что не шердитешь на меня.

— Да полно вам, дружище! — отмахнулся Джейкоб, хотя чувствовал, что на месте удара растет внушительная шишка. Нужно поскорее сменить тему, чтобы не ставить Куллу в неловкое положение. — Кстати, о глазах. Я читал, что ваша раса, как и остальные обитатели Принга, когда-то обходились всего одним глазом. Но потом на планету прибыли пилы со своими программами генной инженерии.

— Так и ештъ, Джейкоб. Пилы наделили наш двумя глажами иж шоображений эштетики. Ведь у большинства двуногих обитателей Галактики жрение бинокулярное. Они не хотели, чтобы другие младшие рашы… дражнили наш.

Джейкоб нахмурился. Ему чудился здесь какой-то подвох. И он знал, что мистер Хайд уже догадался, в чем дело, однако из вредности предпочитает помалкивать.

«Свинья, это же мое собственное подсознание! Нет, бесполезно. Ну и ладно!»

— Постойте, Кулла, ведь я читал также, что ваши предки жили на деревьях… если не ошибаюсь, им даже была свойственна брахиация[41]…

— А это еще что такое? — шепнул Дональдсон

---

[41] notes: 41

Брахиация — способность перемещаться (например, с ветки на ветку), раскачиваясь на руках.

на ухо де Сильве.

— Это значит, что они скакали с дерева на дерево и раскачивались на лианах, — пояснила комендант. — А теперь тихо!

— Но если ваши предки располагали одним-единственным глазом, то откуда у них взялось пространственное зрение? Ведь без него трудно прыгать с ветки на ветку, не промахиваясь.

Еще не успев закончить фразу, Джейкоб восторжествовал: это был тот самый вопрос, который пытался утаить от него мистер Хайд. Выходит, он не до конца контролирует подсознание, чертяка! Стоит поблагодарить Хелен — ее присутствие уже сказывается благотворно! Джейкоб так увлекся, что едва не пропустил мимо ушей ответ Куллы.

— Я думал, вы в курше, друг Джейкоб. Я шлышал, как во время нашего первого погружения комендант де Шильва объяшняла, что мои органы жрения уштроены иначе, чем ваши. Мои глажа шпошобны ражличать не только интеншивношть ижлучения, но и его фажу.

— Да, — Джейкоба охватил азарт охотника, преследующего дичь. Только нужно обязательно время от времени поглядывать на Фэйгина. Старый кантен подаст знак, если он вторгнется на опасную территорию и затронет болезнен-

ную для принга тему. — Да, но ведь солнечный свет, особенно в лесу, штука непостоянная. Фазы отдельных световых волн редко совпадают. Возьмем, допустим, дельфинов — они пользуются системой, похожей на вашу, у них есть гидролокатор, который улавливает звуковые волны, определяет их фазу и все такое. Однако дельфин при помощи серий регулярных писков сам создает вокруг себя когерентное, с точки зрения фаз, поле.

Джейкоб отступил на шаг, наслаждаясь эффектной паузой. Под ногой скрипнула одна из оброненных Куллой туб, и он рассеянно поднял ее.

— То есть если глаза ваших предков были рассчитаны только на то, чтобы улавливать фазы, то сама по себе такая способность бесполезна в отсутствие поблизости источника когерентного света. — Рассуждая так, он внезапно пришел в возбуждение. — Природные лазеры? Неужели в ваших лесах имеются *естественные* источники лазерного излучения?

— Вот те на! Чем дальше, тем интереснее! — воскликнул Дональдсон.

Кулла кивнул.

— Да, Джейкоб. Мы нажываем их… — челюсти

принга выстукивали сложную ритмическую фигуру, — раштениями. Прошто невероятно, что вы шумели шделать вывод об их шущештвовании при штоль шкудных данных. Ваш шледует ш этим пождравить! Я покажу вам их ижображения, когда мы вернемшя на бажу.

Джейкоб с гордостью собственника покосился на Хелен — та взирала на него с улыбкой. (Где-то на задворках сознания раздалось приглушенное бурчание. Он сделал вид, что не заметил.)

— С удовольствием взгляну на них.

Подобранная с пола туба оказалась липкой на ощупь. В помещении запахло чем-то похожим на свежескошенное сено.

— Держите, Кулла. — Он протянул тубу прингу. — Кажется, это ваше. — Его рука вдруг замерла на полдороге. Он с удивлением уставился на тубу, а потом расхохотался.

— Милли, подойдите-ка сюда! — позвал он. — Вот, взгляните! — Он вручил тубу доктору Мартин и указал на этикетку.

— Соединение 3-альфа-ацетонил-бензил-4-гидроксикумарина со щелочью? — На лице Милдред на миг застыло недоумение, а потом у нее от изумления отвисла челюсть. — Так это же варфарин! Значит, он входит в число пищевых добавок

Куллы! Но тогда какого черта образец вещества делал в аптечке Дуэйна?

Джейкоб покаянно улыбнулся.

— Боюсь, это недоразумение — целиком и полностью моя вина. Как-то раз, еще на «Брэдбери», я случайно нажал не на ту кнопку, и у меня оказалась растворимая таблетка Куллы для приготовления питательного напитка. Мне так хотелось спать, что я сунул ее в карман и начисто забыл об этом. Видимо, она лежала в том самом кармане, куда я чуть позже положил образцы, позаимствованные у доктора Кеплера. Так варфарин вместе с остальными таблетками попал в лабораторию доктора Лэрда. А дальше — невероятное совпадение! Пищевая добавка Куллы по составу оказалась идентична распространенному некогда на Земле яду. Это и сбило меня с толку, натолкнуло на ложный след. Я решил, будто Буббакуб подсунул Кеплеру яд, чтобы вывести его из игры, но эта версия с самого начала казалась мне не слишком убедительной. — Он пожал плечами.

— Ну, что касается меня, то я только рада, что все наконец разъяснилось! — рассмеялась доктор Мартин. — Неприятно, когда все считают тебя замешанной в преступлении!

Сделанное только что открытие мало на что влияло. Но почему-то, разгадав эту второстепенную, но изрядно потрепавшую всем нервы загадку, собравшиеся пришли в приподнятое расположение духа и оживленно загомонили.

Всеобщее ликование слегка омрачил Пьер Ларок, с тихим смехом проследовавший мимо. Доктор Мартин позвала его, но коротышка лишь помотал головой, а потом продолжил свое неторопливое шествие по периметру корабля.

Хелен подошла к Джейкобу и дотронулась до его руки, все еще сжимавшей тубу Куллы.

— Кстати, о совпадениях. Ты хорошенько запомнил формулу добавки для прингов? — Она умолкла и перевела взгляд на Куллу, тот приблизился к ним и отвесил церемонный поклон.

— Ешли вы уже жакончили, Джейкоб, давайте я жаберу у ваш эту липкую пошудину.

— Что? Ах да, конечно, Кулла. Держите. Так что ты там говорила, Хелен?

Даже сейчас, когда лицо де Сильвы выражало озабоченность, Джейкоб не сводил с нее глаз, восхищенный ее красотой. На первых стадиях влюбленности всегда так: на некоторое время становится трудно сосредоточиться, слушаешь, что говорит объект твоей страсти, и не можешь

вникнуть в смысл сказанного.

— Я говорю, что, когда доктор Мартин зачитывала вслух химическую формулу, я обратила внимание на одно любопытное совпадение. Помнишь недавний разговор о лазерах, работавших на органических красителях? Так вот…

Голос Хелен словно отключили. Джейкоб видел, как шевелятся ее губы, но изо всей ее тирады смог разобрать только одно слово: кумарин.

Беда пришла, откуда не ждали: оказывается, проблема крылась в нем самом. Его тщательно сдерживаемый невроз вышел из-под контроля. Мистер Хайд отчаянно противился этому разговору, мешая ему разобрать слова Хелен. Более того, Джейкоб вдруг сообразил, что его второе «я» ставит палки в колеса уже давно: Хайд лишил его привычной проницательности, поэтому во время той беседы на краю палубы он так и не понял, на что она намекала. Она хотела отправиться в далекую экспедицию на «Калипсо» с его генами.

«Хайд ненавидит Хелен! — осознал он потрясенно. — Впервые за долгое время я встретил девушку, которая могла бы постепенно восполнить мою утрату (в висках застучало, боль, напоминавшая мигрень, грозилась вот-вот расколоть череп изнутри) — и Хайд тут же ее

возненавидел!» (Головная боль улетучилась так же быстро, как и возникла.)

Более того, двойник блокировал от него часть подсознания. Он видел все недостающие кусочки пазла и не давал им всплыть на поверхность. Это было грубое нарушение уговора. Непростительный проступок, а хуже всего то, что Джейкобу было невдомек, чего ради Хайд все это затеял!

— Джейкоб, с тобой все в порядке? — К нему вернулась способность слышать голос Хелен. Она смотрела на него озадаченно. У нее за спиной маячил Кулла: пришелец топтался возле автоматов с едой и поглядывал на них с де Сильвой.

— Хелен, — речь Джейкоба звучала отрывисто. — Послушай, где-то рядом с приборной доской, у тебя в кабинете, я оставил маленький пузырек с таблетками. Иногда на меня накатывает головная боль… и то лекарство здорово помогает. Не могла бы ты поискать пузырек?

Он потер лоб рукой и поморщился.

— А почему… хотя ладно, конечно, я схожу. — Она коснулась его руки. — Но, может, лучше пойдем вместе? Ты сможешь прилечь. Мы поговорим…

— Нет. — Он взял ее за плечи и мягко развернул в нужном направлении. — Пожалуйста, сходи

сама. А я подожду здесь.

Ему с огромным трудом удалось подавить панику хотя бы на несколько секунд, которые требовались, чтобы спровадить Хелен.

— Хорошо, я мигом, — пообещала девушка. Когда она зашагала к дверям, Джейкоб вздохнул с облегчением. У большинства собравшихся, согласно действующему распоряжению, болтались на поясе защитные очки. И только компетентная и опытная комендант де Сильва оставила свою пару на диванчике.

Отойдя метров на десять, Хелен дала волю одолевавшим ее сомнениям.

«Никакого пузырька с таблетками возле приборной доски Джейкоб не забывал. Это точно, иначе я бы заметила. Получается, он хотел отделаться от меня! Но ради чего?»

Она обернулась. Джейкоб отошел от автомата с закусками, держа в руке протеиновый батончик. Улыбнувшись Милдред и кивнув Чену, он прошел мимо Фэйгина к открытому участку палубы. У него за спиной, неподалеку от шлюза, ведущего к гравитационной петле, стоял Кулла и, сверкая глазами, наблюдал за собравшимися.

Джейкоб вовсе не напоминал человека, у которого сильно болела голова! Хелен была уязвлена

и сбита с толку.

«Что ж, если он не хочет, чтобы я была рядом, так тому и быть. Притворюсь, что действительно искала эти долбаные таблетки!»

Она уже собиралась отвернуться, как вдруг Джейкоб споткнулся о корневидный отросток Фэйгина и растянулся на палубе. Протеиновый батончик вылетел из рук и приземлился возле параметрического лазера. Не успела Хелен и глазом моргнуть, как Джейкоб вскочил и с глуповатой улыбочкой поковылял за своей злосчастной порцией еды. Вот он нагнулся и задел плечом корпус лазера.

Зал в тот же миг затопило голубоватое свечение. Взвыла сирена тревоги. Хелен инстинктивно прикрыла глаза ладонью, а другой рукой потянулась к поясу, где висели очки.

На месте их не оказалось!

От дивана ее отделяли три метра. Даже не открывая глаз, она прекрасно представляла, в какой точке помещения сейчас находится и где по собственной дурости оставила очки. Развернувшись, она одним прыжком достигла дивана и тут же выпрямилась — уже в заветных очках.

Тут и там виднелись яркие блики. Настройки лазера сбились, луч, ранее направленный

радиально вдоль палубы, теперь рикошетил от вогнутой внутренней поверхности корпуса. Транслируемый «контактный код» вспышками отражался на куполе и палубе.

Возле автоматов с закусками валялись скорченные тела. Никто так и не добрался до лазера, чтобы вырубить его. А где же Джейкоб и Дональдсон? Что если их сразу же ослепило?

Возле шлюза, ведущего к гравитационной петле, сплелись в схватке несколько фигур. В мерцающем замогильном свете она распознала в них Джейкоба Демву, главного механика… И Куллу. Что они там возятся? Невероятно — Джейкоб пытался натянуть на голову пришельца мешок!

Времени на раздумья не оставалось. Варианта было два: вмешаться в непонятную потасовку или устранить опасность, грозившую ее кораблю, — и выбор капитана был очевиден. Она помчалась к параметрическому лазеру, поднырнула под хлипкие перекрещенные поручни и отключила питание.

Мигающие лучи резко угасли — все, кроме одного, пришедшегося как раз на окрестности шлюза, одновременно послышался грохот и чей-то вопль, полный боли. Сирена умолкла, и воцарившуюся в одночасье тишину нарушали

только стоны пострадавших.

— Капитан, в чем дело? Что у вас случилось? — раздался по интеркому голос пилота. Хелен вцепилась в ближайший микрофон.

— Хьюз, — торопливо произнесла она, — в каком состоянии корабль?

— Все системы работают в штатном режиме. Повезло, что я сидел в защитных очках! Что за дьявольщина у вас там творится?

— Параметрический лазер сбился с цели. Сохраняйте прежний курс. Двигайтесь плавно, держитесь примерно в километре от стада. Я скоро подойду. — Хелен выпустила из рук микрофон и громко окликнула коллег: — Чен! Дубровский! Доложите обстановку! — Она напряженно вглядывалась в окутывавший помещение полумрак.

— Сюда, кэп! — Голос принадлежал Чену. Хелен выругалась и сорвала с себя ставшие бесполезными очки. Чен обнаружился за шлюзом. Он склонился над распростертой на палубе фигурой. — Это Дубровский, — сообщил Чен. — Он мертв. Глаза выжгло.

Доктор Мартин пряталась за широким стволом Фэйгина. Кантен приветствовал подоспевшую Хелен негромким свистом.

— Вы оба в порядке?

Фэйгин издал протяжный звук, который при желании можно было принять за невнятно произнесенное «да». Милдред судорожно кивнула, продолжая, однако, цепляться за ствол. Очки съехали набок. Хелен осторожно сняла их с женщины.

— Пойдемте, доктор. Вас ждут пациенты. — Она потянула Милдред за руку. — Чен! Сбегай ко мне в кабинет и притащи аптечку. Мухой!

Мартин привстала, но тут же кулем осела на пол и затрясла головой.

Хелен стиснула зубы, снова потянула за руку, на этот раз сильнее, и в конце концов рывком поставила старшую коллегу на ноги. Та пошатнулась, но устояла.

Хелен отвесила ей пощечину.

— Очнитесь, доктор! Или вы сейчас же займетесь этими людьми, или я выбью вам все зубы! — Взяв Мартин под руку, она помогла ей преодолеть несколько метров до того места, где лежали старший механик Дональдсон и Джейкоб Демва.

Джейкоб застонал и пошевелился. Когда он стал отводить руку, прикрывавшую лицо, сердце Хелен замерло. К счастью, ожоги были не очень серьезные, глаза не пострадали. Джейкоб был в

защитных очках.

Командир подвела Милдред к Дональдсону и заставила опуститься на колени. Главному механику здорово опалило левую сторону лица. Левое стекло очков оказалось разбито.

Прибежал Чен с аптечкой.

Доктор Мартин отвела взгляд от Дональдсона и вздрогнула. Потом подняла глаза и увидела одного из членов экипажа с медицинской сумкой. Она протянула руки за аптечкой.

— Вам нужна помощь, доктор? — осведомилась Хелен.

Милдред, раскладывавшая на палубе инструменты, даже не взглянув на де Сильву, помотала головой.

— Нет. И постарайтесь не шуметь.

Хелен отозвала Чена в сторонку.

— Сходи поищи Ларока и Куллу. Как только найдешь, доложи. — Мужчина умчался выполнять приказ.

Джейкоб снова застонал и попытался подняться. Хелен нашла возле питьевого фонтанчика лоскут ткани и смочила его. Потом присела рядом с Джейкобом и положила его голову к себе на колени.

Когда она бережно начала промывать его раны,

он поморщился.

— Ох, — простонал он и принялся ощупывать свою макушку. — Кое-чего я не предусмотрел. Ведь его предки лазали по деревьям. Значит, руки у него должны быть мощными, как у обезьян. Хотя с виду и мозгляк!

— Может, объяснишь мне, что произошло? — тихо попросила Хелен.

Джейкоб, кряхтя, подсунул левую руку себе под спину и попытался что-то там нашарить. Пару раз безуспешно дернув за торчащий край, он наконец вытащил вместительную сумку из-под защитных очков, разглядел добычу и отшвырнул ее.

— Голова гудит, как после солнечного удара, — пожаловался он. Не без труда заняв сидячее положение, Джейкоб обхватил голову руками и на некоторое время замер. Потом опустил руки.

— Куллы среди пострадавших случайно не видела? Я надеялся, что впаду в боевой раж после того, как он мне особенно круто врезал, но, похоже, вместо этого просто отключился.

— Я не знаю, где Кулла, — ответила Хелен. — И что же теперь…

Из динамиков по внутренней связи раздался голос Чена.

— Кэп, вы на связи? Я нашел Ларока, он был на

нашей стороне корабля, но в противоположной ее части. У него все нормально. Если точнее, то он даже не знал, что произошла авария!

Джейкоб передвинулся поближе к доктору Мартин и принялся что-то настойчиво ей втолковывать. Хелен поднялась с пола и направилась к интеркому рядом с автоматами.

— А Кулла на глаза не попадался?

— Никак нет, нигде не видать. Наверное, он на обратной стороне. — Чен понизил голос. — Мне показалось, что, когда включился лазер, на борту завязалась драка. Вы не в курсе, что все-таки стряслось?

— Сообщу, как только сама все выясню. А пока лучше сходи успокой Хьюза.

Джейкоб наконец поднялся и направился к ней.

— Дональдсон выживет, но глаз ему потребуется новый. Слушай, Хелен, я собираюсь отправиться на поиски Куллы. Не одолжишь мне в помощь кого-нибудь из своих ребят? А сама как можно скорее уводи корабль отсюда.

Она так и взвилась от ярости.

— Ты и так только что угробил одного из моих ребят! Дубровский погиб! Дональдсон наполовину ослеп, а теперь ты хочешь, чтобы я отрядила

еще кого-нибудь, чтобы вы с ним снова накинулись на бедного Куллу? Что за бред?!

— Хелен, я никого не убивал.

— Я все видела, жопорукий ты дебил! Ты налетел на п-лазер, и тот взбесился! Это был ты и никто иной! Зачем тебе преследовать Куллу?

— Хелен… — Джейкоб поморщился от головной боли и потер рукой лоб. — Нет времени объяснять. Ты должна вытащить нас отсюда. Кто знает, что взбредет ему в голову теперь, когда мы его разоблачили.

— Нет, ты лучше сначала объясни!

— Я… Я задел лазер намеренно… Я…

Комбинезон Хелен так плотно облегал фигуру, что Джейкоб ни за что бы не догадался, что где-то в складках ее одежды спрятан шокер, который она после его признания выхватила и направила в его сторону.

— Продолжай, Джейкоб, — ровным тоном велела она.

— Кулла следил за мной. Я понимал: стоит мне только выдать словом или жестом, что я его раскусил, и он в одночасье ослепит нас всех. Я специально отослал тебя, чтобы не подвергать опасности, а сам направился к мешку с очками. Лазер я толкнул, чтобы спутать его карты… Свет

лазера залил помещение…

— И убил одного из моих людей! А еще одного покалечил!

Джейкоб еле совладал с собой.

— Послушай, ты, дуреха малолетняя! — Он грозно навис над ней. — Я направил луч вниз! Положим, кого-то ослепить он мог, но не поджарить же! Если не веришь, давай выруби меня! Или свяжи по рукам и ногам! Только как можно скорее вытащи нас отсюда, пока Кулла не прикончил нас всех!

— Кулла?..

— Своими *зенками*, черт бы его побрал! *Кумарин*! Его пищевая добавка — на самом деле краситель, используемый в лазерах! Это он убил Дубровского, когда тот пришел на помощь нам с Дональдсоном! Про растущие у него на родине растения-лазеры он наврал! У каждого принга есть свой личный источник когерентного света! Все встреченные вами «взрослые» Солнечные Призраки — его проекция от начала и до конца! И… о боже! До меня только сейчас дошло… — Джейкоб в отчаянии потряс кулаком. — Если его проектор представляет собой настолько тонкий инструмент, чтобы с его помощью можно было показывать фальшивых «Призраков» на

внутренней поверхности корпуса корабля, то он сгодится и чтобы подсоединяться к оптическим входным портам компьютеров Библиотеки! Это он повлиял на компьютеры, и те распознали в Лароке поднадзорного. И еще… я ведь стоял в двух шагах от него, когда он запрограммировал корабль Джеффа на самоуничтожение! Пока я в полном неведении безмятежно любовался огнями, он скармливал бортовому компьютеру команду за командой!

Хелен отпрянула и затрясла головой. Джейкоб шагнул к ней — внушительная фигура со сжатыми кулаками, но одновременно с маской раскаяния и самобичевания на лице.

— Почему, как ты думаешь, Кулла всегда первым замечал человекоподобных Призраков? Почему, когда они с Кеплером летали на Землю, никаких Призраков не наблюдалось? Как же я раньше не догадался, что Кулла не просто так изъявил желание, чтобы и его «сетчатку» сосканировали для установления личности!

Факты сыпались с умопомрачительной скоростью. Де Сильва нахмурила брови от напряжения, силясь переварить полученную информацию.

В глазах Джейкоба читалась мольба:

— Хелен, ты должна мне поверить.

Она замерла в нерешительности, потом вдруг вскричала: «Вот дерьмо!» — и бросилась к интеркому.

— Чен! Срочно уводи отсюда корабль! Не трать время на предупреждения, чтобы пристегнули ремни, просто выжимай двигатели на максимум и врубай сжатие времени! Я хочу увидеть перед собой черное небо раньше, чем успею пару раз моргнуть!

— Слушаюсь, кэп! — прозвучало в ответ.

Палуба взыграла под ногами, словно норовистый конь, заставив Джейкоба и Хелен пошатнуться — компенсаторные поля пока не успевали скрадывать перегрузку. Комендант снова прильнула к интеркому:

— Внимание всем! Немедленно надеть защитные очки и больше их не снимать, что бы ни случилось. Пожалуйста, как можно быстрее займите свои места и пристегнитесь. Хьюз, срочно доложите обстановку по ту сторону шлюза!

Тороиды проплывали мимо иллюминаторов все быстрее и быстрее. Всякий раз, прежде чем очередное существо исчезало из поля зрения, уходя вниз и скрываясь за кромкой палубы, оно ярко вспыхивало по контуру, словно прощалось.

— Мне тоже следовало сразу сообразить, в чем

дело, — удрученно сказала Хелен. — А я вместо этого отключила лазер и, скорее всего, позволила ему удрать.

Джейкоб поцеловал ее — торопливо, но с достаточной страстью, чтобы губы защипало.

— Ты не могла знать. Я бы на твоем месте поступил точно так же.

Она дотронулась до губ рукой и перевела взгляд на мертвого Дубровского.

— Значит, вот почему ты меня отослал…

— Капитан, — перебил ее Чен по интеркому. — У меня проблемы с автоматическим отключением сжатия времени. Мне нужна помощь Хьюза. Кроме того, мы только что потеряли мазерную связь с «Гермесом».

Джейкоб от волнения передернул плечами.

— Сначала мазерная связь, чтобы избежать утечки информации, потом сжатие времени, далее гравитационный режим и, наконец, стазис. Думаю, последним шагом станет взрыв защитных экранов — если, конечно, всех остальных способов окажется недостаточно. Но, скорее всего, хватит и их.

Хелен включила внутреннюю связь.

— В запросе отказано, Чен. Хьюз мне сейчас нужен! Постарайся справиться сам. — С этими

словами она отключилась.

— Я пойду с тобой, — заявила она Джейкобу.

— Нет, тебе нельзя, — возразил он. Затем снова надел защитные очки и поднял с пола мешок. — Если Кулла перейдет к третьему пункту своего плана, мы изжаримся, в самом буквальном смысле слова. Но если я успею помешать ему, то ты единственная, у кого есть шанс вывести корабль отсюда. А сейчас одолжи мне, пожалуйста, свою пушку, мне она может пригодиться.

Хелен молча передала ему шокер. Оспаривать решение Джейкоба было бы нелепо. Он взял на себя командование операцией, а у нее все равно не было ни единой собственной идеи, как помочь.

Тихое постукивание в недрах корабля поменяло ритм, превратившись в низкий захлебывающийся гул.

Поймав вопросительный взгляд Джейкоба, Хелен ответила:

— Это сжатие времени. Он уже приступил к замедлению. Нам нельзя терять ни минуты.

25
Тупиковая ситуация

Джейкоб скорчился, полуприсев в тесной камере шлюза, готовый юркнуть обратно, если в поле зрения появится длинная нескладная фигура пришельца. Пока все шло неплохо. В гравитационной петле Куллы не оказалось.

Поворачивающийся на 180 градусов коридор, единственный проход на обратную сторону корабля, был идеальным местом для засады. Но Джейкоб не слишком удивился, не застав здесь Куллу. На то имелось две причины.

Первая была тактического характера. Оружие Куллы действовало только в зоне прямой видимости. Петля же отличалась настолько крутым изгибом, что, находясь в ней, можно было подкрасться к сопернику на расстояние всего нескольких метров, оставаясь незамеченным. А брошенный в петлю предмет пролетал большую часть пути, не теряя скорости. Джейкоб успел в этом убедиться. Прежде чем нырнуть в петлю, они с Хьюзом метнули туда несколько ножей. Ножи нашлись неподалеку от выхода на обратную

сторону в лужице аммиака, который мужчины разбрызгивали перед собой, пробираясь по спирально закрученному проходу.

Кулла мог бы притаиться и сразу за люком, но имелась еще одна причина полагать, что пришелец не станет осторожничать и прикрывать себе тыл. Он располагал весьма ограниченным запасом времени, прежде чем солнечный корабль выйдет на высокую орбиту. Как только судно окажется в открытом космосе, его экипажу будут не страшны хромосферные бури, а прочная и хорошо отражающая солнечное излучение обшивка корабля позволит людям продержаться, пока не подоспеет помощь.

Поэтому от Куллы требовалось покончить с ними, а заодно и с собой как можно скорее. Джейкоб не сомневался, что застанет Куллу у компьютерного терминала, на девяносто градусов вправо от выхода, и что принг сейчас при помощи своих глаз-лазеров медленно, но верно переписывает программу, ловко обойдя встроенную защитную систему.

С ответом на вопрос, для чего он все это затеял, придется подождать до лучших времен.

Хьюз подобрал ножи. Вкупе с мешком, парой-тройкой туб и миниатюрным шокером Хелен они

составляли весь их арсенал.

Согласно классическому сценарию, поскольку их провал означал бы гибель всего корабля, предполагалось, что один из напарников пожертвует собой, дав второму шанс прикончить Куллу.

Они с Хьюзом могли подгадать и появиться одновременно с разных сторон, застигнув Куллу врасплох. А могли подойти друг за другом: первый отвлекал бы противника, а второй тем временем целился у него из-за спины.

Но ни один из этих планов не годился. Их враг был способен убивать, буквально и глазом не моргнув. Правда, в отличие от фальшивых Призраков-проекций, которые Кулла мог поддерживать в рабочем состоянии в течение долгого времени, его смертоносные лучи требовали перезарядки. Джейкоб жалел, что не запомнил, сколько зарядов выпустил принг в ходе схватки на другой стороне корабля… или хотя бы с какой частотой. Хотя, возможно, это было и не важно. У Куллы два глаза и двое противников. По одному выстрелу на каждого может оказаться более чем достаточно.

А что хуже всего, они не были уверены, что Кулла с его голографическими талантами не вычислит их местонахождение в ту же секун-

ду, как они ступят на палубу — по отражениям на внутренней стороне купола. Причинить им физический ущерб с помощью отражений он, вероятно, не сможет, но это было слабое утешение.

Если бы сигнал так дьявольски не ослаблялся, рикошетом отражаясь от стен и сводов, они бы попытались обезвредить пришельца посредством параметрического лазера, залив его светом весь корабль, а сами бы всем экипажем, прихватив с собой Фэйгина, спрятались в гравитационной петле.

Джейкоб чертыхнулся себе под нос, недоумевая, чего наверху так долго возятся с лазером. Стоявший неподалеку Хьюз что-то вполголоса пробормотал в интерком. Потом обернулся к Джейкобу и объявил:

— Они готовы!

Защитные очки почти избавили их от неприятных ощущений, когда купол по другую сторону корабля озарила яркая вспышка. Тем не менее в первые секунды глаза с непривычки заслезились, пришлось ждать, пока они приспособятся к свету.

Комендант де Сильва, предположительно не одна, а в компании доктора Мартин перетащила лазер в другую точку, у края верхней палубы. Если

ее расчеты были верны, луч должен был ударить именно в ту часть купола обратной стороны, где располагался терминал. К сожалению, чтобы попасть из точки А в точку Б сквозь узкую щель на краю палубы, требовались столь сложные вычисления, что заранее приходилось смириться: возможно, луч пройдет мимо цели, не причинив Кулле никакого вреда.

Но пришелец, похоже, не на шутку всполошился. Как только пространство залило светом и пришлось зажмуриться из-за рези в глазах, откуда-то справа вдруг донесся перестук челюстей и шум, как будто там кто-то метался.

Когда перед глазами прояснилось, Джейкоб различил в воздухе узор из тонких светящихся линий. Это луч п-лазера оставлял за собой след на висевшей в воздухе пыли. Весьма удачно. Теперь они не напорются на луч по неосторожности.

— Интерком на максимуме? — торопливо спросил он.

Хьюз поднял оба больших пальца.

— Хорошо, тогда вперед!

Лазер случайным образом выдавал вспышки излучения в сине-зеленом спектре. Джейкоб и Хьюз надеялись, что это помешает выследить их по отражениям на купольных сводах.

Джейкоб сгруппировался и стал отсчитывать вслух:

— Раз, два, вперед!

Он порскнул через открытую площадку и спрятался за одну из громоздких камер, установленных вдоль края палубы, а вскоре услышал, как Хьюз тяжело плюхнулся в другое укрытие, через две камеры по часовой стрелке от него.

Встретившись с ним взглядом, Хьюз один раз взмахнул рукой и сипло прошептал:

— Ничего нет!

Джейкоб выглянул из-за камеры, воспользовавшись для этого захватанным зеркальцем из аптечки. У Хьюза было свое зеркальце, позаимствованное из косметички доктора Мартин.

Куллы нигде не было.

Общими усилиями, каждый из своего укрытия, напарники могли охватить примерно три пятых палубы. Компьютерный терминал располагался у противоположной стены купола, всего в каких-то паре-тройке метров от границы обзора Хьюза. Джейкобу предстояла длинная череда перебежек от одной камеры к другой.

На поверхности купола, там, куда падал лазерный луч, вспыхивали яркие пятна. Их оттенок постоянно менялся. В остальном же Джейкоба

с Хьюзом окружало розово-красное марево хромосферы. Несколько минут назад они покинули крупное волокно, а с ним и стадо тороидов, оставшееся сотней километров ниже.

Пресловутый низ находился прямо у Джейкоба над головой. Фотосфера с Большим Пятном посередине казалась отсюда огромными, плоскими, бескрайними, огненными сводами пещеры, откуда, словно сталактиты, свисали грозди спикул.

Джейкоб собрался с духом и рванул с места, согнувшись в три погибели и стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не наткнуться на потенциальную засаду.

Перемахнув через лазерный луч, чей путь был прочерчен парящими частичками пыли, он нырнул наконец за соседнюю камеру. Быстро достал зеркальце и осмотрел открывшуюся перед ним территорию.

Куллы по-прежнему не было видно.

А теперь не видно еще и Хьюза. Джейкоб дважды коротко свистнул, подавая заранее оговоренный условный сигнал. Все чисто. Напарник ответил одним свистком.

На следующий раз луч проходил чуть выше, под него удобнее было нырнуть, а не перепрыгивать. Весь короткий отрезок пути Джейкоб

чувствовал, как по телу в ожидании поджаривающей вспышки, нацеленной прямо в его бок, ползут мурашки.

Запнувшись, он влетел за очередную камеру и инстинктивно ухватился за нее, чтобы не упасть. Джейкоб запыхался и с трудом переводил дыхание. Нет, так дело не пойдет! И пробежал-то всего ничего, а уже выдохся. Что-то тут не то.

Он с усилием сглотнул и стал осторожно выдвигать из-за камеры зеркальце, на этот раз с той ее стороны, что против часовой стрелки.

Пальцы пронзила резкая боль, он вскрикнул и выронил зеркало. Здорово тянуло пососать обожженный участок, однако Джейкоб сдержался, только разинул рот от нестерпимой муки.

Повинуясь рефлексам, он стал погружаться в легкий болеутоляющий транс. Плясавшие перед глазами красные всполохи погасли, пальцы стали как чужие. Затем волна облегчения схлынула. Больше всего происходящее напоминало перетягивание канатов. Дальше продвинуться не удавалось; как бы он ни пытался сконцентрироваться, что-то внутри с не меньшей силой противилось гипнозу.

Очередные каверзы мистера Хайда. Но что бы он там, к дьяволу, ни затеял, сейчас было не до

него. Боль немного улеглась, и Джейкоб взглянул на руку, оценивая повреждения. Указательный и безымянный пальцы были серьезно обожжены. Остальные пострадали куда меньше.

Ему удалось наконец свистнуть, подавая Хьюзу сигнал. Пора было приводить в действие его план, единственный план, имевший хоть сколько-нибудь реальные шансы на успех.

Приходилось рассчитывать только на то, что они выберутся в открытый космос. Систему сжатия времени заклинило в автоматическом режиме — это было первое, о чем позаботился Кулла, после того как вывел из строя мазерное сообщение с Землей. В итоге субъективное корабельное время почти совпадало с реальным, которое требовалось, чтобы покинуть хромосферу.

Поскольку напасть на Куллу и скрутить его — почти наверняка идея неосуществимая, лучшим способом заставить пришельца отложить свои планы насчет убийства и самоубийства было разговорить его.

Джейкоб сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, а потом облокотился о голографическую камеру, стараясь держать ушки на макушке. Кулла всегда перемещался довольно шумно. Это

была единственная возможность предотвратить дальнейшие атаки принга. Если тот высунет нос на открытое пространство и будет, как обычно, изрядно шуметь, Джейкоб попробует воспользоваться шокером, который сжимал здоровой рукой. У этого оружия была довольно широкая зона поражения, поэтому тщательно целиться не требовалось.

— Кулла! — окликнул он противника. — Вам не кажется, что все это зашло слишком далеко? Может, выйдете, и мы поговорим?

Джейкоб прислушался. Откуда-то доносилось еле слышное жужжание, словно Кулла тихонько постукивал челюстями, не разжимая толстых, складчатых губ. В ходе драки в верхней половине корабля ему и Дональдсону приходилось тратить добрую половину своих сил на то, чтобы уворачиваться от этих сверкающих белизной жвал.

— Кулла! — снова воззвал он. — Знаю, что глупо судить пришельца по меркам своего собственного биологического вида, но я искренне считал вас другом. Вы обязаны объясниться! Поговорите с нами! Если вы действуете по указке Буббакуба, то можете без всякой опаски сдаться, и клянусь, мы скажем ему, что вы оказывали яростное сопротивление!

Жужжание усилилось. Ненадолго к нему добавился звук шагов. Один, два, три… на этом все смолкло. Недостаточно, чтобы определить направление и прицелиться.

— Джейкоб, проштите меня, — разнесся над палубой негромкий голос Куллы. — Вы зашлуживаете того, чтобы ушлышать правду, прежде чем мы вше умрем, но шначала прошу ваш, выключите лажер. Мне больно!

— Мне тоже, Кулла. У меня обожжена рука.

— Мне очень, очень жаль, Джейкоб, — судя по голосу, принг был искренне удручен. — Поймите, пожалуйшта, вы для меня тоже друг. Я делаю это отчашти ради вашей рашы. Это необходимое прештупление, Джейкоб. Радует только, что шмерть уже ближко, и меня не будут мучить вошпоминания.

Аргументация инопланетянина привела Джейкоба в изумление. Какими бы мотивами Кулла ни руководствовался, а такого невежественного нытья Демва от него не ожидал. Он как раз придумывал достойную отповедь, когда по внутренней связи донесся голос Хелен де Сильвы.

— Джейкоб! Слышишь меня? Гравитационная тяга стремительно падает. Мы теряем скорость.

Она не упомянула, чем это грозит, но все

было понятно без лишних слов. Если в самое ближайшее время не предпринять никаких решительных действий, то их ждет долгое падение в фотосферу. Путь без возврата.

Когда корабль угодит в тиски конвективных ячеек[42], его затянет в ядро звезды. Если, конечно, к тому времени от корабля хоть что-нибудь останется.

— Видите ли, Джейкоб, — снова заговорил Кулла. — Пытатьшя жадержать меня бешполежно. Дело жделано. Оштаетшя лишь убедитьшя, что вам уже ничего не ишправить. Но прошу ваш, давайте рашштавим вше точки над і. Не хочу, чтобы мы погибли врагами.

Джейкоб вперился в клочковатую, водородно-красную солнечную атмосферу. Завитки огненного газа по-прежнему перемещались вниз (с его ракурса, наоборот, вверх), проплывая мимо корабля, но такое впечатление могло создаваться и из-за передвижения самого газа, а не судна. И движение, несомненно, замедлилось. Вполне может статься, корабль уже падает.

— Вы ужнали о моих шкрытых шпошобноштях

---

[42] notes: 42

Конвективная ячейка — замкнутая система циркуляции (как правило, в океане или атмосфере), состоящая из чередования восходящих и нисходящих потоков.

и ражоблачили мою миштификацию, проявив чрежвычайную проницательность, Джейкоб. Шопоштавив множештво обрывочных фактов, вы шумели найти ответ! Швяжать нынешние шобытия ш ишторией моей рашы — это был блештящий ход! Шкажите, хотя мои фантомы и ижбегали рашположенных вдоль палубы приборов, ваш не шмущало, что иногда Прижраки появлялись шверху, в то время как я шам находился на ижнанке корабля?

Джейкоб отчаянно напрягал мозги. Гладкий бок шокера приятно холодил щеку. Однако собраться с мыслями никак не удавалось, тем более что часть внимания приходилось тратить на поддержание беседы.

— Как-то не задумывался об этом, Кулла. Полагаю, вы перегибались через край, и ваше излучение проходило сквозь прозрачное силовое поле, поддерживающее палубу. Это объясняет, почему изображение выглядело искаженным. На самом деле оно отражалось от внутренней поверхности корпуса под тем или иным углом.

Это была существенная зацепка. Джейкоб удивился, как же до него раньше не дошло.

И та ярко-голубая вспышка в Бахе, когда он погрузился в глубокий транс! Ведь в следующее

мгновение, открыв глаза, он увидел перед собой Куллу! Иник, должно быть, сканировал его, формируя голограмму! Отличный способ досконально изучить нового знакомого и навсегда запомнить его черты!

— Кулла, — медленно произнес он. — Не то чтобы я затаил обиду, вовсе нет, но не в вас ли случайно кроется причина моих странных выходок в конце прошлого погружения?

— Вы угадали, Джейкоб. Ижвините, но вы штали шлишком нажойливы. Я рашшчитывал шкомпрометировать ваш. Однако потерпел неудачу.

— Но каким образом…

— Ушлышал рашшкаж доктора Мартин о вождейштвии шветового ижлучения на человека, вот как, Джейкоб! — Принг почти перешел на крик. Впервые на памяти Джейкоба Кулла осмелился прервать собеседника. — Я штавил экшперименты над доктором Кеплером мешяцами! Потом над Лароком и Джеффом… потом переключился на ваш. Я ишпользовал тонкий дифрагированный волновой пучок. Никто не мог его жаметить невооруженным глажом, но он жатуманил ваше шожнание! Я не жнал, как именно вы отреагируете. Но жнал, что поштавите шебя

в неловкую шитуацию. И шнова прошу меня проштить. Это было необходимо!

Теперь корабль уже совершенно точно прекратил набирать высоту. Большое волокно, которое они миновали всего несколько минут назад, снова нависло над головой. Высокие протуберанцы, сплетаясь, тянулись к судну, словно скрюченные пальцы.

Джейкоб пытался найти выход, на пути у его воображения встал мощный барьер.

Ну ладно! Сдаюсь!

Он призвал своего злого гения, свое альтер эго, готовый на любые выдвинутые им условия. Посмотрим, чего хочет от него это дьявольское отродье!

Джейкоб помотал головой. Что ж, придется прибегнуть к крайним мерам. Мистер Хайд вырвется из заточения и станет его неотъемлемой частью, как в прежние времена. Как в тот раз на Меркурии, когда он преследовал Ларока, как в тот раз, когда он вломился в фотолабораторию. Он приготовился к погружению в транс.

— Но зачем, Кулла?! Скажи, ради чего ты все это натворил?

Не то чтобы это имело сейчас значение. Но может быть, Хьюз запомнит услышанное. Не ис-

ключено, что Хелен записывает разговор. Самого же Джейкоба сейчас больше волновало другое.

Внутреннее сопротивление! Оказавшись в нелинейных и неортогональных координатах мышления, он пропускал чувства и гештальты через сито. Прежние автоматические механизмы контроля до некоторой степени еще действовали, и Джейкоб позволил им выполнять свою работу.

Мало-помалу вся мишура и маскировка отвалилась, как шелуха, и он оказался лицом к лицу со своей второй половиной.

Укрепления, остававшиеся во время прошлых осад абсолютно неприступными, на этот раз выглядели еще внушительнее. На смену земляным брустверам пришел камень. Засека[43] ощетинилась тонкими заостренными шестами длиной миль в двадцать. На самой высокой башне развевался флаг. На нем был начертан девиз: «Верность!» Под реющим полотнищем торчали две пики, и на каждую было насажено по голове.

Одну голову он опознал сразу же. Она принадлежала ему самому. Кровь, сочившаяся из перерубленной шеи, все еще поблескивала. На

---

[43] notes: 43

Засека — оборонительное сооружение из деревьев, поваленных крест-накрест или рядами вершинами к противнику.

лице застыло виноватое выражение.

Вторая пика заставила Джейкоба поежиться. На ней красовалась голова Хелен. Лицо девушки было обезображено шрамами и отметинами, как будто от перенесенной оспы, веки ее слабо трепетали. В ней все еще теплилась жизнь.

Но за что?! Чем Хелен-то заслужила страшную кару? И к чему эти намеки на самоубийство?.. Откуда такое нежелание слиться с ним и составить того ubermensch[44], каким он был когда-то?

Если бы Кулла решил сейчас напасть, Джейкоб оказался бы беззащитен. В его ушах звучал плач и завывания ветра. Взревели моторы, а затем послышался звук падения… Падала какая-то женщина и, пролетая мимо, звала его.

И впервые за все эти годы он смог наконец разобрать ее слова.

— Джейк! Осторожней на первой ступеньке!..

И это все? Столько хлопот, и все ради чего? Много месяцев он пытался раскопать в памяти Танины последние слова, а она, оказывается, и тут не изменила себе и решила пошутить?

Ну разумеется. Его шизофренический двойник перед лицом неминуемой гибели хочет показать,

---

[44] notes: 44
Сверхчеловек (*нем.*).

что слова, так долго ускользавшие от Джейкоба, были всего лишь очередной обманкой, ложным следом. Однако Хайд старается скрыть что-то еще. И это…

Чувство вины.

Джейкоб сознавал, что после случившегося на Ванильном шпиле он несет в себе груз вины, но даже не подозревал, сколь велика эта тяжесть. Теперь он видел, насколько нездоровым было это соглашение, заключенное Джекилом и Хайдом, в которое превратилась его жизнь. Вместо того чтобы постепенно залечивать душевные раны, последствия тяжелой утраты, он сотворил и наглухо запечатал искусственную сущность, которая разрасталась и паразитировала на нем и на его стыде за то, что позволил Тане упасть, за крайнюю самонадеянность человека, подумавшего в тот безумный день на высоте двадцати миль, что ему под силу справиться с двумя задачами одновременно.

Это была всего лишь еще одна форма самонадеянности, вера в то, что он сможет перескочить этот этап, не прибегая к обычному человеческому способу излечения от скорби, череде боли и ее преодоления, благодаря которой миллиарды его собратьев по биологическому виду испокон

веков справлялись с потерями. Он отверг и этот способ, и то утешение, которое сулило сближение с другими людьми.

А теперь он угодил в ловушку. До него дошел смысл девиза на башне. Страдая от болезненного помрачения рассудка, он надеялся частично загладить свою вину, демонстрируя верность человеку, которого подвел. Не внешнюю, а глубокую внутреннюю верность, извращенную верность, которая заключалась в стремлении отгородиться ото всех… При этом он был искренне убежден, что у него все в порядке, он ведь время от времени заводил любовниц!

Понятно, почему Хайд возненавидел Хелен. Не вызывало удивления и то, что он желал Джейкобу Демве смерти.

«Таня бы твой поступок не одобрила», — сказал Джейкоб своему двойнику. Но тот не слушал. У него была своя собственная логика, и мнение Джейкоба его не волновало.

«Черт, да она непременно подружилась бы с Хелен!»

Все напрасно. Барьер несокрушим. Он открыл глаза.

Багровое марево хромосферы сгустилось. Они находились внутри волокна. Цветная вспышка,

пробившаяся даже через защитные очки, заставила его взглянуть налево.

Это был тороид. Они снова оказались в самой гуще стада.

Мимо проплыло еще несколько магнитоядных, украшенных яркими узорами вдоль кромки. Они вертелись, как полоумные пончики, не ведая об угрозе, исходившей от солнечного корабля.

— Джейкоб, вы так ничего и не шкажали, — гудел фоном тягучий, пришепетывающий голос Куллы. При упоминании своего имени Джейкоб наконец очнулся и прислушался. — Ражумеетшя, вы можете придерживатьшя иного мнения нашчет моих мотивов. Но ражве вы не видите, каким великим благом обернутшя эти шобытия… причем не только для моего народа, но и для вашего и даже для ваших клиентов?

Джейкоб энергично встряхнул головой, прочищая мозги. Нужно пересилить навеваемую Хайдом дремоту! Зато есть и приятные новости: перестала болеть рука.

— Кулла, мне нужно время, чтобы все это обдумать. Давайте с вами уединимся и как следует обсудим ситуацию? Могу принести вам что-нибудь вкусненькое, и не исключено, что мы совместными усилиями отыщем выход.

Повисла пауза. Потом Кулла медленно произнес:

— Вы вешьма ижобретательны, Джейкоб. Жаманчивое предложение, но я ошожнаю, что вам и вашему другу лучше оштаватьшя на швоих мештах. В буквальном шмышле. А я жа этим прошлежу. Ешли хоть один иж ваш шелохнетшя, я «пошмотрю» на него.

Оцепенев, Джейкоб недоумевал, что такого «изобретательного» в том, чтобы предложить пришельцу угощение? А, кстати, действительно: почему ему вообще взбрело в голову кого-то кормить?

Скорость падения нарастала. Впереди виднелось стадо, выстроившееся в колонну и развернувшееся по направлению к зловещей стене фотосферы. Ближайший «пончик», мимо которого они проплыли, сиял голубыми и зелеными огоньками. С расстоянием краски теряли яркость. Самые дальние особи напоминали крошечные потускневшие обручальные кольца, и каждое их них было надето на миниатюрный маячок, мерцающий зеленым светом.

Ближайшие магнитоядные внезапно засуетились. По мере падения корабля они один за другим перемещались в сторону и «вниз» (во

всяком случае, так оно выглядело с «перевернутого» ракурса наблюдений Джейкоба). В какой-то момент салон солнечного корабля захлестнуло зеленое свечение — это над ними в вышине промелькнул лазерный шлейф. Тот факт, что члены корабельного экипажа были все еще живы, обнадеживал: это означало, что автоматические защитные экраны по-прежнему работают.

Снаружи вдруг возник какой-то вибрирующий силуэт: он появился откуда-то сверху и промчался мимо Джейкоба, мимо палубы, на которой он сидел. Потом настал черед еще одного подернутого рябью создания: оно ненадолго задержалось возле корабля, как раз неподалеку от того места, где прятался Джейкоб; его гладкое тело словно подернулось пленкой с радужными разводами. Затем оно, набирая скорость, взмыло ввысь и вскоре скрылось из виду.

Солнечные Призраки стали стекаться со всех сторон. Возможно, стремительное падение корабля наконец пробудило в них любопытство.

Судно уже миновало большую часть стада. Но на пути, прямо по курсу, наблюдалось еще одно крупное скопление магнитоядных. Вокруг этого скопища выплясывали крохотные сверкающие пастухи. Джейкоб от души надеялся, что они

успеют убраться с дороги. Если уж экспедиции суждено погибнуть, нет смысла тащить за собой на тот свет кого-то еще. Раскаленный луч охлаждающей лазерной установки обрывался пугающе близко.

Джейкоб собрался с духом. Иного выхода не было. Они с Хьюзом должны напасть на Куллу. Он издал условный сигнал: два коротких свистка и два длинных. После небольшой паузы послышался отклик. Напарник был готов к броску.

Он принялся ждать, напряженно прислушиваясь. Они с Хьюзом заранее договорились: сначала следует подкрасться поближе, а потом, каковы бы ни были шансы на победу, в наступление нужно переходить, как только кто-нибудь из них по неосторожности зашумит — прежде чем спохватится Кулла. Поскольку Хьюз находился дальше от цели, предполагалось, что он и выдвинется первым.

Джейкоб напружинился в полуприседе и заставил себя отрешиться от всего, кроме предстоявшей вылазки. В левой руке он сжимал шокер. Ладонь взмокла от пота. В изолированном уголке его сознания что-то толкалось и билось, отвлекая внимание, но он старательно игнорировал эту странную активность.

Где-то справа раздался звук: как будто что-то упало. Джейкоб выскочил из-за камеры, одновременно давя на гашетку шокера.

Никто не встретил их испепеляющим лазерным лучом. Куллы нигде не было видно. Драгоценный заряд шокер оказался потрачен впустую.

Он мчался вперед что было сил. Вот бы удалось застать пришельца врасплох, пока он разбирается с Хьюзом!

Освещение резко изменилось. Пока он бежал, багровое зарево фотосферы уступило место льющемуся с высоты голубовато-зеленому сиянию. Джейкоб, не сбавляя темпа, мельком глянул вверх. Свет исходил от тороидов. Огромные существа, порожденные Солнцем, торопливо выскальзывали из-под днища корабля, чтобы избежать столкновения, и устремлялись ввысь.

Загудели сирены, из интеркома донесся громкий голос Хелен, предупреждающий об опасности. Голубое сияние стало интенсивнее, Джейкоб перепрыгнул через след, прочерченный в пыльном воздухе лучом п-лазера, и приземлился всего в паре метров от Куллы.

Перед прингом, припав на одно колено и воздев вверх окровавленные руки, застыл Хьюз. По палубе вокруг него рассыпались ножи. Землянин

отрешенно глядел на Куллу в ожидании смертельного удара.

Джейкоб прицелился, но Кулла, уловив движение за спиной, молниеносно обернулся. Джейкоб нажал на гашетку, и на краткую долю секунды ему показалось, что победа осталась за ним.

А потом вся левая рука взорвалась невыносимой болью. От кисти к плечу пробежала судорога, заставив Джейкоба выронить оружие. Палуба качнулась под ногами, но зрение тут же прояснилось: прямо перед ним стоял Кулла, глаза его потухли и ничего не выражали. Зато челюсти принга были куда как выразительны: подвижные, похожие на щупальцы, губы широко разошлись, полностью обнажив устрашающие жвалы.

— Проштите, Джейкоб. — Речь пришельца была настолько невнятной, что слова сливались в кашу и удавалось уловить лишь общий смысл сказанного. — Так нужно.

Иник собирался разорвать его своими чудовищными челюстями, ходившими вверх-вниз, как два тесака! Джейкоб отшатнулся, охваченный ужасом и омерзением. Кулла надвигался на него, жвалы медленно и мощно клацали в такт его шагам.

Душу Джейкоба затопила волна покорности и смирения, осознание своего сокрушительного поражения и предчувствие неизбежной гибели. Это чувство сковывало по рукам и ногам, и он лишь беспомощно пятился мелкими шажками. Пульсирующая боль в руке меркла на фоне приближающейся кончины.

— Нет! — хрипло заорал он и, пригнув голову, бросился на Куллу.

В тот же миг по громкой связи снова зазвучал голос Хелен, и все окончательно поглотило голубое сияние. Раздался отдаленный гул, и вдруг какая-то могущественная сила оторвала их от пола и приподняла над яростно вспучившейся палубой.

Часть IX

Жил-был когда-то паренек, настолько добродетельный, что боги пообещали выполнить любое его желание. Он захотел всего на один день стать возничим солнечной колесницы. К Аполлону, предрекавшему кошмарные последствия, никто не прислушался, однако дальнейшие события доказали его правоту. Говорят, что Сахара – длинная полоса запустения, оставшаяся, когда неумелый возничий направил свою колесницу слишком близко к Земле. С тех пор боги предпочитали решать кадровые вопросы, нанимая только профессионалов.

М. Н. Плано[45]

[45] notes: 45

Следов ученого или писателя по имени М. Н. Плано найти не удалось. Возможно, это задуманная Дэвидом Брином литературная мистификация. Не исключено, что это имя отсылает нас к городу Плано в Техасе, железнодорожный маршрут из Миннеаполиса до Плано сокращенно обозначается «MN — Plano». Брин также цитирует М. Н. Плано еще в одной книге, не художественной, а именно в размышлениях о будущем человечества, озаглавленной «Прозрачное общество» (1998). Там Плано назван автором фразы «Никогда не приписывайте злому умыслу то, что вполне можно объяснить глупостью». Эта фраза известна как Бритва Хэнлона, впервые она использована Робертом Дж. Хэнлоном в 1980 году как эпиграф к сборнику афоризмов. Однако очень похожие высказывания есть у Роберта Хайнлайна, Наполеона и Гете.

26
Туннельный эффект[46]

Джейкоб упал по другую сторону компьютерного терминала. Приземление было не из приятных: он сильно ушиб спину, пожертвовав ею, чтобы уберечь от удара покрытые волдырями кровоточащие руки. К счастью, упругое покрытие палубы частично смягчило удар.

Джейкоб перекатился на живот, оперевшись о палубу локтями. Во рту чувствовался привкус крови, голова гудела как колокол. Корабль все еще потряхивало: магнитоядные, сгрудившись внизу и пихая друг друга, подталкивали его в днище, заливая пространство на обратной стороне судна слепящим голубоватым светом. Три особи прильнули к корпусу примерно в сорока пяти градусах выше палубы, полностью освободив макушку купола. Таким образом, охлаждающая лазерная установка могла беспрепятственно сбрасывать смертоносные излишки накопленно-

---

[46] notes: 46

Туннельный эффект — термин из квантовой механики. Преодоление микрочастицей барьера в случае, когда ее полная энергия меньше высоты барьера.

го солнечного жара обратно в фотосферу.

Размышлять, каковы цели затеянной тороидами возни: атакуют ли они, или у них просто игривое настроение (придет же такое в голову!) — было некогда. Нужно было разумно распорядиться неожиданной передышкой.

Хьюз шлепнулся неподалеку, уже успел подняться на ноги и теперь пошатывался, не до конца оправившись от шока. Джейкоб поспешно вскочил и поддержал его, стараясь не касаться своими израненными ладонями его рук, пострадавших ничуть не меньше.

— Соберитесь, Хьюз. Если Куллa оглушен, то совместными усилиями нам, пожалуй, удастся его одолеть!

Хьюз кивнул. Он был дезориентирован, но горел желанием помочь. Конечности пока плохо его слушались, поэтому Джейкобу пришлось подставить ему плечо.

Обогнув внутренний купол, они наткнулись на Куллу. Принг тоже едва успел очухаться и теперь силился встать. Пришелец нетвердо держался на ногах, но как только он обернулся, Джейкоб сразу понял: они обречены. Один глаз Куллы заполыхал огнем — Джейкоб впервые видел его в деле. А это означало…

Запахло жженой резиной, и ремешок его защитных очков лопнул в районе левого виска. Очки свалились, и на него обрушилось затопившее зал голубое сияние.

Джейкоб вытолкал Хьюза обратно, за поворот, и сам ринулся следом. Он понимал, что в любую секунду затылок может пронзить обжигающая боль, но они беспрепятственно доковыляли до шлюза гравитационной петли и с облегчением ввалились в люк.

Фэйгин тут же посторонился, освобождая для них место. От волнения он громко щебетал и размахивал ветвями.

— Джейкоб! Ты жив! И твой компаньон! Как хорошо, что мои страхи не оправдались!

— Как… — Джейкоб с трудом перевел дыхание. — Как давно мы падаем?

— Минут пять, может быть, шесть. Как только я пришел в себя, сразу последовал за вами. Боец из меня никудышный, но я мог бы перегородить проход своим телом. И тогда Кулле нипочем не пробиться наверх!

Кантен тоненько рассмеялся. Джейкоб, напротив, задумчиво нахмурил брови: а ведь это и впрямь интересный вопрос. Сколько энергии в запасе у Куллы? Он когда-то вычитал, что чело-

веческий организм функционирует в среднем с мощностью в сто пятьдесят ватт. Ресурсы Куллы явно были куда серьезнее, но он производил энергию короткими выплесками длиной в полсекунды, не больше.

Будь у Джейкоба немного времени, он бы как следует все рассчитал. Проецируя своих поддельных соляриан, принг поддерживал иллюзию в течение примерно минут двадцати. После этого антопоморфные Призраки «теряли интерес» к земному кораблю, а Кулла внезапно оказывался зверски голоден. Они все тогда списали его повышенный аппетит на нервное перенапряжение, на самом же деле пришельцу требовалось восполнить запас кумарина и, вероятно, других питательных веществ, дающих силы для применения лазера.

— Вы ранены! — просвистел Фэйгин, спохватившись. Ветви заколыхались от волнения. — Джейкоб, тебе лучше проводить своего товарища наверх. Пусть ваши раны обработают.

— Твоя правда, — кивнул Джейкоб, хотя ему было боязно оставлять кантена одного. — Заодно задам доктору Мартин парочку животрепещущих вопросов, пока она будет оказывать нам первую помощь.

Кантен испустил долгий свистящий вздох.

— Джейкоб, ни в коем случае не вздумайте беспокоить доктора Мартин! Она на связи с солярианами. Это наш единственный шанс!

— Она — что?!

— Их внимание привлекли вспышки параметрического лазера. При появлении существ она надела свой парашлем и установила с ними контакт! Они отрядили несколько магнитоядных вниз, под днище судна, и наше падение существенно замедлилось!

Сердце Джейкоба радостно екнуло. Кажется, они получили отсрочку. Однако он тут же снова нахмурился:

— Замедлилось? То есть мы все-таки падаем?

— К сожалению, да. Хотя и медленно. И неизвестно, долго ли еще тороиды смогут нас поддерживать.

Джейкоб не мог не отдать должное подвигу Мартин. Подумать только, установить связь с солярианами! Событие эпохального масштаба. И все же, несмотря на это, они обречены.

— Фэйгин, — обстоятельным тоном заговорил он. — Я постараюсь вернуться как можно скорее. А пока, как ты думаешь, получится у тебя подражать моему голосу достаточно убедительно,

чтобы одурачить Куллу?

— Надеюсь, что да. Во всяком случае, попробую.

— Тогда заговаривай ему зубы как можно дольше. Займись чревовещанием, иди на любые уловки, лишь бы не дать ему опомниться. Нельзя допустить, чтобы он успел влезть в компьютер!

Фэйгин свистнул в знак согласия. Джейкоб развернулся и, поддерживая Хьюза, двинулся на другую сторону корабля.

На сей раз ощущения от пребывания в петле были иными, словно гравитационные поля слегка сместились. Еще никогда его вестибулярный аппарат не вел себя так странно. Помогая Хьюзу преодолеть короткий дугообразный подъем, он вынужден был прилагать массу усилий, чтобы не потерять равновесия.

В верхней части корабля по-прежнему было красным-красно от багрового зарева хромосферы. Однако мерцающие голубовато-зеленые солярианe пританцовывали совсем рядом — так близко Джейкоб их еще не видел. Их ореол в виде крыльев бабочки достигал размеров самого корабля.

На этой стороне судна пыльный воздух тоже был расчерчен следами п-лазера. Сам же лазер жужжал внутри громоздкого корпуса, установ-

ленного на краю палубы.

Они увернулись от нескольких тонких лучей.

«Эх, если бы у нас были под рукой инструменты, позволяющие снять его со станины», — подумал Джейкоб. Впрочем, что толку в бесплодных мечтаниях. Он помог своему напарнику добраться до кресла, пристегнул его ремнями безопасности и отправился на поиски аптечки.

Аптечка валялась возле приборной доски. Милдред нигде не было видно — она явно облюбовала какой-то другой отсек, чтобы пообщаться с солярианами без свидетелей. Неподалеку все от той же приборной доски лежали крепко пристегнутые Ларок и Дональдсон, там же было недвижное тело Дубровского. Половину лица Дональдсона покрывала пена от ожогов.

Хелен де Сильва и оставшиеся члены команды склонились над приборами. Заслышав его шаги, комендант тут же вскинула взгляд:

— Джейкоб! Что там у вас?

Он спрятал руки за спину, чтобы не пугать ее видом ран. Его пошатывало, сохранять равновесие становилось все труднее. Долго он так не продержится.

— План не сработал. Но, по крайней мере, удалось его разговорить.

— Да, мы тут тоже слышали вашу беседу, а потом раздался грохот. Я пыталась предупредить тебя о столкновении с тороидами. Надеялась, что ты воспользуешься моментом.

— О да, это оказалось на руку. Когда корабль врезался в слой тороидов, встряска была что надо, но она спасла нас с Хьюзом от гибели.

— А что с Куллой?

Джейкоб пожал плечами.

— Он все еще там, внизу. Похоже, наш принг подвыдохся. При первой стычке он одним махом опалил Дональдсону половину лица. Внизу же расходовал силы очень скупо, стрелял с близкого расстояния, заняв стратегически выгодную позицию.

Он рассказал Хелен, как Кулла чуть не разорвал их своими жуткими жвалами.

— Боюсь только, его силы иссякнут еще не скоро. Если бы нас было побольше, мы бы могли атаковать его, пока не взяли измором. Но нас слишком мало. Хьюз бьет копытом, но вояка из него сейчас никакой. А вам двоим, насколько я понимаю, нельзя пока покидать командный пост.

На приборной доске замигал сигнал тревоги. Хелен сдвинула какой-то рычажок, и мигание

прекратилось. Она виновато покосилась на Джейкоба.

— Прости, мы уже все перепробовали. Сейчас пытаемся достучаться до компьютера, посылая ритмические коды к сенсорам корабля. Дело это небыстрое, к тому же постоянно приходится отвлекаться на более насущные локальные проблемы. Мы неуклонно теряем высоту. Приборы слушаются все хуже.

На панели управления снова загорелась лампочка, и Хелен спешно отвернулась. Джейкоб попятился. Меньше всего ему хотелось отвлекать ее от работы.

— Может, я на что-нибудь сгожусь?

Пьер Ларок, сидевший в кресле в нескольких футах от Джейкоба, заглянул ему в глаза. Коротышка был накрепко зафиксирован, стягивавшие его тело ремни крепились так, чтобы он не мог дотянуться и ослабить их. Надо же, Джейкоб начисто о нем позабыл!

Он заколебался. Поведение Ларока перед заварухой доверия не вызывало. Хелен и Милдред специально привязали его к креслу, чтобы не мешал.

Однако без помощника было никак не обойтись. Джейкобу вспомнилось, как на Меркурии

журналюга едва не удрал. Положиться на него, конечно, нельзя, но в прыти ему не откажешь.

Сейчас Ларок держался сдержанно и, казалось, искренне стремился помочь. Джейкоб поинтересовался у Хелен, можно ли его освободить. Та оторвала взгляд от панели управления и пожала плечами.

— Ладно. Но если будет ошиваться рядом с оборудованием, прибью. Так ему и передай.

Однако разъяснений не потребовалось. Ларок кивком дал понять, что согласен. Джейкоб нагнулся и принялся неловко ослаблять путы здоровыми пальцами правой руки.

— Джейкоб, что у тебя с руками?! — ахнула у него за спиной Хелен.

Ему было приятно, что она волнуется за него. Но когда девушка устремилась к нему, он торопливым жестом остановил ее. Сейчас у нее есть задачи поважнее, и она сама это прекрасно осознавала. Достаточно и того, что она проявила участие, — значит, он ей небезразличен. Хелен ободряюще улыбнулась, а потом снова сосредоточилась на приборах — и как раз вовремя: зазвучал сразу целый хор сигналов тревоги.

Ларок встал, расправил затекшие плечи, а затем, подобрав аптечку, с иронической улыбкой

направился к Джейкобу.

— Кем займемся в первую очередь? — осведомился он. — Вами, вашим приятелем или Куллой?

27
Возбуждение

Хелен пыталась улучить минутку, чтобы как следует все обдумать. Ведь должен же быть какой-то выход! Системы, в основе которых лежали достижения галактической науки, одна за другой выходили из строя. Уже отказали сжатие времени и гравитационная тяга, плюс несколько периферийных устройств. Если вырубится еще и управление внутренним гравитационным полем, они окажутся бессильны перед натиском хромосферных бурь — их просто размажет по внутренней поверхности корпуса.

И это еще не главная беда. Тороиды, поддерживавшие корабль и боровшиеся с притяжением Солнца, явно выдыхались. Они теряли высоту. Остальное стадо маячило где-то в вышине, еле различимое в розовом мареве верхних слоев хромосферы. Долго они так не протянут.

Снова замигал сигнал тревоги.

Есть контакт с системой контроля внутреннего гравитационного поля. Быстро подсчитав в уме параметры, капитан скорректировала програм-

му, приказав слить излишки топлива.

Бедный Джейкоб, он сделал все, что мог. Измотан до предела. Хелен устыдилась, что ее не оказалось рядом во время схватки на обратной стороне, хотя, разумеется, глупо было рассчитывать, что им удастся оттеснить Кулла от компьютерного терминала.

Теперь все зависело только от нее. Но что она могла поделать, если все проклятое оборудование пришло в негодность!

Впрочем, нет, не все. Если не считать мазерной связи с Меркурием, приборы, базировавшиеся на земных технологиях, по-прежнему работали исправно. С ними Кулла нахимичить не успел. Охлаждение продолжало функционировать. Электромагнитное поле, окружавшее обшивку, оставалось стабильным, хотя утратило способность выборочно пропускать больше солнечных лучей с обратной стороны корабля, что неудивительно.

Корабль вздрогнул. Толчок был такой, будто снаружи что-то с размаху врезалось в корпус. Потом еще раз. Край палубы залило сияние. В поле зрения вдруг возник краешек тороида, трущегося об обшивку. Над ним, переполошившись, металось несколько соляриан.

К толчкам добавился скрежет, громкий и устрашающий. Вдоль кромки бублика разливались яркие багровые пятна. Он пульсировал и трясся под ударами своих мучителей. А потом, ослепительно вспыхнув, исчез. Передний край солнечного корабля, лишившись опоры, резко накренился. Де Сильва и ее напарник силились выправить ситуацию.

Подняв наконец взгляд, Хелен заметила, что их союзники-соляриане уплывают прочь, а с ними и два последних тороида.

Видимо, пришельцы расписались в собственном бессилии. Бублик, покинувший их первым, уже превратился в светлое пятнышко в вышине, стремительно тающее в столбе зеленого пламени.

Стрелка альтиметра бешено вращалась. На мониторах обозначились пульсирующие фотосферные очаги грануляции и Большое Пятно — на сей раз и впрямь большое, больше, чем когда бы то ни было.

Подойти к Солнцу настолько близко не отваживался еще никто. А вскоре они и вовсе нырнут в него — первые люди на Солнце.

Жаль только, что насладиться славой они уже не смогут.

Хелен поглядела вслед исчезающим вдали солярианам и задумалась, не пора ли объявить всеобщий сбор, чтобы… пожалуй, чтобы попрощаться. Ей захотелось, чтобы Джейкоб оказался рядом.

Но он опять отправился на ту сторону корабля. Они столкнутся с поверхностью звезды раньше, чем он успеет вернуться.

Хелен рассеянно уставилась на крошечные зеленые огоньки в вышине. Интересно, каким образом тороидам удается перемещаться так быстро?

Вдруг она пулей вскочила, чертыхаясь. Чен удивленно покосился на нее.

— В чем дело, кэп? Защитное поле отказало?

Издав ликующий вопль, де Сильва защелкала переключателями.

До чего обидно, что не удастся отослать записи приборов-регистраторов на базу: ведь даже если им суждено сейчас погибнуть, это станет небывалым событием!

Кисти Джейкоба все еще пульсировали и, что еще хуже, зудели. А почесаться, конечно, было нельзя. Всю левую ладонь и два пальца на правой покрывала твердая корка регенерационной пены.

Он снова протиснулся в люк, ведущий в гравитационную петлю, и осторожно выглянул на противоположную сторону палубы. Фэйгин посторонился, дав ему возможность высунуть за край переборки новое зеркальце, приклеенное к кончику карандаша все той же противоожоговой пеной.

Следов Куллы обнаружить не удалось. На фоне потолка, в мерцающем голубоватом свечении выбивающихся из сил магнитоядных, выделялись неуклюжие силуэты камер. Пыльный воздух был крест-накрест расчерчен следами п-лазера.

Джейкоб подал Лароку условный знак, и тот юркнул в люк, опустил поклажу на пол и расположился рядом с Фэйгином.

Они по очереди намазали друг другу восстанавливающей пеной лица и шеи. Потом нацепили защитные очки, плотно приклеив их к коже все той же эластичной, похожей на резину, субстанцией.

— Надеюсь, вы в курсе, что это опасно, — напомнил Ларок. — От скользящего лазерного луча эта штука, может, и спасает, но она сама по себе крайне огнеопасна. Если на то пошло, это единственное горючее вещество, которое разрешено проносить на космические суда, — и все из-за ее

уникальных целебных свойств.

Джейкоб кивнул. Если видок у него сейчас такой же, как у журналиста, пришелец при их появлении может до того напугаться, что копыта откинет!

Он взвесил в руке коричневый баллон и брызнул пеной наружу, за пределы укрытия. Дальность струи невелика, но для самообороны сойдет. Содержимого в баллоне должно было хватить надолго.

Палуба под ними внезапно содрогнулась, затем корабль тряхнуло еще дважды. Джейкоб высунулся из люка и обнаружил, что судно переворачивается. Магнитоядное, до сих пор поддерживавшее корабль, покатилось вниз, к самой кромке палубы, удаляясь от заслонившей все небо фотосферы.

Должно быть, существо, подпиравшее корпус судна с другой стороны, тоже не выдержало. Это означало, что конец уже близок.

Корабль завибрировал и постепенно стал выравниваться. Джейкоб вздохнул с облегчением. Если срочно обезвредить Куллу, возможно, у них еще остались бы шансы на спасение. Но план этот представлялся решительно невыполнимым. Жаль, что нельзя просто бросить все и вернуться

наверх, к Хелен.

— Знаешь, Фэйгин, — заговорил он, — я уже не тот человек, которого ты когда-то знал. Будь тот тип на моем месте, он бы уже давно схватил Куллу. И нам бы сейчас ничего не угрожало. Мы же оба прекрасно знаем, на что он был способен. Пойми, пожалуйста, я старался. Но я просто уже не тот.

Кантен утешительно зашелестел:

— Я понимаю, Джейкоб. Ведь я пригласил тебя поучаствовать в проекте «Погружение в Солнце» именно ради того, чтобы ты переменился.

Джейкоб изумленно вытаращился на инопланетянина.

— Мой дорогой пройдоха, — ласково просвистел Фэйгин, — я же не предполагал, что все зайдет так далеко и наше положение окажется критическим. Я позвал тебя только ради того, чтобы помочь выбраться из кокона, которым ты окружил себя после событий в Эквадоре. А еще чтобы познакомить тебя с Хелен де Сильвой. План увенчался успехом. Я доволен.

Джейкоб окончательно растерялся.

— Но как же мое раздвоение личности… — Он осекся.

— Все с твоей личностью в порядке. У тебя

просто слишком буйное воображение, только и всего. Ну в самом деле, Джейкоб, нельзя же быть таким фантазером. И до чего изощренные идеи тебя порой посещают! Никогда не встречал более мнительного ипохондрика, чем ты!

Джейкоб лихорадочно соображал. Либо кантен пытается успокоить его исключительно из деликатности, либо искренне заблуждается, либо… он прав. Фэйгин никогда прежде не врал ему, особенно когда дело касалось столь личных тем.

Неужто мистер Хайд — не психическое расстройство, а всего лишь игра? В детстве, играя, он придумывал игрушечные вселенные, настолько яркие и наполненные деталями, что их трудно было отличить от реальности. Его вымышленные миры действительно в каком-то смысле существовали. Психотерапевты неорайхианской школы лишь улыбались и характеризовали его воображение как мощное, но без патологий, поскольку тесты всегда свидетельствовали: в важные моменты он отдает себе отчет, что это только игра.

Возможно ли, что и мистер Хайд — вымышленная сущность?

Следовало признать: до сего дня он ни разу не причинил какого-либо ощутимого ущерба. Да, он

был извечной занозой в заднице, но у поступков, которые Хайд заставлял его совершать, всегда находилась та или иная веская причина. Опять-таки, до сего дня.

— Когда мы с тобой познакомились, ты и впрямь был не вполне здоров. Но Шпиль тебя излечил. Лекарство *напугало* тебя, и ты сбежал в придуманный, игровой, мир. Я не в курсе подробностей этой игры, ты был очень скрытен. Но теперь я вижу, что ты очнулся. И произошло это примерно минут двадцать назад.

Джейкоб одернул себя. Прав Фэйгин или нет, сейчас некогда сидеть и болтать о ерунде. В его распоряжении остались считаные минуты, чтобы спасти корабль. Если это вообще осуществимо.

Снаружи по-прежнему мерцало зарево хромосферы. Фотосфера нависла над головой. Пыльные дорожки п-лазера перечеркивали внутреннюю поверхность корабельного корпуса.

Джейкоб попытался щелкнуть пальцами и поморщился от боли.

— Ларок! Бегом наверх и тащите вашу зажигалку! Одна нога здесь, другая там!

Ларок не шелохнулся.

— Зачем бежать, она у меня с собой, — сообщил он. — Но какой толк…

Джейкоб направился к интеркому. Если у Хелен осталось в запасе хоть немножко сил, настала пора пустить их в ход. Ему необходима небольшая отсрочка! Но прежде чем он успел врубить связь, корабль наполнился воем сирен.

— Софонты, — звенел в динамиках голос Хелен. — Прошу вас приготовиться к ускорению. Мы покидаем Солнце.

В голосе девушки слышалось веселье. Учитывая ситуацию, ее поведение казалось довольно эксцентричным, если не безумным.

— Ввиду нетипичного способа нашего надвигающегося отбытия рекомендую всем пассажирам одеться как можно теплее! В это время года Солнце бывает очень холодным!

28
Вынужденное излучение

Из вентиляционных труб, проходящих вдоль кожуха охлаждающего лазера, непрестанно тянуло холодом. Джейкоб и Ларок съежились вокруг импровизированного костерка, пытаясь загородить его от струй ледяного воздуха.

— Ну давай, малыш, гори!

На палубе тлела горстка стружек противоожоговой пены. Мужчины подбрасывали туда все новые комочки, и пламя мало-помалу разгоралось.

— Ха! — рассмеялся Джейкоб. — Мы как были пещерными людьми, так ими и остались, правда, Ларок? Человечество добралось до самого Солнца, но и здесь нам приходится разводить костры, чтобы согреться!

Ларок вяло улыбнулся и продолжил подбрасывать в огонь все более и более крупные кусочки застывшей пены. Прежде такой болтливый, журналист с самого момента своего освобождения держал язык за зубами, лишь изредка что-то злобно бормотал себе под нос и сплевывал.

Джейкоб сунул в костер самодельный факел: комок пены, воткнутый в тубу из-под сока. Постепенно пена занялась, испуская клубы густого черного дыма. Восхитительное зрелище!

Вскоре факелов стало несколько. Дым валил вовсю, неся с собой гнилостную вонь. Им пришлось отойти к вентиляционным трубам, чтобы было чем дышать. Фэйгин укрылся в глубине гравитационной петли.

— Ну что же, — провозгласил Джейкоб. — Вперед! — Он выскочил из гравитационной петли, метнулся влево и зашвырнул чадящий факел на самый край палубы так далеко, как только смог. Шедший за ним Ларок проделал то же самое, только кинул свой снаряд в противоположном направлении.

Шелестя и похрустывая ветками, за ними выбрался Фэйгин. Кантен, никуда не сворачивая, зашагал к другому краю палубы. Он избрал роль часового и собирался, если Кулла покажется, отвлечь огонь на себя. От импровизированных доспехов из пены ветвистый пришелец отказался.

— Все чисто, — негромко свистнул он. — Куллы нигде не видно.

Это была одновременно и хорошая, и плохая

новость. С одной стороны, зона, где мог находиться принг, сужалась. С другой — это значило, что, возможно, пришелец в этот самый момент пытается вывести из строя охлаждающий лазер.

Тем временем в салоне корабля делалось все ХОЛОДНЕЕ!

Задумка Хелен сразу показалась Джейкобу поистине гениальной. Поскольку защитные экраны, окружавшие корабль, продолжали функционировать нормально (и доказательством тому оставшийся в живых экипаж), де Сильва могла регулировать количество поступающего к кораблю солнечного тепла. Это тепло направлялось непосредственно к лазеру-холодильнику и сбрасывалось обратно в хромосферу вместе с излишками тепла от двигателей. Только на этот раз поток выстреливал с огромной силой и был направлен вниз. Отдача приостановила падение корабля, и тот начал набирать высоту.

Естественно, подобное вмешательство в систему автоматического контроля температуры не могло не повлиять на точность ее работы. Похоже, Хелен решила перепрограммировать технику так, чтобы погрешности если и отклоняли заданную температуру, то в сторону понижения. В этом диапазоне температур исправить погрешности

было проще.

Блестящая идея. Джейкоб надеялся, что ему представится случай сказать об этом де Сильве лично. А пока же на него была возложена задача проследить, чтобы дерзкий план капитана мог сработать.

Он двигался вдоль купола, пока не достиг точки, где у Фэйгина заканчивался обзор. Не оглядываясь, Джейкоб швырнул перед собой в разные стороны еще два факела. Оба продолжали чадить.

Из-за наполнявшего помещение дыма обзор ухудшился. В воздухе поблескивали траектории лучей п-лазера. Наименее четкие следы потихоньку растворялись, скрадываемые клубами дыма.

Джейкоб отступил, снова очутившись в поле зрения Фэйгина. У него в запасе имелось еще три курящихся снаряда. Отойдя к краю палубы, он как следует размахнулся и перебросил их под разными углами через центральный купол. Ларок присоединился к нему и тоже раскидал свою порцию факелов.

Один факел пролетел непосредственно над центральной точкой купола и, оказавшись на пути рентгеновского луча охлаждающего лазера,

исчез в облачке пара.

Джейкоб надеялся, что это не слишком отклонило луч. Предполагалось, что когерентные рентгеновские лучи прошивают корпус, если и нанося кораблю ущерб, то близкий к нулевому, однако луч не был рассчитан на столкновение с твердыми предметами.

— Готово! — прошептал он.

Они с Лароком поспешили к стене купола, возле которой хранились запчасти к записывающим устройствам. Ларок распахнул шкаф и вскарабкался по полкам так высоко, как только смог, а потом протянул руку напарнику.

Джейкоб в мгновение ока оказался наверху.

Теперь их положение было весьма уязвимым. Кулла обязан был как-то среагировать на очевидный жест угрозы — брошенные факелы. Тем временем рассмотреть хоть что-то сквозь дымовую завесу становилось все труднее. Помещение наполнилось удушливым дымом, Джейкобу казалось, что он того и гляди задохнется.

Ларок уперся плечом в верхнюю стенку шкафа и сцепил пальцы в замок. Воспользовавшись ими как ступенькой, Джейкоб взобрался товарищу на плечи.

На такой высоте купол становился пологим,

но поверхность его была слишком гладкой и скользкой, а у Джейкоба действовали всего три пальца из десяти. На помощь снова пришла противоожоговая пена — после нанесения она долго оставалась липкой. После двух неудачных попыток Джейкобу наконец удалось, оттолкнувшись от плеч Ларока, запрыгнуть на купол. От резкого толчка журналист пошатнулся, но устоял.

Поверхность купола на ощупь напоминала ртуть. Джейкобу пришлось распластаться по ней всем телом и ползти с черепашьей скоростью, сражаясь за каждый дюйм.

Чем ближе он подбирался к вершине, тем сильнее опасался охлаждающего лазера. Сделав передышку неподалеку от верхней точки, он различил выходное отверстие. Оно находилось в паре метров и негромко гудело; задымленный воздух мерцал, и Джейкобу оставалось только гадать, какова минимальная безопасная дистанция до смертоносного жерла.

Он отвернулся, стараясь выкинуть бесплодные страхи из головы.

Подавать напарникам сигналы о том, что он добрался до места, было слишком опасно. Приходилось рассчитывать на превосходный слух Фэйгина, который позволит пришельцу отсле-

дить его перемещения и правильно рассчитать время для отвлекающего маневра.

В запасе оставалось как минимум несколько секунд. Джейкоб решил воспользоваться ситуацией: он перекатился на спину и уставился вверх, на Большое Пятно.

Его окружало одно только Солнце.

С наблюдательной точки Джейкоба не было видно ни корабля, ни поля битвы, ни планет, ни звезд, ни галактик. Плотно прилегающая к коже оправа очков скрывала от него даже его собственное тело. Все пространство занимала фотосфера.

Она пульсировала. Заросли спикул, напоминающие кривой частокол, обрушивали на него шумовые волны, разбивавшиеся прямо над головой. Звуки дробились и кружились в хороводе, пока ощущение пространства не утрачивало всякий смысл.

Она ревела.

Джейкоб глазел на Большое Пятно, а оно, в свою очередь, пялилось на него. На миг эта бескрайняя ширь превратилась в лицо, изборожденное морщинами, суровый лик патриарха. Пульсация была его дыханием. Шум являл собой гул его великаньего голоса, напевающего древнюю, насчитывающую не один миллиард лет песню,

услышать и понять которую было под силу только другим звездам.

Солнце было живым. Более того, оно его заметило. Удостоило своим вниманием.

Зови меня животворным, ведь я твоя опора! Я пылаю, и из моего огня ты черпаешь жизненную силу. Я неизменно, и эта неизменность дает тебе точку отсчета. Пространство оборачивается вокруг меня, словно одеяло, и пронизывает своими таинственными ходами мои недра. Время кует свою косу в моем горниле.

Скажи-ка, живая тварь, заметила ли моя злая тетка Энтропия наш с тобой тайный сговор? Думаю, еще нет, ведь ты пока слишком ничтожен. Ты тщетно противишься ее натиску, словно жалкий мотылек на ветру. А меня она по-прежнему считает своим союзником.

Зови меня животворным, о живая тварь, и плачь! Я пылаю вовеки веков и, пылая, расходую ресурсы, восстановить которые никто не властен. Когда ты жадно припадаешь к моему источнику, тот потихоньку мелеет. Как только он иссякнет, мое место займут другие звезды, но и их срок не вечен!

Зови меня животворным и радуйся!

Ведь говорят, что ты, живая тварь, порой слышишь голос истинного Животворного. Он говорит с тобой, но не с нами, своими первенцами!

Сжалься над звездами, о живая тварь! Долгие тысячелетия мы поем, притворно радуясь, а сами прислуживаем Его жестокой сестрице в ожидании, когда ты достигнешь зрелости, крошечный зародыш, и когда Он дарует тебе свободу, ты снова изменишь порядок вещей.

Джейкоб беззвучно рассмеялся. Ну и фантазии! Все-таки прав был Фэйгин. Он прикрыл глаза, все еще ожидая условного знака. С того момента, как он достиг верхушки купола, прошло ровно семь секунд.

— Джейк… — Голос, который звал его, был женским. Он поднял взгляд, не размыкая век.

— Таня.

Она стояла возле детектора пи-мезонов, совершенно такая же, какой он заставал ее много раз, заходя за ней после работы. Заплетенные в косу темные волосы; зубы немного неровные, но белые; широкая, душевная улыбка и огромные глазищи с морщинками в уголках. Она шагнула к нему грациозно, но твердо, и встала напротив, руки в боки.

— Ну наконец-то, я уж и не надеялась! — воскликнула она.

— Таня, я… что ты имеешь в виду?

— Наконец-то ты представил меня не падающей! Думаешь, мне охота переживать это снова и снова? Почему ты никогда не вспоминал меня в какие-нибудь другие, более приятные, моменты?

Джейкоб внезапно осознал, что это чистая правда. За последние два года он прокручивал в голове только те, последние, мгновения Таниной жизни, начисто позабыв все остальное время, проведенное вместе!

— Что ж, вынуждена признать, для тебя это все-таки оказалось полезно, — кивнула она. — Кажется, ты наконец избавился от своего проклятого высокомерия. Просто думай обо мне хоть иногда, прошу тебя! Не терплю, когда меня игнорируют!

— Хорошо. Я буду помнить о тебе, Таня. Обещаю.

— И обрати внимание на звезду! Прекрати считать, будто все вокруг — лишь игра твоего воображения!

Она вдруг смягчилась. Ее образ стал тускнеть.

— Ты прав, Джейк, милый. Она мне понравилась. Желаю счас…

Он открыл глаза. Над головой пульсировала

фотосфера. Пятно на поверхности звезды действительно смотрело на него. Очаги грануляции медленно вздымались, напоминая размеренное биение сердца.

«Все увиденное только что — твоя работа?» — мысленно поинтересовался он.

Ответ захлестнул его всего без остатка, пронзил тело насквозь и вышел через поры. Нейтрино как средство от неврозов. Пожалуй, самый оригинальный метод лечения!

Снизу коротко свистнули. Джейкоб опомниться не успел, как заскользил вниз и вправо, как раз туда, откуда доносился звук. Действовал он бесшумно, стараясь не производить лишних движений.

Потом завис, разглядывая макушку Куллы а-Принг, аб-Пил-аб-Киса-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер.

Пришелец стоял, повернувшись влево, рука его по-прежнему касалась панели терминала. Дым сгустился настолько, что трудно было хоть что-то разглядеть, но на месте лучей п-лазера еще виднелось остаточное свечение.

Слева донесся треск, а справа топот Ларока, торопившегося обогнуть купол.

Вот из-за изгиба купола высунулись ветки с серебристыми кончиками. Кулла пригнулся, и

один из сверкающих световых рецепторов Фэйгина задымился и обуглился. Кантен пронзительно взвизгнул и скрылся из поля зрения. Кулла тут же развернулся, ожидая подхода противника с противоположной стороны.

Джейкоб вынул из кармана баллон с противоожоговой пеной, прицелился и нажал на распылитель. Тонкая струйка жидкости по дуге устремилась к глазам Куллы. За миг до этого из-за поворота выскочил Пьер Ларок. Низко наклонив голову, он сквозь дым рванул к пришельцу.

Кулла отпрянул. Струя так и не достигла его глаз. В ту же секунду вспыхнула яркая искра, и вся струя с шипением превратилась в поток пламени. Кулла попятился, заслоняя лицо ладонями. Ларок промчался под градом падающих угольков и врезался пришельцу в живот.

Кулла чуть не упал. Весь в дыму, хрипло дыша, он ухватил журналиста за шею, сначала просто чтобы сохранить равновесие, а потом принялся его душить. Ларок яростно отбивался, однако все было напрасно. Проще было вырваться из объятий парочки боа-констрикторов. Лицо коротышки побагровело, он задыхался.

Джейкоб изготовился к прыжку. Дым сгустился настолько, что ему стоило немалых трудов не

закашляться. Еще труднее было держать себя в руках и не пороть горячку, дожидаясь подходящего момента. Если Кулла успеет его заметить, то без колебаний тут же прикончит Ларока. Испепелит их обоих одним взглядом.

Мышцы напряглись, словно сжатая пружина, и Джейкоб спрыгнул с купола.

Затем последовал захватывающий полет. По его субъективным ощущениям, время замедлилось не хуже, чем под действием генератора временного поля. Ему казалось, будто он движется размеренно и неспешно, как в замедленной съемке. Когда-то он вовсю пользовался этим приемом и вот на автомате прибег к нему снова.

Преодолев треть пути, Джейкоб заметил, что Кулла начал поворачивать голову. Разглядеть, что происходит с Лароком, не представлялось возможным. Сквозь дымовую завесу были видны лишь полыхающие красным огнем глаза Куллы и пятна света там, куда падал взгляд пришельца.

И вот смертоносный взгляд устремился вверх. Это напоминало напряженную гонку: успеет ли Джейкоб попасть в нужную точку раньше, чем Кулла засечет его? Если пришелец выпустит остронаправленный луч, интересно, какова будет его траектория?

Нервы были на пределе. Происходящее все больше напоминало насмешку судьбы. Джейкоб решил усилием воли ускорить время и посмотреть, к чему это приведет.

Вспышка, затем зубодробительный, перехватывающий дыхание удар — его плечо угодило в висок Куллы. Он крепко вцепился в одеяние принга, и сила инерции отбросила обоих на палубу.

Хватая ртами воздух и сплетясь в клубок беспорядочно машущих рук и ног, человек и инопланетянин покатились по полу. Джейкобу каким-то чудом удалось обхватить противника сзади и сдавить его цыплячью шею. Кулла яростно вырывался, пытаясь повернуть голову, чтобы укусить соперника или поджарить его лазерным взглядом.

Мощные и гибкие, как щупальца, пальцы пришельца отчаянно цеплялись, пытаясь отвоевать преимущество в сражении. Джейкоб вовремя увильнул от удара и попробовал перевернуть Куллу, чтобы взять его в железный захват ногами. Ему это даже наполовину удалось, но тут правое бедро пронзила острая боль.

— Ну же, давай еще! — хрипло каркнул он. — Стреляй, Кулла, израсходуй весь заряд!

В незащищенные ноги впились два лазерных луча, посылая к мозгу мини-цунами нестерпимых мук. Мук, от которых Джейкоб усилием воли отвлекся, молясь, чтобы Кулла поскорее выдохся.

Однако принг как назло перестал расходовать лучи впустую. Он принялся выворачиваться с удвоенной силой и каждый раз, как Джейкоб касался палубы, припечатывал его покрепче. Оба кашляли. Кулла втягивал в себя густой, едкий дым с таким звуком, будто внутри у него была бутылка, наполненная перекатывающимися подшипниками.

Ничем этого черта не проймешь! Как только выдалась краткая передышка, Джейкоб попытался усилить хватку и придушить-таки противника. Но у того словно не было уязвимых мест! Вопиющая несправедливость! Джейкоб хотел было в сердцах выругаться, но решил сэкономить силы и воздух. Легкие разрывались, всякий раз, как принг наваливался на него, землянин давился кашлем.

Струящиеся слезы затуманивали обзор, глаза нестерпимо жгло. Джейкоб вдруг сообразил, что защитные очки куда-то подевались! Либо Кулла снова пережег ремешок, когда он спускался с купола, либо они слетели в пылу схватки.

И куда запропастился чертов Ларок?!

Руки дрожали от напряжения, живот покрылся ссадинами, в паху ныло от постоянных ударов о палубу. Кашель Куллы звучал все более жалобно и надсадно, но и из его собственной груди исторгалось устрашающее клокотание. Он чувствовал неумолимое приближение теплового удара и с ужасом думал: неужели эти мытарства никогда не закончатся?

Пришелец впечатал его спиной в тлеющие остатки противоожоговой пены. Кожу опалило адским пламенем, и Джейкоб вскрикнул. Боль была такой резкой и неожиданной, что отогнать ее на задворки сознания никак не удавалось. Пальцы, все это время крепко сжимавшие глотку принга, на миг ослабли, и этого хватило, чтобы инопланетянин вырвался. Джейкоб пытался ухватить его снова, но тот ловко вывернулся, и землянин промазал.

Кулла отполз подальше, а затем развернулся к противнику своим смертоносным ликом. Джейкоб зажмурился и прикрыл лицо левой рукой, ожидая лазерного удара.

Он попытался встать, но, кажется, что-то приключилось с его легкими. Они отказывались работать в полную силу. Никак не удавалось

вдохнуть достаточно воздуха, и, пока он медленно поднимался на колени, перед глазами все кружилось. Спина горела и по ощущениям напоминала поджаренную котлету.

Неподалеку, метрах в двух, не больше, раздалось громкое клацанье. Еще раз! И еще, уже ближе.

Джейкоб убрал руку с лица. У него больше не осталось сил. Да и жмуриться не было никакого смысла. Он открыл глаза и увидел Куллу, припавшего к полу всего в каком-то метре от него. В плотных клубах зловонного дыма виднелись только красные глазищи и сверкающие белоснежные зубы.

— Кх… Кулла, — слова падали в пустоту, будто крошечные, не попавшие в цель снаряды, — сдавайся… Предупреждаю… это твой последний шанс…

Тане бы это понравилось, подумал он. Отличная прощальная речь, ничем не хуже, чем у нее. Он надеялся, что Хелен все слышит.

«Прощальная речь? Черт, а почему бы и не устроить Кулле хорошенькое представленьице на прощание? Даже если он перепилит мне глотку или просверлит дырку в мозгу прямо сквозь веки, у меня останется немножко времени, чтобы

преподнести ему сюрприз!»

Джейкоб вытащил из-за пояса баллончик с пеной. Ну, сейчас он покажет этому прингу! И пускай его испепелят в ту же секунду, вместо того чтобы обезглавить.

Чудовищная боль стальной иглой прошила левый глаз. Как будто молния пронзила голову насквозь и вышла из затылка. Однако он все же успел нажать на распылитель и направить струю туда, где стоял пришелец.

29
Поглощение

Корабль взмывал все выше, миновав стадо тороидов. Хелен на миг подняла на них взгляд.

Синее и зеленое свечение на таком расстоянии стало почти незаметным, однако существа все равно сияли, словно крошечные раскаленные добела кольца, островки жизни, выстроившиеся в миниатюрную колонну и теряющиеся на фоне бескрайней хромосферы.

Пастухов было уже и вовсе не различить.

Стадо нырнуло за темное волокнистое облако и скрылось из виду.

Хелен улыбнулась. «Жаль, что мазерная связь не работает! — подумала она. — А то все бы увидели, как отчаянно мы боролись. Поняли бы, что соляриане не собирались нас убивать, как кто-нибудь непременно вообразит, а наоборот, старались помочь нам. И мы вступили с ними в контакт!»

Загорелись сразу две сигнальные лампочки, и капитан снова склонилась к приборной доске.

У нее за спиной расхаживала туда-сюда доктор

Мартин. При всем рационализме парапсихолог вела себя не слишком последовательно. Она только что вернулась с противоположного конца купола и теперь мерила палубу шагами и что-то негромко бормотала себе под нос.

Слава Ифни, ей хватило ума никому не досаждать. Но пристегиваться к креслу она отказалась. Хелен пока не решалась попросить ее посмотреть, что делается на обратной стороне корабля. От доктора в ее нынешнем состоянии там будет мало толку.

В воздухе витал неприятный запах гари. Камеры, установленные по другую сторону палубы, показывали только густые клубы дыма. В течение нескольких минут оттуда были слышны крики и шум борьбы. Интерком дважды донес до команды чьи-то вопли. Всего пару секунд назад раздался душераздирающий визг, способный разбудить и мертвого. А потом наступила тишина.

Хелен постаралась отрешиться от каких бы то ни было чувств, кроме отстраненной гордости. Стоило отдать должное всем, и в особенности Джейкобу, — им удалось продержаться очень долго. Природное оружие Куллы должно было уничтожить их куда быстрее.

Вряд ли, конечно, победа осталась за Джейко-

бом, иначе они бы уже об этом узнали. Капитан запретила себе волноваться, лучше считать, что охватившая ее дрожь — от холода.

Температура опустилась до пяти градусов по Цельсию. Хелен вымоталась до предела, ей все труднее было реагировать на изменения ситуации, поэтому она выкрутила ручку барахлящего охлаждающего лазера на холод по максимуму. Перегрев сейчас мог обернуться катастрофой.

Она скорректировала конфигурацию электромагнитного поля — иначе в защите от ультрафиолетового излучения возникла бы брешь. Приборы послушались ее мягких прикосновений, и показатели пришли в норму.

Охлаждающая установка со стоном засасывала хромосферный жар, выстреливая в ответ потоком рентгеновских лучей. Они набирали высоту, но происходило это так медленно, что напоминало пытку.

И тут снова раздался сигнал тревоги. Но на сей раз он не просто предупреждал об отклонении от курса. Это был плач гибнущего корабля.

Вонь сделалась невыносимой. И что еще хуже, становилось все холоднее. Рядом кто-то зябко ежился и кашлял. Джейкоб с трудом сообразил, что этот кто-то — он сам.

Он разогнулся в сотрясавшем все тело приступе кашля. Ему потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы взять себя в руки и просто сесть в туповатом изумлении: надо же, он все еще жив!

Дым над палубой начал потихоньку рассеиваться. Отдельные клочья и завитки проплывали мимо, в сторону завывающих воздушных компрессоров.

Сам факт, что он еще способен что-то видеть, вызывал изумление. Джейкоб поднес руку к левому глазу. Тот был открыт, однако ничего не видел. Но хотя бы цел! Он прикрыл глаз и ощупал его тремя здоровыми пальцами. Глазное яблоко было на месте, как и скрывавшийся за ним мозг… а все благодаря дымовой завесе и тому, что у Куллы исчерпался запас энергии.

Кстати, о Кулле! Джейкоб завертел головой, высматривая пришельца. От резких движений его тут же замутило.

Клубы дыма расступились, обнажив палубу, а на ней, в паре метров от Джейкоба виднелась тощая бледная рука. В воздухе еще немного прояснилось, и взору предстала и вся остальная фигура инопланетянина.

Лицо ПВЦ чудовищно обгорело. Из огромных

глазниц свисали лохмотья плоти и торчали черные корки обугленной пены. Из глубоких ран с шипением сочилась синяя жижа.

Вне всякого сомнения, Кулла был мертв.

Джейкоб пополз к выходу. Прежде всего нужно было проверить, как там Ларок. И Фэйгин. Да, это в первую очередь.

Потом надо поскорее вызвать сюда кого-нибудь, кто займется компьютером… если, конечно, нанесенный Куллой ущерб еще можно компенсировать.

Рядом послышался стон. Джейкоб пополз на звук и обнаружил журналиста. Тот сидел в нескольких метрах от Куллы, сжимая руками голову и осоловело глядя перед собой.

— О-о… Это вы, Демва? Не отвечайте, у меня и так башка раскалывается!

— Вы в порядке?

Ларок кивнул.

— Раз мы оба живы, значит, Кулле повезло меньше? Он так и не довел начатое до конца, но, может, живые еще позавидуют мертвым, а? Mon Dieu![47] У вас такой видок, будто вас покромсали в лапшу. Я что, так же выгляжу?

---

[47] notes: 47
Боже мой! (*Фр.*)

Пережитая потасовка тому виной или нет, но к журналисту явно вернулась прежняя болтливость.

— Рано расслабляться, Ларок. Помогите мне встать. У нас еще уйма дел.

Ларок попытался подняться, но пошатнулся и в поисках опоры ухватился за плечо Джейкоба — у того от боли слезы выступили. Наконец они кое-как помогли друг другу принять вертикальное положение.

Факелы, должно быть, в конце концов догорели — дышать становилось все легче и легче. Однако перед носом в воздухе еще плавали клочья дыма. Парочка землян, держась друг за друга, поковыляла вдоль стенки купола.

В один прекрасный момент они наткнулись на луч п-лазера, тонкую прямую линию, пропоровшую воздух. Не в силах ни перешагнуть через него, ни подлезть снизу, они двинулись напролом. Джейкоб лишь поморщился, когда луч оставил кровавую отметину на бедре правой и внутренней поверхности левой ноги. Они продолжили свой путь.

Когда земляне нашли Фэйгина, тот был в тяжелом состоянии. Сколько они ни пытались привести кантена в чувства, тот не реагировал,

только из дыхательного отверстия доносились еле слышные звуки да слабо позвякивали серебряные колокольчики. Сдвинуть пришельца с места тоже не удалось. Из корневых отростков выдвинулись острые когти-крючья и насмерть впились в покрытие палубы. Когтей этих было несколько десятков, и отцепить их не представлялось возможным.

А дел и без того было по горло. Поколебавшись немного, Джейкоб с Лароком обогнули распростершегося на полу Фэйгина и направились к люку.

Джейкоб откашлялся и выдохнул в интерком:

— Хел… Хелен!

Он подождал. Ответа не последовало. До него донеслось лишь эхо его голоса, гулявшее среди стен на той стороне корабля. Значит, связь работает. Так в чем же дело?

— Хелен, ты меня слышишь? Кулла мертв! Хотя и нас здорово потрепало. Ты… сама или Чен… кто-то из вас может спуститься и починить…

От охлаждающей установки шел такой ледяной воздух, что Джейкоб вздрогнул. Сил на разговоры уже не было. Тяжело опираясь на Ларока, он добрел до шлюза и без сил рухнул на покатый пол гравитационной петли.

Его колотило в жестоком приступе кашля, он старался лежать на боку, чтобы поберечь обожженную спину. Но вот мало-помалу кашель отступил, оставив после себя саднящее горло и горящие легкие.

Клонило в сон. Вот бы отдохнуть! Просто вздремнуть минуточку, а потом отправиться дальше, на ту сторону корабля. И выяснить, что там стряслось.

Руки и ноги свела болезненная судорога, прокатившаяся по всему телу прямо в мозг. Слишком много боли, и разум слишком утомлен, чтобы отсекать болевые сигналы на подходе. Кажется, одно ребро сломано, и, вероятно, произошло это в драке с Куллой.

Впрочем, все это бледнело по сравнению с пульсирующей тяжестью в левой половине головы. Туда словно засунули раскаленный уголь.

Гравитационная петля вела себя как-то странно. Плотное всеохватывающее силовое поле должно было распределяться вдоль тела равномерно, но вместо этого оно волновалось, как море, и то накатывало на его спину, как прилив, то отступало.

Явно что-то было неладно. Но ощущение оказалось даже приятным, будто тебя убаюкивают.

Хорошо, наверное, сейчас было бы уснуть.

— Джейкоб! Слава богу! — голос Хелен гремел отовсюду и тем не менее был каким-то далеким — участливым, явственным, теплым, но при этом как будто несущественным. — Сейчас не до разговоров. Скорей поднимайся сюда, родной! Гравитационное поле слабеет! Отправляю за вами Мартин, но… — Раздался треск, и голос смолк.

«Как было бы здорово снова увидеть Хелен», — заторможенно подумал Демва. И тут наконец сонливость одолела его, и больше он уже ни о чем не думал.

Во сне он был Сизифом, человеком, проклятым богами и приговоренным вечно закатывать на гору огромный валун. Джейкобу всегда казалось, что он бы на его месте всех перехитрил. Он бы заставил гору считать себя плоской и при этом по-прежнему выглядеть как гора. Ему уже доводилось проделывать такой трюк.

Но на сей раз гора разозлилась. На ней откуда ни возьмись появились полчища муравьев, они покрыли его с ног до головы и болезненно кусались. Потом прилетели осы и отложили яйца прямо ему в глаза.

А главное — гора сама норовила его обдурить.

Некоторые ее участки стали липкими, и камень не желал катиться вперед. А кое-где склон, наоборот, сделался чрезвычайно скользким, и веса Джейкоба было недостаточно, чтобы удержаться на его поверхности. Земля, тошнотворно раскачиваясь, уходила из-под ног.

Он не помнил, разрешают ли правила игры ползти. Но, похоже, это был единственный выход — во всяком случае, передвигаясь ползком, он не соскальзывал.

Да и камень словно бы тоже ему помогал. Его нужно было лишь чуть-чуть подталкивать, а так он по большей части катился сам. Очень любезно с его стороны, только зря он так стонал и причитал. Валунам причитать не положено. И уж тем более по-французски. Джейкоб совершенно не обязан был все это слушать.

Тут он очнулся и осовело огляделся. Перед ним был люк. Только непонятно, какой из них: ведущий в верхнюю или нижнюю часть корабля. Одно радовало: дым почти рассеялся.

Снаружи надвигалась чернота, переходящая в прозрачность, а та, в свою очередь, превращалась в багровое зарево хромосферы.

Что это там, линия горизонта? Край Солнца? Впереди расстилалась плоская фотосфера, вор-

систый ковер малиново-черного пламени. В его глубинах зарождалось смутное движение. Поверхность пульсировала, над колышущимися черными выбросами вздымались длинные волокна, сплетавшиеся в диковинный узор.

Туда-сюда. Вперед и назад, снова и снова Солнце раскачивалось прямо у него перед глазами.

Милли Мартин застыла в дверях, зажав себе рот кулаком. В ее глазах плескался ужас.

Он хотел успокоить ее. Все в порядке. Угрозы больше нет. Мистер Хайд мертв, не так ли? Джейкоб вспомнил, что где-то видел его — кажется, на руинах замка. Лицо его было сожжено дотла, глаза выгорели, а труп жутко смердел.

Вдруг кто-то схватил его и потащил вниз. В данном случае «вниз» означало к люку. Но для начала надо было преодолеть пологий склон. Он рванулся вперед, и сам потом не помнил, как очутился снаружи.

Часть X

Диво дивное:
Дырка в бумаге, за ней
Звездная россыпь.
Кобаяси Исса (1763–1828)

30
Непрозрачность

Член комиссии Абатсоглу: «Таким образом, можно утверждать, что все разработанные Библиотекой системы вышли из строя в первую очередь?»

Профессор Кеплер: «Да, так и есть. Все они пришли в негодность. Продолжали работать только устройства, созданные на Земле земными инженерами. Вынужден уточнить: именно те устройства, которые пил Буббакуб и многие другие в ходе постройки корабля называли излишними и бесполезными».

Ч. К. А.: «Вы намекаете, что Буббакуб заранее знал…»

П. К.: «Нет, разумеется, нет. В некотором смысле его просто обвели вокруг пальца, точно так же, как и нас. Его доводы были чисто эстетическими. Ему претило, что галактические системы сжатия времени и гравитационного контроля засунут в допотопный корпус и подключат к устаревшей системе охлаждения.

Ведь отражающие поля и охлаждающая ла-

зерная установка базировались на физических законах, которые были известны человечеству еще с XX века. Немудрено, что его раздражало наше настойчивое желание, чтобы в основу корабля были заложены подобные технологии. Дело не столько в том, что галактические системы оставили их далеко позади, сколько в его предубеждении против доконтактной земной науки, которая казалась ему жалкой смесью догадок и шаманства».

Ч. К. А.: «Однако это шаманство сработало там, где новейшее оборудование оказалось бессильно».

П. К.: «Справедливости ради должен заметить, что это счастливое стечение обстоятельств. Кулла был искренне уверен, что земная техника ни на что не влияет, поэтому поначалу даже не пытался вывести ее из строя. А потом исправлять свои ошибки было уже поздно».

Член комиссии Монтес: «Я не понимаю одного, доктор Кеплер. И, уверен, многие коллеги разделяют мою озабоченность. Насколько мне известно, капитан солнечного корабля воспользовалась охлаждающим лазером, чтобы покинуть хромосферу. Но для этого нужно набрать такое ускорение, которое позволило бы преодолеть

силу притяжения Солнца! И это было возможно, пока на корабле действовали внутренние гравитационные поля. Но что произошло, когда они отказали? Разве корабль не должно было расплющить в лепешку?»

П. К.: «Это произошло не мгновенно. Системы отказывали одна за другой. Сначала дало сбой тщательно настроенное поле в гравитационной петле — туннеле, соединяющем главную палубу и нижний отсек, где размещено оборудование; потом автоматическая система контроля турбулентности; и наконец, постепенно вышло из строя основное поле, компенсировавшее внутри корабля солнечное притяжение. Но когда это произошло, корабль уже достиг нижних слоев солнечной короны. И капитан де Сильва уже была к этому готова.

Она понимала, что продолжать подъем после отказа внутреннего компенсационного поля равносильно самоубийству, и все-таки пошла на риск, чтобы сохранить и доставить на Землю уникальные записи. Альтернатива была — позволить кораблю падать, лишь слегка притормаживая и удерживая ускорение на уровне трех g.

К счастью, нашелся способ «безопасно» падать и при этом сохранить себе жизнь. Нужно было

попытаться попасть на орбиту выхода за пределы солнечного притяжения. При этом вся мощь лазера направлялась на то, чтобы заставить корабль при падении двигаться по наклонной.

По сути, Хелен действовала по той же схеме, по которой совершались пилотируемые погружения за десятки лет до Контакта, когда лазеры использовались для ускорения и охлаждения, а магнитные поля — для защиты. Только на этот раз погружение было вынужденным и не на слишком большую глубину».

Ч. К. А.: «Насколько близко они подошли к Солнцу?»

П. К.: «Чтобы не возникло путаницы, напомню, что корабль к тому моменту уже дважды падал: сначала когда отказали гравитационные двигатели, а потом когда соляриане, поддерживавшие судно, выбились из сил. Что же касается третьего раза, то они подошли к фотосфере ближе, чем когда-либо, буквально мазнули днищем по ее поверхности».

Ч. К. А.: «Но как же турбулентность, доктор Кеплер? Почему при отсутствии внутренней гравитации или сжатия времени корабль просто не раздавило?»

П. К.: «Благодаря этому спонтанному погру-

жению мы узнали о солнечной физике много нового. Уж не знаю, насколько это типично, но, по крайней мере, в этот раз хромосфера оказалась куда менее турбулентной, чем мы ожидали. Говоря «мы», я имею в виду всех, кроме пары прозорливых коллег, которым теперь приношу свои глубочайшие извинения… Но, думаю, ключевым фактором было все же мастерство пилота. Хелен, казалось, без особых усилий сотворила невозможное. Комиссия по аварийным ситуациям, изучив записи датчиков, пришла в полный восторг. Единственное, что их огорчает, — это что они не могут наградить де Сильву медалью».

Генерал Уэйд: «Да, команду спасателей поразило состояние экипажа. Корабль напоминал наполеоновское войско во время бегства из Москвы! Никто не подавал признаков жизни и не мог рассказать о произошедшем, так что вы понимаете, в каком замешательстве мы находились, пока не прокрутили записи».

Член комиссии Нгуэн: «Да уж, воображаю! Никто не ожидал, что из адского пекла к нам прилетит снежок. Доктор Кеплер, можно ли предположить, что у капитана были какие-то веские причины, чтобы переключить регуляторы отвода тепла на такой мороз?»

П. К.: «Затрудняюсь ответить. Думаю, она старалась поддерживать на борту невысокую температуру, чтобы сохранить записи. Система охлаждения работала нестабильно; если бы ее включили на обогрев, все могло сгореть. Полагаю, единственным мотивом капитана де Сильвы было сберечь носители информации. Возможно, она считала, что экипаж в любом случае выберется из этой передряги уже в консистенции клубничного варенья, поэтому биологические побочные эффекты понижения температуры ее не волновали.

Видите ли, Хелен оставалась довольно наивной во многих вопросах. В своем деле она была весьма компетентна, но не думаю, что она была в курсе современных достижений криохирургии. Полагаю, она будет очень удивлена, когда очнется через год.

Для остальных это тоже будет чудом, но более обыденным. Кроме мистера Демвы, разумеется. После невероятного спасения его уже вряд ли можно чем-нибудь удивить. Он человек несокрушимый. Думаю, он и сам сейчас, где бы ни блуждало во время анабиоза его сознание, уже это знает.

31
Распространение

Весной киты всегда устремляются на север.

Когда он в прошлый раз стоял на берегу и наблюдал за калифорнийской миграцией, многие серые гиганты из тех, что сейчас пронзали морскую гладь, еще не родились. Интересно, поют ли еще киты «Балладу о Джейкобе и Сфинксе»?

Может, и нет. Серые киты и раньше-то ее не слишком жаловали. Для таких сдержанных существ эта песня была слишком дерзкой, слишком… белужьей, что ли. Серые были самодовольными снобами, но он все равно их любил.

Пенистые волны с грохотом разбивались о камни у самых его ног. Пропитанный соленой влагой воздух, наполнявший легкие, парадоксальным образом насыщал — некоторые испытывают подобное чувство в булочной, вдыхая запах свежевыпеченного хлеба. Мерный пульс океана приносил с собой ощущение безмятежности и бесследно смывал все горести.

Врачи из госпиталя в Санта-Барбаре пытались усадить его в инвалидное кресло, но он предпо-

чел трость. Такой выбор ограничивал свободу передвижения, зато регулярные упражнения способствовали скорейшему восстановлению. После трех месяцев, прошедших с момента пробуждения и проведенных на стерильной фабрике по выращиванию органов, ему не терпелось поскорее встать на ноги и окунуться в жизнь, как она есть, без прикрас.

Например, послушать речи Хелен. Ни в какие логические рамки не укладывается, что человек, рожденный в разгар Бюрократии, столь невоздержан на язык, что заставляет краснеть граждан свободной Конфедерации. Почувствовав, что находится среди друзей, девушка раскрепощалась и ее речь становилась яркой и выразительной, а словарный запас потрясал широтой. Она как-то сказала, что это издержки детства, проведенного на спутнике. Потом улыбнулась и отказалась от дальнейших объяснений. Тогда он перешел к решительным действиям, но Хелен-то понимала, что еще рано и он в этом смысле пока ни на что не способен. Впрочем, как и она сама.

Врачи отменят гормоноподавляющую терапию только через месяц, когда закончится клеточное восстановление. И еще месяц им придется воздерживаться от серьезных нагрузок, вроде

космических полетов. И тем не менее Хелен постоянно провоцировала его, намекая на старую добрую «НАСАсутру» и шутливо интересуясь, хватит ли у него сил и упорства.

Доктора, как сговорившись с ней, твердили, что растерянность и ощущение собственного бессилия только способствуют выздоровлению. Укрепляют волю и желание поскорее вернуться к полноценной жизни или что-то в этом роде.

Что ж, если Хелен продолжит в том же духе, и ее, и врачей ждет большой сюрприз. К тому же Джейкоб никогда не придавал особого значения прогнозам медиков.

Ифни, до чего же тут красиво! Как чудесно смотреть на воду, такую приятно прохладную! Один этот вид успокаивал и приводил нервы в порядок получше всякого самовнушения.

Джейкоб развернулся и медленно побрел обратно, к длинному, вольготно раскинувшемуся дому своего дяди. Он нарочно выбрал трость и, пожалуй, опирался на нее даже чаще, чем это требовалось, наслаждаясь драматическим эффектом. Это заметно скрашивало ему дни болезни.

Дядя Джеймс, как обычно, заигрывал с Хелен. А она бессовестно кокетничала.

«Так ему и надо, старому козлу», — мстительно

подумал Джейкоб.

— Мальчик мой! — Дядя Джеймс театрально всплеснул руками. — Мы уже собирались идти искать тебя, правда-правда!

Джейкоб лениво ухмыльнулся.

— Ни к чему спешить, дядя Джим. Уверен, у нашей покорительницы звездных просторов есть в запасе еще немало увлекательных историй. Дорогая, ты уже рассказывала ему о черной дыре?

Хелен язвительно улыбнулась и заговорщически подмигнула.

— Погоди, Джейк, ты вроде сам просил не рассказывать. Но если ты считаешь, что твой дядя будет рад послушать…

Джейкоб покачал головой. Лучше, если дядя услышит эту историю из его уст. Хелен может перегнуть палку.

Мисс де Сильва была первоклассным пилотом, а в последние недели еще и отличным товарищем по конспирации. Но когда дело касалось их отношений, у Джейкоба почва уходила из-под ног. Слишком уж она была сильная и неординарная личность.

Когда, очнувшись, она узнала, что «Калипсо» уже улетел, то тут же записалась в команду разработчиков нового корабля «Везарий 2». План

заключался в том, беззастенчиво заявила девушка, чтобы дать Джейкобу Демве три года на выработку условных рефлексов, согласно учению академика Павлова. А в конце означенного периода она позвонит в маленький колокольчик, и он, предположительно, тут же побежит за ней и присоединится к ее космическим исследованиям.

У Джейкоба имелись свои соображения на этот счет, но уже было совершенно очевидно: Хелен де Сильва держит его слюнные железы под неусыпным контролем.

Еще никогда Джейкоб не видел, чтобы дядя Джеймс так нервничал. Невозмутимый политик на сей раз, похоже, чувствовал себя не в своей тарелке. Куда только подевалось разбитное ирландское обаяние, унаследованное по линии Альваресов! Он встревоженно тряс седеющей шевелюрой, а в зеленых глазах читалась невыразимая грусть.

— Гм, Джейкоб, мальчик мой, гости уже прибыли и ожидают в кабинете. Ими пока занимается Кристиан. Надеюсь на твое благоразумие. И все же не стоило приглашать этого правительственного хлыща. Мы б и сами могли все уладить. Как мне представляется…

Джейкоб прервал его взмахом свободной руки.

— Дядя, пожалуйста, мы же уже обо всем договорились. Вопрос требует обсуждения. Если ты откажешься от услуг Агентства по регистрации секретов, мне придется созвать семейный совет и вынести это дело на его суд! Ты ведь знаешь дядю Джереми — он, скорее всего, потребует, чтобы дело предали огласке. Поднимется шумиха, обо всем пронюхает судебный департамент, и ближайшие пять лет ты проведешь в компании маленькой штучки, издающей мерное «бип-бип-бип».

Джейкоб оперся о плечо Хелен, не столько ради поддержки, сколько чтобы лишний раз прикоснуться к ней, и помахал ладонями прямо у самого дядиного носа. С каждым «бипом» аристократичное лицо Джеймса все больше бледнело. Хелен смеялась до икоты.

— Ой, простите, — чинно пробормотала она.

— А не надо быть такой язвой, — прокомментировал Джейкоб, шутливо ущипнул ее и снова оперся на трость.

Кабинет выглядел не так внушительно, как зал для приемов Альварес-холла в Каракасе, но тут ведь не Каракас, а Калифорния. Джейкоб надеялся, что после сегодняшнего они с дядей не рассорятся в пух и прах.

Оштукатуренные стены и декоративные пото-

лочные балки придавали помещению испанский колорит. Среди обычных книжных полок выделялись застекленные витрины, где была выставлена дядюшкина коллекция самиздата времен Бюрократии.

На камне был высечен девиз: «Пока мы едины — мы непобедимы![48]»

При виде вошедших Фэйгин радушно засвистел. Джейкоб поклонился и приступил к длинному церемониальному приветствию, просто чтобы сделать другу приятное. Кантен регулярно навещал его в больнице. Сначала оба держались напряженно, поскольку каждый считал себя в неоплатном долгу перед другим. А в конце концов договорились, что каждый останется при своем мнении, но дружбе это не помеха.

Когда солнечный корабль при помощи лазера выбросило на гиперболическую орбиту и в него вломилась группа спасателей, тех ждало серьезное потрясение: весь экипаж скукожился в заморозке. Они долго ломали головы, что произошло с размазанным в лепешку телом принга, обнаруженным в приборном отсеке. Но особенно

---

[48] notes: 48

Строчка из песни чилийского поэта Серхио Ортеги. Песня была гимном левой коалиции, а после военного переворота в 1973 году стала символом народной борьбы.

их поразил Фэйгин: из-за лазерной тяги получилось, что кантен висел вверх тормашками, цепляясь за пол, ставший потолком, острыми коготками-крючьями.

Холод не нанес ему такого ущерба, как людям, у которых была повреждена почти четверть клеток, и он перенес безумную гонку сквозь фотосферу почти без потерь.

В итоге Фэйгин из Института Прогресса, привыкший скорее наблюдать со стороны и манипулировать, невольно вышел на авансцену. Он оказался, вероятно, единственным выжившим софонтом, на себе испытавшим, каково это — лететь вверх ногами сквозь плотную, непрозрачную среду фотосферы. В общем, теперь ему было что порассказать.

Но самое обидное, что поначалу кантену никто не верил. До тех пор, пока не прокрутили записи Хелен.

Джейкоб поздоровался с Пьером Ларроком. За прошедшие месяцы тот снова обрел цветущий вид, не говоря уж об аппетите. Журналист за обе щеки уплетал приготовленные Кристианом кулинарные шедевры. Все еще прикованный к инвалидному креслу, Ларок в ответ на приветствия улыбнулся и молча кивнул. Джейкоб

заподозрил, что ему просто неудобно было говорить с набитым ртом.

Последним из прибывших оказался высокий мужчина с вытянутым лицом, светлыми волосами и прозрачно-голубыми глазами. Он встал с дивана и протянул Джейкобу руку.

— Хан Нильсен к вашим услугам, мистер Демва. Я внимательно изучил свежие отчеты и рад наконец познакомиться с вами. Разумеется, все, что известно правительству, автоматически становится известно и Агентству по регистрации секретов, так что я вдвойне впечатлен. Однако осмелюсь предположить, что сегодня вы собрали нас здесь по вопросу, о котором правительству знать не следует?

Джейкоб и Хелен расположились на диване напротив, спиной к окну, из которого открывался вид на океан.

— Да, вы совершенно правы, мистер Нильсен. На самом деле вопрос даже не один. Мы хотели бы подать заявку на рассмотрение нашего дела Всеземным советом.

Нильсен нахмурился.

— Вы должны отдавать себе отчет, что совет пока находится в зачаточном состоянии. Делегаты от колоний еще даже не прибыли. Бюр…

чиновникам из Конфедерации (неужели с его губ чуть не сорвалось страшное ругательство «бюрократы»?) поперек горла одна только мысль, что Агентство по регистрации секретов ставит честность превыше закона. А Всеземной совет пользуется у них еще меньшей популярностью.

— Даже несмотря на то, что, как показала практика, это единственный способ преодолеть кризис, начавшийся после Контакта? — уточнила Хелен.

— Даже несмотря на это. Федералы кое-как переварили мысль, что полномочия совета будут больше, чем у каких бы то ни было межпланетных и межвидовых органов, однако им это не по душе и они всеми способами пытаются вставлять палки в колеса.

— Так в том-то и вся соль, — заметил Джейкоб. — Ситуация была критической задолго до катастрофы на Меркурии — настолько, что потребовалось создание совета. Критической, но не фатальной. После истории с проектом «Погружение в Солнце» все изменилось.

— Знаю, — угрюмо кивнул Нильсен.

— В самом деле? — Джейкоб уперся ладонями в колени и подался вперед. — А вы видели доклад Фэйгина о возможной реакции галактического

сообщества на огласку темных делишек пила Буббакуба? А ведь этот доклад был подготовлен задолго до того, как всплыла история с Куллой.

— Конфедерации все это известно. — Нильсен поморщился. — И действия Куллы, и его извращенная аргументация — все это в кратком изложении.

— Что ж, — Джейкоб вздохнул. — На то они и правительство. Они обязаны думать о внешней политике. Кстати, Хелен до поры до времени понятия не имела, чем окончилась наша вылазка в приборный отсек и не погибли ли мы, поэтому старалась фиксировать на камеры абсолютно все.

— Если бы Фэйгин не просветил меня, — подхватила де Сильва, — мне бы и в голову не пришло, что, может, федералам лучше было бы и не знать всей правды. Или что, возможно, стоило бы сразу передать это дело во Всеземной совет.

— Может, и стоило, но что мы… то есть совет, по-вашему, мог предпринять? Чтобы обрести влияние и благоприятный имидж, уйдут годы. К чему им рисковать, вмешиваясь в столь неоднозначное дело?

Все замолчали. Нильсен пожал плечами.

Потом извлек из дипломата миниатюрное

записывающее устройство, включил его и разместил в центре комнаты.

— Содержание нашей беседы не может быть обнародовано без санкции Агентства по регистрации секретов. Можете начинать, доктор де Сильва.

Хелен стала чертить пальцем в воздухе галочки, выделяя пункты в сказанном.

— Во-первых, нам известно, что Буббакуб совершил преступление как с точки зрения института Библиотеки, так и в глазах собственной расы, подделав библиотечный отчет и намеренно введя экипаж корабля в заблуждение: в частности, он объявил, что вступил в контакт с солярианами и воспользовался «реликвией летани», чтобы защитить нас от их гнева.

Мы думаем, что знаем мотивы, которыми руководствовался Буббакуб. Его смутило, что в Библиотеке не нашлось информации по Солнечным Призракам. А кроме того, он уже давно мечтал утереть нос «сиротской» расе, указав нам на нашу неполноценность.

Согласно галактическим традициям, подобные вопросы решаются выплатой со стороны пилов и Библиотеки компенсации землянам — чтобы держали язык за зубами. Для этого Конфедерации

достаточно всего лишь выбрать устраивающее их вознаграждение и надавить на пару рычагов. Однако в перспективе это может повлечь за собой враждебное отношение к нам пилов — и все из-за уязвленной гордости.

Они могут утроить усилия и добиться, чтобы наших клиентов, шимпанзе и дельфинов, лишили статуса «потенциальных софонтов». Пилы давно поговаривают и о том, чтобы понизить в статусе нас самих, приравняв к «приемным» клиентам, якобы чтобы наставлять нас и облегчить нам «сложный переходный период». Ну как, точно я описала ситуацию?

— Вполне, — кивнул Джейкоб. — Только зря не упомянула о моем промахе на Меркурии. Я выдвинул обвинения против Буббакуба в присутствии множества свидетелей! Нашу двухгодичную подписку о неразглашении никто и в грош не ставит, а федералы со своими попытками засекречивания спохватились слишком поздно. Так что эта история, должно быть, уже стала достоянием половины Галактики.

А это означает, что мы лишились преимущества и не сможем воздействовать на Буббакуба с помощью шантажа. Теперь они ни перед чем не остановятся, пока не превратят нас в «прие-

мышей», и используют возмещение ущерба от преступлений Буббакуба как предлог, чтобы навязать нам помощь, в которой мы не нуждаемся.

Он жестом предложил Хелен продолжить.

— Пункт номер два: как мы теперь знаем, в провале Буббакуба повинен Кулла. В его планы не входило, что мы примемся за расследование. Он сам собирался шантажировать пила.

Заручившись дружбой Джеффри, он поощрял попытки шимпанзе добиться его освобождения, чем вывел Буббакуба из себя. Последовавшая за этим смерть Джеффри вызвала среди членов команды растерянность и смятение — в такой обстановке Буббакуб, естественно, вообразил, что земляне поверят в любое устроенное им представление. Не исключено, что и временное помутнение рассудка, наблюдавшееся у Дуэйна Кеплера, было частью коварного плана и что тут не обошлось без наведенного Куллой гипноза.

И наконец, ключевым моментом плана Куллы была имитация антропоморфных Призраков. Эта часть была разыграна как по нотам. Одурачены оказались все. При таких невероятных талантах немудрено, что принги рассчитывали добиться от пилов независимости. Это одна из самых многообещающих рас из тех, с которыми

я сталкивалась.

— Но если пилы издавна шефствуют над прингами, — возразил Джеймс, — если именно благодаря им те прошли путь от почти животных до высокоразвитых существ, то почему Буббакуб не догадался, что Призраки были заготовленной Куллой фальшивкой?

— Если мне позволено будет вмешаться, — прощебетал Фэйгин, — принги имели право самостоятельно решить, кто из них будет сопровождать Буббакуба. Моему институту стало известно из независимых источников, что там, у себя, на одной из терраформированных планет, Кулла был заметной фигурой. Он происходит из творческой среды, о которой мы по-прежнему мало что знаем. Мы приписывали их таинственность и скрытность в этой области поведенческим моделям, унаследованным от пилов. Однако, как теперь стало понятно, скорее пилы сами пренебрегали искусством прингов. Заносчивые и чванливые, они принижали значимость творчества клиентской расы и тем самым невольно способствовали его развитию.

— И в чем же заключается их творчество?

— Логичнее всего будет назвать это голографической проекцией. Не исключено, что принги

практиковались в этом умении почти сто тысяч лет своего разумного существования, стараясь держать это в тайне от патронов. Преклоняюсь перед их упорством — не все способны хранить секреты так долго.

Нильсен присвистнул.

— Да уж, они должны бы страстно жаждать освобождения. Но я по-прежнему, хоть и внимательно прослушал все записи, не понимаю одного: с какой целью Кулла во все это ввязался? Чем фальшивые человекообразные Солнечные Призраки, гибель Джеффри и Буббакуб, пойманный на горячем, могут помочь прингам?

Хелен покосилась на Джейкоба. Тот кивнул:

— Твой выход, Хелен. Это же в основном твои умозаключения.

Хелен набрала побольше воздуха в легкие.

— Видите ли, Кулла не предполагал, что Буббакуб будет разоблачен так скоро, еще на Меркурии. Он вовлек своего патрона в аферу, заставил его пойти на трюк с реликвией летани, ожидая, что мы во все это поверим, во всяком случае, здесь и сейчас. Если бы его план сработал, он отправил бы в Библиотеку отчет из двух ключевых пунктов: первый — что Буббакуб дурак и врун, чью репутацию спасла лишь быстрая реакция его по-

мощника; и второй — что земляне представляют собой только кучку безобидных олухов, которых можно не брать в расчет.

Остановимся для начала на втором пункте. Даже при поверхностном взгляде совершенно ясно: никто за пределами нашей планеты не поверит в безумную историю о человекоподобных призраках, порхающих внутри звезды, тем более что в Библиотеке нет ни единого упоминания о них.

Теперь представьте, как Галактика отреагировала бы на россказни о созданиях из плазмы, которые потрясают кулаками и загадочным образом не отражаются на снимках, благодаря чему невозможно доказать их существование. Услышав такое, большинство сторонних наблюдателей не пожелают ознакомиться даже с действительно имеющимися доказательствами: съемками тороидов и настоящих соляриан.

Галактика и так посматривает на исследования землян со снисходительной усмешкой. То есть Кулла добивался, чтобы представителей проекта «Погружение в Солнце» подняли на смех, даже не выслушав.

Ларок, сидевший в противоположном конце комнаты, залился краской, ведь он и сам год назад презрительно высказывался о земных ис-

следованиях.

— Как коротко пояснил сам Кулла (между прочим, пытаясь в этот самый момент нас всех уничтожить), он сотворил поддельных Призраков для нашего же блага. Если бы мы выставили себя олухами, наше сообщение об открытии жизни на Солнце осталось бы незамеченным. В противном случае поднялась бы шумиха… А так мы получили бы шанс тихо и спокойно продолжать исследования, нагоняя остальные расы.

Нильсен нахмурился.

— Пожалуй, это не лишено смысла.

Хелен пожала плечами.

— Теперь уже в любом случае слишком поздно. В общем, как я уже упоминала, Кулла, похоже, собирался отправить в Библиотеку и отдельно расе соро отчет: дескать, земляне — безвредные идиоты, и, что важнее, Буббакуб тоже заразился от них идиотизмом, раз поверил в Призраков, и вся его авантюра была построена на этой вере.

Хелен повернулась к кантену:

— Правильно ли я изложила суть нашей дискуссии, Фэйгин?

Кантен тихо засвистел.

— Думаю, все так. Полагаясь на Агентство и их гарантии неразглашения, могу сказать по

секрету: собранные моим институтом разведданные касательно прингов и пилов теперь, в свете наших с вами выводов, обретают новый смысл. Принги явно затеяли кампанию по дискредитации пилов. И это влечет за собой как опасности, так и новые возможности для человеческой расы.

Возможности заключаются в том, что ваша Конфедерация может предоставить доказательства предательства Куллы по отношению к пилам, и старшая раса софонтов узнает, что стала жертвой манипуляции. Если соро решат принять меры, расе Куллы будет нелегко найти покровителя. Их могут понизить в статусе, их колонии будут уничтожены, а численность населения снизится.

Вполне вероятно, что человечество извлечет из этого кратковременную выгоду, но в целом враждебное отношение пилов к землянам никуда не денется. Их психология под это просто не заточена. Они могут на время приостановить попытки «усыновить» людей, могут милостиво согласиться на это, если вы скостите размеры выплачиваемой ими за проступок Куллы компенсации, однако их дружбу вам все равно не завоевать. Моральный долг перед человечеством только сильнее распалит их ненависть.

И вне всякого сомнения, многие более «либерально» настроенные расы, на чью поддержку человечество до сих пор рассчитывало, ополчатся против вас за то, что вы предоставили пилам casus belli[49] для очередного их джихада. Тимбрими могут даже отозвать с Луны свое консульство.

И наконец, стоит упомянуть и о соображениях этического толка. Тут можно бесконечно приводить самые разные доводы, и некоторые из них вряд ли будут вам доступны. Если же в двух словах, то Институт Прогресса озабочен тем, чтобы принги не пострадали от репрессий. Они очень молодая и импульсивная раса, почти как человечество. Но у них огромный потенциал. И будет ужасной трагедией, если вся раса пострадает всего из-за пары-тройки представителей, устроивших заговор с целью избавления от многотысячелетнего рабства.

По вышеназванным причинам я бы рекомендовал сохранить проступок Куллы в тайне. Разумеется, слухов избежать не удастся. Однако столь высокопоставленные и заносчивые существа, как соро, никогда не снизойдут до сплетен,

---

[49] notes: 49
Формальный повод начать войну (*лат.*).

распространяемых землянами.

В окно подул легкий бриз, и колокольчики на ветках Фэйгина нежно зазвенели. Нильсен буравил взглядом пол:

— Неудивительно, что Кулла попытался покончить с жизнью и прихватить с собой весь экипаж корабля, когда Джейкоб разоблачил его! Если бы пилы получили официальное подтверждение его действиям, принги, возможно, были бы обречены.

— И что, по-вашему, предпримет Конфедерация? — поинтересовался Джейкоб.

— Предпримет? — Нильсен невесело рассмеялся. — Конечно, они бухнутся пилам в ножки и преподнесут им все имеющиеся сведения на блюдечке с голубой каемочкой. Видит Ифни, зато нам не навяжут полноценный филиал Библиотеки и десять тысяч техников для его обслуживания в придачу! Не «облагодетельствуют» нас новейшими кораблями, в устройстве которых не разберется ни один земной инженер и которыми невозможно управлять без бдительного ока «консультантов». Отложат на неопределенный срок унизительную процедуру перехода в ранг «приемной» расы! — Он развел руками. — И совершенно очевидно, что Конфедерация не станет

лезть на рожон и ссориться с расой софонтов, представитель которой убил одного из наших клиентов, чуть не пустил под откос важнейший наш проект и пытался выставить нас дураками в глазах всего галактического сообщества! И если уж начистоту, можно ли их за это осуждать?

Дядя Джеймс прочистил горло, привлекая к себе внимание собравшихся.

— Мы можем попробовать засекретить все это происшествие целиком, — предложил он. — Я обладаю весом в определенных кругах, и стоит мне замолвить словечко…

— Ты не можешь замолвить словечко, Джим, — прервал его Джейкоб. — Ты отчасти замешан в одном неприятном дельце. И если вмешаешься, правда может выплыть наружу.

— Что за дельце? — насторожился Нильсен.

Джейкоб хмуро покосился сначала на дядю, а потом на Ларока. Француз продолжал невозмутимо уничтожать угощения.

— Эти двое, — начал Джейкоб, — входят в группу заговорщиков, ратующих за отмену Закона об испытательном сроке. И это, кстати, вторая причина, по которой я вас пригласил. Необходимо что-то предпринять, и лучше, если этим сразу займется Агентство по регистрации секретов,

чем полиция.

Заслышав слово «полиция», Ларок застыл, посмотрел на недоеденный бутерброд, а затем отложил его.

— И в чем же суть заговора? — осведомился Нильсен.

— Речь идет о группе поднадзорных и отдельных сочувствующих им граждан, вовлеченных в тайную постройку космических кораблей… экипаж которых будет состоять из тех самых поднадзорных.

Нильсен резко выпрямился.

— Что?!

— Ларок, в частности, отвечает за подготовку космонавтов, а по совместительству он еще их главный шпион. Ему было поручено вызнать параметры калибровки генератора силового поля на солнечном корабле. У меня есть записи, доказывающие это.

— Но зачем им это все?

— А почему бы и нет? Разве можно вообразить более эффектную акцию протеста? Если бы я был поднадзорным, то непременно бы поучаствовал. А так я просто мысленно с ними заодно. Мне точно так же не по душе этот закон. Но в то же время я реалист. Поднадзорных превратили

в деклассированный элемент. Их преследуют психологические проблемы. Так что они реагируют очень по-человечески: объединяются в борьбе против ненавистного им «покорного, одомашненного общества». Они как бы говорят: «Вы считаете, мы склонны к насилию? Так мы и впрямь, черт возьми, станем склонны!» Ведь что бы там ни показывали тесты, большинство поднадзорных ни за что бы не причинили никому вреда. Однако, став жертвой стереотипа, они и впрямь решили, что пора соответствовать репутации!

— Может, так, а может, и нет, — заметил Нильсен. — Но в подобной ситуации пустить поднадзорных в космос…

Джейкоб вздохнул.

— Конечно, вы правы. Этого нельзя допустить. По крайней мере сейчас. С другой стороны, нельзя допустить, чтобы действия федералов подстегнули массовую истерию. Это лишь усугубит ситуацию, и бунт вспыхнет чуть позже, но будет страшен!

Нильсен выглядел обеспокоенным.

— Уж не хотите ли вы, чтобы Всеземной совет влез в дрязги по поводу Закона об испытательном сроке?! Это было бы самоубийство. Общественное

мнение ни за что не спустит нам этого с рук!

Джейкоб печально улыбнулся.

— Все правильно, не спустит. Даже дядя Джеймс это признает. Современные граждане и помыслить не могут о смене статуса для поднадзорных. Всеземной совет тут ничем не поможет. Однако вспомним, чем занимается сейчас совет? Управляет колониями за пределами Солнечной системы. Как раз туда и можно засунуть (во всяком случае, выражаясь фигурально) Закон о поднадзорных, не вызывая ни у кого особого возмущения.

— Не понимаю, о чем вы.

— Полагаю, вы вряд ли читали Олдоса Хаксли? Не читали? Когда Хелен была подростком, его книги все еще были весьма популярны. А в нашей семье они входили в обязательную программу. Ох, и трудное это было чтение, но оно того стоило, ведь у автора был необычайно развитый ум и случались неожиданные прозрения. Одно из произведений старика Хаксли называлось «О дивный новый мир».

— Да, я слышал об этом романе. Это ведь антиутопия?

— В некотором роде. Вам стоит с ней ознакомиться. Там содержатся совершенно невероятные

пророчества. В этой книге изображено общество будущего, довольно неприглядно устроенное, но по-своему логичное и имеющее некие понятия о чести и морали. Это этика улья, но тем не менее этика. Поскольку человечество неоднородно и по-прежнему продолжает производить на свет личностей, которые не вписываются в установленные системой шаблоны, как, по-вашему, поступает с ними государство в книге Хаксли?

Нильсен нахмурился, пытаясь понять, к чему клонит собеседник.

— По законам улья? Любые отклонения от нормы уничтожаются?

Джейкоб вскинул указательный палец, акцентируя внимание на своих словах.

— Нет, не совсем. Государство у Хаксли не лишено определенной мудрости. Его лидеры понимают, что созданной ими системе не хватает гибкости и что она может не выдержать внезапных потрясений. Они понимают, что люди, не вписывающиеся в общепринятые рамки, представляют собой резерв, к которому можно прибегнуть в трудные времена, когда человечеству потребуются все имеющиеся ресурсы. Тем не менее лидеры не могут допустить, чтобы эти отщепенцы разгуливали на свободе, угрожая

стабильности.

— И как же они поступают?

— Они отправляют всех не соответствующих канонам на острова, и там изгоям разрешено ставить свои собственные культурные эксперименты.

— Значит, острова? — Нильсен почесал в затылке. — Эффектный ход. На самом деле это же полная противоположность нашей политики резерваций для пришельцев, когда с определенной контролируемой территории сначала изгоняются все поднадзорные, а потом туда запускаются ПВЦ вперемешку с гражданами Земли, которым разрешен свободный въезд и выезд.

— Недопустимый вариант, — пробормотал Джеймс. — Причем не только для поднадзорных, но и для самих инопланетян. Кантен Фэйгин как раз недавно сетовал, что мечтал бы посетить Лувр, Агру или Йосемитский национальный парк.

— Всему свое время, друг Джеймс Альварес, — сглаживая углы, прощебетал Фэйгин. — На данный момент я благодарен судьбе за возможность побывать в этом чудесном уголке Калифорнии. Я не заслуживаю такой великой чести!

— Не уверен, что идею с островами можно

осуществить без сучка без задоринки, — задумчиво промолвил Нильсен. — Но вынести ее на обсуждение, безусловно, стоит. А все подробности можно рассмотреть и позже. Но чего я по-прежнему никак не возьму в толк, это при чем тут Всеземной совет?

— А вы попробуйте мыслить шире, — посоветовал Джейкоб. — Это могло бы ослабить напряжение, связанное с поднадзорными. Представьте, что было бы, появись у них свое островное государство где-нибудь в Тихом океане, где они были бы предоставлены самим себе, без постоянного неусыпного контроля. Но одного этого мало. Многие поднадзорные чувствуют себя обделенными. Им не только урезали родительские права, их лишили главной мечты человечества — возможности покорять космос. Тот маленький заговор, в который оказались втянуты Ларок и Джеймс, — лишь первая ласточка. Мы столкнемся с куда более серьезными проблемами, если не отведем поднадзорным особую нишу, не придумаем для них занятие, делающее их полноценной частью общества.

— Ниша, острова, космос… Господи! Неужели вы серьезно? Купить еще одну колонию и передать ее поднадзорным? При том, что мы

и так по уши в долгах за три уже имеющихся колонизированных планеты? Вы, должно быть, неисправимый оптимист, если верите, что такое возможно!

Джейкоб почувствовал, как пальцы Хелен скользнули в его ладонь. Он мельком взглянул на нее, но и этого хватило: гордая, готовая к бою и, как всегда, со смешинкой в глазах. Их пальцы переплелись, и Джейкоб в знак благодарности за поддержку сжал ее руку.

— Да, — ответил он, — в последнее время я настроен оптимистично. И верю, что этот план осуществим.

— Но где взять средства? И чем исцелить уязвленное эго миллиардов граждан, которые тоже хотят колонизировать новые планеты? Черт, да и как это все реализовать? Даже «Везарий 2» может взять на борт всего десять тысяч пассажиров, а поднадзорных почти сто миллионов!

— О, но ведь не все же захотят полететь, особенно если параллельно предоставить в их распоряжение острова на Земле. Уверен, все, чего они хотят, это чтобы к ним относились справедливо. И выделили им их долю. Так что главная наша проблема не в средствах, а в нехватке земель под колонизацию и транспорта. — Джейкоб

улыбнулся и продолжил: — Но почему бы не попросить Библиотеку «пожертвовать» небольшую часть своих ресурсов на колонию четвертого класса и несколько транспортных кораблей типа «Орион» с упрощенным управлением, специально для земных экипажей.

— И как же вы их убедите? Они, конечно, обязаны возместить нам нанесенный Буббакубом ущерб, но постараются при этом извлечь для себя максимальную выгоду — например, сделать нас полностью зависящими от галактических технологий. И в этом их наверняка поддержат почти все известные расы. С какой стати им менять форму компенсации?

Джейкоб развел руками.

— Вы забываете, что теперь у нас есть кое-что очень нужное и ценное… то, без чего Библиотеке не обойтись. Знания! — Он сунул руку в карман и извлек клочок бумаги. — Это зашифрованное сообщение, которое я получил совсем недавно с Меркурия, от Милли Мартин. Она по-прежнему прикована к инвалидному креслу, но коллеги так жаждали ее возвращения, что организовали ей перелет еще месяц назад. Милдред пишет, что уже совершено несколько полноценных погружений в активных областях. И в одном из них

она участвовала, пытаясь восстановить контакт с солярианами. Доктор Мартин пока не спешит делиться с федералами информацией о своем открытии и хотела для начала пообщаться со мной и Фэйгином конфиденциально. Но контакт установлен. Соляриане говорили с ней. Они разумны и обладают прекрасной памятью.

— Невероятно! — выдохнул Нильсен. — Но мне показалось, вы намекаете на политические последствия и то, что это событие как-то связано с проблемами, которые мы обсуждали ранее.

— Ну, сами посудите: в Библиотеке уверены, что смогут навязать нам компенсацию на выгодных для них самих условиях. Но если умело распорядиться нашими активами, то мы сами можем вынудить их действовать в наших интересах. Тот факт, что соляриане общительны и сохранили в памяти далекое прошлое — Милли указывает, что они помнят погружения, совершенные древними софонтами, и было это настолько давно, что речь может идти о самих Прародителях, — дает нам неоценимое преимущество. Это означает, что Библиотека приложит все усилия, чтобы раскопать любую возможную информацию. И, соответственно, что вокруг открытия поднимется шумиха. — Джейкоб усмехнулся. — Конечно, нам

придется нелегко. Сначала нужно будет подыграть им, делая вид, что проект «Погружение в Солнце» — один сплошной провал. Заставить их выдать нам лицензию на самостоятельное расследование на Солнце. Они будут думать, что это им на руку и что мы только выставим себя еще большими идиотами. А когда поймут, какое сокровище оказалось у нас в руках, то согласятся выкупить его по нашей цене! Чтобы провернуть все в лучшем виде, нам потребуется помощь Фэйгина и опыт клана Альваресов. Не обойтись и без поддержки ваших ребят из Всеземного совета, но все это реально. В частности, дядя Джереми наверняка будет рад слышать, что я решил тряхнуть стариной, прибегнуть к давно забытым навыкам и окунуться ненадолго в «грязную политику».

Джеймс рассмеялся:

— Погоди, вот услышат тебя твои двоюродные братья! Так и вижу, как они содрогаются!

— Передай им, чтобы не волновались. Хотя нет, я сам им все объясню, когда Джереми созовет семейный совет. Хочу убедиться, что удастся разделаться с этим дельцем года за три. А потом я ухожу из политики, на сей раз навсегда. Дело в том, что, как только все закончится, я решил отправиться в долгое путешествие.

Хелен ахнула и незаметно ущипнула его за бедро. Выражение ее лица не поддавалось описанию.

— Только у меня есть одно условие, — сказал он ей сквозь звон в ушах, борясь с желанием рассмеяться. — Мы должны изыскать способ и взять с собой хотя бы одного дельфина. Дельфиниху. Она сочиняет довольно похабные лимерики, зато это поможет нам прокормиться в каком-нибудь далеком космическом порту.